Н. П. Остроумовъ.

ИСЛАМОВѢДѢНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ КУРСЪ ИСЛАМОВѢДѢНІЯ.

Изданіе Туркестанскихъ Вѣдомостей.

Ташкентъ.
Тип. при Канц. Турк. Ген.-Губернатора.
1914.

223

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ВВЕДЕНІЕ ВЪ КУРСЪ ИСЛАМОВѢДѢНІЯ.

Коренной русскій народъ, по волѣ Провидѣнія, соединилъ свою историческую жизнь съ инородцами-мусульманами и живетъ съ ними общею государственною жизнью.

Въ культурныхъ цѣляхъ, инородцы должны стремиться къ сближенію съ русскимъ народомъ, а прямой путь къ этому—образованіе, при посредствѣ государственнаго языка.

Въ свою очередь, для русскихъ исламовѣдѣніе обязательно, чтобы знать и умѣть правильно удовлетворять естественныя потребности многомилліонной части населенія Россіи.

Прошлое и современное положеніе міра ислама.

Міръ ислама вполнѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія нашего, какъ съ исторической, такъ и съ современной точки зрѣнія. При такой постановкѣ вопроса, избранная мною тема чрезмѣрно обширна, такъ какъ обнимаетъ почти тысячу триста лѣтъ (622—1914 гг.), а по своему содержанію очень сложная и острая, потому что касается жизни многочисленныхъ и разноплеменныхъ исповѣдниковъ ислама всего міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ дорогихъ чувствованій мусульманъ—религіознаго и національнаго.

Въ изложеніи этого обширнаго вопроса я не буду входить въ подробности и, чтобы быть безпристрастнымъ, пользуюсь въ нижеслѣдующемъ изложеніи большею частью словами тѣхъ печатныхъ матеріаловъ, какіе были въ моемъ распоряженіи [1]).

---

1. Прежде всего я задержу на минуту вниманіе читателя на самомъ выраженіи „Міръ Ислама", выставленномъ въ заглавіи.

Это не случайное и не придуманное мною выраженіе, а точный переводъ мусульманскаго историческаго термина „Дару-ль-исламъ", какъ съ первыхъ вѣковъ ислама обозначаются мусульманскія страны, въ отличіе отъ странъ немусульманскихъ, называемыхъ „Дару-ль-харбъ", что означаетъ „страны войны". Такимъ образомъ выраженіе „Міръ ислама"—не этнографическій, не географическій и не религіозный только терминъ, а религіозно-политическій: жизнь мусульманскихъ странъ отличается преимущественно религіознымъ характеромъ, въ которомъ воплощается для нихъ національность и политика. Справедливо одинъ

---

[1]) Предлагаемая читателю глава составляетъ перепечатку моего сообщенія, читаннаго въ Ташкентскомъ Военномъ Собраніи 7 февраля 1912 года, съ дополненіями изъ газетныхъ сообщеній 1912—1913 г.г. Н. О.

современный мусульманскій публицистъ говоритъ, что мусульмане живутъ по нормамъ шаріата и религіи Магомета, что народы, исповѣдующіе исламъ, по преимуществу религіозны, такъ что всѣ національныя и индивидуальныя особенности ихъ растворяются въ религіи [1]).

Эту ясную и опредѣленную мысль подтверждаетъ французскій писатель-историкъ Леруа-Болье, который высказалъ, что „для всякаго политическаго дѣятеля, равно какъ и для мыслителя, на всемъ пути отъ восточной части Средиземнаго Моря до китайскихъ морей, наибольшій интересъ представляетъ религіозная жизнь народовъ. Для русскаго же изученіе восточныхъ религій имѣетъ особый интересъ: Россія, какъ и Франція, имѣетъ въ средѣ своихъ подданныхъ магометанъ и буддистовъ. Вліяніе Корана и настроеніе мусульманскихъ массъ представляется, слѣдовательно, для нея такими факторами, которые ей приходится изучать [2])..... Исламъ въ Азіи и Африкѣ остается до сихъ поръ жизненнымъ историческимъ началомъ; онъ сохранилъ въ этихъ обѣихъ странахъ склонность къ прозелитизму и, благодаря этому, число его послѣдователей постоянно возрастаетъ, даже въ странахъ христіанскаго владычества. Быть можетъ, европейскимъ государствамъ, соперничающимъ за преобладаніе въ Азіи и Африкѣ, будетъ въ недалекомъ будущемъ весьма важно имѣть исламъ за себя [3]).

2. Приведенное замѣчаніе французскаго ученаго уясняется для насъ уже изъ того факта, что въ настоящее время общая численность мусульманскихъ народовъ опредѣляется въ 250 милліоновъ, что составляетъ шестую часть всего населенія земного шара. Столь многочисленная масса исповѣдниковъ ислама распредѣлена по всѣмъ странамъ современнаго намъ міра, но главнымъ образомъ—въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, при томъ среди различныхъ расъ и племенъ: исламъ исповѣдуютъ семиты-арабы и частью евреи, затѣмъ индусы и персы, потомъ авганцы, жители Белуджистана, турки османскіе и многочисленныя тюркскія и финскія племена, малайцы, китайцы, чернокожіе африканцы и бѣлолицые кавказцы.... Въ наши дни стали появляться послѣдователи той же религіи и среди европейцевъ-французовъ, англичанъ, нѣмцевъ и русскихъ [4]).

---

[1]) „Въ Мірѣ Мусульманства“ 1911 г. № 17.

[2]) Я бы сказалъ: обязательно изучать даже въ общеобразовательныхъ школахъ. П. О.

[3]) Предисловіе къ франц. переводу „Путешествія Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича на Востокъ“.

[4]) Объ этомъ было уже заявлено мною въ ст. „Колебанія во взглядахъ на образованіе туземцевъ въ Туркестанскомъ краѣ“, напеч. въ Сборникѣ имени К. П. фонъ-Кауфмана (Ташкентъ, 1911 г.), стр. 139—160.

Насколько плотно разселены мусульмане въ Азіи, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ Аравіи они составляютъ 98% всего населенія полуострова, въ Персіи 93%, въ Авганистанѣ 99,5%, въ Бухарѣ 94% (вѣроятно, столько же въ Хивѣ), въ Месопотаніи 86%, въ Малой Азіи 78%, въ Индіи Британской не менѣе 20% (всего 62 милліона), на принадлежащихъ Голландіи Зондскихъ островахъ 32 м.; изъ 42 м. всего населенія въ Китаѣ 5% (20 мил.), въ Африкѣ 40% (именно 60 мил. на 165 мил. всего населенія), т. е. болѣе 1/3. Въ Австраліи и Америкѣ мусульманъ немного, всего отъ 40 до 50 тысячъ въ каждой (Шателье).

Для насъ важнѣе всего знать и помнить, что подъ русскимъ правленіемъ находится около 20 милліоновъ разноплеменныхъ инородцевъ мусульманъ, т. е. почти одна седьмая часть населенія всей нашей Имперіи [1]).

3. Такой многочисленный, разноплеменный и своеобразный „Міръ“ постепенно разростался и формировался въ государственномъ и культурномъ отношеніяхъ въ теченіе 1290 лѣтъ, считая отъ начала мусульманской эры (622 й годъ по Р. Хр.). Сравнительно съ другими историческими народами, уже отжившими свой вѣкъ, а равно и съ продолжающими еще свою историческую жизнь, прожитый мусульманскимъ міромъ вѣкъ можно считать „*среднимъ*“ по продолжительности.

Я не беру на себя смѣлости говорить о будущей судьбѣ этого своеобразнаго „Міра“, но склоненъ признавать его жизнеспособность и въ будущемъ, если принять въ соображеніе, что въ немъ не замѣчается естественнаго вымиранія, такъ какъ онъ получаетъ непрерывный приростъ путемъ миссіонерской дѣятельности многочисленныхъ религіозныхъ обществъ, особенно, въ Африкѣ—среди чернокожихъ

---

[1]) Кромѣ того, приволжскіе и западно-сибирскіе инородцы-мусульмане оказываютъ сильное вліяніе на другихъ инородцевъ Восточной Россіи и Западной Сибири, такъ какъ инородцы-мусульмане въ послѣднее время значительно поднялись, въ культурномъ отношеніи: среди нихъ, при участіи богатыхъ мусульманъ возникаютъ и дѣйствуютъ общества мусульманской взаимопомощи, возникаютъ читальни, библіотеки, богадѣльни, пріюты, организуются путешествія въ Константинополь, Каиръ и другія мѣста для изученія мусульманства; издаются газеты, журналы, брошюры, листки, которые распространяются тысячами въ народныхъ массахъ, и, наконецъ, составляются руководства по грамматикѣ татарскаго языка съ примѣненіемъ латинскаго алфавита, а въ письменность вводится чисто народный языкъ, вмѣсто прежняго, полнаго арабизмовъ. При такомъ культурномъ превосходствѣ, особенно ярко сказывающемся среди казанскихъ татаръ, положеніе прочихъ инородцевъ Поволжья и З. Сибири становится затруднительнымъ, вслѣдствіе чего они ассимилируются съ татарами-мусульманами.

негровъ, а въ Азіи среди желтолицыхъ китайцевъ [1]). Особенно въ этомъ отношеніи должны обращать на себя вниманіе послѣдніе, т. е. китайцы, о которыхъ нашъ покойный профессоръ-китаистъ В. П. Васильевъ высказалъ еще въ 1867 г. слѣдующее

„Въ настоящее время послѣдователи ислама въ Китаѣ занимаютъ мѣста и должности: они являются и въ академіяхъ, и въ гражданской, и въ военной службѣ; но главное распространеніе ислама происходитъ въ народѣ, о вѣрованіяхъ котораго не заботятся ни правительство, ни китайская литература. Мусульманство распространяетъ еще болѣе пропаганду между низшими и средними классами, чѣмъ между высшими; но новая вѣра не мѣшаетъ никому продолжать свои обычныя гражданскія занятія заниматься земледѣліемъ, торговлей, науками и, если средства и способности позволяютъ, то изъ мусульманина, какъ и изъ всякаго китайца, выходитъ мандаринъ.

„Всѣ магометане имѣютъ китайскій типъ, женясь на китаянкахъ, тогда какъ на мусульманку распространяются страшныя проклятія, если она выходитъ замужъ за не-мусульманина, и преслѣдованія противъ тѣхъ, которые его устроили.

„Китайскій мусульманинъ-миссіонеръ есть въ то-же время настоящій китаецъ, слѣдовательно не бросается въ глаза; онъ лучше всякаго другого вѣроисповѣдника знаетъ, гдѣ и какъ ему можно и должно дѣйствовать; онъ знаетъ духъ своихъ соотечественниковъ, имѣетъ съ ними одно общее образованіе, говоритъ съ ними на одномъ общемъ языкѣ, нисколько не возбуждая смѣха своимъ дурнымъ произношеніемъ, что постоянно случалось съ католическими миссіонерами.

„Въ Китаѣ мечеть открывается въ уровень прочихъ одноэтажныхъ домовъ [2]). Китайскій мусульманинъ носитъ косу, надѣваетъ шапки съ

---

[1]) Не любятъ современные мусульмане слова „Миссіонеръ", когда рѣчь идетъ о христіанскихъ миссіонерахъ, а своихъ проповѣдниковъ ислама они къ миссіонерамъ не причисляютъ.

[2]) Очень характерное описаніе китайской мечети было напечатано въ № 2 газеты „Въ мірѣ мусульманства" за 1912 годъ. Пекинскій корреспондентъ Оренбургской газеты „Вакть" сообщаетъ, что въ Пекинѣ уже есть болѣе 30 мечетей и что мечеть Наджіе своей красотой можетъ конкурировать съ самыми красивыми мечетями въ мірѣ; такой нѣтъ у насъ въ Россіи. Европейцы постоянно снимаютъ фотографическія карточки съ этой мечети Она занимаетъ весь кварталъ. Вмѣсто полумѣсяца, на минаретахъ вырѣзаны изъ камней разнаго рода животныя. Изъ пяти школъ при мечети самая большая называется „Дарульйльмъ". Въ ней учатся 400 учениковъ. Одна изъ школъ предназначена для дѣвочекъ, коихъ насчитывается до 200. За неимѣніемъ учительницъ, въ школѣ занимаются учителя, а завѣдываетъ школой мусульманка. Какъ при женской, такъ и при мужской школѣ имѣются пансіоны. Сорокъ учащихся изъ сиротъ и бѣдныхъ пользуются стипендіями. Мало у китайскихъ мусульманъ руководи-

бутонами, всегда одинаково съ прочими китайцами. Его можно узнать только по подстриженнымъ немножко усамъ, но это не запрещено закономъ никому и изъ прочихъ китайцевъ. Китайскіе мусульмане являются самыми снисходительными къ языческому конфуціанству; они всѣ силы употребляютъ доказать своимъ соотечественникамъ, что ихъ догматы не отличаются ни на волосъ отъ ученія Конфуція.

„Все наше различіе,—говорятъ китайскіе мусульмане,—(оправдывая себя конфуціанской же идеей, что не должно измѣнять своимъ обычаямъ) заключается въ томъ, что мы хранимъ преданія нашихъ предковъ касательно свадебъ, похоронъ, что мы не ѣдимъ свинины, не пьемъ вина, не куримъ табакъ, запрещаемъ распутство и азартныя игры, омываемся предъ молитвою". О главныхъ догматахъ мусульманинъ старается всюду молчать, и китайцы отдаютъ исламу предпочтеніе предъ христіанствомъ [1]).

телей Если бы среди нихъ имѣлись таковые, то китайскіе мусульмане прогрессировали бы съ каждымъ днемъ"... „Вакъ обращаетъ вниманіе на то, что китайскіе мусульмане никакъ не могутъ усвоить литературу татарскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ газета обрисовываетъ ту обстановку, въ которой приходится вести въ Китаѣ просвѣтительную работу. Открывшіяся въ послѣднее время школы подготовляютъ будущее поколѣніе, но настоящее настолько темно, что стоитъ одному грамотному явиться къ нимъ, какъ его считаютъ чуть-ли не за святого. Страшно злоупотребляютъ въ Китаѣ подобныя лица: то составляютъ молитвы, то „избавляютъ отъ болѣзней", а народъ имъ вѣритъ. Шейхъ-уль-исламъ уже принялъ противъ нихъ энергичныя мѣры, но удастся ли ему эта задача, вопросъ важный, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такихъ пришельцевъ тщательно оберегаютъ и скрываютъ

[1]) Если спросить любого китайца изъ простонародья, что такое мусульманинъ, тотъ не задумываясь, отвѣчаетъ, что это такой человѣкъ, который не ѣстъ свинаго мяса. Воздержаніе отъ потребленія свинины, это чуть ли не единственный характерный внѣшній признакъ, при населеніи, широко потребляющемъ свинину, отличающій китайцевъ-мусульманъ отъ прочаго населенія. Въ остальномъ китайцы-мусульмане мало отличаются отъ прочаго населенія. У китайцевъ-мусульманъ на дверяхъ дома всегда надпись: „Чентъ синь кяо менъ", т. е. „Дверь чистой и истинной религіи". У купцовъ эта же надпись значится на красныхъ или золоченныхъ доскахъ, которыя украшаютъ фронтоны ихъ лавокъ.

Но, будучи внѣшне похожи на остальное населеніе, китайцы-мусульмане рѣзко отличаются отъ этого населенія строемъ своихъ идей и чувствъ, представляя какъ бы своеобразный міръ, наросшій на китайскомъ организмѣ. Это заставляло китайское правительство относиться къ нимъ крайне подозрительно. Въ нѣкоторыхъ городахъ мусульманъ даже начали сосредоточивать въ отдѣльныхъ кварталахъ, куда они должны были возвращаться засвѣтло, какъ какъ на всю ночь эти кварталы ограждались стражей, и туда никто не могъ проникнуть Въ то же время китайское правительство обложило мусульманъ двойными податями и налогами, помимо того, что китайское чиновничество всегда считало своимъ долгомъ всячески притѣснять ихъ. Мусульмане Китая не разъ въ теченіе XIX столѣтія возставали, но улучшенія своего быта не добились.

„Благодаря допущенію жертвъ въ мусульманствѣ, магометанинъ смѣло является чиновникомъ. Китайскій мандаринъ, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ (даосійской или буддіиской), есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ жрецъ конфуціанства, которое не имѣетъ другихъ жрецовъ, кромѣ правительственныхъ лицъ. Онъ приноситъ жертвы въ конфуціанскихъ храмахъ, присутствуетъ на народныхъ празднествахъ— мусульманинъ исправляетъ всѣ эти обряды, смотря на нихъ, какъ на простой обычай; колѣнопреклоненія для него ни по чемъ Для христіанина же не возможно отправленіе такихъ обязанностей. Кромѣ вліянія власти, богатства, торговыхъ и промышленныхъ сношеній, въ магометанствѣ есть пункты, которые могутъ особенно привлекать простой и бѣдный классъ Таковъ, напримѣръ, такъ называемый *закятъ*, по которому всякій, имѣющій доходъ свыше извѣстной (въ Китаѣ 14 ланъ или 30 руб.) суммы, дарствуетъ сороковой процентъ въ пользу бѣдныхъ. Для бѣдныхъ китайценъ, которыхъ такое множество, такая религія должна казаться истиннымъ благодѣяніемъ—имъ терять нечего, а получить вспомоществованіе могутъ. Самыя христіанскія миссіи только и привлекали къ себѣ, что бѣдняковъ своими пожертвованіями.

„Но есть и другая сила, поддерживающая энергію мусульманства. Это—устройство магометанской общины, которая состоитъ изъ трехъ лицъ, завѣдывающихъ дѣлами религіи: Имама, Хатыба и Муэдзина, чтобы они поддерживали въ полнотѣ религіозныя правила безъ погрѣшимости и упущеній, объясняя ихъ прихожанамъ и требуя, чтобъ всѣ соблюдали эти правила и съ ними соображались. Въ случаѣ противозаконности дѣлъ, трое управляющихъ вѣрой должны, не потакая и не лѣнясь, налагать взысканія. Если же будутъ опущенія со стороны этихъ духовныхъ, то старики всей общины должны ихъ смѣнить и на ихъ мѣсто избрать другихъ достойныхъ, отличающихся ученостью ахуновъ“...

Тотъ же профессоръ говоритъ, что не слушающійся приговора муллъ можетъ быть переданъ для наказанія гражданской власти. Слѣдовательно, если намъ извѣстенъ фанатизмъ самой религіи, если мы видимъ, что въ Китаѣ она можетъ даже расчитывать на поддержку своей организаціи со стороны самого правительства, если мы знаемъ, что въ самой правительственной средѣ не мало вельможъ мусульманскихъ, то намъ нечего сомнѣваться, что мусульманство не упускаетъ случая къ своему распространенію [1]). Китайскіе магометане раз-

---

[1]) О движеніи магометанства въ Китаѣ. Проф. Васильевъ. С.-Петербургъ, 1867 ст. 20-24. Очевидно, изъ этой рѣдкой брошюры заимствовалъ свои свѣдѣнія о китайскихъ мусульманахъ А. Хусейновъ, напечатавшій статью о нихъ въ № 35 газеты „Въ мірѣ мусульманства“ отъ 16 декабря 1911 года.

бросаны по всей Манчжуріи, но концентрируются главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе крупныхъ экономическихъ центрахъ: въ Нингутѣ магометанъ насчитывается 188 семей (500 мужч., 590 женщ.). Въ общежитіи магометане держатся обособленно отъ прочихъ китайцевъ, которыхъ они презираютъ за ихъ нечистоплотность и за употребленіе въ пищу свинины. Въ видахъ огражденія себя отъ соприкосновенія съ немусульманами, они имѣютъ свою отдѣльную школу, содержащуюся на средства магометанскаго общества. Въ свою очередь, китайцы не любятъ магометанъ за ихъ фанатизмъ и обособленность. Къ этому нашъ почтенный китаистъ прибавляетъ. „но китайцы, сдѣлавшись однажды магометанами, потеряютъ, конечно, и свой прежній индеффе-рентизмъ".

Къ такой авторитетной характеристикѣ китайцевъ въ отношеніи распространенія среди нихъ ислама естественно прибавить, что при первыхъ преемникахъ Чингизъ-хана христіанство не преслѣдовалось, открытое совершеніе христіанскаго богослуженія допускалось рядомъ съ другими культами, а также—что среди нѣкоторыхъ племенъ въ Центральной Азіи христіанство распространялось и исповѣдывалось до появленія ислама среди этихъ народовъ, какъ это извѣстно изъ исто рии несторіанства въ Средней Азіи. Несторіанство было распространено въ Азіи отъ границъ Персіи въ Мервѣ, Самаркандѣ, близъ нынѣш-нихъ Пишпека и Токмака и далѣе до самаго Китая [1]).

4 Почему же, спрашивается, христіанство не удержалось въ Срединной Азіи, а исламъ водворился на его мѣстѣ и до сихъ поръ держится здѣсь и крѣпнетъ? Отвѣтъ короткій потому что исламъ проще христіанства и потому болѣе отвѣчаетъ душевному складу и бытовымъ особенностямъ азіатскихъ кочевниковъ, чѣмъ сложное по обрядамъ и болѣе глубокое по вѣрованіямъ христіанство, особенно Римско-Като-лическое и Византійское.

Съ другой стороны также замѣчателенъ фактъ, что монголы-татары, покоривъ православную Россію, когда сами были полудикими язычниками, постепенно сближались съ отдаленнымъ [2]) отъ нихъ исламомъ, а не съ христіанствомъ, съ которыыъ жили рядомъ. Значитъ, въ самой природѣ ислама было большее соотвѣтствіе съ духовнымъ

[1]) См. статью О. Корчагина въ Протоколахъ засѣданій Туркест. Кружка любителей археологіи. Годъ третій. Ташкентъ, 1897—1898, стр. 181 — 230.

[2]) Первымъ изъ монголовъ принялъ исламъ монгольскій Ханъ Берке въ 1263—1264 г по Р. Хр., при посредствѣ египетскихъ проповѣдниковъ ислама. м. въ Сборникѣ матеріаловъ, относящихся въ исторіи Золотой Орды. В. Ти-нгаузена. С.-Петербургъ. 1884 г.

складомъ азіатскаго кочевника и полукультурнаго земледѣльца. Основныя вѣрованія ислама не сложны и доступны пониманію каждаго: „*Нѣтъ другого божества, кромѣ Аллаха; Мухаммедъ—Посланникъ Аллаха*“. Вѣрующему въ этотъ простой догматъ нужно совершать омовенія и молиться, поститься въ дни мѣсяца Рамазана, съ разными ограниченіями [1]), отдавать на дѣло Божіе установленную часть съ дѣйствительнаго имущества и, при возможности,—совершать (однажды въ жизни) путешествіе въ Мекку. Нужно признавать бытіе ангеловъ, почитать пророковъ, считать Коранъ Божіимъ откровеніемъ, вѣрить въ воскресеніе мертвыхъ, всеобщій судъ, въ рай и адъ. Для совершенія религіозныхъ требъ не нужно особыхъ освященныхъ лицъ и особыхъ священныхъ мѣстъ—храмовъ [1])... И все остальное въ жизни мусульманина, начиная съ нареченія имени новорожденному, до похоронъ умершаго, совершается просто, въ зависимости отъ достатковъ и обычаевъ.

Современный авторитетный изслѣдователь ислама проф. Игн. Гольдціеръ [2]) говоритъ, что уже въ самомъ имени—*исламъ*, что значитъ подчиненіе, преданіе себя волѣ другого—дается знать это чувство зависимости отъ неограниченной всемогущей Силы, которой человѣкъ долженъ подчиняться, отказавшись отъ своей воли. Это чувство является преобладающимъ принципомъ, который проникаетъ всѣ проявленія этой религіи, главнымъ признакомъ вызваннаго ею міровоззрѣнія, опредѣляющимъ ея особенный характеръ. Цѣлью ея является не достиженіе общенія съ Богомъ, а сознательное осуществленіе полной покорности Его рѣшеніямъ. Добродѣтель и праведность состоятъ по исламу не въ неопредолимомъ влеченіи къ божественному идеалу добра и совершенства, при полной свободѣ нравственныхъ силъ, а въ безличномъ, лишенномъ самостоятельности, стремленіи смириться предъ неограниченной всемогущей Силой и снискать ея расположеніе покорностью. Богъ это—владыка, а люди—рабы; покорность является добродѣтелью, а сопротивленіе—преступленіемъ, грѣхомъ. Разнообразныя побужденія, приведшія основателя ислама къ его ученію, были имъ

---

[1]) У мусульманъ нѣтъ епископовъ и священниковъ, а только предстоятели на молитвѣ (имамы); точно также и мѣстомъ для богослуженія можетъ быть обыкновенная постройка съ кафедрой для проповѣдника въ праздничные дни. При благопріятной погодѣ мусульмане могутъ молиться подъ открытымъ небомъ, обратясь лицомъ въ сторону Каабы.

[2]) Род. въ 1850 г., занимаетъ проф кафедру въ Будапештскомъ университетѣ и извѣстенъ своими выдающимися печатными трудами по исламовѣдѣнію. Съ нѣкоторыми изъ этихъ трудовъ русскихъ читателей ознакомилъ проф. Лазаревскаго Института въ Москвѣ А. Е. Крымскій.

переработаны съ точки зрѣнія именно этого чувства зависимости [1]). Съ своей стороны я прибавлю, что всѣ первоначальныя требованія законодателя ислама были согласованы съ не особенно высокими идеями и чувствами язычниковъ-арабовъ VI—VII вв. по Р. Хр., которымъ онъ проповѣдывалъ Коранъ

Такъ возникъ первоначальный исламъ въ Аравіи

5. Какъ и другіе культурно-историческіе народы, мусульманскіе народы въ своей болѣе чѣмъ тысячелѣтней исторіи переживали благопріятныя и неблагопріятныя для своего развитія перемѣны и проявляли колебанія въ противоположныя стороны прогресса и упадка. Судя по первымъ годамъ жизни ислама, нельзя было предугадать, какая судьба ожидаетъ этого аравійскаго младенца, можно было думать, что сфера его вліянія не расширится за предѣлы родины... Однако, уже въ годы ранней юности, онъ смѣло и неудержимо перешагнулъ за границы Аравійскаго полуострова и нанесъ жесточайшіе удары еврейству и христіанству,—своимъ не только сородичамъ, но, можно сказать,—родителямъ, отъ которыхъ естественно произошелъ [2]). Въ немъ сказался неукротимый нравъ Измаила, руки котораго нападали на всѣхъ и руки всѣхъ на него [3]). Такъ, въ десятилѣтній періодъ правленія Халифа Омара (634—644) были завоеваны. Сирія съ Антіохіей, Палестина съ Іерусалимомъ, Египетъ съ Александріей—самые главные пункты христіанства, а кромѣ того Персія и часть Сѣвернаго побережья Африки Халифъ Моавія уже предпринималъ походъ противъ Константинополя, единственнаго оплота тогдашняго христіанства, а при Валидѣ I была завоевана Испанія въ 711 году. О дальнѣйшихъ завоеваніяхъ арабовъ и о попыткахъ христіанъ освободить свои св. мѣста изъ-подъ власти мусульманъ,— о крестовыхъ походахъ въ Палестину я не буду говорить и остановлю ваше вниманіе на характерѣ и значеніи арабскаго просвѣщенія въ исторіи общечеловѣческой культуры.

Арабы, завоевавшіе страны культурныхъ народовъ, постепенно проникались большимъ уваженіемъ къ тѣмъ знаніямъ, какія нашли у покоренныхъ народовъ, и, покровительствуя наукамъ и искусствамъ, способствовали ихъ процвѣтанію и дальнѣйшему развитію.

---

[1]) Исламъ. Перев. И. Крачковскаго. С.-Петербургъ, 1911 г. стр. 1.

[2]) Arnold. Islam Its History, Character and Relation to Christianity London., 1874

[3]) Быт. гл. 16, ст. 12: „И будетъ онъ между людьми, какъ дикій оселъ: руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него: и передъ лицомъ всѣхъ братьевъ своихъ онъ будетъ жить“. Замѣчательное пророчество, столь очевидно подтверждаемое исторіей!

Вотъ два изреченія, показывающія сколь высоко цѣнили арабы просвѣщеніе: „Чернила ученаго столько же достойны уваженія, какъ и кровь мученика за вѣру; „Міръ держится четырьмя вещами: знаніемъ ученыхъ, справедливостью правителей, молитвами благочестивыхъ и мужествомъ храбрыхъ воиновъ". Въ правленіе Багдадскихъ и Испанскихъ халифовъ, мусульманскіе ученые, кромѣ богословія, занимались медициной, математикой, астрономіей, алхиміей, географіеи, а также изученіемъ права, исторіи и особенно языкознаніемъ. Во всѣхъ этихъ областяхъ мусульманская наука стояла на современной ея развитію высотѣ; тогда появилось множество ученыхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ знанія и создавались огромныя библіотеки. Мусульманская школа занимала тогда столь высокое положеніе, какого она потомъ никогда не достигала. Словомъ, тріумфы мусульманскихъ ученыхъ въ разныхъ областяхъ знанія за указанный періодъ стояли не ниже военной славы завоевателей, какъ замѣчаетъ Дж. В. Дрэперъ. Не говоря о наукахъ положительныхъ, мусульманскіе ученые того времени пользовались такой же извѣстностью и въ области спелулятивныхъ знаній, особенно въ области правовѣдѣнія; ихъ слушали тысячи любознательныхъ молодыхъ и взрослыхъ, приходившихъ иногда за тысячи верстъ [1]). И такихъ авторитетныхъ ученыхъ было не мало въ предѣлахъ теперешнихъ нашихъ владѣній въ Средней Азіи.

6. Золотой вѣкъ мусульманской образованности продолжался около 300 лѣтъ [2]); но уже въ XI в по Р. Хр. въ мірѣ ислама начала проявляться реакція противъ науки положительной, а на первый планъ было выдвинуто схоластическое богословіе. Я упомяну о философѣ-мистикѣ XI в. Аль-Газзали, который въ концѣ своихъ размышленій на философскія темы пришелъ къ полному разочарованію и скептицизму и превратился въ суфія (мистика), примѣру котораго находимъ подражателей и въ послѣднія времена. „Размышляя о своемъ положеніи, я нашелъ,—говорилъ Аль-Газзали,—что я связанъ съ этимъ міромъ тысячью узъ, что искушенія охватываютъ меня со всѣхъ сторонъ.... Затѣмъ я изслѣдовалъ свои дѣйствія, и лучшее, что я сдѣлалъ, относилось къ воспитанію и обученію. Но даже и здѣсь я увидѣлъ, что я предавался только маловажнымъ знаніямъ, совершенно ненужнымъ въ другомъ мірѣ [3]). Размышляя о цѣли своего ученія, я нашелъ, что оно не было чисто передъ Богомъ. Я увидѣлъ, что всѣ мои усилія были направлены только къ пріобрѣтенію славы для самого себя, поэтому

---

[1]) Ученые Андалузіи предпринимали очень утомительныя путешествія въ Бухару и Самаркандъ, а ученые Средней Азіи—въ Испанію и посѣщали Тунисъ, Кайруанъ, Басру и Багдадъ. Н. О.

[2]) Отъ Аль-Киндіи до Ибнъ-Хальдуна.

[3]) То есть въ загробномъ. Н. О

я роздалъ свои богатства, оставилъ Багдадъ и удалился въ Сирію, гдѣ оставался два года въ уединеніи, въ борьбѣ съ моей душой и страстями, старался очистить свое сердце и приготовить себя къ другому міру" (Ренанъ).

Въ этихъ немногихъ словахъ имама Газзали, какъ онъ извѣстенъ среди мусульманъ, правдиво изображена душевная драма великаго и искренняго мусульманскаго ученаго, напоминающая намъ такую же драму, пережитую нашимъ Гоголемъ, отчасти Вл. Соловьевымъ и особенно гр Л. Толстымъ.

7. Невольно останавливается наша мысль на совпаденіи упадка просвѣщенія и положительныхъ знаній среди мусульманъ съ умаленіемъ политическаго могущества народа. Въ началѣ XIII вѣка, какъ разъ въ эпоху застоя умственнаго прогресса, надъ мусульманскимъ міромъ, стоявшимъ во главѣ тогдашней цивилизаціи, разразилось Чингизханово нашествіе, о которомъ современный арабскій историкъ Ибнъ-Аль-Асиръ (1233 по Р. Хр.) писалъ въ своей хроникѣ:

„Нѣсколько лѣтъ я противился сообщенію объ этомъ событіи, считая его ужаснымъ и чувствуя отвращеніе къ изложенію его. Я приступалъ къ описанію его и опять отступалъ. Кому легко повѣдать (міру) о гибели ислама и мусульманъ и кому пріятно воспоминать объ этомъ? О, чтобъ матери моей не родить меня, чтобъ мнѣ умереть прежде этого и быть преданнымъ (вѣчному) забвенію! Хотя многіе изъ друзеи (моихъ) побуждали меня къ начертанію этого событія, но я пріостанавливался. Потомъ (однакоже) я сообразилъ, что неисполненіе этого не принесетъ пользы. Пересказъ этого дѣла заключаетъ въ себѣ воспоминаніе о великомъ событіи и огромномъ несчастіи, которому подобнаго не производили дни и ночи и которое охватило всѣ созданія, въ особенности же мусульманъ; если бы кто сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Аллахъ всемогущій и всевышній создалъ человѣка, и по настоящее время, міръ не испытывалъ (ничего) подобнаго, то онъ былъ бы правъ дѣйствительно, лѣтописи не содержатъ ничего (сколько нибудь) сходнаго и подходящаго. Изъ событій, которыя онѣ описываютъ, самое ужасное то, что сдѣлалъ Навуходоносоръ съ израильтянами по части избіенія (ихъ) и разрушенія Іерусалима. Но что такое Іерусалимъ въ сравненіи съ (тѣми) странами, которыя опустошили эти проклятые, гдѣ каждый городъ вдвое больше Іерусалима! И что такое израильтяне въ сравненіи съ тѣми, которыхъ монголы перебили! Вѣдь, въ одномъ (отдѣльно взятомъ) городѣ, жителей которыхъ они избили, было больше, чѣмъ всѣхъ израильтянъ! Можетъ быть, родъ людской не увидитъ (ничего) подобнаго этому событію до преставленія свѣта и исчезновенія міра, за исключеніемъ развѣ Гога и Магога [1]).

[1]) О Гогѣ и Магогѣ упоминается въ Апокалипсисѣ (гл. 20, ст. 7) и в Коранѣ (гл 18, ст. 92—97.

Что касается антихриста, то онъ, вѣдь, сжалится надъ тѣми, которые, послѣдуютъ за нимъ, и погубитъ лишь тѣхъ, которые станутъ сопротивляться ему; эти же (монголы) ни надъ кѣмъ не сжалились, а избивали женщинъ, мужчинъ, младенцевъ, распарывали утробы беременныхъ и умерщвляли зародыши. По истинѣ, мы принадлежимъ Аллаху и возвратимся къ нему; нѣтъ мощи и нѣтъ силы, какъ только у Аллаха всевышняго и великаго.

„Вотъ (какъ происходило) это событіе, искры котораго разлетѣлись (во всѣ стороны) и зло котораго простерлось на всѣхъ; оно шло по весямъ, какъ туча, которую гонитъ вѣтеръ.

„Постигли въ это время исламъ и мусульманъ несчастія, какихъ не испытывалъ ни одинъ народъ. Къ числу ихъ относятся эти монголы, да посрамитъ ихъ Аллахъ! Пришли они съ востока и совершили дѣла, которыя признаетъ ужасными всякій, кто услышитъ о нихъ“ [1]).

Въ другомъ документѣ объ этой же эпохѣ говорится. „Да проклянетъ Аллахъ невѣрнаго! Не можемъ мы описать ни его, ни многочисленную рать его, дабы не надломились сердца мусульманъ. По истинѣ, это дѣло ужасное!... Вѣдь, они намѣрены завладѣть всѣми зэмлями. Охраняйте души ваши!...

Къ этимъ и подобнымъ восклицаніямъ достаточно прибавить, что внукъ Чингизхана, Хулагу уничтожилъ въ 1258 году по Р. Хр. самое государство Аббассидскихъ халифовъ, правителей золотаго вѣка арабской образованности...

8. Но исламъ не погибъ въ Азіи и послѣ такого погрома. Лѣтъ черезъ сто пятьдесятъ послѣ Чингизхана въ той же Срединной Азіи появился другой необыкновенный властитель Тимуръ-Ленгъ (Тамерланъ), который оставилъ послѣ себя столь-же неизгладимый слѣдъ, какъ и Чингизханъ, но въ другомъ родѣ. Язычникъ Чингизханъ сокрушалъ на своемъ пути все, что встрѣчалъ, и былъ бичемъ мусульманъ; ко времени Тимура монголы уже слились съ завоеванными аборигенами мусульманскихъ странъ, и этому новому завоевателю Азіи и части Европы пришлось уничтожать остатки язычества монголовъ и христіанства. Чингизханъ, будучи по убѣжденіямъ шаманистомъ, совѣтовалъ своимъ сыновьямъ терпимость ко всякимъ вѣрамъ и величайшимъ удовольствіямъ считалъ преслѣдованіе и побѣды надъ врагами, которыхъ нужно было гнать предъ собою, отнимать у нихъ богатства, видѣть въ слезахъ тѣхъ, кто дороги имъ, ѣздить на ихъ лошадяхъ и прижимать къ своей груди ихъ женъ и дочерей“ (Д'Оссонъ) [2]).

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды. Н. Тизенгаузена. С.-Петербургъ. 1884.

[2]) См. соч. Генри Говарта „Чингизханъ“. Переводъ съ англійскаго Н. Гр. (Ташкентъ, 1911, стр. 87.

Мусульманинъ Тимуръ уважалъ потомковъ Мухаммеда, почиталъ своего духовнаго наставника Имама Береке, благосклонно относился къ мусульманскимъ богословамъ, любилъ бесѣдовать съ историками и со всѣми свѣдующими въ наукахъ и администраціи людьми. При всѣхъ своихъ административныхъ заботахъ, онъ выше всего считалъ свою обязанность поддерживать славу ислама и распространять его ученіе на землѣ, на которой онъ стремился быть единымъ владыкою, подобно небу, которое имѣетъ одного только Бога [1]).

Можно понять изъ этого, съ одной стороны, его жестокость противъ невѣрныхъ, а съ другой—славолюбіе, которое побуждало его покровительствовать мусульманскимъ наукамъ и искусствамъ и оставить потомству памятники своего могущества и славы въ необыкновенныхъ зданіяхъ, удивлявшихъ не только Азіатовъ, но и Европейцевъ своими грандіозными размѣрами, изяществомъ стиля и богатствомъ украшеній [2]).

Прошли вѣка, миновала слава Тимура, но не окончилось могущество ислама. Безпримѣрная по величинѣ и богатству имперія Тимура въ Азіи распалась, а въ Европѣ османскіе турки овладѣли послѣднимъ оплотомъ христіанской Византіи-Константинополемъ, возстановили и упрочили господство Ислама надъ древними христіанскими странами (на Балканахъ, въ Сиріи и Палестинѣ) На защиту христіанства выдвинулась тогда православная Россія, которая вела съ мусульманской Турціей многочисленныя войны, освободила значительную часть Балканскихъ христіанъ изъ-подъ гнета турокъ и завоевала мусульманскую среднюю Азію, гдѣ еще сохранились памятники былого могущества ислама отъ вѣка Тамерлана. Въ то-же время многія мусульманскія страны въ Азіи и Африкѣ потеряли свою политическую независимость и оказались въ рукахъ христіанскихъ государствъ Англіи, Франціи и Голландіи. Многолѣтняя зависимость всѣхъ завоеванныхъ мусульманскихъ странъ отъ просвѣщенныхъ европейцевъ не уничтожила однако въ нихъ національнаго (мусульманскаго) чувства: подъ вліяніемъ того же европейскаго просвѣщенія, какимъ христіанскіе правители расчитывали сроднить съ собою покоренныхъ мусульманъ, послѣдніе почувствовали *пробужденіе* своихъ національно-мусульманскихъ идей и чувствъ и вступили въ XX вѣкъ одни съ ясно опредѣленнымъ стремленіемъ къ *освобожденію* отъ иновѣрной власти,

---

[1]) Уложеніе Тимура.

[2]) При этомъ стоитъ отмѣтить, что мусульманскіе историки уже не возмущаются фактами чрезвычайной жестокости Тимура, и считаютъ ихъ подвигами, возвышающими его историческую славу. Подобно этому, и турецкіе историки прославляютъ своихъ султановъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе человѣческихъ жизней они погубили. Н. О.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

а другіе—съ надеждой на свое духовное *возрожденіе* [1]). Въ истекшихъ годахъ настоящаго XX столѣтія мусульманскіе публицисты печатно заявляли, что мусульманство пробудилось и стремится къ возрожденію. „Мы хотимъ жить по человѣчески, хотимъ пользоваться всѣми дарами культуры, хотимъ выйти изъ тьмы, и стремленіе наше вполнѣ естественно", писали они По поводу юбилея М. В. Ломоносова и годовщины смерти гр. Л. Н. Толстого, новый современный мусульманскій авторъ писалъ

„До боли остро чувствуется тусклое безцвѣтное прошлое нашихъ народовъ, и мысль спѣшитъ заглянуть впередъ; хочется вѣрить, что и мусульманскіе народы дадутъ міру своихъ Ломоносовыхъ и своихъ Толстыхъ".

„Нѣтъ народа, который не рождалъ бы талантовъ и геніевъ; вся разница въ томъ, что жизнь однихъ народовъ можетъ питать таланты и геніевъ, а жизнь другихъ народовъ лишаетъ ихъ возможности проявляться наружу въ какой-либо сферѣ дѣятельности, —и они безслѣдно пропадаютъ". Образованный Агаевъ [2]) называлъ слѣпымъ того, кто не замѣчаетъ этого движенія отъ Китая до Марокко, отъ Каира до Уфы мусульманскій міръ находится въ движеніи періодъ невѣжества смѣняется просвѣщеніемъ, причемъ имѣется въ виду возрожденіе угасшей арабской образованности и политическое объединеніе всѣхъ мусульманъ и съ тяготѣніемъ къ единовѣрной Турціи, какъ общему центру".

„Богъ лучше знаетъ",—скажу я вмѣстѣ съ мусульманами—что выйдетъ изъ этого движенія..

„Богъ лучше знаетъ"! Такъ говорятъ всегда богобоязненные мусульмане, подъ вліяніемъ сознанія, что все отъ Бога, какъ отвѣчалъ Лейарду Моссульской казій, о которомъ упоминаетъ Ренанъ въ блестящей лекціи, прочитанной въ Сорбоннѣ 29 марта 1883 г. на тему „Исламъ и наука". Не отрицая и не умаляя значенія арабскаго періода въ исторіи общечеловѣческаго просвѣщенія, Ренанъ задался вопросомъ, что заключала въ себѣ наука, именуемая арабской? и отвѣтилъ: языкъ и только языкъ, съ которымъ произошло то же самое, что позднѣе повторилось съ языкомъ латинскимъ, который на западѣ явился выразителемъ чувствованій и мыслей, совершенно чуждыхъ древнему Лаціуму: Аверроесъ, Авицена, Альбатани столько же были арабами, сколько Альбертъ Великій, Рожеръ Бэконъ, Франсискъ Бэконъ или Спиноза—латинянами. Только одинъ ученый арабскій писатель Алькинди былъ по происхожденію арабъ, а всѣ остальные были персы, бухарцы, вообще среднеазіатцы, или уроженцы Кордовы, Се-

---

[1]) Россійскіе мусульмане и главнымъ образомъ татары.

[2]) Бакинскій эмигрантъ, проживающій въ Турціи.

вильи и др Всѣ они и по крови, и по самому духу были не арабы и лишь стѣснялись арабскимъ языкомъ, на которомъ писали и который былъ неподходящимъ орудіемъ для метафизики, какъ языкъ поэзіи и краснорѣчія. Вмѣстѣ съ этимъ Ренанъ отказался признать науку этого періода мусульманскою, такъ какъ исламъ всегда преслѣдовалъ науку и философію и кончилъ тѣмъ, что задушилъ ихъ. Блестящіе халифы того времени Мансуръ, Харунъ-аръ-Рашидъ и Мамунъ были мусульмане лишь по имени, и послѣдняго изъ нихъ за особое рвеніе къ насажденію греческой философіи мусульманскіе богословы предавали проклятію. Какъ систему узкаго догмата, Ренанъ считаетъ исламъ противникомъ прогресса, тяжелою цѣпью, которую на своей шеѣ когда-либо носило человѣчество. По его словамъ, либералы, выступающіе на защиту ислама, и понятія о немъ не имѣютъ. Исламъ либераленъ, пока чувствуетъ свою слабость, но какъ только познаетъ свою силу, то вырождается въ жестокость...

Подтвержденіе этому мы видимъ въ дѣятельности современныхъ младо-турокъ Они измѣнили государственный строй, ввели быстро конституцію, но христіанъ продолжали преслѣдовать съ жестокостью, не уступавшею временамъ грубаго деспотизма [1]), а въ самое послѣднее время предали заклятію давно уже умершаго почтеннаго Джамаледдина, бывшаго шейхъ-уль-ислама при султанѣ Селимѣ I (1512—1520 г.г.)

Этотъ султанъ, можетъ быть, самый жестокій изъ всѣхъ, по принятіи имъ титула халифа, пришелъ къ заключенію, что Магометъ II-й былъ не правъ, предоставивъ христіанамъ въ завоеванныхъ имъ странахъ сохранять ихъ вѣру. Селимъ изготовилъ и подписалъ указъ, повелѣвавшій христіанамъ Турціи немедленно принять исламъ подъ угрозою смертной казни. А такъ какъ во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ требуется фетва шейхъ-уль-ислама, то Селимъ потребовалъ ее отъ шейха Джамаля. Но шейхъ-уль-исламъ отвѣчалъ, что Коранъ приказываетъ смотрѣть и на немусульманскихъ подданныхъ, какъ на порученныхъ халифу Богомъ.... И вотъ этого шейхъ-уль-ислама, прославляемаго за вѣротерпимость и память котораго чтили всѣ христіане, либеральные младотурки предаютъ анафемѣ!... Въ сообщеніи объ этомъ фактѣ описывается организація главнымъ комитетомъ и подкомитетомъ мусульманскихъ бандъ для убійства всѣхъ вліятельныхъ христіанъ [2]).

Чтобы охарактеризовать міровоззрѣніе мусульманскихъ ученыхъ, Ренанъ изложилъ отвѣтъ мусульманскаго казія, къ которому обратился

---

[1]) Журналъ „Странникъ“ 1911 г. Іюль-Августъ, стр. 127—134. Ср. Февраль, стр. 322—324 и „Туркест. Вѣдом.“ отъ 23 окт. 1911 г. № 225 ст. „Гоненія на христіанъ“.

[2]) „Новое Время“ 1912 г. № 12877 отъ 17 января.

ученый изслѣдователь Ниневіи съ вопросами, относительно гор Моссула, его историческихъ преданій, торговли и пр.

„ , славный другъ мой, о радость всѣхъ живущихъ!

„То, о чемъ ты меня вопрошаешь, въ одно и то же время и безполезно, и вредно. Хотя всѣ мои дни протекли въ этомъ краѣ, но никогда не помышлялъ я о томъ, чтобы пересчитывать обиталища, или освѣдомляться о численности ихъ обитателей. Что же касается наведенія справокъ о томъ, сколько товаровъ одинъ грузитъ на своихъ муловъ, а другой складываетъ на дно своей лодки, то это вовсе меня не касается. Прошлое же этого города вѣдаетъ единыи Аллахъ; Онъ одинъ можетъ повѣдать, какими заблужденіями питались здѣшніе жители, пока не возсіяло надъ нами торжество ислама. Было бы опаснымъ для насъ и хотѣть познать всѣ тѣ заблужденія.

„О мой другъ! Не пытайся постигнуть того, что до тебя не касается. Ты явился посреди насъ, и мы радушно предъ тобою преклонились; уходи же теперь съ миромъ! Во истину всѣ тѣ слова, которыя ты предо мною излилъ, зла мнѣ не причинили, ибо одно дѣло говорить, а другое слушать. По обычаю мужей твоего племени, ты посѣтилъ столь много странъ, что не можешь ни въ одной найти для себя успокоенія; мы же (да благословенъ будетъ за то Аллахъ!) родились здѣсь и вовсе не желаемъ отсюда куда-либо двигаться.

„Послушай, сынъ мой! Вѣрь мнѣ: нѣтъ большей мудрости, чѣмъ та, которая повелѣваетъ чтить Аллаха. Онъ, вѣдь, создалъ міръ. Такъ, приличествуетъ ли намъ пытаться равнять себя съ Нимъ, проникая въ тайны міроздания? Взгляни вонъ на звѣзду, которая тамъ вращается вокругъ другой звѣзды; посмотри вонъ на ту другую звѣзду, которая влечетъ за собою цѣлый хвостъ и употребляетъ столько-то лѣтъ, чтобы приходить сюда къ намъ и столько то лѣтъ на то, чтобы удалиться отъ насъ... Оставь ихъ, сынъ мой, въ покоѣ и повѣрь: Тотъ, чья десница ихъ образовала; съумѣетъ ими же распоряжаться и руководить.

„Ты, пожалуй, скажешь мнѣ на это: „О, человѣкъ, умолкни, ибо я болѣе свѣдущъ, нежели ты, и видѣлъ много такого, о чемъ ты не вѣдаешь.... „Если ты полагаешь, что эти вещи содѣлали тебя болѣе совершеннымъ, чѣмъ я, то будь вдвойнѣ желаннымъ гостемъ; я же благословляю Бога за то, что не пытаюсь даже постигать того, въ чемъ надобности не вижу.

„Ты обученъ такимъ вещамъ, которыя меня ни сколько не интересуютъ, а что ты видалъ, тѣмъ я пренебрегаю. Болѣе обширное знаніе развѣ содѣлываетъ желудокъ твой болѣе помѣстительнымъ? А твои глаза, всюду пытливо скользящія, развѣ помогутъ тебѣ открыть рай?

„О, мой другъ, если ты хочешь быть во истину счастливымъ, то восклицай: „Богъ есть единый Богъ!“—Не твори зла, и тогда не

убоишься ты ни людей, ни смерти, ибо рано ли, поздно ли,—но и твой часъ наступитъ".

Другой отзывъ объ исламѣ далъ современный венгерскій оріенталистъ Арм. Вамбери въ томъ смыслѣ, что было бы совершенно напрасно далѣе защищать исламъ,—онъ будетъ уничтоженъ, такъ какъ не заслуживаетъ лучшей участи. Съ точки зрѣнія культуры, врагомъ которой являются мусульманскія государства, они должны распасться, ибо ни одно изъ нихъ не имѣетъ внутренней государственной структуры. Мусульмане не имѣютъ характера, не знаютъ даже, что означаетъ это слово; они молятся, но не работаютъ; не знаютъ никакого иного чувства, кромѣ религіознаго; не имѣютъ никакихъ желаній къ конституціонному движенію. Турціи теперь уже нельзя болѣе придавать серьезнаго значенія Положеніе Турціи хуже чѣмъ прежде; возрожденіе 300 милліоновъ мусульманъ—дѣтская сказка [1]).

Оба приведенные отзыва объ исламѣ (Ренана и Вамбери) не остались безъ отвѣта со стороны русскихъ мусульманъ На рѣчь Ренана отвѣчалъ Петербургскій Ахунъ (ум. въ 1911 году) Атаула Баязитовъ. Онъ въ томъ же (1883 г) издалъ отдѣльную брошюру [2]), въ которой далъ отвѣтъ на всѣ главныя положенія рѣчи Ренана. По вопросу объ отрицаніи въ исламѣ зиждительныхъ научныхъ началъ, Г. Баязитовъ говоритъ: „Правильнѣе было бы приписать застой научной дѣятельности арабовъ тѣмъ же естественнымъ причинамъ, отъ которыхъ зависѣло это явленіе и у другихъ народовъ. Зачѣмъ не обратить вниманіе м е ж д у прочимъ и на общеизвѣстный историческій фактъ нашествія дикихъ племенъ и покоренія ими города Багдада. Вѣдь, кажется, не подлежитъ историческому сомнѣнію, что эти языческіе народы изъ глубины Средней Азіи обрушились на ея южную культурную часть со всею тяжестью необузданнаго варварства, разрушая на своемъ пути все, что могло быть разрушено. Однако, при этомъ не слѣдуетъ забывать, что эти же варвары-завоеватели впослѣдствіи подчинились исламу и подъ вліяніемъ этой религіи развиваются хотя медленно, вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь говорить, но неуклонно и постепенно, такъ что, быть можетъ, не далеко то время, когда сравнявшись умственнымъ своимъ развитіемъ съ Европою, они пойдутъ рука объ руку съ нею по пути научнаго прогресса".

По поводу проклятій халифу Мамуну за оказываемое имъ покровительство философіи, г. Баязитовъ замѣчаетъ: „Правда, все это было, но приписывать эти явленія народной жизни исключительно Исламу,

---

[1]) Мнѣ кажется, что такой рѣзкій приговоръ Вамбери едва ли правдоподобенъ: исламъ жить можетъ и впредь, въ измѣненномъ, конечно, видѣ. Н. О.

[2]) Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана „Исламъ и Наука". С.-Петербургъ, 1883. Стр. 1—33.

или ученію Пророка, какъ это дѣлаетъ Ренанъ, по меньшей мѣрѣ странно. Утверждать, что среди мусульманъ, особенно того времени, о которомъ идетъ рѣчь, не было ни одного фанатика, дервиша или мистика, конечно, нельзя: но вѣдь Ренанъ въ свою очередь не можетъ сказать, чтобы въ Парижѣ, центрѣ современной цивилизаціи, не говоря уже о прочихъ городахъ Европы, не нашлись бы католическіе монахи или ихъ поклонники, ненавидящіе Ренана и его образъ мыслей, которые отказались бы и въ настоящее время возобновить для него и его единомышленниковъ пытки испанской инквизиціи. Всѣмъ еще памятно, какое неудовольствіе и какой шумъ произвелъ въ католическомъ духовенствѣ Франціи проектъ объ устраненіи изъ залы суда и другихъ правительственныхъ мѣстъ крестовъ, иконъ и другихъ эмблемъ христіанства, а также запрещеніе преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ Законъ Божій. Всѣ эти дѣйствія французскаго правительства возбуждали и продолжаютъ возбуждать въ средѣ многихъ людей Франціи, несомнѣнно, образованныхъ, неудовольствіе и затѣмъ приписываются желанію угодить атеистамъ. Въ чемъ же тутъ виновата, спрашивается, религія Христа?

Въ заключеніе своего отвѣта г. Баязитовъ высказалъ увѣренность, что письмо мусульманскаго казія ученому Лейарду было написано съ чисто восточною хитростью, какъ бы отъ одного политическаго агента къ другому, и съ этой точки зрѣнія, Баязитовъ даетъ толкованіе каждой фразѣ казія. За находчивость Моссульскаго казія Баязитовъ назвалъ его смѣтливымъ человѣкомъ и хорошимъ подданнымъ своего правительства, не пожелавшимъ открывать иностранцу интересы родного города.

По поводу отзыва Вамбери объ исламѣ сотрудникъ газеты „Въ мірѣ мусульманства“ напечаталъ слѣдующія очень рѣзкія строки:

„Лѣтъ пятнадцать, приблизительно, тому назадъ, въ одномъ мусульманскомъ домѣ, въ Турціи, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ этимъ господиномъ. Не умаляя его знаній вообще и въ особенности знаній мусульманскаго Востока, мнѣ бы хотѣлось обратить вниманіе единовѣрцевъ на тѣ слова, которыя то и дѣло раздаются изъ устъ этого венгерскаго еврея, этого лжепріятеля турокъ, на ту клевету и мерзость, которыя сей почтенный профессоръ распускаетъ о мусульманахъ, пользуясь своимъ авторитетомъ, какъ знатокъ Востока.

„Онъ забылъ, вѣроятно, какъ много лѣтъ тому назадъ, въ одеждѣ дервиша, онъ цѣловалъ туфли Абдурахмана въ Кабулѣ, какъ, притворяясь мусульманиномъ, выпытывалъ ихъ домашнюю жизнь и потомъ продавалъ свои наблюденія англійскимъ и нѣмецкимъ газетамъ. Пользуясь гостепріимствомъ мусульманъ, афганцевъ, турокъ, персовъ и другихъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ, сей господинъ теперь утверждаетъ,

что мусульмане не способны культивироваться, а потому необходимо Европѣ объединиться и уничтожить всѣхъ тѣхъ, кто религію ставитъ выше всего, кто способенъ во имя ея на всѣ жертвы, и что, наконецъ, мусульмане вообще безполезный и никому не нужный народъ...

„И это говоритъ человѣкъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ пользовался хлѣбомъ и солью „дикихъ“ мусульманъ. Очевидно, „культурному“ профессору слѣдовало крикнуть: „руки вверхъ!“ по европейскому способу, схватить за горло и потребовать деньги. Тогда, быть можетъ, онъ былъ бы другого мнѣнія о насъ. Но мы поступили какъ разъ наоборотъ. Мы повѣрили въ его дружбу, мы не сомнѣвались, что сей почтенный ученый говоритъ правду, что любовь его къ мусульманамъ вытекаетъ изъ благороднаго чувства. И многое еще могли бы мы думать, провожая его и благодаря за будущіе труды о нашемъ житьѣ-бытьѣ.

„Теперь его статья перепечатываетъ французская пресса и основывается на его авторитетѣ Къ сожалѣнію, время какъ разъ не подходящее, и турки не могутъ слѣдить за тѣмъ, что пишетъ венгерскій профессоръ. А пишетъ онъ, несомнѣнно, гнусность и вредныя вещи вообще.

„Безполезный трудъ упрекать его въ нарушеніи самыхъ элементарныхъ обязанностей порядочнаго человѣка. Очевидно, онъ не считаетъ особенно важнымъ, что мусульмане кормили и поили его много лѣтъ и терпѣливо выслушивали этого псевдодервиша, который подло и низко торговалъ религіознымъ чувствомъ. Цѣль оправдываетъ средства. Само собою—не австрійцевъ учить, что это подло. Въ Вѣнѣ не разъ пользовались трудами Вамбери и, быть можетъ, благодаря ему, Турція лишилась огромной провинціи, какъ сейчасъ лишается въ Африкѣ. Всѣмъ этимъ Турція обязана своему псевдо-другу, увѣрявшему ее въ своихъ дружескихъ чувствахъ.

„Кто не знаетъ профессора Вамбери? Вѣдь, онъ чуть ли не тридцать лѣтъ изучалъ мусульманъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Онъ жилъ въ Туркестанѣ, Бухарѣ, Хивѣ, Афганистанѣ, Персіи, Индіи, Турціи и т. д., и т д Аккуратно исполняя всѣ нужныя обрядности, молясь, какъ подобаетъ истинному правовѣрному, онъ ловко обманулъ всѣхъ и теперь подло высмѣиваетъ. Почитайте его книги о русскихъ мусульманахъ; посмотрите, что онъ тамъ наговорилъ, въ полной увѣренности, что никто никогда не узнаетъ его ложь. Думалъ ли онъ, что русскіе мусульмане будутъ читать и по-французски, и по-нѣмецки, и по-англійски.

„Не даромъ арабская поговорка гласитъ, что не всякая старость бываетъ почтенна. А мы скажемъ: не всякій путешественникъ можетъ узнать мусульманъ. Несмотря на его долгія путешествія, несмотря на всѣ его знанія, онъ далеко еще не знаетъ насъ.

„Когда въ Кабулѣ узнали, спустя порядочное время, что среди мухаджировъ находился гяуръ (или по-афгански гяфиръ), то Абдурахманъ долго не могъ успокоиться и поклялся, что не пуститъ въ страну безъ крайней надобности ни одного гяфира.

„И вполнѣ естественно это возмущеніе, такъ какъ злоупотреблять гостепріимствомъ не позволитъ себѣ самый дикій человѣкъ. Клеветать и подтасовывать факты оказывается способнымъ ученый профессоръ, для котораго законы не писаны. Что, молъ, вниманіе обращать на дикарей...

„Пусть знаютъ наши единовѣрцы, что ученый профессоръ Вамбери низокъ, подло воспользовался своимъ счастливымъ положеніемъ и за ласку и привѣтъ клевещетъ на всѣхъ мусульманъ.

„Даже въ частной жизни европейцы показываютъ, какъ они понимаютъ культуру. Примѣры, говорятъ, заразительны, а потому если и мы начнемъ поступать по европейски, то врядъ ли отъ этого поздовится г.г. Вамбери и К⁰ [1]).

Изъ отвѣта Ахуна Баязитова видно, что уже въ прошломъ столѣтіи россійскіе мусульмане выступали съ литературными заявленіями въ интересахъ ислама. У того же Баязитова были и другіе печатные труды, назначавшіеся собственно для русскихъ читателей и отличавшіеся спокойнымъ тономъ. Но въ Россіи долго не замѣчали пробудившагося самосознанія мусульманъ, между тѣмъ какъ Измаилъ Гаспринскій, въ своей газетѣ и особенно въ брошюрѣ „Русское мусульманство“, не стѣснялся высказывать горькія истины, касающіяся русскаго управленія инородцами. И все это проходило незамѣченнымъ до начала такъ называемаго „Освободительнаго движенія“ въ Россіи, когда Казанскіе, Уфимскіе, Оренбургскіе, Крымскіе и Кавказскіе мусульмане стали сплачиваться, устраивали съѣзды, составляли и распространяли программы своей дѣятельности и уставы разныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ, открывали читальни, заводили общественныя библіотеки, литографіи и типографіи, устраивали народные спектакли и національные концерты и особенное стараніе приложили къ открытію такъ называемыхъ новометодныхъ школъ [2]).

Все это было и есть и у насъ въ Туркестанскомъ краѣ.

---

[1]) „Въ мірѣ мусульманства“ № 33 отъ 2 декабря 1911 года.

[2]) „Объ этихъ школахъ можно читать въ моей статьѣ, напечатанной въ Литературномъ Сборникѣ, изданномъ въ Ташкентѣ въ 1911 году въ память генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана.

Обнаружившееся въ настоящемъ столѣтіи и вполнѣ опредѣлившееся теперь пробужденіе мусульманъ началось въ Индіи. „Англичанами—писалъ бывшій министръ Франціи Жоржъ Лейгъ [1]) совершена въ Индіи огромная работа. Изъ смѣшанной и хаотической массы они устроили организованную общину. Они внесли въ страну всѣ пріобрѣтенія западной науки и цивилизаціи. Ихъ система управленія—образецъ упорядоченности, метода, равновѣсія, она осуществляетъ идеалъ колонизаціи и оставляетъ далеко за собой все, что пытались совершить другіе народы.. Но, не смотря на такія услуги, оказанныя Индіи Англіей, между побѣжденными и побѣдителями не произошло никакого сліянія Расовая непріязнь, различіе притязаній и ученій, противоположность интересовъ увеличиваются со дня на день. Неулаженность растетъ и недовольство охватываетъ имперію съ одного конца до другого. Среди глубокаго мира, подъ охраной совершенныхъ законовъ, Индія заявляетъ, что она раба и что она умретъ въ нищетѣ. Она заявляетъ, что метрополія забыла славные завѣты Бентинковъ и Маколеевъ и торжественныя обѣщанія, данныя ею въ 1830 и 1858 г.г. Индія требуетъ преобразованія системы управленія, истощающей на пользу Британскаго государства британскихъ купцовъ, промышленниковъ и спекуляторовъ, все существо Индіи, обогащая иностранцевъ и раззоряя туземцевъ Индуссы понимали все это уже давно, но они не смѣли заявлять объ этомъ; со времени же устройства національныхъ конгрессовъ, они стали болѣе смѣлыми и теперь уже не боятся высказывать свои жалобы и пожеланія.. Эти конгрессы стали собираться съ 1885 г. Цѣль конгрессовъ—объединять разъ въ годъ наиболѣе просвѣщенныхъ представителей Индіи для изученія экономическихъ, моральныхъ и соціальныхъ вопросовъ страны, для изысканія законныхъ и конституціонныхъ средствъ улучшить участь народа и приблизиться къ болѣе высокому гражданскому и политическому строю.

„Лордъ Дюфферинъ въ рѣчи, произнесенной въ декабрѣ 1888 года, надменно высказался противъ національныхъ притязаній и проэктовъ оппозиціи и заявилъ, что англійское правительство не склонно позволить связывать или ограничивать свободу своихъ дѣйствій и устанавливать контроль микроскопическаго меньшинства надъ его правительственными мѣрами.

„Но идеи развивались быстрѣе, чѣмъ предполагали; возникла индусская національная партія, и съ ней приходится теперь считаться въ калькуттѣ и Лондонѣ... Съ начала вѣковъ нѣмыя и косныя расы начинаются пробуждаться къ жизни отъ долгаго сна; несознававшія

---

[1]) Въ предисловіи къ книгѣ полков. Де-Лакоста „Около Афганистана".

себя національности проникаются самосознаніемъ; милліоны человѣческихъ существъ, жившихъ съ обращеннымъ съ землѣ лицомъ, подъ пятой чужеземныхъ властителей, разгибаются и проникаются мечтой объ иномъ будущемъ; въ массахъ населенія Азіи наступаетъ броженіе; исламъ организуется и рѣшительно устремляется въ потокъ всеобщей жизни. Повсюду возникаетъ какъ бы необъятное возрожденіе, глубже и обширнѣе возрожденія XVI вѣка, и приводитъ въ движеніе старый міръ [1]).

Это движеніе постепенно выродилось среди мусульманъ въ такъ называемый „панисламизмъ“, первымъ проповѣдникомъ и вдохновителемъ котораго былъ Джамаледдинъ Аль-Хусейни Аль-Афгани, родившійся въ Афганистанѣ, въ гор. Ассадабадѣ въ 1839 году [2]). На своей родинѣ онъ провелъ молодость и первые годы зрѣлости. Принимая участіе во многихъ революціяхъ, которыя заливали кровью эту страну, Аль Афгани покинулъ затѣмъ родину и путешествовалъ по Индіи, Персіи Аравіи, Турціи и Египту, проповѣдуя объединеніе мусульманъ, послѣ чего попалъ ко двору Турецкаго султана Абдулъ-Гамида. Изъ Стамбула Аль-Афгани путешествовалъ по Европѣ и подружился со многими европейскими учеными, въ томъ числѣ съ Ренаномъ, который будто бы былъ его лучшимъ другомъ и будто бы отзывался о Джамаледдинѣ Аль-Афгани съ необыкновенной похвалой въ одномъ изъ своихъ сочиненіи [3]). Умеръ Аль Афгани въ Константинополѣ въ 1897 г. Говорятъ, что онъ отличался необыкновеннымъ ораторскимъ талантомъ и обширными знаніями. Но примѣру Платона [4]), онъ оставилъ учениковъ, но не оставилъ никакихъ письменныхъ трудовъ.

Его появленіе сдѣлало эпоху въ мусульманскомъ мірѣ, который онъ мечталъ объединить. Панисламизмъ былъ мечтой всей его жизни. Переходя изъ одной мусульманской страны въ другую, какъ апостолъ единенія и согласія, Аль-Афгани проповѣдывалъ возвращеніе къ древнимъ традиціямъ, но безъ фанатизма. Онъ мечталъ о міровомъ исламѣ, какъ доброжелательномъ другѣ прогресса и цивилизаніи.

Въ Египтѣ Аль-Афгани основалъ панисламистскую газету; но вышло всего 18 номеровъ, какъ ее закрыли по распоряженію англійскаго правительства, усмотрѣвшаго въ ней опасность отъ дальнѣй-

---

[1]) Газ. „Россія“ 1809 г. № 938 ст. „Возрожденіе Азіи“, на осн. газ. Figaro отъ 19 декабря нов. стиля

[2]) Я привожу дальнѣйшія свѣдѣнія по переводу съ издаваемой въ Константинополѣ газеты The Levant Herold and Eastern Express, изъ которой были сдѣланы не совсѣмъ точныя выдержки въ разныхъ русскихъ газетахъ.

[3]) Въ какомъ именно сочиненіи Ренанъ отзывался объ упомянутомъ Джамаледдинѣ, авторъ статьи не говоритъ.

[4]) Очевидно надо бы сказать—Сократа. П. О.

шаго развитія панисламизма. Послѣ этого Аль Афгани началъ хлопотать о созывѣ конгресса мусульманъ въ Меккѣ; но этому воспротивился Султанъ Абдулъ Гамидъ, испугавшійся развитія панисламизма въ Аравіи. Онъ вызвалъ Аль-Афгани въ Константинополь, гдѣ тотъ и сставался до самой смерти [1]). Его замѣнилъ Аль-Кавакаби.

---

[1]) О шейхѣ Джемаледдинѣ Аль-Афгани г. Аллаевъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія: „Превосходно владѣя арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ языками, онъ кромѣ того говорилъ по-французски и по-англійски и, если не совсѣмъ свободно, то, во всякомъ случаѣ, настолько хорошо, что его можно было понять. Но если принять во вниманіе характеръ его бесѣды, которую онъ всегда подкрѣплялъ чрезвычайно выразительной мимикой и жестами, то его понялъ бы даже тотъ, кто не говоритъ ни на одномъ изъ упомянутыхъ языковъ. Живая рѣчь, блестящіе глаза и жестикуляціи дополняли остальное.

Джемаледдинъ пробовалъ учиться всѣмъ наукамъ, обо всемъ можетъ бесѣдовать занимательно, но основательно о немногомъ. Особенно охотно употреблялъ онъ выраженія изъ физики для опредѣленія человѣческаго характера Слово электрическій было его любимымъ. Онъ вѣрилъ въ существованіе Бога, въ то, что Онъ вездѣсущъ и единъ. Внѣшне Джемаледдинъ былъ очень религіозенъ, и это выражалось въ томъ, что онъ въ точности исполнялъ предписанные обряды, но неразъ высказывалъ, что въ глубинѣ души ему ненавистны правила обрядности И дѣйствительно, шейхъ былъ ярымъ врагомъ ханжества. Кромѣ того, онъ обладалъ удивительною способностью въ нѣсколькихъ словахъ высказать правильное сужденіе о націяхъ и государствахъ. Объ отсталости Турціи онъ однажды высказалъ мнѣ слѣдующее „исламъ всегда отставалъ; потому-то и Турція, исповѣдующая его, также всегда отстаетъ. Мы теперь такой же отсталый народъ, какъ и столѣтіе тому назадъ. Туркъ трудолюбивъ, но не дѣятеленъ. Онъ работаетъ механически, но умъ его слишкомъ слабъ, чтобы выдумать что-нибудь новое, чтобы изобрѣсти что-либо получше. Турція посылаетъ студентовъ за-границу,—прекрасно. Въ трудолюбіи студенты турки не отстаютъ отъ другихъ, но когда они возвращаются домой то остаются при своихъ знаніяхъ, не изслѣдуютъ, не ищутъ и не находятъ ничего новаго. Такъ, напримѣръ, кто-нибудь учится дѣлать стулья; онъ изучилъ хорошо это ремесло, но всю жизнь останется при одной и той же разъ на всегда заученной формѣ, не заботясь о нововведеніяхъ, не понимая ихъ, и въ силу этого лишенный возможности использовать прогрессъ“.

Очень ловко, можно сказать—замѣчательно, защищаетъ Джемаледдинъ положеніе Корана противъ религіозной рутины и даетъ ему совершенно либеральное толкованіе. Работу эту онъ исполнилъ во многихъ литературныхъ трудахъ, которые нашли себѣ широкое распространеніе въ мусульманскомъ мірѣ. Еще въ ранней молодости Джемаледдинъ пользовался большой славой среди всѣхъ муллъ и хаджей, особенно въ Египтѣ и Суданѣ

Во время египетскаго возстанія, когда былъ убитъ Гордонъ и англійское правительство готовилось отомстить, Джемаледдинъ жилъ въ Лондонѣ и старательно учился. Немедленно онъ поднялъ свой голосъ и грозилъ англичанамъ истребить ихъ въ Индіи, если они будутъ и въ дальнѣйшемъ угрожать Магдію. И не долго думая, онъ въ огромномъ количествѣ отправилъ революціонныя воззванія въ Индію. Когда же его хотѣли схватить—онъ исчезъ.

Аль-Кавакаби, соединяя съ краснорѣчіемъ оратора тонкость и ясность теоретика, воспользовался идеей Аль-Афгани и изложилъ ее

Англія отступила, и шейхъ всегда хвалился, что это дѣло его рукъ

Къ тому же времени относится приглашеніе шаха Насреддина, который звалъ шейха къ себѣ въ Персію Аль-Афгани нѣсколько лѣтъ гостилъ въ Тегеранѣ и считался другомъ Царя-царей. Понятно, что такая дружба не нравилась кое-кому изъ отставленныхъ фаворитовъ, начались обычныя персидскія интриги противъ вліятельнаго шейха, пока, наконецъ, не донесли шаху, что Джемаледдинъ хочетъ свергнуть его съ престола. Шахъ повѣрилъ и удалилъ шейха отъ двора. Стремительный проповѣдникъ воспылалъ гнѣвомъ и, покидая Тегеранъ, публично клялся отомстить и уничтожить шаха Насреддина. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ признавался въ жаждѣ мести и при этомъ ссылался на восточную поговорку. кто не мститъ, какъ змѣя, тотъ не можетъ быть истиннымъ мудрецомъ. Изъ Тегерана шейхъ отправился въ Лейпцигъ учиться Это было приблизительно въ 1890 г. Изъ Лейпцига онъ направилъ первый ударъ противъ шаха

Шахъ Насреддинъ, чтобы создать себѣ богатый источникъ доходовъ, при содѣйствіи англичанъ ввелъ режи (Regie) для монопольной продажи табака. Джемаледдинъ немедленно сталъ агитировать изъ Лейпцига тѣмъ, что въ безчисленныхъ летучкахъ призывалъ народъ къ сопротивленію табачному управленію. Благодаря этой агитаціи, произошло возстаніе народа, и монопольная система была отмѣнена. Какъ только это случилось, шахъ получилъ слѣдующее письмецо отъ шейха: „я отряхнулъ отъ ногъ своихъ пыль твоего города; также когда-нибудь я пролью и твою кровь. Теперь это было лишь началомъ твоего конца".

Чувствуя къ мятежному шейху невѣроятный страхъ, Перс. шахъ написалъ султану письмо, прося его посредничества для примиренія, и это посланіе сдѣлало то, что Абдулъ Хамидъ пригласилъ Джемаледдина пріѣхать въ Константинополь погостить. Шейхъ пріѣхалъ и понравился султану. Почти немедленно султанъ подарилъ ему дворецъ, экипажи, лошадей, далъ ему слугъ и кормилъ его изъ кухни Ильдызъ-Кіоска. Пользуясь удобнымъ случаемъ, султанъ передалъ ему, наконецъ, о просьбѣ шаха и шейхъ обѣщалъ ничего больше не предпринимать противъ Насреддина.—„Я никогда не упускалъ случая мстить, сказалъ онъ, но изъ любви къ тебѣ, падишахъ, я это сдѣлаю теперь".

Всѣ почести, назначенія, чины и ордена, которыми султанъ хотѣлъ наградить своего гостя, этотъ послѣдній отклонялъ. Однажды Хамидъ поднесъ ему орденъ Меджидіе въ брилліантахъ, но шейхъ не принялъ ордена, сказавъ: „На что мнѣ эти каменьки; мнѣ не нужна эта лента. Мнѣ нуженъ только кусокъ хлѣба и кафтанъ, а это уже есть у меня"

Шейхъ не разъ выражалъ желаніе уѣхать, но султанъ удерживалъ его и просилъ погостить еще. Джемаледдинъ всегда былъ холостъ, и султанъ захотѣлъ женить его, чтобы при помощи семьи привязать его къ дому; но мятежный проповѣдникъ отказывался надѣвать на себя брачное ярмо, онъ хотѣлъ остаться всегда свободнымъ и безъ цѣпей.

Личность этого замѣчательнаго человѣка чрезвычайно интересна, и врядъ ли русская публика знаетъ о томъ, какъ этотъ мусульманскій ученый бесѣдовалъ съ Катковымъ, Комаровымъ и другими выдающимися сановниками, желая при помощи Россіи сокрушить ненавистныхъ ему европейцевъ". Турк. Кур. 1913 г. № 142 отъ 29 іюня 1913 года.

въ своемъ сочиненіи, въ которомъ изображаетъ положеніе мусульманскаго міра, разсматриваетъ всѣ его состоянія и указываетъ, какими средствами нужно воспользоваться для спасенія мусульманъ.

Аль-Кавакаби представляетъ собою суроваго теоретика—панисламиста и независимаго мыслителя, котораго никакія угрозы и обѣщанія не могли заставить отказаться отъ намѣченныхъ имъ плановъ. Повидимому, Аль-Афгани въ Константинополѣ примирился съ Абдулъ-Хамидомъ; Аль-Кавакаби всю жизнь оставался его злѣйшимъ врагомъ.

Султанъ Абдулъ Хамидъ, понявъ значеніе панисламизма, старался использовать его въ политическихъ видахъ. Онъ объявилъ себя главой панисламистскаго міра и его покровителемъ; онъ жертвовалъ громадныя суммы на мечети и монастыри, на устройство путей сообщенія въ Меккѣ, раздавалъ милостыни дервишамъ и монахамъ Въ то же время Абдулъ Гамидъ понималъ, что этого недостаточно и образовалъ тогда кадръ особыхъ проповѣдниковъ-улемовъ, которыхъ разослалъ по всѣмъ мусульманскимъ странамъ. Они должны были проникнуть въ Европейскія государства, гдѣ находятся мусульманскіе подданные и гдѣ проповѣдь панисламизма могла имѣть какой-нибудь успѣхъ. Эти улемы вмѣстѣ съ тайными эмиссарами проникли въ колоніи и на самые маленькіе острова такъ осторожно, что никто не подозрѣвалъ ихъ присутствія Должности эти оплачивались громадными суммами [1]).

Когда Абдулъ Хамидъ лишился престола, всѣ эти преданные ему люди остались безъ средствъ и поддержки, такъ какъ новое правительство не захотѣло ихъ признавать. Младотурки отбросили панисламизмъ, даже хотѣли изгнать арабскій языхъ изъ печати, языкъ столь священный для всѣхъ мусульманъ. Но изъ этого ничего не вышло; панисламизмъ сдѣлался достояніемъ мусульманскаго общества и при помощи печати распространился по всему міру.

Мусульманская, главнымъ образомъ арабская печать распространилась теперь повсюду. Азія, Африка, Европа, Америка и даже Океанія имѣютъ арабскія газеты. Особенно развита арабская печать въ Египтѣ, гдѣ искали убѣжища всѣ принужденные покинуть Константинополь въ 1909 году. Здѣсь протекала блестящая дѣятельность Мустафы Камиль-паши. Это—панисламистъ-идеалистъ, очень образованный человѣкъ; но онъ болѣе національстъ египтянинъ, нежели исламистъ; его ученіе чуждо религіи.

Наиболѣе яркимъ представителемъ религіознаго панисламизма послѣ Аль-Афгани и Аль-Кавакаби былъ въ послѣдніе годы Шейхъ-

---

[1]) Турецкіе эмиссары были обнаружены также въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края. Н. О.

Мухаммедъ Абду, главный муфтій Египта Онъ тоже мечталъ о міровомъ исламѣ, живомъ и дѣятельномъ, и о возвращеніи къ прежнимъ традиціямъ. Въ своемъ сочиненіи „Исламъ и Христіанство“ онъ упрекаетъ мусульманъ въ искаженіи многихъ мѣстъ въ Коранѣ и называетъ ихъ лжеучителями. Тотъ религіозный панисламизмъ, который Шеихъ Мухаммедъ Абду завѣщалъ передъ смертью своимъ ученикамъ, обладаетъ тремя способами воздѣйствія: конгрессы, печать и образованіе, включая миссіонерство въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Конгресъ, объединяющій всѣхъ мусульманъ, былъ мечтою панисламизма, но собрать первый конгресъ не допустилъ бывшій султанъ Абдулъ Хамидъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Измаилъ Гаспринскій, издатель газеты „Тарджеманъ“ въ Бахчисараѣ (въ Крыму) предлагалъ собрать конгресъ въ Египтѣ. Египтяне ухватились за это предложеніе съ восторгомъ, разослали горячія воззванія по всему мусульманскому міру, но въ назначенный день никто не явился.

Второй способъ воздѣйствія—мусульманская пресса. Она сдѣлала дѣйствительно громадные успѣхи. Теперь мусульманскіе журналы и газеты распространены всюду. Когда раскрываешь какое нибудь обозрѣніе или газету, то удивляешься силѣ арабской прессы. Такимъ образомъ мусульманскій міръ весь на виду. Исторія, наука, преданія,—все изучается и становится доступно всѣмъ. Такіе журналы, какъ „Мактабасъ“, напримѣръ, представляютъ настоящія и очень интересныя мусульманскія энциклопедіи. Всюду проникла пресса и вездѣ читается —въ Аравіи и Океаніи, въ Индіи и Америкѣ. Одинъ мусульманинъ изъ Лагора (въ Индіи) недавно предложилъ раздать по 100 экземпляровъ новаго толкованія Корана шейха Рашидъ-Ризы тѣмъ, кто не можетъ его пріобрѣсти, чтобы это толкованіе читали въ мечетяхъ. Много и другихъ примѣровъ, изъ которыхъ можно понять, что пресса развила и укрѣпила общеніе и единеніе среди мусульманъ, разсѣянныхъ по всему свѣту.

Третій способъ воздѣйствія—это образованіе. За послѣднее время весь мусульманскій міръ охватили лихорадочное стремленіе къ образованію и жажда знаній. Всюду открываются новыя школы [1]). Недавно еще во всѣхъ городахъ Сиріи на многихъ стѣнахъ можно было замѣтить слѣдующую надпись: „учись, молодой человѣкъ; невѣжество—позоръ“. Панисламисты открываютъ не только простыя школы, но и университеты. Кромѣ стараго университета въ Каирѣ—Аль-Азхаръ, который также мѣняетъ свою программу, чтобы стать на уровень современныхъ научныхъ требованій, тамъ открываются еще два: одинъ въ Индіи, другой въ Египтѣ.

---

[1]) Объ образовательномъ движеніи мусульманъ въ Россіи будетъ сказано въ слѣдующей статьѣ.

Въ Индіи исламъ былъ обязанъ своимъ возрожденіемъ особенно Ахмадъ-хану, который основалъ тамъ научное общество и приложилъ всѣ усилія, чтобы открыть университетъ въ Бенаресѣ. Благодаря его трудамъ и краснорѣчію, было получено отъ правительства согласіе на открытіе университета въ Алигарѣ. На Суматрѣ недавно основана мусульманская школа, а на Явѣ за послѣднее время появилась масса арабскихъ газетъ; но главная мечта панисламизма—проектъ университета, того учебнаго заведенія, о которомъ мечталъ Сейдъ-Рашидъ—Риза, ученикъ шейха Мухаммеда Абду. Сначала онъ предполагалъ открыть университетъ въ Константинополѣ, но ему не разрѣшили; тогда онъ сталъ искать счастья въ гостепріимной странѣ фараоновъ.

Съ помощью общества „*Аль-Да'ватъ валь-Иршадъ*“, основаніе великаго мусульманскаго университета уже заложено. Называется это новое учебное заведеніе „семинаріей“. Ученіе въ немъ безплатное. Дѣлится семинарія на два отдѣленія, каждое съ трехлѣтнимъ курсомъ: первое для образованія проповѣдниковъ, которые должны воскресить мусульманское краснорѣчіе, спящее много вѣковъ; второе—для образованія миссіонерскихъ проповѣдниковъ мусульманства. Эти миссіонеры будутъ выбираться изъ лучшихъ проповѣдниковъ и должны будутъ въ теченіе трехъ лѣтъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія для такого важнаго дѣла.

Такимъ образомъ исламъ не только чувствуетъ себя сильнымъ для защиты своего ученія, но даже мечтаетъ сдѣлать новыя завоеванія, и очень вѣроятно, что сдѣлаетъ. „Эта чистая религія“, говорилъ Мухамедъ-Ахмедъ (въ своемъ предисловіи къ книгѣ шейха Мухаммеда-Абду „*Исламъ и Христіанство*“ сотретъ всякую другую религію,—и останется одинъ исламъ для всего живущаго міра.

Что исламъ проникъ въ Африку и распространяется тамъ, это уже фактъ. Мы можемъ это понять по послѣднимъ статистическимъ даннымъ паломничества въ Мекку: число паломниковъ изъ самаго Египта съ 7500 возросло до 17500, а число паломниковъ, слѣдовавшихъ изъ другихъ странъ черезъ Египетъ, возросло до 16000. Этого мало[1]). Изъ ученія чисто религіознаго панисламизмъ превратился въ движеніе политическое и мечтаетъ о реставраціи исчезнувшей Восточной (арабской) цивилизаціи [2]).

---

[1]) Въ минувшемъ 1911 году въ Меккѣ всѣхъ паломниковъ было до 150 тысячъ человѣкъ.

[2]) Объ этомъ неоднократно высказывался г. Гаспринскій. Вѣроятно, эта мечта сродна и теперешнимъ приволжскимъ мусульманамъ.

Перехожу къ частному изложенію современнаго движенія, переживаемаго исламомъ въ разныхъ государствахъ Азіи, Африки и Европы.

Индія. Въ настоящее время въ Британскихъ владѣніяхъ находится магометанъ болѣе, нежели въ другихъ странахъ, и большая часть ихъ живетъ въ Индіи Общее число мусульманъ въ предѣлахъ Британской имперіи превышаетъ число христіанъ и ежегодно возрастаетъ. Въ частности въ Индіи магометанъ больше чѣмъ въ Египтѣ, Персіи, Марокко, Алжирѣ, Аравіи, Тунисѣ, Афганистанѣ, Триполи и Турціи. Пропаганда магометанства въ Индіи идетъ усиленно, а отсюда она проникаетъ и въ другія страны. Такъ, напримѣръ, магометане Индіи являются въ настоящее время пропагандистами ислама въ Британской Гвіанѣ и Вестъ Индіи, въ Угандѣ и Южной Африкѣ. Мусульманинъ Индіи печатаетъ въ Токіо газету „The Islamic Fraternity“ т. е. „Мусульманское Братство“. Индійскія изданія въ большемъ количествѣ расходятся на Югѣ Африки, въ Бухарѣ, Хивѣ и Туркестанѣ.

Болѣе образованная часть мусульманъ Индіи старается усиленно повысить степень образованія между своими собратьями, а для этого тысячи мусульманскихъ изданій изъ центральныхъ пунктовъ индійскаго ислама—Дели и Лукнова разсылаются по Индіи и Центральной Азіи. Эти книги печатаются на языкахъ персидскомъ, арабскомъ, урду и другихъ туземныхъ нарѣчіяхъ; Коранъ издается въ большомъ количествѣ и печатается на различныхъ языкахъ [1])

Мусульмане вездѣ воздвигаютъ большое количество мечетей, изъ которыхъ многіе отличаются архитектурою. Въ каждомъ центрѣ магометанства существуютъ магометанскія общества, цѣль которыхъ—защита и пропаганда ислама. Эти общества устраиваютъ школы и колледжи, издаютъ книги и содержатъ ряды проповѣдниковъ. И усилія мусульманъ увѣнчиваются успѣхомъ: низшіе классы индусскаго населенія охотно принимаютъ исламъ.

Такъ писалъ нѣкто Хайрулла въ „Levant Herold“ въ декабрѣ 1912 года. [2]).

Магометанство, быстро распространяясь среди индуссовъ, въ свою очередь испытало значительное вліяніе индусскаго быта и особенностей туземнаго населенія. Какъ въ Китаѣ, мечети строятся въ Индіи по образцу туземныхъ храмовъ; индусскіе праздники соблюдаются магометанами; отношеніе ко вдовамъ, благожелательное у магометанъ, подъ вліяніемъ индусскихъ воззрѣній—измѣняется. Причиною воздѣйствія индусскаго міровоззрѣнія на мусульманское служитъ то,

---

[1]) Изданія Корана отличаются отчетливостью, красотой и разнообразіемъ. См. мою книгу Исламовѣдѣніе. 3. Коранъ (Ташкентъ, 1912).

[2]) The Levant Herold und Eastan Express Constantinople. 22 Decembre 1911. Нѣсколько туманный конецъ этой статьи я не привожу.

что простой народъ Индіи поголовно безграмотенъ и магометанство не служитъ цѣлямъ просвѣтительнымъ, хотя лучшая часть магометанъ считаетъ распространеніе образованія однимъ изъ главныхъ средствъ къ укрѣпленію религіознаго ученія ислама. Дѣлаются усиленныя попытки устроить магометанскій университетъ; въ Алигарѣ есть колледжъ, число учениковъ котораго возрастаетъ ежегодно. Но, какъ находятъ и сами магометане, образованіе, получаемое въ этомъ колледжѣ, мало отвѣчаетъ религіознымъ цѣлямъ: поэтому арабскій богословскій колледжъ въ Деабандѣ (сѣв.-вост провинція), основанный еще въ 1866 году, представляетъ собою большую конкуренцію для учебнаго заведенія въ Алигарѣ. Колледжъ въ Деабандѣ преслѣдуетъ цѣли укрѣпленія правовѣрнаго ислама. Все обученіе основано на Коранѣ, и учащіеся, которые стекаются сюда изъ всѣхъ мѣстностей Индіи, воспитываются въ духѣ нетерпимости по отношенію ко всѣмъ религіямъ, включая сюда и христіанскую [1]).

Въ частномъ письмѣ изъ Индіи мнѣ сообщили, что индійскіе мусульмане (60 милліоновъ) въ настоящее время переживаютъ очень интересный фазисъ: панисламизмъ шагнулъ въ послѣдніе годы довольно много впередъ: всѣ мусульмане волновались по поводу турецко-итальянской войны и возможности занятія ими Сѣв. Персіи. Еще болѣе волновались они во все продолженіе войны Турціи съ Балканскими союзниками. Англичанамъ, опирающимся въ Индіи на мусульманъ (противъ индусовъ), пришлось уступить и отказаться отъ оккупаціи Южн Персіи, въ угоду индійскому мусульманскому настроенію. Англичанамъ приходится очень ублажать индійскихъ мусульманъ. Недавно надѣлало много шума заявленіе вице-короля о намѣреніи открыть для мусульманъ университетъ въ Центральной Бенгаліи..

Египетъ. Въ настоящее время Каиръ съ его сказочными красотами сталъ,—какъ писалъ хорошо освѣдомленный корреспондентъ „Нов. Вр.," — привлекать вниманіе Европы не столько своимъ климатомъ и вообще природой, сколько общенароднымъ негодованіемъ населенія и демонстративнымъ протестомъ туземцевъ противъ англійскаго правленія. Каирская націоналистическая печать, особенно разросшаяся за послѣднее время, громитъ политику англичанъ и выступаетъ съ разными проектами избавленія отъ англичанъ. Одинъ изъ этихъ проектовъ появился на страницахъ двухъ большихъ національныхъ газетъ и имѣлъ характерное происхожденіе. Редакторъ крупнаго націоналистическаго органа, издающагося въ Индіи, объявилъ награду въ память Ибрагима Эльвардини, убійцы премьеръ-министра Бутросъ-паши, въ размѣрѣ 10,000 франковъ, составителю наилучшаго

---

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ Правосл. Благовѣстника (1912 г. № 4).

проекта изгнанія англичанъ изъ Египта и свержения ихъ политическаго и экономическаго ига Награда эта присуждена была парижскои курсисткѣ Матильдѣ Дримусъ, предложившей слѣдующій рѣшительный проектъ: въ теченіе 10 лѣтъ, срокомъ до 1921 года, египтяне обязуются выплатить свой громадный долгъ европейцамъ (почти исключительно англичанамъ), въ суммѣ 200 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. По выплатѣ означеннаго долга, англичане въ теченіе 6 мѣсяцевъ должны предоставить Египту полную независимость и очистить его въ теченіе года. Если же на означенное предложеніе англичане въ теченіе полугода отвѣта не дадутъ, то египтяне въ ближайшую ночь устраиваютъ рѣзню англичанъ и вообще европейцевъ.— По поводу этого проекта, въ Каирѣ было много разговоровъ, особенно среди націоналистовъ...

Движеніе націоналистовъ, уже раньше существовавшее въ Каирѣ, но въ небольшихъ размѣрахъ, въ послѣднее время приняло, по словамъ корреспондента, болѣе значительные размѣры. Въ этомъ движеніи участвуютъ и военные элементы туземнаго населенія. Многіе туземные офицеры открыто раздѣляютъ настойчивыя требованія націоналистовъ. Предвидится упорная кровопролитная борьба.

Разсадникомъ каирскихъ фанатиковъ нужно считать высшую мусульманскую духовную академію „Аль-Азхаръ“ въ Каирѣ. Это одно изъ величайшихъ высшихъ заведеній всего міра. Въ немъ учатся и живутъ 15000 студентовъ-мусульманъ, посылаемыхъ сюда отъ 250 милліоновъ магометанъ, широко раскинувшихся въ трехъ частяхъ свѣта. Недавно это учебное заведеніе было свидѣтелемъ грандіозной стачки. Всѣ 15000 студентовъ-мусульманъ забастовали, отказываясь отъ пищи, ученія и моленія. Причиной забастовки были отчасти требованія внутреннихъ реформъ, заключающихся въ разрѣшеніи добровольнаго выбора учебниковъ при сдачѣ экзаменовъ и въ переходѣ съ натуральныхъ стипендій на денежныя. Эту духовную академію не даромъ называютъ „сердцемъ ислама“ (Мекка—голова его, а Стамбулъ—десница,—по ученію панисламистовъ), ибо, когда забастовка окончилась, то оказалось, что множество будущихъ муллъ всетаки отправились на войну [1]).

Въ дополненіе къ изложенному сообщалось также, что выпущенный на свободу предсѣдатель союза націоналистовъ Феридъ-бей былъ встрѣченъ съ большой радостью націоналистами, устроившими на площади Румеліи, откуда направляются караваны въ Мекку, грандіозную манифестацію своему освобожденному вождю. Въ честь его былъ данъ большой банкетъ, на которомъ присутствовали представители мѣстнои

---

[1]) „Нов. Вр.“ 1911 г. № 12, 942.

національстической печати и комитета національстическаго союза. При этомъ было произнесено много зажигательныхъ рѣчей. Одинъ изъ видныхъ членовъ національстическаго союза сказалъ слѣдующую рѣчь на арабскомъ языкѣ: „Назначеніе маршала Китченера дипломатическимъ представителемъ англійскаго правительства на берега Нила, взамѣнъ умершаго на дняхъ сэра Ольденгорста, должно обратить на себя серьезное вниманіе египтянъ. Изъ этого назначенія ясно видно рѣшеніе Англіи окупировать Египетъ. Лордъ Китченеръ не сразу рѣшился взять на себя эту не такъ легко выполнимую миссію. Не пользуясь особыми симпатіями въ кабинетѣ Асквита, онъ все хотѣлъ быть назначеннымъ въ Константинополь, въ качествѣ посла Англіи. Но отсутствіе въ Англіи другихъ государственныхъ дѣятелей съ твердой волей побудило англійское правительство послать Китченера въ Египетъ, въ надеждѣ, что онъ рѣшительными крутыми мѣрами возстановитъ здѣсь престижъ Англіи, разсѣетъ возникшее національстическое движеніе и окончательно укрѣпитъ въ странѣ англійское вліяніе. Съ прибытіемъ Китченера, слѣдуетъ ожидать ряда дѣйствій, упорно клонящихся къ присоединенію Египта къ Англіи, подобно тому, какъ это было съ Индіей“.

— Египетскій хедивъ въ недалекомъ будущемъ будетъ отставленъ, и постъ хедива останется навсегда похороненнымъ. Это входило въ планы англичанъ уже давно, когда представителемъ ея въ Египтѣ былъ еще лордъ Кромеръ.

Извѣстно, что настоящій хедивъ Аббасъ-Хильми былъ всей душой на сторонѣ угнетенныхъ туземцевъ и всегда стремился къ освобожденію Египта отъ окуппаціи англичанъ, прибѣгая часто даже къ поддержкѣ представителей европейскихъ державъ. Отношенія хедива къ англичанамъ всегда было полно ненависти. Въ ненависти онъ доходилъ даже до мелочей: ненавидя все англійское, хедивъ давалъ своимъ животнымъ клички, крайне обидныя для англійскаго національнаго самолюбія. Такъ среди его собакъ есть „Лордъ Кромеръ“. Это не скрыто отъ англичанъ, и оттого они такъ энергично стремятся къ сверженію хедива и уничтоженію навсегда его трона.

„Но мы покажемъ имъ, говорилъ ораторъ,—что не такъ легко насъ раздавить, что смѣщеніемъ хедива, арестами, насиліемъ они не только насъ не покорятъ, а наоборотъ—еще глубже посѣятъ въ нашихъ сердцахъ сѣмена ненависти и еще болѣе объединятъ всѣхъ насъ въ борьбѣ за общее дорогое дѣло. Постоимъ же всѣ дружно за нашу свободу, за наше давнее право быть въ своей странѣ гражданами, а не партіями“.

Послѣ этого нерѣдко стали случаи публичнаго оскорбленія каирскими національстами англичанъ, на что жалуются и многіе англи-

чане-туристы. И англичане, видя опасность для своего престижа, спѣшно принимаютъ рядъ мѣръ къ усиленію своего могущества въ Египтѣ: усиливаютъ гарнизонъ, замѣняютъ чиновниковъ-туземцевъ англичанами и т. д.

Изъ Каира мусульманское національстическое движеніе распространилось въ глубь Сѣверной Африки; члены его примкнули къ столкновенію Турціи съ Италіей и придаютъ турецко-итальянской войнѣ затяжной характеръ. Итальянская печать не разъ выражала удивленіе, откуда турки пополняли ту убыль въ войскахъ, которая имъ была причиняема столь частыми пораженіями, а германская „Крестовая Газета“, напечатала любопытныя данныя о ростѣ панисланизма. Оказывается, что предположенія европейскихъ политическихъ писателей, ожидавшихъ прекращенія панисламистской агитаціи немедленно послѣ побѣды младотурокъ въ Оттоманской имперіи, были далеко не основательны. Если уже низложенный султанъ Абдулъ Хамидъ главной осью своей политики считалъ панисланизмъ, то младотурки эту ось только усилили, опираясь при этомъ главнымъ образомъ на безчисленные мусульманскіе дервитскіе ордена, разбросанные повсюду, гдѣ живутъ мусульмане. Италія имѣла такимъ образомъ дѣло не съ одними турками: турокъ поддерживали арабы, берберы, суданцы и т. д. Главнымъ же врагомъ Италіи явился мусульманскій таинственный „Орденъ Сануси“, считающій милліонами своихъ членовъ среди чернокожихъ Африки. Вотъ откуда турки пополняли свою убыль въ войскахъ. Несмотря на блокаду Краснаго моря, несмотря на невозможность доставки войскъ черезъ Египетъ, турецкія войска получали болѣе или менѣе систематическія подкрѣпленія отъ мусульманскихъ племенъ центральной Африки, съ любовью втягивавшихся въ военное ремесло[1]).

Въ самомъ центрѣ британскаго могущества и владычества надъ многочисленными мусульманами—въ Лондонѣ имѣютъ постоянное пребываніе представители разныхъ мусульманскихъ странъ, а въ Индіи съ 1886 года существуетъ особое общество, обслуживающее интересы мусульманскихъ подданныхъ Англіи. Это общество имѣетъ цѣлью: а) содѣйствовать религіозному, соціальному, нравственному и умственному прогрессу мусульманъ, б) создать центръ для общественнаго единенія мусульманъ всего міра, в) укрѣпить братское чувство между мусульманами и облегчать ихъ общеніе, г) исправлять ошибочные взгляды не-мусульманъ на исламъ, д) облегчать совершеніе религіозныхъ обрядовъ въ некультурныхъ странахъ, е) читать лекціи съ дебатами о предметахъ, могущихъ содѣйствовать интересамъ ислама и ж) собирать подписку отовсюду для постройки мечети въ Лондонѣ

---

[1]) „Нов. Вр.“ № 12942.

и основать необходимый фондъ и одновременно увеличить мусульманское кладбище въ Лондонѣ [1]).

Интересна и поучительна одна особенность въ жизни мусульманъ, проживающихъ на чужбинѣ, въ странѣ невѣрныхъ—въ Лондонѣ: выходцы изъ разныхъ странъ міра, лондонскіе мусульмане не забываютъ и среди тамошней кипучей жизни своихъ религіозныхъ обязанностей. Не имѣя пока собственнаго дома для совершенія общественной молитвы, они собираются въ ресторанѣ Холборнъ, куда являются лондонскіе джентльмены на большіе обѣды и для бесѣдъ на политическія и патріотическія темы. Описаніе праздничной молитвы мусульманъ въ 1911 г., по окончаніи поста, было передано со словъ министра Ф. Гибса на страницахъ „Туркест. Вѣд", откуда приводятся заключительныя слова англійскаго автора:

„Здѣсь, въ Тэмплѣ, молодые турки изучаютъ законовѣдѣніе. При Британскомъ Музеѣ состоятъ африканцы, изучающіе западныя науки. Подъ старыми сводами публичныхъ столовыхъ вы увидите немало красныхъ фесокъ. Въ разныхъ мѣстахъ Лондона вы можете наткнуться на торговцевъ изъ Индіи, Персіи и Египта. Многіе корабли, пристающіе къ набережнымъ Лондона, привозятъ изъ Константинополя и Каира магометанъ, все имущество которыхъ состоитъ изъ тюка товаровъ и коврика для молитвы. Патронами Лондонскаго исламистскаго общества, до нѣкоторой степени объединяющаго всѣхъ этихъ скитальцевъ вмѣстѣ, состоятъ: турецкій султанъ, хедивъ Египта и магометанскіе принцы Индіи. Черезъ годъ или два, въ Лондонѣ будетъ выстроена, неподалеку отъ Вестминстерскаго аббатства, магометанская мечеть, съ которой, при закатѣ солнца, будетъ раздаваться голосъ муэдзина, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ".

---

[1]) Газета „Въ мірѣ Мусульманства" за 1911 г. № 15 ст. Агажайскаго. Въ іюнѣ 1913 г. состоялось общее собраніе Лондонскаго мусульманскаго общества. По словамъ арабской газеты „Аль-Эльмъ", обсужденію подлежалъ вопросъ о смѣтѣ общества и о выборѣ должностныхъ лицъ. Предсѣдателемъ избранъ иностранецъ Гасанъ Эфенди. Послѣ выборовъ собраніе, обсудивъ вопросы о положеніи мусульманъ земного шара, приняло слѣдующую резолюцію: „Постараться объединить всѣхъ мусульманъ земного шара путемъ культуры и просвѣщенія; постараться, чтобы европейцы, какъ культурные люди, дружно жили съ мусульманами и хорошо относились другъ къ другу; отстоять права мусульманства, допущенныя шаріатомъ; привлечь мусульманъ къ просвѣщенію; оказать англійскимъ мусульманамъ матеріальную поддержку; для сохраненія мусульманства въ Англіи построить въ Лондонѣ мечеть и открыть читальню, обслуживающую интересы мусульманъ; раздобыть необходимые матеріалы для просвѣщенія мусульманъ и всячески работать въ этомъ направленіи; создать мусульманское кладбище, обособленное отъ другихъ національностей".

Набожный англичанинъ такъ закончилъ свою корреспонденцію:

„По неисповѣдимымъ путямъ судьбы, Англія является величайшей магометанской державой въ свѣтѣ. Въ средніе вѣка мы посылали своихъ рыцарей въ крестовые походы, а теперь оказываемся покровителями вѣры ислама, имѣющей своихъ послѣдователей въ самомъ сердцѣ Лондона. При всемъ томъ, крестъ не совсѣмъ побѣдилъ полумѣсяцъ. исламъ и до сихъ поръ является силой, которой должно опасаться христіанскому міру.. Хотя магометанскіе народы управляются разными правилами, хотя ихъ земли раздроблены между различными державами; все же „Міръ Ислама“ до сихъ поръ объединяется вѣрою въ пророка и въ его книгу; турецкій султанъ, какъ потомокъ халифовъ пророка, можетъ и теперь взывать къ вѣрности и фанатизму мусульманъ всѣхъ частей свѣта. Въ этой силѣ ислама таится опасность, о которой никогда не слѣдуетъ забывать правительству страны, имѣющей въ числѣ своихъ подданныхъ милліоны мусульманъ“.

О происходившихъ въ Индіи въ разное время возстаніяхъ мусульманъ противъ Британскаго правительства я не говорю, чтобы не осложнять своей задачи.

И Франція не можетъ считать себя спокойной въ отношеніи своихъ иновѣрныхъ подданныхъ въ Африкѣ. Еще Бонапартъ въ 1798 г. испыталъ неожиданность и жестокость возмущенія каирскихъ мусульманъ [1]). Въ Алжирѣ и Константинополѣ въ 1870 году въ нѣсколько дней были опустошены и разрушены большая часть провинцій и сметены съ лица французскихъ владѣній слѣды европейской культуры.

Въ 1901 году возстаніе алжирскихъ мусульманъ противъ французскаго господства повторилось, и очевидецъ, католическій священникъ Женудэ, не могъ удержаться отъ восклицанія: „Ужасныя минуты!“ Въ возстаніи принимали участіе его друзья и сосѣди, въ томъ числѣ и его собственный слуга Въ 1912 году произошелъ мятежъ въ Фецѣ, который встревожилъ всю Францію. Поэтому вспоминается замѣчаніе знатока алжирскихъ дѣлъ Ренна: „Наше (т. е. французское) законодательство, можетъ быть превосходное для французовъ, становится нелѣпымъ и ненавистнымъ, когда примѣняется къ народамъ, отставшимъ отъ насъ въ умственномъ и соціальномъ отношеніяхъ на три или четыре столѣтія [2]).

О настроеніи Тунисскихъ мусульманъ Луи-Бертранъ писалъ, что нельзя надѣяться установить между французскими подданными въ Ту-

---

[1]) Мишле. Исторія XIX вѣка. Томъ второй, стр. 217. (С.-Петербургъ, 1883).

[2]) Marabouts et Khouan. (Alger, 1884).

нисѣ и французами прочное согласіе: никогда мусульмане не войдутъ во французское общество, никогда не будутъ считать себя французскими подданными. Въ ихъ глазахъ, какъ и въ римскую эпоху, мы представляемъ имперію, военную и административную власть побѣдителя: это жестокій ударъ нашей мечты объ ассимиляціи или о братской совмѣстной работѣ. Наша роль въ нашихъ владѣніяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ, по большей части, роль чисто показная, внѣшняя, часто очень трудно выполнимая, но которая, въ концѣ концовъ, приноситъ намъ извѣстныя выгоды, а также придаетъ намъ извѣстное значеніе въ мірѣ, что тоже не заслуживаетъ презрѣнія. Примиримся же съ этимъ сознаніемъ и будемъ смотрѣть прямо въ глаза той истинѣ, что арабы смотрятъ на насъ, какъ на враговъ [1]), и такъ какъ они вѣрятъ только въ силу, покажемъ имъ, что она есть и останется на нашей сторонѣ. Прибавимъ къ этому для нѣкотораго смягченія и по долгу совѣсти ту добродѣтель, которой они не знаютъ совершенно, да и наши администраторы, наиболѣе арабофильскіе, также не всегда примѣняютъ, а именно—справедливость („Турк. Курьеръ, 1912 г., № 30 отъ 8 февраля).

Но мусульмане не вѣрятъ такимъ намѣреніямъ европейцевъ. Наслѣдный турецкій принцъ, недавно путешествовавшій по Европѣ, имѣлъ случай высказаться о международной политикѣ европейцевъ въ такихъ выраженіяхъ.

„Европейскіе трактаты,—сказалъ онъ,—соблюдаются только до тѣхъ поръ, пока державы, ихъ подписавшія, имѣютъ достаточную силу, чтобы заставить ихъ уважать. Берлинскій трактатъ продержался 30 лѣтъ, Алжезираскій только 5 лѣтъ. Мы, люди Востока, знали прекрасно, что этотъ трактатъ былъ только игрушкой въ рукахъ французовъ. Но никто не интересуется узнать, что думаетъ мусульманскій міръ о его нарушеніи. Западъ всегда неизмѣнно полагаетъ, что можетъ считать насъ за ничтожество на томъ основаніи, что мы не можемъ пушечными залпами поддержать свои права. Визитъ Германскаго Императора въ Танжеръ былъ принятъ мусульманскимъ міромъ, какъ обѣщаніе, что Марокко никогда не будетъ отдано французамъ. Теперь мы видимъ съ печалью, что Европа не считаетъ Алжезираскій договоръ обязательнымъ для себя и забываетъ и пренебрегаетъ обязанностями, принятыми на себя по отношенію къ Марокко Мусульманскій міръ

---

[1]) Лучшею иллюстраціей въ этомъ случаѣ служитъ ст. Багдадскаго Шейха Абдулъ-Хакка, напечат. въ La Revue, 1902. № 5· Le dernier mot de l'Islam à l'Europe. Въ этой статьѣ ненависть мусульманъ къ христіанамъ высказана въ невѣроятно рѣзкихъ выраженіяхъ. См. русск. пер. Лыкошина въ „Турк Вѣд.“ 1902 г. и въ Правосл. Благовѣстникѣ за 1903 г.

слишкомъ слабъ, чтобы воспротивиться такому насилію. Но народъ Сѣверной Африки знаетъ, что въ одинъ прекрасный день явится мститель, пусть это будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ,— все равно. Это убѣжденіе, эта вѣра въ божескую справедливость укрѣпляетъ насъ въ нашихъ нынѣшнихъ невзгодахъ. Тысячелѣтняя цивилизація не можетъ быть уничтожена. Населеніе въ сорокъ милліоновъ, раскинувшееся отъ Атлантическаго океана до Персидскаго залива, а мы—одинъ народъ по языку, нравамъ и цивилизаціи, несмотря на мѣстныя различія,—не позволимъ смести себя съ лица земли. Пока что, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, потребовать, чтобы Франція уважала права народа, надъ которымъ она пріобрѣтаетъ право протектората. Мусульмане не забыли еще, что Франція ограбила алжирцевъ, что французская юстиція пристрастна, что франція создала, наконецъ, возмутительное, съ нашей точки зрѣнія, положеніе для нашихъ женщинъ [1]), совершенно не принимая въ разсчетъ религіозныхъ требованій ислама. Если Германія не можетъ или не хочетъ выполнить обѣщаній, которыя она намъ дала на могилѣ Саладина и въ Танжерѣ, то должна была бы вмѣстѣ съ другими державами позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы спасти права марокканцевъ [2]).

Въ самомъ Парижѣ постоянно проживаетъ до 15 тысячъ мусульманъ, считая съ алжирцами. Парижскіе мусульмане, подобно живущимъ въ Лондонѣ, не забываютъ своихъ религіозныхъ обязанностей и, не имѣя мечети, собираются на молитву въ нанятомъ домѣ.

Испытывая неудобство отъ неприспособленнаго для молитвы помѣщенія, парижскіе мусульмане, увеличивающіеся численно, озабочены теперь постройкой собственной мечети въ этомъ центрѣ европейской культуры, и первая мысль о мечети принадлежитъ русскому мусульманину, кавказцу Алибею. Женатый на француженкѣ, онъ однако не измѣнилъ религіи отцовъ и остался такимъ же мусульманиномъ, какимъ былъ въ Каирѣ, исполняя обязанности прокурора при коронномъ судѣ. По его словамъ, кромѣ постоянно живущихъ въ Парижѣ мусульманъ, въ этотъ городъ ежегодно пріѣзжаютъ изъ разныхъ странъ мусульмане, которые скучаютъ безъ мечети. „Вѣдь это въ большинствѣ случаевъ люди почтенные и вѣрующіе. Кромѣ того, вообще человѣку необходимо хотя бы изрѣдка отвести душу въ молитвѣ и какъ бы почувствовать себя чище и лучше. Къ счастію для насъ, говорилъ онъ, наша великая религія никого не принуждаетъ и это ея преимущество. Быть можетъ, благодаря этому, наши мусульмане съ такой охотой жертвуютъ на дѣла благотворительности. Какъ то, на

---

[1]) Въ этомъ заключается, вѣроятно, намекъ на принудительное обученіе мусульманскихъ дѣвушекъ въ Тунисѣ. Н. О.

[2]) Заимств. изъ русск. газетъ.

одномъ вечерѣ, гдѣ присутствовало немало мусульманъ, я возобновилъ бесѣду о мечети и, можете себѣ представить, собралъ въ нѣсколько минутъ двадцать четыре тысячи франковъ. Добавивъ къ нимъ еще шестнадцать, я положилъ ихъ на текущіи счетъ въ одинъ изъ банковъ.... Такимъ образомъ, начало положено, а тамъ, при добромъ желаніи, мы построимъ великолѣпную мечеть, которая не уступала бы по своей архитектурѣ Петербургскои. Мнѣ очень нравится строящаяся мечеть въ столицѣ Россіи. Мнѣ это тѣмъ болѣе пріятно, что я самъ родомъ съ Кавказа, хотя никогда тамъ не былъ. Мой отецъ давно, еще въ ранней молодости, переселился оттуда въ Египетъ,—и я родился уже на берегахъ Нила... Приступить къ постройкѣ мы могли бы, пожалуй, въ ближайшемъ времени, сказалъ онъ, но въ такихъ случаяхъ я люблю дѣйствовать навѣрняка. Необходимо собрать такую сумму, которая гарантировала бы исполненіе задуманнаго. Намъ неудобно остановиться на загроможденныхъ лѣсахъ и ждать, пока вновь поступятъ пожертвованія. Я надѣюсь въ ближайшихъ дняхъ быть въ Турціи и тамъ попытаюсь привлечь друзей и знакомыхъ. Вѣдь мечеть, въ сущности, всѣмъ нужна, не только живущимъ въ Парижѣ, но и для пріѣзжающихъ. Надо построить ее съ такимъ разсчетомъ, чтобы часть мечети употребить на гостинницу для пріѣзжихъ мусульманъ".

„Общее впечатленіе получилось такое, что въ Парижѣ рано ли поздно ли, но несомнѣнно появится грандіозное зданіе мечети гдѣ-нибудь на площади или на бульварѣ.... Можетъ быть, мы еще лично посѣтимъ это будущее зданіе нашей мечети".

Для большого духовнаго единенія проживающіе въ Парижѣ мусульмане открыли „Мусульманское братство", членами котораго состоятъ. египетскіе, тунисскіе, алжирскіе и сирійскіе арабы, турки, татары Закавказья, Крыма и Поволжья, мусульмане Индіи, Персіи и представители разныхъ другихъ народностей, исповѣдующихъ исламъ. Задача и цѣль братства ясно и опредѣленно были высказаны въ рѣчи, произнесенной при открытіи этого общества.

„Дорогіе братья! Прежде чѣмъ сказать что либо, позвольте мнѣ выразить вамъ свои чувства, чувства гордости и счастья, овладѣвшія мною при видѣ столь многочисленной группы будущихъ мусульманскихъ дѣятелей. Я отъ души радъ и тому, что вы, братья, какъ одинъ человѣкъ, отозвались на наше приглашеніе и явилось сюда. Это хорошая примѣта: такое отношеніе къ дѣлу многое обѣщаетъ въ будущемъ.

„Цѣль настоящаго братства, вѣроятно, всѣмъ вамъ извѣстна, и я не стану повторять ея. Мы, мусульмане, находимся при исключительныхъ условіяхъ. Мы не похожи на другіе народы ни исторіей, ни культурой, ни вѣрованіями, ни характеромъ дѣятельности въ повседневной жизни. У насъ все по своему и поэтому насъ понимаютъ

такъ мало. Будучи даже культурными, мы не теряемъ первоначальной особенности и всегда чувствуемъ ее. Чтобы болѣе ярко представить вамъ эту особенность, позвольте мнѣ разсказать одинъ характерный случай изъ моей собственной жизни. Какъ-то разъ, во время путешествія, мнѣ пришлось нѣкоторое время прожить въ Висбаденѣ. Между прочими достопримѣчательностями города я обозрѣвалъ и громадную фабрику—самое послѣднее слово техники. И вотъ, въ этой колоссальной фабрикѣ, среди остроумнѣйшихъ произведеній человѣческаго генія, среди самыхъ послѣднихъ открытій всемогущей науки, я бродилъ цѣлыми часами и восхищался. Цѣлая толпа ученыхъ инженеровъ работала среди громадныхъ машинъ, и я былъ среди нихъ. Теперь, представьте себѣ, друзья несмотря на все величіе тамъ, я страдалъ душою. Я зналъ все, что они дѣлаютъ, я говорилъ на ихъ языкѣ, по братски бесѣдовалъ съ ними, и можетъ быть, не уступалъ имъ въ культурномъ отношеніи; но я всетаки чувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ и изолированнымъ. Мнѣ казалось, что эти люди не понимаютъ меня, не раздѣляютъ моихъ мнѣній и не питаютъ ко мнѣ ничего, кромѣ чувства простой деликатности, порожденнаго культурой. Я былъ одинокъ, среди этой сказочной громады, среди этого царства машинъ и приборовъ. Я былъ одинъ, потому что я былъ мусульманинъ.

„Можетъ быть, для европейца все это кажется смѣшнымъ, но я увѣренъ, что вамъ самимъ знакомы эти чувства. Такова психологія мусульманскихъ народовъ. Вотъ примѣръ передъ вами. Вы пріѣхали сюда съ разныхъ концовъ земли; несомнѣнно вы родились и воспитывались при различныхъ условіяхъ, живете въ центрѣ міровой культуры и, можетъ быть, многое перезабыли изъ своей родной религіи; но тѣмъ не менѣе, при одномъ словѣ, вы вспомнили все свое прошлое, всѣ свои традиціи и, повторяю, при одномъ словѣ „исламъ“ васъ охватило чувство братскаго единенія, и вы, представители разнообразныхъ племенъ, какъ дѣти одного отца, собрались въ это помѣщеніе. Развѣ это не показываетъ оригинальности мусульманской психологіи?

„Вмѣстѣ съ тѣмъ эта оригинальность, странная для европейца, приноситъ и принесетъ въ будущемъ громадную пользу мусульманству. Наши народы постепенно объединяются и по мѣрѣ улучшенія средствъ сообщенія, единеніе это будетъ все болѣе и тѣснѣе. Какой бы ни былъ народъ, но разъ онъ исповѣдываетъ исламъ, то слѣдовательно, душа его вполнѣ схожа съ душою другого мусульманскаго народа. Единеніе наше въ будущемъ несомнѣнно. Конечно, подъ именемъ единенія я не подразумѣваю что-нибудь похожее на панисламизмъ, да и вообще я не вѣрю въ эту идею. Панисламизмъ, это—химера, совер-

шенно безпочвенная фантазія празднаго человѣка.. Помимо того, что панисламизмъ неосуществимъ, благодаря различнымъ не зависящимъ отъ насъ причинамъ; онъ излишенъ, я бы сказалъ даже—вреденъ. Вспомните, что въ настоящее время на земномъ шарѣ почти нѣтъ такой мусульманской страны, такого государства, которая болѣе или менѣе не зависѣла бы отъ народовъ, совершенно чуждыхъ по религіи, обычаямъ и по образу жизни. Всѣ наши единовѣрныя страны подчинены европейцамъ. Укажите мнѣ хоть одну страну, которая была бы вполнѣ независима (голосъ позади: Турція[1]).

„И что же? Несмотря на такое, казалось бы, неблагопріятное положеніе, исламъ не идетъ къ регрессу, а напротивъ съ каждымъ днемъ все идетъ впередъ, безъ принужденія вербуя въ свои ряды новыхъ послѣдователей.

„Намъ нѣтъ основанія бояться какого бы то ни было вырожденія, или ассимиляціи съ другими народами. Безусловно, прежде всего намъ необходимо не только братское единеніе между единовѣрными народами, но и единеніе между всѣми народами; мы должны братски относиться къ каждому. Пусть мусульманскіе народы впервые докажутъ, что братское единеніе съ иноплеменнымъ народомъ вовсе не приноситъ вреда ни для самой религіи, ни для жизни [1]). Нужно вѣрить, что именно только это единеніе дастъ возможность развернуть свои культурныя силы нашимъ темнымъ единовѣрцамъ.

„Пусть многіе утверждаютъ, что наша религія мѣшаетъ нашему прогрессу,—это ничѣмъ не доказано. Исламъ никогда не можетъ вредить или, по крайней мѣрѣ, задерживать наше движеніе впередъ, разъ мы всею душою захотимъ этого. Религія не при чемъ [2]). Стоитъ намъ только уяснить себѣ, что лишь въ культурѣ наше лучшее будущее—мы будемъ прогрессировать. Религія не можетъ намъ загородить дорогу. Исламъ въ сущности вовсе не такъ строгъ къ новизнѣ, какъ думаютъ многіе. Можетъ быть, только благодаря исламу, расцвѣла арабская культура, имѣвшая столь громадное значеніе для прогресса человѣчества.

Широкая будущность ожидаетъ наши народы, но достигнуть ее они могутъ только путемъ упорнаго культурнаго труда. Мы, молодыя

---

[1]) Но, вѣдь, ораторъ только что увѣрялъ своихъ слушателей, что психологія у мусульманъ особая и что братское единеніе возможно только между мусульманами.. И это вѣрно, потому что основано на Коранѣ: „всѣ мусульмане—братья (гл. 3, ст. 98—99) и должны дружить между собою (гл. 3, ст. 114). Н. О.

[2]) Здѣсь не мѣсто возражать оратору, но онъ логически не правъ. Точно также и ниже онъ настаиваетъ на любви къ прошлому мусульманъ, а прошлое трудно помирить съ новымъ, т. е. съ европейскимъ прогрессомъ?! Н. О.

силы, будущіе защитники нашихъ единовѣрцевъ, должны работать не покладая рукъ и вести къ свѣту своихъ братьевъ. Мы будемъ піонерами лучшей, радостной жизни и по всѣмъ уголкамъ единовѣрныхъ странъ разнесемъ радостную вѣсть, что на этой грустной землѣ есть истина, свѣтъ и братская любовь.

„Насъ поймутъ, если мы будемъ говорить отъ чистаго сердца и если молодыя поколѣнія воспитаются на нашихъ идеяхъ. Миръ, а не насиліе долженъ царствовать среди насъ. Намъ нѣтъ надобности губить свои силы, гоняясь за различными фантастическими мыслями.... Намъ все равно не удастся возстановить арабскій халифатъ, тогда какъ культурной работой мы можемъ добыть себѣ лучшее мѣсто среди народовъ земли. Пусть каждый изъ насъ будетъ вѣстникомъ мира, любви и всепобѣждающей культуры. Пусть каждый работаетъ среди своего племени и дѣлитъ свои лучшія мысли съ окружающими его.

„Конечно, можетъ быть, пройдетъ много-много лѣтъ, прежде чѣмъ мы увидимъ результаты своихъ трудовъ, но это не должно смущать насъ. Не нужно падать духомъ: всѣ мы—труженики должны объединиться въ одну тѣсную семью и работать, не считая ни времени, ни потраченной силы.

„Нужно безконечно любить нашу исторію, нашихъ славныхъ предковъ и все то, что связано съ понятіемъ мусульманства. Любовь къ прошлому—вотъ что сблизитъ нашихъ разноплеменныхъ единовѣрцевъ. Наши предки были злы, не-культурны, грубые эгоисты—мы согласны съ этимъ; но это не должно унижать ихъ въ нашихъ глазахъ. Пусть они ничего не сдѣлали для исторіи, пусть они были даже вредны для человѣчества, но мы будемъ любить ихъ, потому, что они наши. Только сильная любовь къ чему-нибудь родному дастъ намъ силу въ борьбѣ за прогрессъ и торжество мысли. И пусть эта одухотворяющая, оживляющая неизсякаемая любовь будетъ любовью къ нашимъ предкамъ. Она вдохнетъ въ наши молодыя души непоколебимую отвагу и въ упорной борьбѣ за свободу мысли и за лучшее будущее останется за нами“ [1])... Симпатичная рѣчь!

Панисламистскій комитетъ имѣетъ отдѣленіе и въ Берлинѣ. По поводу объявленія Италіей войны съ Турціей, отъ Берлинскаго отдѣла комитета была разослана представителямъ ислама во всѣхъ странахъ зашифрованная нота такого содержанія:

„Турція, какъ калифатъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ уступить Триполи. Уступка колоніи не можетъ быть ничѣмъ оправдана въ глазахъ магометанъ. Даже въ личныхъ интересахъ, Турція не можетъ допустить уступки Триполи, такъ какъ въ подобномъ случаѣ ей,

---

[1]) Газета „Въ мірѣ мусульманства“, отъ 17 іюня 1911 г. № 9.

во-первыхъ, какъ государству, представятся самыя сложныя затрудненія на Балканахъ; во вторыхъ, какъ калифатъ, она, вѣроятно, будетъ замѣнена арабскимъ калифатомъ: уступка Триполи равносильна самоубійству государственному и религіозному. Магометане представляютъ Турціи очень опредѣленныя требованія, исполненіе которыхъ исламистскія организаціи считаютъ безусловными и осуществленія которыхъ онѣ готовы добиваться въ крайнемъ случаѣ даже помимо Оттоманскаго правительства. Эти требованія сводятся къ слѣдующему: бойкотъ итальянской торговли не только въ Турціи, но и повсюду, гдѣ живутъ магометане, именно въ Египтѣ, Индіи, Алжирѣ, Тунисѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и т. д. Если же итальянцы, и по улаженіи конфликта, осмѣлятся оставаться въ Турціи, то ихъ надо считать плѣнниками. Калифатъ долженъ прибѣгнуть къ своему авторитету,—обратиться къ магометанамъ всего свѣта съ воззваніемъ о помощи деньгами и людьми. Въ крайнемъ же случаѣ, если европейскія державы не окажутъ воздѣйствія на Италію, калифатъ будетъ считать всѣ международныя соглашенія, въ особенности касающіяся веденія священной войны, несуществующими.

„Образъ дѣйствія Италіи является не только нарушеніемъ международнаго права, но всѣхъ европейскихъ конгрессовъ, на которыхъ европейскія державы гарантировали неприкосновенность Турціи. Если державы не исполняютъ данныхъ ими гарантій, то и калифатъ въ правѣ считать себя свободнымъ отъ своихъ обѣщаній.

„Если Турція, противъ ожиданія, не приметъ во вниманіе этихъ требованій, то должна быть готова къ тому, что они будутъ проведены въ жизнь помимо нея. Черезъ два мѣсяца и два дня начнется паломничество [1]) правовѣрныхъ въ Мекку и къ гробницѣ пророка. Послѣ этого все станетъ возможнымъ“.

При этомъ заслуживаетъ вниманія извѣстіе объ оффиціальной аудіенціи, данной въ концѣ истекшаго года епископу Лунху, начальнику католическихъ миссіонеровъ, трудящихся въ нѣмецкихъ африканскихъ колоніяхъ. О политическомъ значеніи этой аудіенціи въ германской печати много говорилось и при томъ различно, смотря по направленію газетъ—католическихъ и протестантскихъ. Императоръ Вильгельмъ отказался признать въ панисламскомъ движеніи какую-либо опасность для нѣмецкихъ колоній; но это объясняется тѣмъ, что панисламизмъ до послѣдняго времени имѣлъ покровителя въ лицѣ Германскаго Императора. Поэтому и нѣмецкіе дипломаты склонны думать, что панисламизмъ сдѣлается опаснымъ не скоро для нѣмецкихъ колоній въ Конго, но что создаваемыя для англичанъ затрудненія укрѣ-

---

[1]) Разумѣется—Хаджъ 1911 г. (18 ноября 1911 г.).

пятъ положеніе нѣмцевъ въ Малой Азіи. Такъ объяснялись поѣздка Императора Вильгельма и рѣчь его въ Танжерѣ [1]).

Не входя въ дальнѣйшія разсужденія по этому вопросу скажемъ, что приведенные факты не отрицаютъ, а подтверждаютъ существованіе панисламизма и въ Германіи.

Наконецъ, нѣтъ основаній и для насъ сомнѣваться въ наличности панисламскихъ мечтаній, хотя объ этомъ стараются нѣкоторые публицисты. По этому вопросу группа русскихъ мусульманъ не такъ давно избрала особую редакціонную комиссію для опубликованія въ газетѣ „Рѣчь“ (отъ 25 декабря 1911 года № 353) пространнаго письма съ обвиненіемъ редактора газетъ „Мусульманинъ“ и „Въ мірѣ мусульманства“ въ распространеніи свѣдѣній о панисламизмѣ. Для нашей цѣли эта полемика не имѣетъ значенія, но фактъ остается фактомъ. Есть ли въ Россіи особый комитетъ панисламистовъ—неизвѣстно, но намъ уже извѣстно, что Измаилъ Гаспринскій хлопоталъ предъ правительствомъ Египетскаго Хедива о созывѣ панисламскаго конгресса; извѣстно, что въ настоящее время Абдрашидъ Ибрагимовъ объѣхалъ всѣ мусульманскія страны и теперь находится въ предѣлахъ духовной власти Африканскаго Шейха Сенуси, дающаго тонъ всему „Міру ислама“. Въ 72 № Стамбульскаго журнала отъ 28 мухаррама 1330 года сообщалось уже объ объявленіи священной войны Шеихомъ Сенуси. Въ томъ же № была напечатана очень рѣзкая статья, подъ заглавіемъ „Русское знамя“, по поводу теперешняго положенія дѣлъ въ Персіи. А что писалось въ другомъ Стамбульскомъ журналѣ о Россіи со словъ русскихъ татаръ разныхъ мѣстностей,—это извѣстно весьма немногимъ.

Если Ахметъ Бекъ Агаевъ говоритъ, что тотъ спитъ, кто не видитъ, что мусульманскій міръ идетъ по пути преобразованія, если онъ еще въ 1908 году писалъ, что мусульманамъ необходимо создать изъ себя *всемірное* мусульманское царство, если Гаспринскій совѣтовалъ учредить особое общество для объединенія всѣхъ мусульманъ и для сближенія съ Турціей, то я могу высказать только удивленіе, какъ можно быть столь недальновиднымъ, чтобы повѣрить заявленіямъ мусульманскихъ публицистовъ, что въ Россіи нѣтъ панисламизма.

Къ числу такихъ защитниковъ современнаго мусульманскаго движенія въ Россіи принадлежитъ между прочимъ авторъ статьи, напечатанной въ „Русской Мысли“, подъ заглавіемъ „Мусульманскій вопросъ въ Россіи“ [2]).

---

[1]) Пов. Время.

[2]) „Русская Мысль“ 1909 года, іюльская кн., ст. Алисова.

„Послѣ созданія Русскаго государства, говоритъ авторъ, наступила очередь для его укрѣпленія; послѣ вѣковыхъ усилій, направленныхъ на пріобрѣтеніе территорій, на присоединеніе сильныхъ и слабыхъ народовъ приходится заботиться объ использованіи пріобрѣтенныхъ территорій, объ усиленіи и развитіи присоединенныхъ народовъ. Движеніе вширь какъ будто кончено. Послѣдній предѣлъ ему былъ положенъ русско-японской войной. Эта война ясно и опредѣленно показала, что дальнѣйшее движеніе вширь, при теперешнихъ историческихъ обстоятельствахъ, опасно, что оно можетъ принести Россіи не увеличеніе ея силъ а очень опасное ослабленіе. Внутренній кризисъ, который временно разрѣшился провозглашеніемъ манифеста 17 октября, былъ попыткой рѣшительно превратить это вѣковое движеніе вширь— въ движеніе вглубь, съ цѣлью укрѣпить и удержать государство...

„Передъ Россіей—продолжаетъ авторъ—все также стоятъ и хотя не громко, но также настойчиво требуютъ отвѣта вопросы культурнаго развитія, столь неразрывно связанные съ развитіемъ русско-государственной силы. Религія и свобода совѣсти, народное образованіе, земля, развитіе промышленности, укрѣпленіе финансовъ, наконецъ, скрещивающіеся интересы и права національностей. На культурное развитіе этихъ народностей, на устройство ихъ взаимныхъ отношеній мало обращаютъ вниманія; въ вихрѣ событій послѣднихъ лѣтъ русское общество рѣдко останавливало на нихъ свой взглядъ. Но мусульманъ въ Россіи около 20 милліоновъ, т. е. они составляютъ одну седьмую часть всего населенія Имперіи; значитъ, послѣ великоруссовъ и малоруссовъ, эта самая значительная группа. Такая группа не можетъ не получить политическаго значенія, какъ только въ ней зарождаются хотя бы первые зачатки единства и внутренняго самоопредѣленія. Въ эту группу входятъ и кочевники, и народы съ традиціями древней и средне-вѣковой персидской культуры, и народы, которые подъ русскимъ владычествомъ выработали свою особую культуру. Среди нихъ есть и чистые или почти чистые тюрки и отурченные иранцы, отурченные монголы, отурченныя финскія племена, отурченные грузины и среди нѣкоторой части финновъ (по Волгѣ) находятся даже примѣсь славянской крови. Но ядро этихъ народовъ тюркское. Языкъ ихъ тюркскій. Почти всѣ они исповѣдываютъ исламъ. Поэтому вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи этихъ 20 милліоновъ тюрковъ мусульманъ составляетъ очень значительную часть обще-русской государственной проблемы.

Впервые націоналистическія и конституціонныя стремленія эти нашли выраженіе въ проектѣ крымскаго писателя Измаилъ-Бека Гаспринскаго, который много обсуждался въ Россіи и въ Египтѣ. Гаспринскій предлагалъ устроить въ Каирѣ обще-мусульманскій съѣздъ для изслѣдованія причинъ культурной отсталости мусульманскихъ

странъ. Несомнѣнно, народилось новое обще мусульманское движеніе, сквозь старую кору исламскаго міровоззрѣнія потекли какія-то новыя освѣжающія струи. Не отрекаясь отъ сущности своей религіи, мусульманскіе народы ищутъ новыхъ формъ жизни. Разница между султаномъ Абдулъ Хамидомъ и младотурками состоитъ въ томъ, что исламизмъ проникнутъ косностью и фанатизмомъ, между тѣмъ какъ новое движеніе, почерпая свое вдохновеніе въ золотомъ вѣкѣ арабской культуры и дорожа своею національностью, стремится принять общечеловѣческую культуру. По словамъ автора, главная задача новаго мусульманскаго движенія состоитъ въ пріобщеніи мусульманскихъ народовъ къ міровой культурѣ. Такимъ образомъ это движеніе, будучи мусульманско націоналистическимъ, является прежде всего культурнымъ, такъ какъ направлено къ духовному культурному обогащенію значительной части населенія Русской имперіи для совмѣстной работы съ кореннымъ населеніемъ...

Сознаніе среди мусульманъ разныхъ стѣснительныхъ правительственныхъ мѣръ и посягательства на ихъ самостоятельность усиливаютъ у мусульманъ чувство общности интересовъ и стремленія къ самозащитѣ.

Излагая затѣмъ нѣсколько односторонне зарожденіе и постепенное развитіе націоналистическаго и объединяющаго стремленія мусульманъ, авторъ говоритъ, что въ настоящее время въ мусульманскихъ газетахъ политики мало [1]), но очень опредѣленно проводится мысль о необходимости распространенія среди мусульманъ образованія. Во имя національнаго движенія и укрѣпленія его въ народѣ, татарскія газеты настаиваютъ постоянно на необходимости просвѣщенія во всѣхъ его видахъ, порицаютъ отсталость отжившихъ педагогическихъ пріемовъ и умственную лѣнь ислама, зорко слѣдятъ за развитіемъ школьнаго вопроса въ Имперіи, за проектами по вопросамъ о народномъ просвѣщеніи, предлагаемымъ правительствомъ, обществами или частными лицами. Къ вопросу о культурѣ и школьномъ просвѣщеніи мусульманскія газеты обращаются при всякомъ удобномъ случаѣ.

Высказывая рѣзкій взглядъ на отношенія современныхъ Европейскихъ правительствъ къ мусульманскимъ странамъ, авторъ приводитъ выдержку изъ Бакинской газеты, одобряющей сближеніе Россіи съ Англіей, а затѣмъ упоминаетъ о взглядѣ газеты Гаспринскаго „Тарджуманъ“ на сближеніе Россіи съ Турціей, какъ на явленіе желательное. По словамъ автора, мусульманское движеніе обусловливается:

---

[1]) За то было много въ первые годы освободительнаго движенія. Въ турецкихъ же газетахъ и журналахъ политики и притомъ нетерпимой, фанатической политики много. П. О.

1) историческимъ процессомъ, постепенно стянувшимъ большинство тюркскихъ народовъ подъ русскую власть;

2) обще русскимъ освободительнымъ движеніемъ;

3) пробужденіемъ ислама по всему міру.

Тюркскіе народы, находящіеся въ предѣлахъ одного государства, не могутъ не сближаться, и темпъ этого сближенія будетъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ будетъ подыматься культурный уровень отдѣльныхъ группъ.

Въ концѣ своей статьи авторъ (Гаспринскій) упоминаетъ о пригодности мусульманской культуры, какъ орудія для дальнѣйшаго развитія народовъ, исповѣдующихъ исламъ, и говоритъ, что на это пытаются отвѣчать мусульмане въ Турціи, въ Персіи и въ Россіи. Крайне интересно, что въ Турціи и въ Россіи одновременно подвергаются испытанію и мусульманская культура, и тюркская народность. Сумѣютъ ли тюрки найти переходъ, установить естественную преемственность между старой и новой культурой, сохраняя духовную суть ислама и усилить свою народность усвоеніемъ міровой культуры? Вотъ вопросъ, который имѣетъ сейчасъ какъ для турецкихъ, такъ и для русскихъ мусульманъ чрезвычайно важное значеніе.

„Проникнется ли русско-мусульманская интеллигенція сознаніемъ этого?“ спрашиваетъ другой авторъ.

Отвѣтомъ служатъ разсужденія Ахмеда Цаликова и Магометъ-бека Хаджетлаше, напечатанныя въ № 24 издававшагося въ Парижѣ журнала „Мусульманинъ“. Оба названные публициста стоятъ за реформы современной жизни мусульманъ, но одинъ изъ нихъ (Хаджетлаше) предлагаетъ основываться на религіи, согласно шаріата, а другой (Цаликовъ)—на общечеловѣческихъ идеяхъ и идеалахъ. Пути совершенно различные, взаимно исключающіе другъ друга. Цаликовъ въ своемъ прогрессивномъ планѣ отказываетъ вмѣстѣ догматической и обрядовой сторонѣ, такъ какъ де въ наше время религія, идея національности и всякая общественно-культурная обособленность неизбѣжно рушатся. Хаджетлаше, наоборотъ, считаетъ религію и обрядовую сторону жизни мусульманъ первою стадіей естественнаго роста культурнаго самосознанія мусульманъ; поэтому съ этой ступени и слѣдуетъ начинать просвѣтительную работу, которая постепенно приведетъ мусульманъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ. Радикальный Цаликовъ не задумывается отрицать религіозную обособленность мусульманъ и идею мусульманскаго братства, считая все это ветхо-завѣтнымъ хламомъ, романтизмомъ и маниловщиной, тормозами въ развитіи мусульманъ. Хаджетлаше проситъ своего противника не забывать, что исламъ есть не только чисто религіозное ученіе, но и ученіе, регулирующее отношенія своихъ послѣдователей, даже въ области чисто

свѣтской жизни; шаріатъ—это цѣлая система семейственнаго, гражданскаго, уголовнаго и административнаго права, это—кодексъ права вообще. Кодексъ же права у всякаго народа является всегда выраженіемъ всей его культуры, духовной и матеріальной. И разъ шаріату, какъ кодексу права, подчинялись въ теченіе ряда вѣковъ всѣ мусульманскіе народы, будь то сынъ дикихъ горъ Кавказа, киргизъ привольныхъ степей, или дитя знойныхъ песковъ Аравіи,—у всѣхъ нихъ не могла не создаться извѣстная общность культуры, общность чувствованій и міропониманія, общность своеобразной восточной философіи. Но фактъ тотъ, что мусульманъ связываетъ не только общая религія, но еще во многомъ и весьма важномъ и общая культура въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова [1]). Никто не станетъ оспаривать, что нитей, связывающихъ мусульманина съ мусульманиномъ, неисчислимо больше, чѣмъ нитей, связующихъ христіанина съ христіаниномъ...

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же публицистъ высказалъ, что ученіе Магомета, благодаря своимъ особенностямъ, глубоко проникаетъ все міросозерцаніе мусульманина и кладетъ неизгладимую печать на внутренній бытъ и характеръ его общественныхъ и чисто-правовыхъ отношеній. По мнѣнію каждаго мусульманина, еще не отравившагося ядомъ европейскаго безбожія, выше всего обязанности по отношенію къ религіи и мечети. Религія и мечеть это основной базисъ всей дальнѣйшей жизни мусульманина. И разъ это такъ, то, очевидно, государству въ своихъ же собственныхъ интересахъ надлежитъ нормировать религію народа, какъ свою опору.

Исходя изъ этого, было бы естественно полагать, что жизнь огромной мусульманской массы должна находить должное вниманіе и въ законодательствѣ и въ дѣятельности тѣхъ органовъ правительства, которые призваны ближайшимъ образомъ руководить ею.

Въ дѣйствительности же жизнь мусульманъ забыта, что называется Богомъ и людьми. Остаются безъ всякаго улучшенія, подъ спудомъ всеобщаго забвенія, такіе вопросы, какъ безначаліе и дезорганизованность мусульманской іерархіи, духовной школы, произвольность примѣненія шаріата духовенствомъ и отношеніе послѣдняго къ государственнымъ повинностямъ.

Противъ улучшенія нѣкоторыхъ сторонъ въ духовной жизни мусульманъ ничего не имѣютъ даже сами власть имущіе, но... вѣдь мусульмане не требуютъ,—значитъ, можно обойтись и такъ... по старому...

---

[1]) Очевидно, Хаджетлаше преувеличиваетъ дѣйствительность и противорѣчитъ себѣ, настаивая на необходимости образованія и реформъ среди мусульманъ. Н. О.

Такъ изъ года въ годъ мусульманская жизнь течетъ по давно отжившимъ старымъ русламъ· народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и вырождается. Первою, наиболѣе важною причиной этого убійственнаго процесса нужно назвать тѣ общія условія, отъ которыхъ также страдаетъ и русское населеніе, и специфическое безразличіе, безучастіе, съ искони легшія въ основу отношеній правительства къ мусульманамъ.

Результаты подобнаго отношенія оказались столь чудовищными, что, живя въ вѣкъ наибольшаго расцвѣта идеи правового государства, мы не достигли во многомъ того, что имѣло реальное существованіе въ варварскомъ прошломъ и во многомъ можемъ позавидовать этому послѣднему [1])... Но мусульманство пробудилось. Оно ищетъ пути къ новой жизни, и большая заслуга будетъ тому начальнику, который пойметъ это пробужденіе и укажетъ настоящіе пути.

Кто жилъ съ мусульманами, кто вникалъ въ ихъ безхитростную жизнь, тотъ не можетъ не любить ихъ. Мусульманинъ по существу своему честенъ, правдивъ и глубоко вѣрующій человѣкъ. Уважая и любя справедливаго начальника, онъ терпѣливо переноситъ его гнѣвъ, сознавая, что иначе тотъ и поступить не могъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ положеніе начальниковъ изъ мусульманъ. Понимая духъ народа, языкъ, нравы и обычаи, такой начальникъ всегда будетъ постигать свои цѣли во всѣхъ отношеніяхъ, и мы не безъ гордости можемъ указать на полковника Султанъ-Бека Клычбіева, начальника Нальчикскаго округа Терской области, который въ короткое время совершенно уничтожилъ абречество въ своемъ округѣ и котораго населеніе глубоко уважаетъ и слушается.

Если представить себѣ, что въ ближайшемъ времени въ Оренбургскую, Уфимскую, Казанскую и т. д. губерніи попадутъ люди, изучившіе мусульманство, то не пройдетъ и одного года, какъ вся клевета и ложь на мусульманъ разсѣется, какъ дымъ. А между тѣмъ, какъ часто въ эти мѣста попадали люди иного характера, малосвѣдующіе, хотя и съ желаніемъ принести пользу и быть справедливымъ. Это очень трудно, когда кругомъ говорятъ только плохое и устраиваютъ непроницаемую стѣну между начальникомъ и мусульманскимъ населеніемъ.

Мусульманство—вопросъ очень сложный, почему нельзя рѣшать всѣ явленія съ плеча или росчеркомъ пера. Не надо забывать, что въ составъ Росс йской Имперіи входитъ огромное количество мусульманъ, которое одинаково жаждетъ свѣта и лучшей жизни.

---

[1]) „Въ Мірѣ Мусульманства“ 1911 года № 36. Намекъ на вѣротерпимость монголовъ. П. О.

Необходимо помнить ответственность передъ государствомъ и не забывать, что мусульмане также граждане великой Россіи [1]).

Чтобы пояснить послѣднія мысли мусульманскихъ публицистовъ, надо имѣть въ виду быстрый приростъ мусульманскаго населенія въ Россіи. Въ 1880 г. мусульманъ насчитывалось въ Россіи до 11 милліоновъ. Число написанныхъ на ихъ языкѣ и напечатанныхъ книгъ было 7—8, изъ которыхъ состояла вся тюркская литература; типографій—1, общественныхъ дѣятелей—4, лицъ съ высшимъ образованіемъ —12 и одинъ учившійся въ Западной Европѣ. Никакихъ новометодныхъ школъ, никакого общества и ни малѣйшаго стремленія къ культурѣ не было. Такимъ образомъ 11 милліонное населеніе покрыто было густымъ туманомъ и спокойно спало.

Въ 1910 году, ровно черезъ 30 лѣтъ, по закону размноженія, число мусульманъ достигло 20 милліоновъ. На ихъ языкѣ издано было болѣе тысячи книгъ; открыто 14 мус. типографій, въ которыхъ печатались 16 газетъ и журналовъ. Получившихъ высшее образованіе въ Россіи было 200, а пріобрѣвшихъ образованіе разными другими путями около 1000, мугаллимовъ насчитывалось 10000 и занимающихся литературной дѣятельностью около 100 человѣкъ, 6 высшихъ и 5000 низшихъ школъ реформировано. Учащихся въ Западной Европѣ было 20. Существуютъ 37 благотворительныхъ обществъ, 3 маленькихъ банка и 3 деревенскихъ банка.

При нормальномъ ходѣ дѣлъ, въ Россіи въ 1940 году (спустя 30 лѣтъ) статистика мусульманъ покажетъ слѣдующее: населеніе достигнетъ 35 милліоновъ; изданныхъ книгъ и брошюръ будетъ 12000 названій; типографій 40, газетъ и журналовъ 80; число духовныхъ школъ новаго типа 100; учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи 3400 и въ Западной Европѣ 300; число просвѣщенныхъ людей (мугаллимовъ, имамовъ и друг. классовъ) достигнетъ 250 тысячъ; неграмотныхъ не будетъ, а изъ женщинъ 50% будутъ грамотны; благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ будетъ 280, національныхъ клубовъ и библіотекъ 500, членовъ въ Государственной Думѣ 85 [2]).

Если съ другой стороны возрожденному Китаю удастся возстановить свои силы, чтобы стать первостепенной державой въ мірѣ, то можно допустить, что при этой преобразовательной работѣ, обезпечивъ свою самостоятельность и обогатившись западными знаніями, Китай поспѣшитъ освободиться отъ своихъ ошибокъ и заблужденій культа, чтобы воспринять такую религію, которая въ основѣ своей

---

[1]) „Въ Мірѣ мусульманства“ 1911 г. № 28.

[2]) Авторъ или преувеличиваетъ факты, или говоритъ о нихъ, не имѣя точныхъ данныхъ въ рукахъ. Н. О.

имѣетъ поклоненіе высшему существу и что въ этомъ случаѣ онъ принципіально отдастъ предпочтеніе исламизму, который уже исповѣдывается болѣе чѣмъ 20 милліонами китайцевъ и лучше всякой другой религіи Запада согласуется съ чувственностью и матеріалистическимъ эпикурействомъ Дальняго Востока [1]).

Лучше и ближе къ цѣли высказалась редакція газеты „Въ Мірѣ мусульманства“ отъ 19 января текущаго 1812 года.

„На этой недѣлѣ закончились торжественные пріемы, устраиваемые въ С.-Петербургѣ англійскимъ гостямъ.

„Представители различныхъ слоевъ русскаго общества, а также правительства и духовенства всю недѣлю оказывали англичанамъ самый радушный пріемъ. И русскими, и англичанами высказаны были мысли и пожеланія, общій итогъ которыхъ сводится къ сознанію великой пользы, которую слѣдуетъ ожидать отъ взаимнаго сближенія Англіи и Россіи.

„Это сближеніе безусловно явилось бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ успѣховъ мирной и примиряющей политики нашего времени. Мирныя и дружескія отношенія Россіи и Англіи принесутъ величайшую пользу общечеловѣческой культурѣ.

„Изъ всѣхъ христіанскихъ державъ Англія и Россія являются державами съ наибольшимъ количествомъ мусульманскихъ подданныхъ

---

[1]) „Въ Мірѣ мусульманства“ 1911 г № 33. Интересная характеристика двумъ религіямъ напечатана въ мусульманской газетѣ, именно.

Религія Христа, основанная на безконечно далекомъ идеалѣ любви къ ближнему и всему живущему, и религія Магомета провозглашенная на основахъ справедливости, при сопоставленіи ихъ внутренней сущности, находятся въ гармоничной согласованности между собой, служа однѣмъ и тѣмъ же высшимъ задачамъ страждущаго человѣчества. Иначе и быть не можетъ, ибо если-бы безсмертныя творенія вождей человѣчества по конечнымъ цѣлямъ своимъ противорѣчили другъ другу, то человѣчество въ будущемъ могло бы имѣть безотрадныя перспективы взаимнаго непониманія и идейной вражды.

Съ этой точки зрѣнія, всѣ религіозныя войны и крестовые походы, которые велись якобы во имя торжества извѣстной идеи, являются историческимъ заблужденіемъ человѣчества.

Если „любовь“ Христа есть отдаленный и трудно достижимый идеалъ, то „справедливость“ Магомета какъ-бы является мистическимъ послѣсловіемъ къ религіи Христа. Лишь человѣчество, воспитанное на принципахъ справедливости, можетъ приблизиться къ высокому идеалу любви къ ближнему, ибо любовь есть послѣднее и высшее выраженіе человѣческаго духа.

Справедливость Магомета для современнаго человѣчества является болѣе близкимъ, болѣе жизненнымъ—вотъ чѣмъ объясняется, что современныя христіанскія страны Европы и Америки, въ лицѣ своихъ представителей высшаго общества, принимаютъ исламъ и горячо проповѣдуютъ его.

въ Россіи мусульманъ насчитывается около 20 милліоновъ, а въ Англіи около 62 милліоновъ.

Вотъ почему сближеніе этихъ двухъ державъ явится факторомъ важности въ дѣлѣ культурнаго пробужденія мусульманскихъ народовъ.

„Для всякаго ясно, что это сближеніе только усилитъ интенсивность культурнаго движенія мусульманъ, которые до сихъ поръ въ силу малой своей просвѣщенности не разъ становились игрушкой, или—въ лучшемъ случаѣ—слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ англійскихъ дипломатовъ всякій разъ, когда они вели враждебную Россіи политику. Англійскія козни противъ Россіи ввергли уже Турцію въ войны противъ нея, и отъ этихъ войнъ въ наибольшемъ выигрышѣ оставалась въ конечномъ итогѣ только Англія.

„Сближеніе Россіи и Англіи, какъ это многократно говорилось англійскими гостями и русскими во всѣхъ рѣчахъ на банкетахъ, раутахъ и обѣдахъ, принесетъ много практическихъ выгодъ обоимъ государствамъ, иначе говоря—всѣмъ подданнымъ ихъ безъ различія національностей, а слѣдовательно и мусульманамъ, находящимся въ подданствѣ этихъ двухъ державъ. Это понятно всѣмъ и каждому.

„Мы уже высказывались на столбцахъ нашей газеты о необходимости сближенія Россіи съ Турціей, указывая его важность. Дѣло сближенія Россіи и Англіи, можно сказать, поставлено на твердую, прочную почву, какъ въ русской, такъ равно и въ англійской жизни. И если бы къ нимъ присоединилась еще и Турція, если бы установились когда-нибудь дружескія отношенія не только между Россіей и Англіей, но еще и Турціей: то, мы увѣрены, что мусульманскіе народы, подъ сѣнью этой дружбы, могли бы идти ускореннымъ темпомъ по пути общечеловѣческой культуры... Но историческія судьбы народовъ неисповѣдимы, а, быть можетъ, мусульмане доживутъ и до этихъ свѣтлыхъ дней“ [1]).

---

[1]) Газета „Въ Мірѣ мусульманства“ 1912 г. № 3. Быть можетъ, газета раздѣляетъ взглядъ извѣстнаго изслѣдователя ислама—Д-ра Снукъ Хургронье, который говоритъ, что въ будущемъ, по требованію условій жизни, исламъ откажется отъ своей нетерпимости въ отношеніи другихъ религій, отъ которыхъ будетъ отличаться только своими догматами и обрядами. Это можетъ случиться лишь тогда, когда послѣдній политическій центръ ислама окончательно подчинится вліянію Европы и когда всѣ болѣе или менѣе культурные мусульманскіе народы научатся подчиняться сильному европейскому правительству (Журн. М. Н. Пр. 1899 г. октябрь, стр. 374). Но едва ли стремящіеся къ возрожденію] современные мусульмане согласны въ душѣ своей съ такой перспективой зависимости отъ кяфировъ.... П. О.

На основаніи изложенныхъ въ моемъ сообщеніи фактовъ и разсужденій, слѣдуетъ, мнѣ кажется, придти къ такимъ выводамъ:

1) Міръ ислама сохраняетъ и въ наши дни свой отличительный „религіозный“ характеръ, который особенно рельефно выступаетъ въ жизни и настроеніяхъ мусульманъ при столкновеніи ихъ интересовъ съ интересами иновѣрцевъ. Тогда выступаетъ вопросъ о св. войнѣ (Джихадъ, Газаватъ).

2) Многочисленность мусульманъ въ разныхъ странахъ и взаимное тяготѣніе ихъ другъ къ другу осложняютъ политическую борьбу съ міромъ ислама. По существу, борьба эта религіозная, какъ борьба ислама съ христіанствомъ [1]).

3) Сознаніе слабости собственныхъ силъ побуждаетъ передовыхъ мусульманъ внѣ Россіи усиливать себя распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ и поддерживать духовное единеніе мусульманъ всего міра [2]). Это и есть панисламизмъ [3]), отъ наличности котораго отказываются наиболѣе осторожные представители наступившаго пробужденія мусульманъ. При этомъ я не считаю нужнымъ говорить о возможныхъ въ будущемъ послѣдствіяхъ современнаго движенія въ мірѣ Ислама.

4) Но, несомнѣнно, что для Россіи мусульманскій вопросъ имѣетъ огромное значеніе, въ виду многочисленности русскихъ подданныхъ мусульманъ съ преобладающимъ этнографическимъ сродствомъ, и уже по одному этому заслуживаетъ изученія его и внимательнаго къ нему отношенія.

5) Прогрессивное движеніе проникло и въ среду россійскихъ мусульманъ. Государственная важность этого факта очевидна, особенно въ виду современныхъ политическихъ осложненій на Ближнемъ и Дальнемъ Востокахъ. Но мы не должны забывать при этомъ, что мусульмане—вѣрноподданные Русскаго Государя. Мы должны способствовать всѣми мѣрами сближенію мусульманъ съ нами.

---

[1]) Нынѣ покойный, русскій китаистъ, проф. В. П. Васильевъ писалъ, что старинная борьба ислама съ христіанствомъ далеко еще не окончилась и не клонится на сторону христіанства. Послѣднія движенія въ мусульманскомъ мірѣ подтверждаютъ взглядъ покойнаго синолога.

[2]) Лучшею иллюстраціей этого положенія можетъ служить возбужденное состояніе умовъ и чувствъ мусульманъ всѣхъ странъ, не исключая замкнутаго Афганистана, по случаю объявленія Италіей войны Турціи. Самъ Эмиръ Афганскій долженъ былъ отговаривать учащуюся молодежь отъ готовности идти вмѣстѣ съ турками противъ Италіи.

[3]) Бомбардировка русскими мечети въ Мешедѣ вызвала въ мусульманскомъ мірѣ движеніе. Въ Индіи происходили митинги протеста. На одномъ митингѣ было 20 тыс. мусульманъ. Въ Лондонѣ на митингѣ мусульмане высказали протестъ противъ возвращенія болгарамъ Адріанополя.

6) Въ виду обсуждаемаго въ настоящее время въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта о всеобщемъ обученіи, мнѣ кажется, необходимо ясно и опредѣленно формулировать русско-административныя задачи и средства къ проведенію въ жизнь мусульманъ намѣченнаго школьнаго плана и съ твердосью, достойною сильнаго правительства, настаивать на осуществленіи узаконенныхъ мѣръ. Я на первый планъ ставлю обязательное обученіе дѣтей мусульманъ общегосударственному языку въ школахъ, т. е. русскому.

7) Считая мусульманъ Россіи нашими согражданами, съ которыми мы почти 400 лѣтъ живемъ общею государственною жизнью, я не допускаю мысли, чтобы русское христіанское правительство могло притѣснять своихъ иновѣрныхъ подданныхъ. Тѣмъ болѣе, не должны говорить объ этомъ современные мусульманскіе публицисты, обыкновенно умалчивающіе о жестокихъ насиліяхъ, какія до сихъ поръ допускаются въ Турціи въ отношеніи христіанъ.

8) Мы можемъ увѣренно смотрѣть въ глаза нашимъ соотечественникамъ-мусульманамъ, особенно здѣсь въ Средней Азіи, гдѣ туземцы впервые за свою тысячелѣтнюю исторію живутъ спокойно, богатѣютъ и не опасаются посягательствъ ни на свой домашній бытъ, а тѣмъ болѣе на религію. Скоро исполнится 50 лѣтъ русскаго управленія въ Туркестанскомъ краѣ, и этого времени достаточно для безпристрастной оцѣнки всего русскаго добродушія, съ какимъ высшее правительство и мѣстная администрація относилось и относятся къ туземцамъ. Находясь въ общеніи съ Туркестанскими туземцами 36 лѣтъ, я лично могу засвидѣтельствовать, что, не зараженные панисламизмомъ, они сами сознаютъ, что Богъ пощадилъ ихъ, отдавъ подъ русское, а не подъ другое управленіе, такъ какъ ни одно въ мірѣ христіанское правительство не оказываетъ своимъ мусульманскимъ подданнымъ столько великодушія и милостей, какъ русское, не исключая всевозможныхъ наградъ и поощреній, а также и снисхожденій, сравнительно даже съ коренными русскими людьми. Русскіе подданные мусульмане, искренно вѣрующіе въ Божіе всевластіе, должны признавать, что и подчиненіе ихъ русскому правительству есть дѣло Божественной воли (Такдиръ) и что всякое противленіе Божію опредѣленію грѣховно и безнадежно.

9) Я указываю мусульманскимъ публицистамъ на три ихъ коренныя недомолвки: 1) Они часто забываютъ общенародную политическую теорію о правѣ „перваго завладѣнія", съ которой никогда не считались мусульманскіе правители, производившіе свои завоеванія со времени Омара по своей теоріи о св. воинѣ съ невѣрными; 2) современные мусульманскіе публицисты, ратующіе за распространеніе въ народной массѣ образованія въ цѣляхъ пріобщенія мусульманъ къ обще-

европейской культурѣ, желаютъ воскресить давно отжившую свой вѣкъ древне арабскую образованность, какъ бы забывая, что научныя знанія золотого вѣка арабской культуры для настоящаго времени устарѣли и потому современнымъ мусульманамъ поневолѣ приходится учиться въ европейскихъ и русскихъ университетахъ, а прежде того въ русскихъ гимназіяхъ и другихъ общеобразовательныхъ школахъ; наконецъ 3) съ чувствомъ особеннаго недовольства, они упоминаютъ о миссіонерахъ христіанскихъ, какъ бы присваивая одному исламу право на распространеніе его среди немусульманъ. Вѣдь, недостаточно желать видѣть мусульманскую религію всемірною, государственною, поглотившею всѣ другія религіи... Религія—великое и святое дѣло, Божіе дѣло и потому надо предоставить „Божіе“ дѣло волѣ Божіей, а что принадлежитъ Государю и Его Правительству, на то не должно быть посягательства .. (См. Коранъ гл. 3, ст. 25 и др).

Итакъ! Народъ, подчинившійся низшей расѣ, гибнетъ, а подчиненіе мусульманъ англичанамъ, французамъ и особенно русскимъ поддерживаютъ жизнь этихъ народовъ, потому что это подчиненіе даетъ имъ возможность пользоваться благами высшей культуры. Не нужно чуждаться этихъ даровъ. И еще большой вопросъ: можно ли въ наше время создавать новую, невѣдомую міру, культуру...

10) Наконецъ, русское правительство не можетъ не сочувствовать каждому культурному начинанію своихъ подданныхъ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданія, но не можетъ отказаться и отъ своего верховнаго права по отношенію къ контролю за каждымъ общественнымъ дѣломъ, а особенно за народной школой. Намъ, русскимъ и нашимъ соотечественникамъ мусульманамъ, не слѣдуетъ забывать, что у насъ и у нихъ одно общее отечество—сильная и добродушная Россія, въ которой мы, по волѣ Провидѣнія, живемъ и будемъ жить вмѣстѣ и мирно, не стѣсняя другъ друга, но уважая другъ друга и взаимно помогая одинъ другому достигать осуществленія общегосударственной задачи—блага Россіи, отъ котораго зависитъ и частное благополучіе каждой отдѣльной народной группы.

Примѣчаніе. Несмотря на близкую совмѣстную жизнь съ мусульманами въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, мы мало ихъ знаемъ и потому часто впадаемъ въ ошибки: то мы нажимаемъ на нихъ, то мирволимъ имъ. До сихъ поръ у насъ не установился твердый modus vivendi даже въ такомъ безобидномъ вопросѣ, какъ вопросъ о подчиненіи мусульманскихъ школъ правительственной инспекціи вопреки существующимъ не только въ Европѣ, но и въ Азіи взглядамъ на это важнѣйшее государственное дѣло. Даже китайцы подчинили своему надзору мусульманскую школу, напримѣръ, въ Кашгарѣ, не говоря о Турціи и тѣмъ болѣе о Японіи. Вслѣдствіе нашихъ колебаній въ этомъ

вопросѣ наблюдается странное противорѣчіе: дѣти мусульманъ, обучающіяся въ русскихъ правительственныхъ школахъ, подчинены русскимъ школьнымъ требованіямъ наравнѣ съ русскими дѣтьми, а дѣти тѣхъ же мусульманъ, обучающіяся въ туземныхъ (не правительственныхъ) школахъ изъяты изъ-подъ надзора правительственной инспекціи... Такой ненормальный порядокъ есть въ сущности государственный безпорядокъ, къ устраненію котораго принимаются мѣры въ нашемъ краѣ, по настоянію Главнаго Начальника его генерала А. В. Самсонова.

Добавленія къ статьѣ.

1. О панисламскомъ движеніи.

Мусульманскій востокъ проснулся отъ вѣковой спячки, онъ сбрасываетъ съ себя иго восточнаго деспотизма, онъ хочетъ пріобщиться къ всемірной культурѣ и попутно желаетъ освободиться отъ эксплоатаціи его европейцами. Константинопольская газета „El. Hilal“ такъ характеризуетъ это движеніе·

„Пусть европейцы не ошибаются, также и оттоманы, зараженные европейскими идеями! Мусульмане не знаютъ раздѣленія на націи. Шаріатъ не знаетъ націй; вѣрнѣе, онъ говоритъ, что всѣ мусульмане міра составляютъ одну націю. Раздѣленіе на націи религіозныхъ подданныхъ его величества, даже если они находятся подъ иностраннымъ номинальнымъ господствомъ, доказываетъ незнакомство съ исламомъ.

„Что бы ни дѣлала Европа, если даже ей удастся завоевать всю Азію, Африку и Австралію, она никогда не сможетъ ослабить узы, связывающія мусульманъ. Наоборотъ, ея насиліе противъ мусульманъ еще больше укрѣпитъ эти узы и удвоитъ ихъ религіозный пылъ. Занятіе Египта Англіею, обладаніе Франціею Тунисомъ и Марокко, война съ халифатомъ подлой Италіи по поводу Триполи и Бенгази, пробудила мусульманскій міръ. Марокканцы, занятые раньше исключительно разбоями нынѣ требуютъ національнаго подъема.

„Христіанство состоитъ изъ различныхъ націй: грековъ, коптовъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и другихъ. Но мусульманскій міръ не знаетъ ни турокъ, ни черкесовъ. Берберъ не чуждъ индусу, какъ грекъ—французу. Турокъ также благосклонно относится къ черкесу,

арабу или мусульманину на Явѣ, какъ парижанинъ къ марсельцу. Исламъ—это международное братство. Значитъ, ничто не можетъ разшатать мусульманскаго блока ни интриги, ни насиліе, ни золото иностранцевъ. Его величество, какъ халифъ, во сто разъ могущественнѣе, чѣмъ какъ султанъ Магометъ V халифъ прежде, чѣмъ султанъ".

„Въ этомъ такъ сказать отсутствіи національнаго и заключается сила мусульманскаго единенія. Европейскій міръ, и въ особенности такія разноплеменныя державы, какъ Австрія и Россія, много страдаютъ отъ національной розни; исламъ не знаетъ этой розни и всякій, исповѣдующій религію Магомета, считается одинаково правовѣрнымъ мусульманиномъ, независимо отъ цвѣта его кожи и даже языка.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что мусульманскій міръ со времени турецко-итальянской войны, сильно волнуется, что Египетъ, Индія, Афганистанъ, Аравія и даже мелкія ханства, вродѣ Бухары, желаютъ торжества Турціи, какъ единовѣрной державы, которой исторически принадлежитъ гегемонія надъ всѣми народами, исповѣдующими исламъ. Таже газета „El Hilal" говоритъ, что оттоманское правительство должно по достоинству цѣнить эту силу исламистской національности и эксплоатировать ее всѣми законными средствами. Благоденствіе и преуспѣяніе мусульманскаго Міра зависитъ отъ могущества Оттоманской Имперіи. Освобожденіе несчастнаго Египта, составной части имперіи, зависитъ отъ силы нашего государства. Египетъ и другія оттоманскія страны—двѣ части нераздѣльнаго отечества. Къ несчастью, нѣкоторые молодые люди, вѣрящіе, какъ въ святыню, во все, приходящее изъ Европы, не признаютъ этого. Они забываютъ, что, отрицая наше собственное существо, мы идемъ къ гибели. Они забываютъ, что исламизмъ обязанъ стремиться къ поднятію, борясь съ преступнымъ сопротивленіемъ Европы.

„И Европа,—слѣпая Европа,—думала обезпечить спокойствіе въ своихъ африканскихъ владѣніяхъ, льстя Турціи. И Англія, сбросившая иго папы, и Франція, находившаяся въ конфликтѣ со св. престоломъ, допускаютъ мысль, что Константинопольскій Султанъ можетъ какъ-нибудь вмѣшаться въ ихъ отношенія съ ихъ подданными мусульманами, можетъ какъ-нибудь утвердить или ослабить ихъ суверенныя права. Такимъ ужаснымъ заблужденіемъ они сами способствовали пробужденію и развитію панисламистской идеи, пророкомъ которой былъ Абдулъ-Хамидъ, а апостолами—младо-турки. На-дняхъ, мы видѣли въ первый разъ, какъ въ Оттоманскомъ парламентѣ Оттоманская Имперія отожествлялась съ исламизмомъ. Нужно-ли еще лучшее предупрежденіе европейской дипломатіи".

Какъ бы ни была въ данное время слаба Турція, она не погибнетъ. Европа можетъ сдѣлать большую ошибку, т. е. раздѣлить Евро-

пейскую Турцію между собою; но Турція возродится въ Азіи, гдѣ къ ней примкнутъ всѣ мусульмане Азіатскаго Востока, не исключая и мусульманъ Индіи.

„Панисламистское движеніе одновременно продолжается въ Египтѣ и въ Индіи. Въ издаваемомъ въ Парижѣ группой націоналистовъ-индусовъ журналѣ „Indian Sociologist“ было напечатано письмо египтянина къ мусульманамъ Индіи, въ которомъ египетскій патріотъ высказываетъ пожеланіе увидѣть жителей Египта и Индіи объединенными для борьбы противъ ихъ общихъ угнетателей—англичанъ. Авторъ письма горячо вѣритъ, что тотъ, кто служитъ дѣлу свободы въ Индіи, служитъ также и Египту и—vice-versa—онъ твердо надѣется, что Индія и Египетъ начнутъ теперь же подготовлять совмѣстныя выступленія, какъ только представится удобный случай для этого“. Письмо полно нападокъ на эксплоататорскую политику Англіи и призывовъ къ объединенію противъ европейцевъ. Оно проникнуто глубоко патріотическимъ чувствомъ и жаждой освобожденія отъ европейской опеки, которая старается удержать мусульманъ въ положеніи низшей расы, не считаясь съ требованіями гуманности и справедливости. Эта главная ошибка англійской и вообще европейской политики является истинной причиной панисламистскаго движенія [1]).

2. *Шейхъ Джамаледдинъ Аль-Афгани.*

(Изъ личныхъ воспоминаній г. Аллаева).

Шейхъ Джамаледдинъ Аль Афгани въ 1894 году жилъ въ Константинополѣ, когда тамъ гостилъ Египетскій Хедивъ Аббасъ-Паша. Хедивъ желалъ познакомиться съ знаменитымъ шейхомъ, но это было воспрещено. Тѣмъ не менѣе свиданіе Хедива съ шейхомъ Джамаледдиномъ состоялось и носило сердечный характеръ... Опасаясь вліянія шейха, Султанъ, по соображеніямъ политическимъ, привлекъ на свою сторону этого рѣдкаго по талантамъ человѣка, жившаго тогда въ Константинополѣ, въ качествѣ эмигранта. Общее вниманіе Джамаледдинъ обратилъ на себя послѣ того, когда въ маѣ 1896 года изъ Тегерана стали требовать его выдачи, предполагая, что имъ были подосланы въ столицу Персію убійцы Шаха Насреддина.

До этого времени шейхъ прожилъ въ Турціи около четырехъ лѣтъ. Хотя онъ и называетъ себя афганцемъ, тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, онъ былъ уроженцемъ мѣстечка Эссеръ-Абадъ въ Персіи. Аллаевъ зналъ Шейха, когда ему было пятьдесятъ лѣтъ. Это былъ коренастый, выше средняго роста, человѣкъ съ темнобронзовымъ

[1]) Перепеч изъ Турк. Кур. 1912 г. № 143 отъ 8 іюля.

лицомъ. Его смуглый лобъ былъ окутанъ, какъ облакомъ, бѣлой чалмой, а подъ этимъ бѣлымъ облакомъ, какъ звѣзды ярко горятъ жгучіе, черные глаза. Длинная, раздѣленная по серединѣ черная борода со слегка посѣдѣвшими концами спускалась ему на грудь Общее впечатлѣніе было въ его пользу и невольно чувствовалась скрытая сила, способная на все, ради достиженія цѣли.

Имя шейха Джамаледдина извѣстно всему мусульманскому міру. Его знаютъ въ средней и передней Азіи, въ Египтѣ, въ Суданѣ, въ Триполи, въ Тунисѣ, въ Марокко и т. д. Знаютъ о немъ также и въ Англіи. Не только мусульманинъ, но и любой европеецъ, столкнувшись съ нимъ, не могъ не поддаться его могучему обаянію, а потому совершенно естественно, что онъ могъ господствовать надъ милліонами людей, какъ пророкъ и военачальникъ, и что въ своемъ всегда простомъ одѣяніи онъ чувствованъ себя, какъ король. (Изъ газетъ)

3. О мусульманахъ Индіи.

(Изъ газетъ)

Доказательствомъ панисламскаго движенія среди мусульманъ Индіи служатъ разнаго рода общественныя организаціи Въ настоящее время тамъ существуютъ два очень большія и хорошо организованныя общества: одно изъ нихъ преслѣдуетъ цѣли политическія, другое—просвѣтительныя Политическая Лига вноситъ на обсужденіе своихъ членовъ всякаго рода событія изъ міра Ислама, а также собираетъ конгрессы по политическимъ дѣламъ. Въ 1912 году эти два общества собирали по одному конгрессу Второе общество преслѣдуетъ исключительно образовательныя цѣли и заботится о распространеніи образованія въ Индіи. Членами этого послѣдняго могутъ быть мусульмане Египта, Туркестана и другихъ странъ. Въ противоположность этому, членами политической лиги могутъ быть только индійскіе мусульмане, ибо эта лига поставила себѣ задачей объединить народы всей Индіи.

Просвѣтительное общество открыло въ Индіи массу школъ низшихъ и высшихъ, гдѣ преподаются не только мусульманскіе языки, но и европейскіе.

3. Афганскій Эмиръ и Турецкій Султанъ.

Весьма интересна телеграмма, которую Афганскій Эмиръ адресовалъ Турецкому Султану по случаю мусульманскаго праздника въ 1912 году. Въ ней, между прочимъ, Афганскій Эмиръ выражаетъ сожалѣніе по поводу того кризиса, который теперь переживаетъ исламъ. Настоящія прискорбныя событія, говорится въ депешѣ, должны послу-

жить урокомъ для всего мусульманскаго міра. Ему надлежитъ въ видахъ самозащиты тѣснѣе сплотиться подъ главенствомъ Халифа, на котораго теперь и обращены съ надеждой взоры всѣхъ мусульманъ.

Благодаря за поздравленіе турецкій султанъ въ своемъ отвѣтѣ выразилъ увѣренность, что пока во главѣ мусульманскихъ странъ стоятъ подобные эмиру властители, за будущее ислама не можетъ быть никакихъ опасеній.

4. Стремленіе мусульманъ къ образованію.

Для осуществленія панисламскихъ задачъ передовые мусульмане направляютъ свои усилія къ распространенію образованія среди мусульманъ всѣхъ странъ [1]). Относительно Индіи, Турціи, Египта, Афганистана это хорошо извѣстно. Попытка реформировать мусульманскія школы въ Бухарѣ рельефно очерчена въ отпечатанной въ 1327 году хиджры (1909 Хр. эры) брошюрѣ, подъ заглавіемъ „*Муназара*“. Одинъ изъ современныхъ публицистовъ такъ резюмируетъ свой оптимистическій взглядъ на культурную роль ислама въ исторіи человѣчества:

„Мусульманство въ исторіи культуры то же, что человѣчество въ исторіи природы. Подобно тому, какъ человѣчество, подчиненное сначала законамъ природы, впослѣдствіи само подчинило себѣ эти законы, и мусульманство, которое подъ вліяніемъ соціальныхъ законовъ, на протяженіи тринадцати столѣтій, переходитъ изъ одного вида въ другой, займетъ въ концѣ концовъ центръ господства въ культурномъ мірѣ. Когда разумъ познаетъ истину, когда цивилизація будетъ основана на началахъ общей пользы и справедливости, тогда начнется господство мусульманства. Тѣ 400 милліоновъ мусульманъ (?), которые населяютъ прилегающія другъ къ другу самыя плодородныя земли въ самомъ центрѣ культурныхъ странъ, благодаря чудодѣйственной силѣ догмата „келимэ-и-тевхидъ“ (т. е. „Нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ Его Пророкъ“), будутъ прогрессировать во всѣхъ отношеніяхъ: въ отношеніи численности населенія, въ отношеніи вліянія и въ отношеніи культуры.

„Пока въ сердцахъ и въ рукахъ мусульманъ будетъ тотъ „Божій союзъ“, который связываетъ мусульманъ съ Аллахомъ, пока Божій Домъ [2]), домъ и могила Пророка, эти святыни, связывающія тронъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, современный Казанскій имамъ Хусайновъ (въ Туркестанѣ), одинъ изъ прогрессивныхъ дѣятелей, окончилъ курсъ въ русско-татарской школѣ, потомъ въ медресѣ „Мухаммедія“, богословское образованіе получилъ въ Бухарѣ у видныхъ муфтіевъ и казіевъ, далѣе учился въ Мединѣ, въ Меккѣ и у индусскихъ педагоговъ-богослововъ. Н. О.

[2]) Т. е. Кааба въ Меккѣ. Н. О.

Аллаха съ центромъ мусульманства, будутъ въ рукахъ мусульманскихъ государствъ, политическая сила мусульманъ, ихъ престижъ и соціальная мощь будутъ когда-нибудь возстановлены, чтобы остаться до конца вѣковъ.

„Каждая священная небесная книга есть крѣпкая связь между человѣчествомъ и божествомъ. Священная книга, ставшая связью съ божествомъ, дѣлается и связью между членами націи, дѣлается политической и соціальной душой организма націи и защищаетъ ее отъ болѣзней и смерти. Въ этомъ заключается величайшее соціальное значеніе свящ. книгъ. Въ особенности это необходимо сказать о Коранѣ, къ которому не прикоснулись человѣческія руки, каждое слово котораго сохранилось нетронутымъ до знаковъ и точекъ, и смыслъ котораго до того широкъ, что онъ равнымъ образомъ удовлетворяетъ какъ умы самыхъ простыхъ людей, такъ и безконечныя желанія величайшихъ умовъ. Чудодѣйственная сила Корана, который вѣчно сохранится въ милліардахъ сердецъ и языковъ, въ милліардахъ „мусхаф'овъ“ (списковъ), непремѣнно сохранитъ мусульманъ. Если бы божественный смыслъ и чудодѣйственный языкъ Корана, политическое и соціальное значеніе котораго такъ велико, сдѣлались общимъ достояніемъ, то, конечно, благотворное вліяніе его было бы еще сильнѣе. Ознакомленіе всѣхъ людей съ небеснымъ ученіемъ, божественнымъ откровеніемъ, чудодѣйственнымъ языкомъ Корана возможно только посредствомъ хорошихъ, правильныхъ переводовъ. Перевести Коранъ для всѣхъ людей культурнаго міра, внимательно пересмотрѣть уже изданные переводы и обнародовать неточности этихъ переводовъ—великій долгъ мусульманъ. Намъ непремѣнно слѣдуетъ перевести Коранъ на нашъ тюркскій языкъ: вполнѣ правильный и легкій переводъ былъ бы большимъ благомъ для тюркскаго міра, большою честью для тюркскаго языка. Это было бы украшеніемъ для нашей литературы... (Изъ газетъ).

5. Ростъ исламизма въ Россіи.

Изъ статистическихъ данныхъ объ инородцахъ Тобольской, Томской, Уфимской, Оренбургской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Пермской, Пензенской, Нижегородской, Казанской и Вятской губерній видно, что въ 1727 селеніяхъ, расположенныхъ въ 43 уѣздахъ 12 губерній, находящихся подъ угрозой проповѣди ислама, на 1.616.849 жителей имѣется всего 506 школъ съ 27.834 учениками. Изъ этой цифры 8.999 учениковъ приходится на 388.907 русскихъ и 16.679 учениковъ на 650.458 татаръ; на 483.792 мусульманъ приходится всего 1.443 ученика, при этомъ на значащихся „отпавшими въ исламъ“ приходится всего 5 учениковъ. Вотяки, черемисы, чуваши, совращен-

ные въ мусульманство въ послѣдніе годы, не посылаютъ ни одного ученика въ русскія школы, а отдаютъ своихъ дѣтей въ татарско-магометанскія школы.

Русскіе простолюдины, живущіе вмѣстѣ или по сосѣдству съ инородцами, не могутъ помочь имъ противостоять татарско-мусульманскому вліянію, потому что сами нуждаются въ помощи и культурномъ подъемѣ.—Христіанско-просвѣтительныя учрежденія—школы, церкви, библіотеки-читальни приходятъ на помощь слабымъ народностямъ въ очень незначительной мѣрѣ въ то время, какъ у мусульманъ на 150 душъ приходится одна мечеть и 1 мулла, у нашихъ христіанъ и инородцевъ на 1500 душъ приходится 1 священникъ. Отношеніе же школьнаго образованія къ общему количеству населенія у мусульманъ и христіанъ еще разительнѣе. у мусульманъ 1 школа приходится на 100 душъ обоего пола, а у православныхъ инородцевъ 1 школа приходится на 1500—3000 душъ обоего пола. Книжное издательство татаръ-мусульманъ превышаетъ издательство русскихъ церковныхъ братствъ для крещеныхъ инородцевъ на ихъ языкахъ, по меньшеи мѣрѣ, разъ въ 800.

Вслѣдствіе всего этого крещеные и некрещеные инородцы—не татары легко ассимилируются съ мусульманами.

Для огражденія инородцевъ отъ растущаго все болѣе и болѣе вліянія мусульманъ, епископъ Андрей и г. Никольскій указываютъ рядъ мѣропріятій, проведеніе которыхъ въ жизнь, по ихъ мнѣнію, не слѣдовало бы откладывать, а именно. 1) оказать поддержку учрежденіямъ, стремящимся поднять инородцевъ Поволжья и З. Сибири въ культурномъ отношеніи; 2) открыть новыя учрежденія для подготовки дѣятелей по просвѣщенію инородцевъ; 3) учредить кафедры по языкамъ и этнографіи инородцевъ и увеличить число ихъ тамъ, гдѣ онѣ существуютъ (въ Казанскомъ и Томскомъ университетахъ и въ Казанской Духовной Академіи); 4) ввести преподаваніе мѣстныхъ инородческихъ языковъ въ духовныхъ и учительскихъ семинаріяхъ Поволжья и З. Сибири, а р вно и въ церковно-приходскихъ школахъ; 5) увеличить число учительскихъ семинарій и школъ; 6) увеличить число инородческихъ народныхъ школъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установить четырехлѣтній курсъ въ этихъ школахъ, причемъ, для первоначальнаго обученія, въ первый годъ примѣнять родной инородцамъ языкъ; наконецъ 7) развить дѣятельность существующихъ переводческихъ комиссій и распространеніе изданій этихъ комиссій среди инородцевъ.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ въ XIX и XX столѣтіяхъ.

Фактъ образовательнаго движенія въ средѣ русскихъ мусульманъ, продолжающагося и расширяющагося и въ наши дни, до сихъ поръ не вполнѣ изученъ и не одинаково оцѣнивается даже тѣми немногими лицами, которыя интересуются этимъ, столь важнымъ во внутреннеи жизни нашего отечества явленіямъ. Въ этихъ соображеніяхъ вниманію читателей журнала предлагаются нѣсколько данныхъ, находящихся въ тѣсной связи съ указаннымъ движеніемъ и въ настоящее время достаточно опредѣлившихся.

Начало описываемаго мусульманскаго движенія относится ко второй половинѣ истекшаго (XIX) столѣтія, когда въ приволжскихъ, кавказскихъ, крымскихъ и сибирскихъ губерніяхъ Россіи уже существовали разныхъ типовъ правительственныя школы, въ которыхъ не возбранялось обучаться и дѣтямъ инородцевъ-мусульманъ (татаръ, башкиръ, киргизъ и др.); но эти послѣдніе, за весьма рѣдкими исключеніями, не соглашались отдавать своихъ сыновей въ русскія школы. Министерство Народнаго Просвѣщенія не оставалось безучастнымъ къ такому печальному факту и, съ одной стороны, допускало нѣкоторыя послабленія въ отношеніи инородческихъ дѣтей, въ видахъ привлеченія большаго числа ихъ въ общія государственныя школы, а съ другой—пыталось открывать для инородческихъ дѣтей особыя школы съ учительскими семинаріями въ Казани, Оренбургѣ и на Кавказѣ для приготовленія инородческихъ учителей для этихъ школъ. Но немного помогла и эта мѣра: инородцы-мусульмане продолжали чуждаться русскихъ правительственныхъ школъ и поддерживали свои старинныя школы (мактабы и мадрасы), остававшіяся въ то время внѣ всякаго надзора русской инспекціи, а въ Крыму открывали свои учительскія школы.

Правительство, не находя возможнымъ оставлять многочисленныя инородческія школы внѣ своего вѣдѣнія и стремясь къ распространенію среди инородцевъ знанія государственнаго языка для сближенія многочисленной мусульманской массы съ русскимъ государствомъ и русскимъ народомъ, издало въ 1870 году особыя правила по наблюденію за мусульманскими школами. Однако и эта мѣра не дала желательныхъ результатовъ: мусульмане противились примѣненію этихъ правилъ и всѣми способами уклонялись отъ обученія своихъ дѣтей русскому языку, причемъ среди нихъ начали распространяться опасенія, что всѣхъ дѣтей мусульманъ, по выходѣ изъ русской школы, заберутъ въ солдаты и, что еще страннѣе—что ихъ будутъ потомъ обязательно присоединять къ православію.

Эти опасенія находили себѣ внѣшнее подтвержденіе: идея о солдатчинѣ—въ случайно совпавшемъ по времени опубликованія въ 1874 году новаго закона о всеобщей воинской повинности, а боязнь обращенія въ православіе—въ оживленіи существующей со временъ покоренія Казанскаго царства въ приволжскихъ губерніяхъ Россіи православной миссіонерской дѣятельности. Оба эти напрасныя опасенія мусульманъ проникли потомъ вмѣстѣ съ татарами и въ новозавоеванный русскими Туркестанскій край, гдѣ мнѣ лично приходилось слышать отъ туземцевъ тѣ же опасенія по поводу приглашенія обучать своихъ дѣтей въ русско-туземныхъ школахъ. И въ наши дни боязнь обрусенія была высказана членомъ Гос. Думы, уфимскимъ депутатомъ Еникѣевымъ 1 іюня сего года въ слѣдующихъ словахъ:

„Запреты и произволъ въ отношеніи инородцевъ достигли крайнихъ предѣловъ, говоритъ Еникѣевъ. Право контроля надъ школой превращено въ орудіе постоянной и тяжкой репрессіи. Политика въ области просвѣщенія является только частью общей политики правительства по отношенію къ инородцамъ. Цѣлью политики Министерства Народнаго Просвѣщенія является искорененіе всего того, что считается святая святыхъ каждаго народа, залогомъ его матеріальнаго и національнаго существованія. Руководствуясь девизомъ „цѣль оправдываетъ средства“, Министерство проводитъ политику обрусенія. Инородцевъ стараются изъять изъ обращенія, выдвигая противъ нихъ пугало подъ названіемъ инородческаго сепаратизма. Эта игра для нихъ очень выгодна, ибо вокругъ этого миѳическаго сепаратизма кормится много народа и многіе ловко выслуживаются. Мусульмане требуютъ отъ насъ откровенно и громко заявить, что подобное отношеніе правительства вызываетъ въ нихъ чувство тяжкой и незаслуженной обиды. Мы живемъ въ XX вѣкѣ, гг.; тяжелыя времена рабства, варварства и крѣпостничества остались, къ счастью, позади насъ. Сотни лѣтъ назадъ къ Россіи добровольно присоединились киргизы. Они платятъ

налоги, несмотря на бѣдность, служатъ въ арміи, а вы поступаете съ ними такъ жестоко, что они взываютъ къ правосудію и справедливости „Не могу не дивиться“, писалъ Императоръ Николай I о Кавказѣ гр. Бенкендорфу, „какъ чувства народной преданности къ лицу Монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, которое, сознаю, къ стыду моему, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ“. „Не дозволяйте ни себѣ, ни кому бы то ни было, писалъ Императоръ Александръ II, превращать разсадникъ науки въ орудіе политическихъ цѣлей“. Манифестомъ 17 октября нынѣ царствующій Государь безповоротно опредѣлилъ равноправіе національностей и религій. Къ сожалѣнію, царскія слова не приводятся въ исполненіе. Политика Побѣдоносцева и Плеве нашла свое магическое завершеніе на поляхъ Маньчжуріи, въ Цусимскомъ позорѣ и въ революціи 1905 г. Во имя интересовъ и достоинства государства мы должны требовать изгнанія политики изъ сферы народнаго образованія и большинство Госуд. Думы должно насъ поддержать“.

Такое недовѣріе къ правительственнымъ распоряженіямъ со стороны мусульманъ должно быть объясняемо, во первыхъ, недостатками самыхъ правительственныхъ мѣръ, во вторыхъ,—невѣжествомъ народной массы и, въ третьихъ, пожалуй болѣе всего религіознымъ фанатизмомъ представителей и руководителей жизни мусульманъ (имамовъ приходскихъ и мударрисовъ съ ихъ помощниками въ мадрасахъ). Въ согласіи съ ними дѣйствовали въ томъ же направленіи такъ называемые ишаны, вліяніе которыхъ распространялось и за предѣлы ихъ постояннаго жительства.

Къ недостаткамъ правительственныхъ мѣропріятій мы относимъ прежде всего постоянныя колебанія русскаго правительства въ своихъ взглядахъ на управленіе мусульманами и затѣмъ малоподготовленность мѣстныхъ органовъ всѣхъ министерствъ, въ лицѣ чиновниковъ, не только низшихъ, но и высшихъ, къ исполненію своихъ обязанностей. Чины эти обыкновенно не считались съ религіозными вѣрованіями мусульманъ, управляли ими не всегда строго обдуманно, а иногда допускали распоряженія, смущавшія и тревожившія сознаніе и религіозную совѣсть инородцевъ. Такъ извѣстно, что на должностяхъ губернаторовъ, исправниковъ, становыхъ приставовъ и земскихъ начальниковъ во внутренней Россіи далеко не всегда состояли лица, знакомыя съ основными положеніями Корана и шаріата.. И развѣ въ настоящее время чиновники, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ мусульманскимъ населеніемъ, всѣ ясно сознаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло? Наконецъ, развѣ не допускались грубыя ошибки въ примѣненіи къ мусульманамъ общихъ государственныхъ распоряженій?

Въ Россіи естественная правительственная тенденція къ ассимилированію покоренныхъ племенъ съ русскими въ первое время по завоеваніи Казани выразилась болѣе рѣшительно въ стремленіи къ обращенію казанскихъ татаръ въ православную вѣру. Этимъ осуществлялся средневѣковыи государственный принципъ: Cujus regio, ejus religio. Но этотъ государственный пріемъ примѣнялся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ русскими неодинаково умѣло, и результаты получились обидные для русскаго національнаго сознанія: крещеные въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ инородцы мусульманской вѣры въ XIX вѣкѣ стали заявлять о своемъ рѣшительномъ желаніи возвратиться къ старой вѣрѣ—исламу, такъ какъ православной вѣры они не знали и не знаютъ.

Указанное выше анти-русское направленіе дѣятельности фанатически настроенной части мусульманскаго населенія въ области школьнаго дѣла нужно возводить по существу къ основному принципу Корана, въ которомъ заповѣдано мусульманамъ повиноваться Богу и посланнику его (т. е. Мухаммеду). Лишь въ одномъ мѣстѣ Корана (гл. 4, ст. 62 и 85) прибавлено: „и тѣмъ *изъ васъ*, которые имѣютъ власть". По прямому смыслу этого священнаго для мусульманъ текста, мусульмане могутъ искренно повиноваться только единовѣрной власти, какую они знаютъ въ лицѣ турецкаго султана, меккскаго шерифа, бухарскихъ и афганскихъ эмировъ и т. п.

Позднѣе, когда въ разныхъ странахъ міра мусульмане подпали подъ власть иновѣрныхъ правителей, въ шаріатъ вошло положеніе, что должно повиноваться и иновѣрной власти, когда ея распоряженія не противорѣчатъ Корану. При такихъ взглядахъ Корана, неоднократныя возстанія мусульманъ въ разныхъ странахъ противъ иновѣрнаго правительства (въ Индостанѣ, Алжирѣ, Египтѣ, Суданѣ, Кашгарѣ, Восточномъ Туркестанѣ и др. мѣстахъ) въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣли религіозный характеръ, согласно съ общимъ духомъ мусульманской теократіи; даже возстанія турокъ противъ своего султана—санкціонировались фетвой шейхъ-уль-ислама, а неудачныя мусульманскія попытки сбросить съ себя иновѣрное иго наконецъ привели извѣстную часть мусульманъ къ мысли о необходимости политическаго объединенія и сплоченія всѣхъ мусульманъ міра,—къ такъ называемому панисламизму [1]).

Въ этомъ противорѣчіи исходныхъ положеній естественно и заключается причина тѣхъ недоразумѣній, разногласій и треній, которыя постоянно возникаютъ между русскими и мусульманами въ школьномъ

---

[1]) Объ этомъ см. въ предыдущей статьѣ и въ кн. „Коранъ и прогрессъ" (Ташкентъ, 1901 г.).

вопросѣ. Мусульмане давно уже обнаруживаютъ совершенно опредѣленную склонность къ обезпеченію для себя извѣстныхъ привиллегій въ постановкѣ школъ, сравнительно съ прочими русскими подданными, и въ этомъ, конечно, недопустимомъ съ государственной точки зрѣнія стремленіи они всегда вызывали подозрительное отношеніе къ себѣ со стороны представителей русской власти. Создалась такимъ образомъ почва для взаимнаго недовѣрія мусульмане опасаются покушеній на ихъ религію, а русскіе подозрѣваютъ, что подъ флагомъ религіи мусульмане создаютъ для себя возможность политическаго сепаратизма. Къ этому, строго говоря, сводятся всѣ тренія, и въ прошломъ на этой почвѣ создавались иногда чрезвычайно характерныя столкновенія.

Такъ, напримѣръ, казанскіе татары въ 1870 хъ годахъ ходатайствовали передъ казанскимъ губернаторомъ:

1) объ освобожденіи мусульманскихъ школъ отъ правительственнаго надзора;

2) о необязательности знанія русскаго языка для учителей мусульманскихъ школъ;

3) объ освобожденіи ихъ духовенства и учителей отъ воинской повинности,

и 4) объ освобожденіи татаръ отъ служебныхъ обязанностей по пятницамъ и мусульманскимъ праздникамъ.

По поводу этихъ desiderata, нынѣ умершій профессоръ мусульманскаго права Н. Нофаль представилъ 3 марта 1879 года спеціальный отзывъ рѣзко анти-мусульманскаго характера. Въ этомъ отзывѣ онъ писалъ такъ:

„Коль скоро верховная власть въ странѣ признана законною, то всѣ претензіи татаръ не только не найдутъ себѣ основанія въ шаріатѣ, но и представятъ явныя противорѣчія съ основными постановленіями той религіи, во имя которой онѣ предъявлены.

„Не трудно понять причины, которыя побуждаютъ татаръ заявлять подобныя требованія. Извѣстно, что шаріатъ не налагаетъ обязанности на совѣсть магометанина признавать надъ собою законность не-магометанской власти. Отсюда понятны и самыя основанія заявленныхъ татарами требованій: они были бы совершенно немыслимы и неумѣстны, по ихъ же понятіямъ, въ странѣ, подчиненной правовѣрной магометанской власти. Но такъ какъ правительству невозможно признать такого рода основаніе, а татарамъ—его обнаруживать, то и не представляется никакой надобности въ удовлетвореніи ихъ требованій и тѣмъ какъ бы отказаться отъ тѣхъ правъ, которыя въ глазахъ самихъ магометанъ составляютъ основную и неотъемлемую принадлежность верховной власти.

„Если признать, что принципъ законности верховной власти и нераздѣльныхъ правъ, съ нею связанныхъ, долженъ быть въ настоящемъ случаѣ огражденъ отъ всякаго оспариванія, то претензіи татаръ должны почитаться вполнѣ неосновательными, незаконными и неподлежащими удовлетворенію въ силу ихъ же шаріата. При помощи тѣхъ привиллегій, которыхъ они домогаются, татары стремятся упрочить за мусульманскою общиною такое исключительное положеніе въ имперіи, которое поставило бы ее внѣ вліянія и наблюденія правительственной власти; мало того, мусульмане, быть можетъ, имѣютъ въ виду завоевать себѣ такое, такъ сказать, сепаратное существованіе, которое было бы равносильно политической независимости отъ правительства и мѣстной русской администраціи.

„Самъ шаріатъ даетъ намъ оружіе противъ этихъ незаконныхъ требованій, противъ этихъ нелѣпыхъ стремленій:

1) Шаріатъ самымъ положительнымъ образомъ признаетъ, что магистратура (въ лицѣ казія, муфтія и др.) есть ничто иное, какъ делегація верховной власти, отъ которой она исходитъ и на которую она опирается. Власть эта можетъ не только ограничивать сферу подсудности, опредѣляя родъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію того или другого суда, но и смѣнять по собственному усмотрѣнію (proprio jure) судей и замѣнять ихъ другими, ею самою выбранными.

„Освобожденіе мусульманскихъ школъ отъ всякаго надзора Министерства Народнаго Просвѣщенія представляется мнѣ узломъ тѣхъ замысловъ, которыми задались казанскіе магометане. Это притязаніе проливаетъ яркій свѣтъ на тѣ цѣли, которыя мы только что замѣчали какъ бы издали. Они явно стремятся къ низведенію правительственной власти до роли безучастнаго зрителя такого преподаванія, которое не можетъ не имѣть самого враждебнаго направленія противъ этой власти; такимъ образомъ права магометанскаго населенія станутъ въ рѣзкое и коренное противорѣчіе съ правами громаднаго большинства остальнаго населенія имперіи.

2) Просьба о необязательности знанія русскаго языка для учителей мусульманскихъ школъ обличаетъ до очевидности ихъ тайныя цѣли. Они желаютъ имѣть возможность назначать учителями именно такихъ лицъ, которыя, по незнанію языка и вообще по всему своему воспитанію, являлись бы наименѣе способными къ умственному сближенію съ Россіею, а потому и наименѣе расположенными подчиняться той власти, которая управляетъ ею.

3) Освобожденіе ихъ духовенства и учителей отъ воинской повинности не основывается на шаріатѣ. Послѣдній не выдѣляетъ духовенства или вѣрнѣе лицъ, призванныхъ совершать богослуженіе, въ особое сословіе и не признаетъ за ними ни исключительныхъ рели-

гіозныхъ, ни отдѣльныхъ гражданскихъ обязанностей сравнительно съ мірянами. Къ тому же все богослуженіе магометанъ состоитъ, за исключеніемъ проповѣди, изъ такихъ обрядовъ, которые можетъ совершать каждый магометанинъ отдѣльно отъ другихъ; право же проповѣди исключается изъ этого общаго порядка только въ томъ смыслѣ, что лицо, призванное къ ея отправленію, по самому свойству предмета, подчинено условіямъ личнаго достоинства и надлежащихъ способностей. Слѣдовательно, приравнивать магометанское духовенство, или вѣрнѣе то сословіе, которое извѣстно подъ этимъ именемъ, къ христіанскому, значило бы заходить въ этомъ отношеніи далѣе требованій самихъ мусульманъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство можетъ допустить подобное приравненіе въ пользу перваго, но во всякомъ случаѣ немыслимо, чтобы татары требовали подобной уступки, какъ права. Мусульманская религія не освобождаетъ отъ воинской повинности никого, кромѣ дѣтей, немощныхъ старцевъ, инвалидовъ, женщинъ, должниковъ, безъ согласія на то ихъ кредиторовъ, и, наконецъ, законовѣда, который по эрудиціи не имѣлъ бы себѣ равнаго въ данной мѣстности.

4) Просьба татаръ освободить ихъ отъ занятій и вообще отъ исполненія служебныхъ обязанностей по пятницамъ и въ дни магометанскихъ праздниковъ также стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ шаріатомъ. Празднованіе пятницы обязательно только въ размѣрѣ времени, необходимаго для совершенія общенародной молитвы въ каѳедральной мечети (Джами), гдѣ таковая имѣется; по окончаніи же этого религіознаго обряда, магометане обязаны возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ время, свободное отъ работы, по пятницамъ не можетъ быть болѣе двухъ часовъ.

„Что касается праздниковъ вообще, то магометанская религія признаетъ ихъ только два, въ продолженіе которыхъ дозволяется воздерживаться отъ работъ и предаваться удовольствію, а именно: „Байрамъ первый", наступающій по окончаніи поста Рамазана, и „Байрамъ второй" черезъ 70 дней послѣ перваго. По этому поводу не могу не напомнить, что вопросъ о праздникахъ былъ уже предметомъ одного изъ моихъ отвѣтовъ Департаменту Духовныхъ Дѣлъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

„Оренбургскій муфтій входилъ въ 1879 году въ названный Департаментъ съ подобнымъ же требованіемъ. Къ прошенію онъ приложилъ длинный списокъ воображаемыхъ муфтіемъ магометанскихъ праздниковъ, въ которые мусульмане обязаны будто бы прекращать свои занятія. Я отвергнулъ и значеніе этого списка и всѣ доводы муфтія и возстановилъ истину. Вслѣдствіе этого, Министерство обратилось къ помянутому муфтію съ вопросомъ о томъ, въ какіе дни

дозволяется мусульманамъ прекращать свои занятія. Муфтій заставилъ ждать своего отвѣта въ продолженіе семи мѣсяцевъ и наконецъ увѣдомилъ, что мусульманская религія не признаетъ иныхъ праздничныхъ дней, кромѣ двухъ Байрамовъ.

„Въ заключеніе считаю небезинтереснымъ сообщить, что въ Алжирѣ раздѣлъ наслѣдства межлу мусульманами и разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ по брачнымъ союзамъ и разводнымъ дѣламъ производятся по шаріату, но съ тѣмъ важнымъ ограниченіемъ, что рѣшеніе кадіевъ только въ томъ случаѣ признается дѣйствительнымъ, когда оно будетъ принято обѣими сторонами; въ случаѣ несогласія одной стороны, по тѣмъ или другимъ пунктамъ судопроизводства, дѣло переносится во французскій судъ, какъ въ высшую инстанцію, и рѣшается по французскимъ законамъ".

На основаніи всего вышесказаннаго, профессоръ Нофаль полагалъ необходимымъ отказать казанскимъ татарамъ во всѣхъ предъявленныхъ ими требованіяхъ.

Въ изложенныхъ ходатайствахъ татарамъ было отказано, но они продолжали свою національстическую дѣятельность [1]). Къ этому времени среди казанскихъ татаръ уже достаточно опредѣлилась свѣтская литература, стремившаяся дать читателямъ матеріалъ, доступный не только образованнымъ членамъ татарскаго общества, но и вообще грамотнымъ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новыя произведенія татарской печати являлись проводниками въ народную массу новыхъ идеи и научныхъ знаній въ европейскомъ смыслѣ этого слова. По своему содержанію, новыя татарскія сочиненія распадаются: а) на сочиненія публицистическія, б) на повѣсти и романы и в) на сочиненія историческаго и вообще научнаго свойства.

Въ публицистическихъ сочиненіяхъ татаръ главнымъ образомъ говорится о необходимости ввести измѣненія во всемъ строѣ мусульманской жизни, начиная съ жизни семейной и кончая отношеніями общественными и вопросомъ о народномъ образованіи.

Наиболѣе интереса представляютъ произведенія беллетристическаго характера, повѣсти и разсказы изъ современнаго татарскаго быта. При отсутствіи выдающихся талантовъ, татарскіе романы и по-

---

[1]) Недавно я читалъ въ газетахъ, что казанскіе торговцы-татары до сихъ поръ торгуютъ по воскреснымъ и другимъ праздничнымъ днямъ христіанъ, когда русскіе торговцы, по постановленію Думы, торговли не производятъ. Такимъ образомъ, помимо принципіальнаго неподчиненія Думскимъ постановленіямъ, каковыя татары игнорируютъ, казанскіе торговцы наносятъ огромный (въ милліонахъ рублей) ущербъ русскимъ торговцамъ. Подобно этому, татары поступаютъ и въ отношеніи инспекторскаго надзора за ихъ школами, т. е. не признаютъ правительственнаго надзора за своими школами. Н. О.

вѣсти являются таковыми лишь по названію творчество въ нихъ весьма бѣдное, какъ въ ученическихъ произведеніяхъ, плоховато написанныхъ на заданную тему; но они знакомятъ, хотя лишь отчасти, съ бытомъ татаръ. Новѣйшія татарскія повѣсти и разсказы, вообще тенденціозные, пишутся съ цѣлью поучать и проводить въ татарское общество новые просвѣтительные взгляды. При этомъ фабула татарскихъ романовъ и повѣстей имѣетъ значеніе второстепенное, какъ въ русскихъ романахъ эпохи реформъ.

Научныя сочиненія имѣютъ цѣлью знакомить читателя въ доступной формѣ съ исторіей, географіей, естественными и математическими науками. Научныя татарскія сочиненія нерѣдко составляютъ простую передѣлку турецкихъ изданій.

Распространеніе свѣтской литературы, начавшееся въ XIX вѣкѣ, мало-по-малу идетъ впередъ. Національныя повѣсти умножаются, передовые татары заговариваютъ о необходимости національнаго театра; даже въ купеческой средѣ стали говорить о необходимости приготовлять людей, полезныхъ для татарской націи. Косые взгляды, бросавшіеся раньше на людей, учившихся въ русскихъ школахъ, потеряли нынѣ прежнее значеніе. Число учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ увеличивается; появились даже школы для дѣвочекъ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, написанныхъ передовыми авторами, говорится о томъ, что воспитаніе „матерей"—самое важное дѣло для прогресса каждой націи. Снова подвергся основательному обсужденію вопросъ о томъ, не будутъ ли дѣвицы, выучившіяся письму, писать любовныя письма къ молодымъ людямъ. Стали говорить о томъ, что и женщина —человѣкъ, а не животное, что и у нея есть право на жизнь. Муллы, разумѣется, оказываются жестокими противниками подобныхъ взглядовъ на вещи, но на нихъ уже не обращается вниманія, какъ прежде. Женская грамотность растетъ со дня на день. Каждому становится яснымъ, что женщины составляютъ половину каждой націи, что онѣ хранительницы ея духа, чистоты произношенія и особенностей языка, что онѣ воспитательницы будущихъ поколѣній [1]).

Продолжаясь и развиваясь, татарская книжная литература съ 1905 года усилилась періодическими изданіями (газетами и журналами), такъ что въ 1912 году въ Гл. Управленіи по дѣламъ печати зарегистрировано было печатныхъ книгъ на татарскомъ языкѣ. въ Казани 249, въ Оренбургѣ 64, въ Уфѣ 26, въ Стерлитамакѣ 7, въ Астрахани 6, въ Баку 3, въ Темиръ-Ханъ Шурѣ 2, въ Тифлисѣ 2, въ Ташкентѣ 1, въ Троицкѣ 1.—Въ отношеніи Ташкента, показаніе газеты невѣрно.

---

[1]) Заимствовано изъ ст. Н. Н. Ашмарина „Нѣсколько словъ о современной литературѣ казанскихъ татаръ". (Журн. М. Н. Пр. Сентябрь 1905 г. Отдѣлъ по народному образованію).

Всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ Россіи на татарскомъ языкѣ за 1912 годъ насчитывается 361. Изъ этого количества 69 процентовъ падаетъ на Казань, какъ на центръ культурнаго развитія приволжскихъ мусульманъ.

На арабскомъ языкѣ вышло за 1912 г. 25 книгъ: на киргизскомъ 36 (всѣ въ Казани), на сартскомъ 40, на азербейджанскомъ 24, на персидскомъ 9, на казы-кумухскомъ 6, на аварскомъ 5, на турецкомъ 5, на осетинскомъ 3, на даргинскомъ 2, на кабардинскомъ 2, на чеченскомъ 1.

Всего книгъ, вышедшихъ въ Россіи на мусульманскихъ языкахъ за 1912 годъ, если включить сюда переводную литературу и словари, насчитывается 608 названій, изданныхъ въ общемъ въ 2,812,130 экземплярахъ. Расходы на печатаніе ихъ составляютъ 681,729 рублеи.

По содержанію изданныя книги распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Книгъ религіознаго и духовнаго содержанія было 178 (противъ 159 предыдущаго года), изданныхъ въ количествѣ—1,282 240 экземпляровъ и поглотившихъ 389,296 рублей расхода. Почти всѣ книги религіознаго содержанія вышли въ Казани на татар. яз. Учебниковъ 95, (противъ 86 прошлаго года), изданныхъ въ 366,400 экземплярахъ, на 92,278 рублей; учебно-воспитательныхъ книгъ 7, изданныхъ въ 30 тыс. экземплярахъ на 4,860 р; біографій 2, изданныхъ въ 3,400 экземплярахъ на 1,220 руб; беллетристическихъ книгъ 80 (противъ 62 прошлаго года), изданныхъ въ 23,696 экземплярахъ, на 45,896 рублей, причемъ 47 книгъ вышли въ Казани; стихотвореній и поэтическихъ произведеній 35 (противъ 51 прошлаго года), изданныхъ въ 138,805 экземплярахъ, на 21,223 руб., причемъ 19 книгъ вышли въ Казани; по природовѣдѣнію издана 1 книга (противъ 6 прошлаго года), въ 1,000 экземплярахъ, на 50 руб.; изслѣдованій по психологіи 2 названія, въ 7,200 экземплярахъ, на 690 рублей; медицинскихъ трудовъ 6 названій (противъ 22 прошлаго года), въ 23,000 экземплярахъ, на 1,380 рублей; сельско-хозяйственныхъ книгъ 8 (противъ 13 прошлаго года), въ 25,200 экземплярахъ, на 3,030 р; по ремесламъ была издана 1 книга (въ прошлыхъ годахъ не было вовсе), въ 7,600 экземплярахъ, на 380 р.; по критикѣ и библіографіи 5 кн., въ 18,500 экз., на 1,250 р; по философіи 6 книгъ (одна на арабскомъ, остальныя на татарскомъ языкѣ) въ 16,600 экземплярахъ, на 5,000 руб., (три года тому назадъ книгъ по философіи вышло 12); по исторіи 18 книгъ (противъ 6 прошлаго года), въ 50,500 экземплярахъ, на 15,450 рублей; по исторіи литературы 3 книги, въ 6,000 экземплярахъ, на 1,500 руб.; словарей 2, въ 3,000 экземплярахъ, на 600 руб; для дѣтей изданы 24 кн. (17 въ Казани), въ 82,800 экземплярахъ, на 9,408 рублей; по геогра-

фіи 13 книгъ (противъ 15 прошлаго года), въ 32,000 экземплярахъ, на 5,860 руб.; драматическихъ произведеній 24 (противъ 5 прошлаго года), въ 28,200 экземплярахъ, на 10,584 р.; объ искусствахъ 3 книги (противъ 5 прошлаго года), въ 7,200 экземплярахъ, на 1,246 руб; по общественнымъ вопросамъ 10 книгъ (противъ 58 прошлаго года), въ 54,100 экземплярахъ на 7 548 р; по музыкѣ 5 книгъ, въ 13,000 экз., на 2,300 рублей; на соціальныя темы 3 книги, въ 17,600 экземпл., на 1,800 р.; календарей 9 (противъ 14 прошлаго года), въ 13,700 экз., на 31,500 руб.; уставовъ 6, въ 7,500 экземплярахъ; справочниковъ 6, въ 2,500 экз., на 1,335 руб; по фотографіи издана 1 книга, въ 500 экз., на 125 руб.; отчетовъ 3, въ 2,000 экз.

За 1912 г. репрессіямъ подверглись (кромѣ періодическихъ органовъ печати) 10 изданій, причемъ противъ пяти издателей возбуждено судебное преслѣдованіе, на 2 изданія наложены аресты, которые затѣмъ сняты, и три изданія конфискованы.

Конфискованы слѣдующія произведенія:

„Халь Эхваль“ („Положеніе вещей“), Юсуфа Тукаева, на киргизскомъ языкѣ, въ Казани; „Оянъ, Казакъ“ („Проснись киргизъ“), Якуба Долатова, на киргизскомъ языкѣ, въ Уфѣ; „Пейгамберлеръ Тарихи“ („Исторія Пророковъ“), Лутфуллаха-аль Алими, на татарскомъ языкѣ, въ Стерлитамакѣ.

Книги, на которыя былъ наложенъ арестъ, впослѣдствіи снятый по распоряженію казанской судебной палаты, слѣдующія: „Миллетъ Мохуббети“ (Любовь къ родинѣ), Меджида Гадури и „Экрамуль-Салихинъ ве Эргамуль Маргинъ“ Ш Динмухамедова [1]).

Мнѣ кажется, что количество печатныхъ книгъ у мусульманъ всей Россіи было значительно больше, такъ какъ туркестанскія литографированныя изданія едва ли всѣ поступали на предварительную цензуру.

Число газетъ, издаваемыхъ на языкахъ мусульманъ Россіи, также значительно.

Публицистическая дѣятельность россійскихъ татаръ, несомнѣнно, находилась въ извѣстной своей части въ соотвѣтствіи съ дѣятельностью Московскаго Миссіонерскаго Общества, его комитетовъ и особенно въ связи съ дѣятельностью Казанскаго Братства Св. Гурія и Миссіонерскаго отдѣленія при Казанской Духовной Академіи.

Въ противовѣсъ Казанскому Миссіонерскому противо-мусульманскому сборнику въ Россіи, въ 80 г. прошлаго столѣтія начали по-

---

[1]) Заимств. изъ газ. „Туркест. Кур.“ 1913 г. № 138 отъ 25 іюля.

являться газетныя статьи и отдѣльныя монографіи, составленныя въ защиту ислама и личности его основателя. Такъ, въ 1881 году въ Петербургѣ была издана небольшая брошюра Девлетъ-Кильдѣева—„Магометъ, какъ Пророкъ“ (стр. 1—35), напоминающая своимъ заглавіемъ нѣмецкое сочиненіе Г. Вейля.

Въ томъ же году въ Симферополѣ появилась небольшая брошюра Исм. Гаспринскаго „Русское мусульманство. Мысли, замѣтки и наблюденія мусульманина“, печатавшаяся раньше въ видѣ отдѣльныхъ статей въ газетѣ „Таврида“. Брошюра эта была потомъ вторично издана авторомъ и разослана по разнымъ городамъ Россіи съ мусульманскимъ населеніемъ: въ Казань, Оренбургъ, Уфу и др. Я познакомился съ этой брошюрой въ Ташкентѣ.

Въ 1883 году въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ были напечатаны замѣчательныя по тенденціи статьи Мурзы Алима, подъ заглавіемъ „Исламъ и Мусульманство“, въ которыхъ авторъ съ увлеченіемъ отстаивалъ мусульманское міровоззрѣніе и ставилъ его по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ даже выше принциповъ европейской культуры.

Въ 1883 году петербургскій ахунъ и мударрисъ Ат. Баязитовъ издалъ небольшую брошюру (стр. 1—38),—въ опроверженіе извѣстной рѣчи Ренана, произнесенной имъ въ Сорбоннѣ 29 марта 1883 г. на тему „Исламъ и наука“.

Въ 1887 году тотъ же авторъ (Ат. Баязитовъ) издалъ болѣе обширную брошюру (стр. 1—102), подъ заглавіемъ: „Отношенія ислама къ наукѣ и иновѣрцамъ“ (С.-Петербургъ).

Въ 1901 году въ Тифлисѣ Ахмедъ-Бекъ Агаевъ издалъ брошюру „О женщинѣ по исламу и въ исламѣ“, которая была какъ бы продолженіемъ брошюры русской писательницы О. Лебедевой „Объ эмансипаціи мусульманской женщины“ (С.-Петербургъ, 1900 г.).

Въ слѣдующіе затѣмъ годы были попытки издавать на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ особыя газеты, имѣвшія цѣлью знакомить русскихъ читателей съ мусульманскимъ міромъ; но эти газеты не продержались долго. Хаджетлаше уже въ XX столѣтіи издавалъ въ Парижѣ небольшой журналъ „Мусульманинъ“ и въ приложеніи къ нему далъ изложеніе на русскомъ языкѣ основъ мусульманскаго вѣроученія и шаріата, но также скоро прекратилъ свою литературную дѣятельность. Въ разное время появлялись статьи объ исламѣ и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, составляемыя мусульманскими авторами.

Такимъ образомъ въ Россіи въ концѣ XIX и началѣ XX в.в. появилось нѣсколько видныхъ публицистовъ среди мусульманъ, которые съ разныхъ точекъ зрѣнія стремились освѣщать интересовавшіе ихъ вопросы. На первомъ мѣстѣ стоялъ у нихъ вопросъ школьный, а за-

тѣмъ женскій, т. е о правахъ мусульманской женщины на образованіе и проч.

Въ этомъ направленіи больше другихъ мусульманскихъ публицистовъ сдѣлалъ, конечно, Исмаилъ-бекъ Гаспринскій. Въ своей газетѣ и брошюрѣ онъ старался доказывать, что всѣ восточные инородцы Россіи (татары, киргизы, башкиры и разные другіе) должны слиться въ одну тюркско мусульманскую группу съ общимъ для всѣхъ этихъ инородцевъ турецкимъ языкомъ и алфавитомъ.

Рѣдко встрѣчалъ Гаспринскій возраженія противъ своихъ тенденцій и потому безпрепятственно продолжалъ и расширялъ свою публистическую дѣятельность. По настойчивости и пріемамъ публистической дѣятельности, Гаспринскаго можно считать подражателемъ извѣстнаго панисламиста Джамаль эд-Дина-аль-Афгани. По примѣру Джамаль-эд Дина, Гаспринскій предпринималъ лѣтнія поѣздки по большимъ городамъ внутренней Россіи и Средней Азіи и велъ бесѣды съ мусульманскимъ населеніемъ, особенно во время Нижегородской ярмарки удачно пропагандировалъ свои идеи и газету, служившую общимъ интересамъ мусульманъ Россіи. Въ тѣхъ же цѣляхъ онъ предпринималъ поѣздки въ главные центры ислама: Стамбулъ, Каиръ и Бухару, при чемъ не упускалъ случаевъ личнаго представленія турецкому султану, египетскому хедиву и бухарскому эмиру. Къ послѣднему онъ всегда являлся въ Ялтѣ, когда тамъ проживалъ эмиръ.

Здѣсь намъ представляется интереснымъ провести параллель между двумя очень типичными представителями работы въ области инородческаго образованія покойнымъ профессоромъ Н. И. Ильминскимъ и Исмаилъ-Бекомъ Гаспринскимъ. Оба они—ярко выраженные націоналисты: одинъ—русскій, другой—татарскій, или вѣрнѣе, пантюркскій.

Просвѣтительная дѣятельность Н И Ильминскаго началась съ 60 хъ годовъ прошлаго вѣка и имѣла своею цѣлью путемъ школьнаго обученія и богослуженія на родномъ языкѣ инородцевъ, принявшихъ православіе удержать ихъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ русскими и настолько развить ихъ умственно, чтобы они могли не только самостоятельно и устойчиво отражать могучее вліяніе окружающаго ихъ мусульманства, но и съ своей стороны вліять на мусульманъ въ духѣ сближенія ихъ съ русскими. Гаспринскій въ сущности дѣлаетъ ту же работу, что и Ильминскій. но только въ совершенно иной плоскости и въ противоположномъ направленіи. господствующая тенденція Гаспринскаго сводится къ стремленію его доказать невозможность ассимиляціи инородцевъ-мусульманъ съ русскими и препятствовать этой ассимиляціи всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами.

Подобно Ильминскому, Гаспринскій считаетъ школу единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ развитію пантюркскаго самосознанія мусульманъ Россіи и, рѣшивъ измѣнить старый, буквослагательный методъ обученія грамотѣ въ татарскихъ школахъ, вступилъ въ энергичную борьбу съ старовѣрами мусульманства [1]). Его единомышленники разсѣялись по разнымъ населеннымъ пунктамъ внутренней Россіи и Сибири и стали открывать такъ называемыя „новометодныя школы“ (усули-джадидъ) даже въ степяхъ и городахъ Туркестанскаго края, въ Хивѣ и Бухарѣ. Всѣ такія школы открывались безъ разрѣшенія русскаго начальства и, не встрѣчая должнаго противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей, продолжаютъ свое существованіе до сихъ поръ безконтрольно.

Какъ Ильминскій имѣлъ въ Казани центръ своего просвѣтительнаго воздѣйствія на крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края [2]), такъ и Гаспринскій сосредоточилъ свою преобразовательную татарско-національно-националистическую дѣятельность въ Крыму, гдѣ основалъ высшія татарско-учительскія школы „рушдіе“. Ученики Ильминскаго расходились по крещено-татарскимъ школамъ всего Приволжскаго района, а ученики Гаспринскаго захватывали гораздо большій районъ, такъ какъ встрѣчаются по всей Средней Азіи, въ бухарскихъ и хивинскихъ владѣніяхъ. Ильминскій составлялъ для своихъ школъ учебники и переводы христіанскихъ книгъ на инородческіе языки; Гаспринскій старается объ изданіи новыхъ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для чтенія на языкѣ крымскихъ татаръ, въ цѣляхъ приближенія всѣхъ инородцевъ Россіи къ турецкому языку. Такимъ образомъ Ильминскій заботился о руссификаціи крещеныхъ инородцевъ тюркскаго и финскаго племени на почвѣ общаго ихъ съ русскимъ народомъ православія, а Гаспринскій старательно оттягиваетъ мусульманъ Россіи въ сторону единовѣрной имъ мусульманской Турціи. Ильминскій, въ соотвѣтствіи съ своими убѣжденіями, старался при посредствѣ родныхъ (материнскихъ) языковъ инородцевъ сроднить ихъ не только съ государственнымъ языкомъ, но и съ языкомъ русскаго церковнаго богослуженія, признавая, что единство религіозныхъ вѣрованій даже разныхъ по происхожденію племенъ служитъ живымъ связующимъ элементомъ въ ихъ духовной и государственной жизни; Гаспринскій стремится насаждать въ реформируемыхъ имъ мусульманскихъ школахъ арабскій и

---

[1]) Полемика между приверженцами стараго и новаго методовъ обученія среди татаръ до того осложнилась и обострилась, что Министерство въ 1900 г. запрашивало мнѣнія администраторовъ по этому, казавшемуся опаснымъ, вопросу. Авторъ соч. „Ан-ну-суль“, отстаивая старину, обвинялъ новаторовъ даже въ посягательствѣ ихъ на чистоту ислама (Казань, 1899).

[2]) Центральная крещено-татарская школа и учительская семинарія.

персидскій языки, чтобы утвердить мусульманъ путемъ школы въ истинахъ ислама и такимъ образомъ придать будущей культурѣ россійскихъ мусульманъ направленіе исключительно тюркско мусульманское. Разница огромная. Считая Ильминскаго инородческимъ миссіонеромъ, Гаспринскій и его единомышленники отнюдь не присваивали себѣ такого наименованія, находя его обиднымъ для себя, хотя по существу Гаспринскій и всѣ его подражатели должны быть признаны еще болѣе миссіонерами, но только въ интересахъ мусульманства.

Зная слабость русскихъ администраторовъ въ отношеніи управленія инородцами [1]), Гаспринскій часто дѣйствовалъ смѣло и умѣло. Такъ, ободренный своими успѣхами въ публицистической дѣятельности, онъ, по собственной иниціативѣ, представилъ въ 1892 году Туркестанскому генералъ-губернатору барону Вревскому докладную записку со своимъ проэктомъ переустройства въ Туркестанскомъ краѣ школьнаго образованія мѣстныхъ инородцевъ [2]), а въ 1895 году входилъ къ Управляющему Государственнымъ Банкомъ съ предложеніемъ своихъ услугъ печатать въ „Тарджуманѣ“ всѣ казенныя объявленія Министерства Финансовъ для распространенія ихъ среди мусульманъ не только Россіи, но Турціи и Персіи, гдѣ, будто-бы, его газета имѣла большое распространеніе ..

Такъ поступалъ Гаспринскій. Внимательно присматриваясь къ русской жизни и происходящимъ въ ней перемѣнамъ, онъ, сообразно съ новыми теченіями, мѣнялъ и свои рѣчи. Въ 1904 году онъ уже предчувствовалъ освободительное движеніе въ Россіи и предупреждалъ объ этомъ своихъ читателей.

„Какія же задачи предстоятъ нашему мусульманскому обществу? спрашивалъ въ это время въ одной изъ своихъ статей Гаспринскій и отвѣчалъ такъ: „Прежде всего намъ нужно просвѣщеніе, и какъ путь къ тому,—изученіе русскаго языка. Далѣе требуется улучшеніе и увеличеніе школъ, мактабовъ, разработка роднаго языка, развитіе литературы, книжности. Каждый словомъ и дѣломъ долженъ помогать этимъ задачамъ, какъ то дѣлаютъ всѣ другія народы. Нужна школа—мактабу помогайте и грошами, и рублями; вышли новыя книги—покупайте, читайте, дарите кому нужно. Тогда книги чаще и чаще будутъ появляться. Видите нуждающагося ученика—помогайте, пусть учится. Все это и подобное есть нашъ честный, почетный долгъ обществу, народу

---

[1]) Незнакомство ихъ съ бытомъ, вѣрованіями, нравами, обычаями и языкомъ инородцевъ, а равно—ихъ невнимательность къ жизни инородцевъ.

[2]) Въ этомъ отношеніи Гаспринскій былъ подражателемъ Юнусову: въ 1883 г., когда М. Г. Черняевъ былъ назначенъ туркестанскимъ ген.-губернаторомъ, татаринъ Юнусовъ подалъ ему докладную записку, съ изложеніемъ совѣтовъ и указаній относительно управленія Туркестанскимъ краемъ.

и родинѣ А больше всего надо стремиться къ скорѣйшему просвѣщенію. Безъ этого наше будущее будетъ трудное. Судя по всѣмъ даннымъ, въ жизни Россіи произойдутъ благія перемѣны. *Будутъ облегчены слово, печать, дѣятельность, и всѣ народы возьмутся за добрую, широкую дѣятельность.* Мусульмане Россіи не должны отставать во всеобщемъ соревнованіи къ развитію и дѣятельности. Но къ грядущему надо скоро и энергично подготовиться, ибо иначе придется трудно: имѣть права и не умѣть ими пользоваться все равно, что не имѣть ихъ. Какая польза слѣпому отъ дневнаго свѣта?.. Надо поскорѣе протереть глаза и уши, чтобы наравнѣ съ другими народами воспользоваться всѣми тѣми благами, которыя обѣщаютъ жизнь и развитіе Россіи.

„Наши мусульманскія духовныя учебныя заведенія, говорилось тогда же въ газетѣ „Переводчикъ", въ общемъ настолько отсталы и устарѣлы, даваемыя ими познанія настолько жалки и ограничены, а въ сравненіи съ выдвинутыми современными условіями жизни и сложными требованіями настолько ничтожны и неудовлетворительны, что открытіе благоустроенной духовной семинаріи желательно не только для мусульманъ Кавказскаго муфтійства, но также для Оренбургскаго и Крымскаго".

Съ такимъ вступленіемъ „Переводчикъ" привелъ слѣдующую выдержку изъ газеты „Каспій": „Какое значеніе имѣетъ религія для мусульманъ,—это настолько извѣстно, что, полагаемъ, не требуетъ особыхъ поясненій. Достаточно припомнить ту роль, какую до сихъ поръ играли и играютъ въ жизни мусульманъ духовныя лица. И отсюда одинъ выводъ, что чѣмъ больше у духовныхъ лицъ хорошихъ качествъ, чѣмъ больше у нихъ познаній, чѣмъ больше они проникнуты сознательнымъ отношеніемъ къ тѣмъ потребностямъ, которыя выдвигаются новыми условіями жизни и для мусульманъ, словомъ, чѣмъ болѣе духовныя лица стоятъ на высотѣ положенія, тѣмъ вліяніе ихъ на народныя массы будетъ благотворнѣе. И, наоборотъ, неисчислимъ весь тотъ вредъ, который проистекаетъ отъ духовнаго лица—не только невѣжественнаго, но и чуждаго по усвоенному міровоззрѣнію требованіямъ современной жизни.

„Глубоко сознавая незыблемость такого положенія, передовые мусульмане давно уже обсуждаютъ вопросъ объ улучшеніи состава всего духовенства, которое, конечно, можетъ и должно произойти при посредствѣ лишь школы, надлежаще устроенной. Но откуда же взять такихъ муллъ? Въ прежнее время во многихъ мѣстахъ Закавказья славились частныя мадрасы (духовныя училища), въ которыхъ извѣстные своею ученостью и нравственными качествами улемы подготовляли муллъ. Такихъ мадрасъ болѣе уже нѣтъ въ краѣ, и желающіе полу-

чить духовное образованіе изъ кавказскихъ мусульманъ ѣдутъ въ Персію, Турцію и Египетъ. Но, по дѣйствующему положенію объ управленіи Закавказскимъ магометанскимъ духовенствомъ, лица, получившія духовное образованіе заграницей, не допускаются къ занятію въ краѣ духовныхъ должностей. Откуда же мусульмане могутъ получить духовныхъ, да еще удовлетворяющихъ опредѣленнымъ и, конечно, необходимымъ требованіямъ въ отношеніи познаній и нравственныхъ качествъ? Возбуждавшіяся до сихъ поръ соотвѣтствующія ходатайства оставались безъ удовлетворенія, хотя содержаніе духовной семинаріи мусульманское общество брало на себя. Но въ этомъ отношеніи посчастливилось Закавказскимъ: Шейхуль-исляму Ахундъ-Заде и муфтію Гаибову, которые, принеся черезъ Испр. обяз. Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ генерала Фрезе поздравленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, по случаю рожденія Наслѣдника Престола, отъ имени мусульманскаго населенія Кавказскаго края просили, въ ознаменованіе этого событія, объ открытіи въ Тифлисѣ духовной семинаріи (мадрасы), на счетъ вакуфныхъ суммъ и частныхъ пожертвованій, съ присвоеніемъ этому учебному заведенію имени Наслѣдника Цесаревича.

„По проэкту высшаго мусульманскаго духовенства предполагаемая къ открытію семинарія въ Тифлисѣ будетъ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ съ пансіономъ на 50 учащихся, но будутъ допущены и приходящіе. Программа слѣдующая: языки — арабскій, персидскій, турецко татарскій и русскій; предметы: а) по религіознымъ наукамъ— толкованіе Корана, исторія пророковъ и религій вообще, богословіе, реторика; б) по свѣтскимъ наукамъ: ариѳметика, геометрія, географія, исторія всеобщая и русская, исторія востока, формальная логика, государственное право и мусульманское законовѣдѣніе. Предметы эти будутъ преподаваться по учебному плану и руководствамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Преподаватели пользуются правами преподавателей средне-учебныхъ заведеній. Курсъ ученія восьмилѣтній, съ однимъ приготовительнымъ классомъ. Дѣти принимаются не моложе 9-ти и не старше 14 лѣтъ. Преподаваніе религіозныхъ предметовъ будетъ находиться подъ наблюденіемъ Магометанскаго Духовнаго Правленія, а остальные—мѣстнаго учебнаго начальства, согласно существующимъ законамъ. Средства на содержаніе семинаріи, постройку и первоначальное обзаведеніе предположены: а) изъ свободныхъ остатковъ отъ ежегодныхъ доходовъ вакуфныхъ имѣній при мусульманскихъ мечетяхъ на Кавказѣ, б) единовременное пособіе изъ запаснаго капитала тѣхъ же вакуфныхъ имѣній, в) взносы почетныхъ попечителей, г) частныя пожертвованія, д) плата за стипендіатовъ городовъ и сельскихъ обществъ. Попечителями семинаріи

состоятъ по званію: Закавказскіе шейхуль-исламъ и муфтій. При семинаріи имѣется особый попечительный совѣтъ изъ выборныхъ лицъ.

Закавказскіе шейхъ-уль-ислямъ и муфтій, пользуясь своимъ пріѣздомъ въ Баку, ознакомили съ проектомъ бакинскихъ почетныхъ мусульманъ, которые, по инициативѣ Гаджи Зайнулъ-Абидинъ Тагіева, сознавая необходимость проектируемой семинаріи, открыли подписку, по которой записали пожертвованій для означенной цѣли на сумму 53.270 рублей".

По словамъ той же газеты „Каспій", пожертвованія на новую духовную семинарію въ Тифлисѣ для мусульманъ продолжаются, и такъ какъ эта сумма недостаточна для постройки зданія семинаріи, то г. Гаспринскій высказываетъ надежду, что состоятельные мусульмане поспѣшатъ прійти на помощь осуществленію мысли объ основаніи училища, которое, въ качествѣ будущаго духовнаго разсадника, дастъ имъ образованныхъ муллъ для городовъ и деревень, столь нуждающихся нынѣ въ такого рода духовныхъ лицахъ.

Заинтересованный успѣхами своего серіознаго дѣла, Гаспринскій постоянно слѣдилъ за мѣропріятіями русскаго правительства относительно образованія инородцевъ Россіи и всегда былъ въ курсѣ этого вопроса. Такъ, въ 1905 году, когда при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія была созвана особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ авторитетнаго ученаго и члена Совѣта Министра А. С. Будиловича, для обсужденія основныхъ принциповъ и типа школъ для инородцевъ Россіи, Гаспринскій своевременно прибылъ лично въ Петербургъ и въ самомъ началѣ работъ комиссіи подалъ также лично Министру Народнаго Просвѣщенія В. Г. Глазову докладную записку, въ которой упомянулъ имя Ильминскаго и тѣмъ показалъ свою освѣдомленность о цѣли и характерѣ дѣятельности созванной комиссіи.

Въ этой докладной запискѣ уполномоченныхъ крымскихъ мусульманъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія было написано:

„Общее собраніе мусульманъ Крыма, бывшее въ апрѣлѣ сего года въ городѣ Симферополѣ, обсудивъ свои нужды, избрало и уполномочило насъ обратиться съ надлежащей петиціей въ Комитетъ Министровъ и съ докладными записками въ подлежащія министерства по принадлежности, согласно пунктамъ упомянутой петиціи. Вслѣдствіе этого, имѣемъ честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ слѣдующимъ:

„Для образованія и просвѣщенія русскихъ мусульманъ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія открываются такъ называемыя „русско татарскія" или „русско-туземныя" школы, а для подготовки учителей для этихъ школъ основаны были тогда же „учительскія школы" въ Симферополѣ, въ Гори, въ Казани и Ташкентѣ. Число

всѣхъ начальныхъ школъ, открытыхъ министерствомъ за все 35-ти лѣтіе во всѣхъ учебныхъ округахъ не достигаетъ трехсотъ, а программа ихъ ограничена преподаваніемъ русской грамоты и четырехъ правилъ ариѳметики. Какъ таковыя, школы эти стоятъ особнякомъ, не связаны съ другими школами высшаго порядка и составляютъ для просвѣщаемой мусульманской массы начало и конецъ русскаго просвѣщенія и развитія культуры.

„Упомянутыя учительскія школы выпускаютъ всѣ вмѣстѣ ежегодно отъ 20 до 30 учителей (въ общемъ недостаточно развитыхъ) и слѣдовательно представляется возможнымъ ежегодное открытіе 20—30-ти новыхъ школъ для мусульманскаго населенія Европейской и Азіатской Россіи съ учителями изъ своей среды.

„Мусульманское населеніе Россіи достигаетъ 15 милліоновъ душъ или 3-хъ милліоновъ семей. Если поставить себѣ задачей имѣть *одну* начальную школу на сто семей, то слѣдовало бы открыть тридцать тысячъ школъ для мусульманъ, что потребуетъ, кромѣ единовременныхъ расходовъ, ежегоднаго школьнаго бюджета въ 12 милліоновъ рублей, считая по 400 р. на школу въ годъ. Въ то же время число учительскихъ школъ надо будетъ удесятерить. Если бы достиженіе такого „количественнаго идеала“ распредѣлить на 25 лѣтъ, то ежегодный приростъ бюджета русско-мусульманской школы приблизился бы къ милліону рублей. Полагаемъ, что даже ежегодное увеличеніе этого бюджета на полмилліона рублей составитъ тяжелое бремя для Министерства, такъ какъ въ школахъ не менѣе насъ, мусульманъ, нуждается и остальное 115 милліонное населеніе Имперіи. Отсрочивать же широкое, интенсивное развитіе школьной сѣти не приходится: только знаніе поддерживаетъ, движетъ народы и даетъ имъ жизненную силу, чему яркимъ примѣромъ служитъ нынѣ не только Западъ, но отчасти и Востокъ.

„Мы думаемъ, что для поднятія и развитія школьнаго и вообще просвѣтительнаго дѣла должно прибѣгнуть къ самому народу, къ его сердцу и уму. Необходимо, чтобы народъ созналъ, что „школа“, а въ болѣе широкомъ смыслѣ „знаніе“ такъ-же нуждаются въ заботахъ народа, какъ посѣвъ хлѣба, рытье колодца и т. п. Этого не легко достигнуть, но это возможно, и тогда самъ народъ явится въ помощь государству въ дѣлѣ своего просвѣщенія.

„Обращаясь къ „качеству“ школъ, имѣемъ честь высказать слѣдующее: онѣ прежде всего страдаютъ крайней узкостью программы и, что еще болѣе печально, онѣ очень слабо выполняютъ и эту узкую свою задачу. Рецидивъ безграмотности, большой среди русскаго населенія, достигаетъ огромнаго процента среди мусульманъ, что помимо нашихъ наблюденій, въ отношеніи напр. школъ Туркестанскаго края,

удостовѣрено и мѣстной дирекціей. Оно и понятно: мусульманскій мальчикъ въ 3—4 года школьнаго обученія проводитъ собственно въ школѣ за обученіемъ едва одну треть этого времени; остальнее поглощается рабочимъ періодомъ года, вакаціями и праздниками. Не слыша въ семьѣ и въ окружающей средѣ русской рѣчи, такому мальчику очень трудно усвоить новый, чуждый языкъ и, увы, покинувъ, „окончивъ“ школу, онъ скоро забываетъ и то немногое, что имъ было пріобрѣтено. Нѣсколько въ лучшемъ положеніи находятся ученики начальныхъ школъ, открытыхъ въ городахъ; тутъ базаръ, торгъ, русскій говоръ, иначе—сама жизнь помогаетъ дѣлу школы. Тутъ хотя немногія дѣти, переходя изъ школы за прилавокъ, продолжаютъ понемногу слышать и употреблять русскую рѣчь. Этого благопріятнаго условія лишены всѣ сельскія, аульныя школы.

„Помимо этихъ неблагопріятныхъ условій, вызывающихъ огромный процентъ рецидива безграмотности, нельзя не сказать и того, что наиспособнѣйшія дѣти, успѣвшія усвоить русскую грамоту, т. е. могущія читать и понимать читаемое, кончаютъ школу *безъ всякаго умственнаго развитія*. Между тѣмъ только пробужденный умъ, шевельнувшаяся любознательность могли бы привлечь такого ученика къ внѣшкольному образованію путемъ чтенія русскихъ книгъ.

„Вслѣдствіе этихъ соображеній, вытекающихъ изъ жизненнаго повседневнаго опыта и наблюденій, мы думаемъ, что программу нашей начальной школы необходимо расширить и приноровить къ жизни и тѣмъ сдѣлать ее болѣе плодотворной и продуктивной. Программа эта должна поставить себѣ цѣлью расширеніе кругозора ученика и рядомъ съ этимъ обученіе русскому языку. *Для умственнаго просвѣщенія мусульманъ Россіи надо поступить такъ, какъ поступалъ Н. И. Ильминскій въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія мелкихъ инородческихъ племенъ, т. е. надо прибѣгнуть къ родному языку дѣтей.* Этимъ естественнымъ путемъ русская культура и все общечеловѣческое польются въ мусульманскую среду болѣе широкой волной, возбудятъ любознательность и заставятъ мусульманъ искать дальнѣйшихъ знаній въ русской грамотѣ и литературѣ. Надо только, чтобы лучшей постановкой преподаванія русской грамоты подготовить, пріохотить дѣтей къ чтенію русской книги, къ поиску въ ней знаній. Базой для этого и можетъ послужить родной языкъ дѣтей, на которомъ и слѣдуетъ дать имъ первыя познанія, первую степень развитія. Такая постановка дѣла сблизитъ, породнитъ русскую школу съ семьей и съ средою учащагося. Если школьникъ съ первыхъ же дней или мѣсяцевъ начнетъ приносить домой начальныя свѣдѣнія по гигіенѣ, понятія о природѣ, вѣсти о народахъ и странахъ, то таковыя заинтересуютъ и мать его, и всѣхъ близкихъ; и начальныя школьныя руководства, если они будутъ хорошо соста-

влены, могутъ сдѣлаться также домашней народной книгой. Разъ только русская школа станетъ „полезностью“ въ глазахъ мусульманина, то дальнѣйшее ея развитіе и расширеніе будетъ обезпечено; сердечное и матеріальное содѣйствіе ей, какъ школѣ не только русской, но и родной, будетъ развиваться изъ года въ годъ. Замѣтимъ тутъ, что мусульмане, имѣя не менѣе 30-ти тысячъ своихъ мектебовъ, тѣмъ самымъ подготовлены цѣнить „школу“ и знаніе вообще Они пойдутъ навстрѣчу всѣмъ ея нуждамъ, какъ только она примѣнится къ ихъ быту, нуждамъ и прочно установившимся воззрѣніямъ.

„Мы уполномочены ходатайствовать передъ Комитетомъ Министровъ о начальномъ преподаваніи на родномъ языкѣ. О томъ же ходатайствуетъ мусульманское населеніе почти всѣхъ областей, подавшихъ петиціи о своихъ нуждахъ.

„Резюмируя сказанное, имѣемъ честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что мусульмане тѣмъ охотнѣе будутъ учиться, просвѣщаться и содѣйствовать тому великому дѣлу, чѣмъ болѣе это дѣло будетъ носить государственно общественный характеръ и чѣмъ болѣе будетъ отведено въ школѣ мѣста родному языку нашихъ дѣтей. Исходя изъ этого, мы просимъ Васъ, чтобы русско-татарская или русско-туземная школа носила *исключительно гражданскій характеръ*, не преслѣдуя иной задачи, кромѣ просвѣщенія и преподаванія общегосударственнаго языка; чтобы къ завѣдыванію школой, въ помощь учебному начальству, былъ призванъ общественный, мѣстный элементъ; чтобы просвѣтительно-народныя учрежденія не стояли въ сторонѣ и отчужденно отъ общества, какъ могутъ, напр., стоять учрежденія таможенныя или акцизныя; чтобы религіозно-нравственное воспитаніе нашихъ дѣтей, на основѣ нашей вѣры, было поставлено прочно и чтобы языку нашему было отведено достаточно мѣста, какъ естественному элементу знанія и естественному средству начальнаго преподаванія: Такая постановка дѣла, привлекши къ нему народное довѣріе и симпатію можетъ только усилить и ускорить распространеніе русскаго языка и русской культуры. Обратное же положеніе дѣла можетъ привести къ упадку даже тѣхъ немногихъ школъ, кои существуютъ въ настоящее время.

„Сообразно съ этимъ, надо расширить наши учительскія школы, развивъ ихъ программу до степени средняго учебнаго заведенія. Въ то же время надо расширить преподаваніе въ нихъ мусульманскаго вѣроученія и грамоты, чтобы питомцы этихъ школъ имѣли авторитетъ въ глазахъ народа и могли быть учителями русской и родной грамоты, замѣняя по возможности муллу-вѣроучителя.

„Необходимыя на реформу Симферопольской учительской школы средства могли бы быть взяты изъ свободнаго вакуфнаго (народно-

благотворительнаго и учебнаго) капитала, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находятся вакуфные капиталы и имущества“ [1]).

Результаты дѣятельности комиссіи А. С. Будиловича были изданы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, подъ заглавіемъ: „Труды особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ“ (С.-Петербургъ, 1905 г. стр. 366), но не были примѣнены на практикѣ вслѣдствіе массовыхъ заявленій со стороны мусульманъ разныхъ мѣстностей Россіи. Поэтому школьный вопросъ мусульманъ также разсматривался въ комиссіи Члена Государственнаго Совѣта Графа Игнатьева. Въ 1907 году въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, уже при другомъ Министрѣ (Гофм. П. М. фонъ Кауфманѣ), постановленія комиссіи 1905 года пересматривались при участіи депутатовъ отъ мусульманъ, а въ 1911 году была организована комиссія подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Л. А. Георгіевскаго для обсужденія того же вопроса [2])...

Такъ съ 1870 г. затянулся на цѣлыя десятилѣтія (столь живой вопросъ, и русское правительство колеблется, подвергая себя замѣчаніямъ и критикѣ со стороны тѣхъ же инородцевъ...

---

[1]) О другихъ петиціяхъ мусульманскихъ депутацій можно читать въ русскихъ газетахъ 1905 года Для будущаго историка Россіи мусульманское движеніе, начавшееся въ 1905 году, будетъ представлять очень большой интересъ, а потому уже и теперь слѣдовало бы заняться группировкой относящагося къ этой темѣ печатнаго, преимущественно газетнаго матеріала. Работы по данному вопросу могли бы составить цѣлую диссертацію на ученую степень.

[2]) Желающіе ближе ознакомиться съ системой просвѣщенія инородцевъ, установленной Н. И. Ильминскимъ, приглашаются прочитать брошюру А. А. Воскресенскаго подъ заглавіемъ „Н. И. Ильминскій. О системѣ просвѣщенія инородцевъ и о Казанской Центральной крещено-татарской школѣ“ (Казань, 1913). Изданіе П. В. Щетинкина.

МУСУЛЬМАНСКІЯ ШКОЛЫ

въ Туркестанскомъ краѣ.

МУСУЛЬМАНСКІЕ МАКТАБЫ.[1]

Мусульманская образованность занимаетъ, какъ извѣстно, видное мѣсто въ исторіи культурнаго развитія не только Азіи, но и Европы; поэтому казалось бы, что исторія мусульманской школы, какъ разсадника мусульманской образованности, должна быть давно разработана и изслѣдована... На самомъ же дѣлѣ до сихъ поръ не только въ европейской, но и въ азіатской (мусульманской) литературѣ нѣтъ обстоятельнаго историческаго очерка первоначальнаго возникновенія и постепеннаго развитія мусульманской школы и мусульманскаго образованія. Въ „Исторіи педагогики" К. Шмидта, представляющей собою очень солидный трудъ въ европейской литературѣ по количеству матеріала, отдѣлъ о мусульманской школѣ и мусульманскомъ образованіи изложенъ вообще сбивчиво, во многихъ мѣстахъ голословно и бездоказательно, а въ иныхъ случаяхъ безъ должнаго пониманія авторомъ сущности трактуемаго имъ вопроса [2]). Въ европейскихъ сочиненіяхъ по всемірной исторіи о мусульманской образованности обыкновенно говорится почти исключительно съ общей культурной точки зрѣнія, а о мусульманской школѣ лишь упоминается, какъ о фактѣ [3]). Только немногіе оріенталисты послѣдняго столѣтія [4]) изучали спеціально внутреннюю жизнь нѣкоторыхъ высшихъ мусульманскихъ школъ; но и они не даютъ намъ полнаго историческаго очерка мусульманскаго образованія и не указываютъ на преемственную зависимость мусульманской школы отъ еврейско-христіанской. Въ частности, для русскихъ остаются до сихъ поръ неразъясненными многія стороны мусульман-

---

[1]) Эта статья въ первый разъ была напечатана въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 годъ (Февраль, отд. 3).

[2]) Нагляднѣе всего это обнаружено авторомъ на стр. 100-й, гдѣ онъ кратко передаетъ содержаніе 39-й (не 39-й, а 46-й) макамы Харири, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ „Очеркѣ исторіи воспитанія и обученія" Л. Модзалевскаго всего одна страница посвящена высшей арабской школѣ (С.-Петербургъ, 1892 года, стр. 207—209).

[3]) Ср. труды Шлоссера, Вебера и др.

[4]) Дельфэнъ, Хургронье, Мюллеръ, Крымскій, Наливкинъ и др

ской школы въ Россіи, а вслѣдствіе этого, несмотря на многолѣтнюю совмѣстную жизнь нашу съ мусульманами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы все еще очень мало освѣдомлены относительно столь важнаго фактора въ ихъ духовной жизни и довольствуемся невѣрнымъ, одностороннимъ представленіемъ, что въ школахъ мусульманъ учатъ только коранъ и толкованія на него. Не удивительно поэтому, если мы въ сужденіяхъ о мусульманской школѣ часто впадаемъ въ большія ошибки къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ [1]). Скажемъ прямѣе: русскіе, за единичными исключеніями, почти вовсе не знаютъ мусульманской школы, хотя эта школа вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія къ ней, какъ самобытная школа, вызванная потребностями духовной жизни мусульманъ и въ настоящее время стремящаяся къ разнымъ улучшеніямъ. Среди кавказскихъ, крымскихъ, казанскихъ, оренбургскихъ и уфимскихъ татаръ замѣчается серьезное умственное движеніе, выразившееся въ появленіи свѣтской литературы [2]), новыхъ учебниковъ и въ желаніи реформировать свою школу [3]). Вопросъ о школьной реформѣ считается прогрессивными представителями русскихъ мусульманъ однимъ изъ важнѣйшихъ и назрѣвшихъ вопросовъ жизни и едва ли не самымъ главнымъ изъ нихъ. Средневѣковая схоластическая система преподаванія въ мусульманскихъ школахъ и старинныя учебныя руководства не даютъ учащимся мусульманамъ необходимыхъ для современнаго человѣка знаній и развитія, а вмѣсто того прививаютъ своимъ питомцамъ отжившіе взгляды и ставятъ учащихся во враждебное отношеніе къ современнымъ наукамъ и формамъ жизни. Вслѣдствіе этого вопросъ о школьной реформѣ въ послѣдніе годы серьезно обсуждается въ періодической татарской печати Россіи и въ частныхъ собраніяхъ татаръ, а въ 1906 году въ формѣ петицій былъ заявленъ ими министерству народнаго просвѣщенія и предсѣдателю совѣта министровъ, и притомъ не какъ частный вопросъ прогрессивной татарской партіи, а какъ обще-мусульманскій школьный вопросъ. Поэтому въ маѣ мѣсяцѣ 1905 года особая комиссія изъ лицъ, непосредственно знакомыхъ съ инородческою школой въ Россіи, при участіи нѣкоторыхъ профессоровъ восточнаго факультета и чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, обсуждала, подъ предсѣдательствомъ

---

[1]) Авторъ ст. „Вопросъ о просвѣщеніи татаръ“ Д А А—въ („Русская Школа“, № 7—8, іюль—августъ 1905 г.) высказываетъ сужденіе и совѣты, трудно осуществимые. Другой авторъ г. Анастасіевъ самъ сознается, что не знаетъ арабскаго языка, и высказываетъ недовольство на себя по этому случаю („Рус. Школа“ 1893 г., № 12, стр. 134).

[2]) О современной татарской литературѣ см. статью г. Ашмарина въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (сентябрь 1905 г.).

[3]) См. газету Терджуманъ-Переводчикъ, № 52, отъ 5 іюня 1905 года.

члена совѣта министра А. С. Будиловича, систему начальнаго образованія для инородцевъ Россіи. Согласно Высочайшему указанію, комиссія должна была подробно обсудить основные принципы образованія инородцевъ, установленные покойнымъ казанскимъ педагогомъ Н. И. Ильминскимъ, и выработать нормальный типъ начальныхъ и послѣдующихъ школъ для инородцевъ восточной и южной Россіи, Кавказа, Туркестана и Сибири. Живо заинтересованные совѣщаніями названной комиссіи образованные татары высказывали въ разныхъ газетахъ свои опасенія относительно характера и конечныхъ результатовъ этихъ совѣщаній и тѣмъ еще болѣе подтвердили нашу мысль, что вопросъ объ инородческомъ образованіи въ Россіи имѣетъ въ настоящее время жизненное значеніе. При своей подозрительности, татарскіе публицисты не старались вникнуть въ суть дѣла и, подъ вліяніемъ манифеста 17 октября, позволяли себѣ неумѣстную развязность въ печатномъ словѣ, не выясняя сущности столь важнаго вопроса (татарск. газеты: Терджиманъ, Каспій и Гэятъ). Въ настоящее время этотъ вопросъ обсуждается во многихъ татарскихъ газетахъ, о чемъ можно читать въ Журн. „Міръ ислама“ (Петербургъ) и въ Журн. „Народное Обозрѣніе“ (Казань).

Предлагаемый просвѣщенному вниманію читателей краткій очеркъ имѣетъ цѣлью познакомить съ исторіей возникновенія начальной мусульманской школы и ея современнымъ положеніемъ [1]).

У всѣхъ мусульманъ съ давнихъ поръ извѣстны два рода школъ: *мактабъ*, какъ школа грамоты, и *мадраса*, какъ школа науки. Обѣ эти школы конфессіональныя; общеобразовательной и реально-профессіональной школы у мусульманъ, за исключеніемъ періода расцвѣта мусульманской образованности, не было и въ настоящее время у русскихъ мусульманъ пока нѣтъ, хотя необходимость ея уже сознается.

Такой односторонній характеръ мусульманской школы объясняется исторіей ея возникновенія и духомъ семитовъ. У мусульманъ, какъ сначала у евреевъ [2]), а потомъ у христіанъ, начальная школа служила не общеобразовательнымъ (гуманитарнымъ) потребностямъ народа, а

---

[1]) При составленіи очерка, мы имѣли въ виду статьи о мусульманскихъ школахъ: А. Анастасіева, Д. А. А—ва и Вл. П. Наливкина (Отч. Турк. учит. сем. за 1888 и 1889 учебн. годъ) и стр. 39—41 Сборника матеріаловъ по мусульманству. Томъ первый (С.-Петербургъ, 1899 г.). Въ настоящемъ изданіи эта статья пополнена

[2]) О характерѣ и другихъ особенностяхъ начальной еврейской школы (Хедеръ) см. „Рус. Школа“ 1908 г. № 5—6 май—іюнь, ст. „Школьное дѣло среди евреевъ въ Россіи“ стр. 86 и сл.

исключительно *религіознымъ* цѣлямъ. И въ этомъ случаѣ типично выразились основныя особенности духа семитовъ, въ отличіе отъ духа арійцевъ. у семитовъ всегда преобладало религіозное чувство, а у арійцевъ свободный умъ и фантазія; семитъ всегда былъ склоненъ болѣе къ богопознанію, а аріецъ—къ міровѣдѣнію. У грековъ обучали семи *„свободнымъ наукамъ“*, подъ которыми разумѣлись: грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. Въ александрійскій періодъ возникли школы грамматиковъ и риторовъ; но эти школы не преслѣдовали практическихъ цѣлей, а предоставленныя частному почину, въ своемъ успѣхѣ всецѣло зависѣли отъ способностей своихъ руководителей. Какъ общеобразовательное учрежденіе, древне-греческая школа была вполнѣ народною и свободною и предназначалась для лицъ, свободныхъ отъ физической работы, какъ отдыхъ и развлеченіе. На такой характеръ древне-греческой школы указываетъ самое названіе ея *„схолэ“*, что означаетъ: досугъ, свободное время, отдыхъ, занятіе чѣмъ нибудь во время досуга и потомъ уже—учебная бесѣда, чтеніе.

У мусульманъ, наоборотъ, съ самаго возникновенія ихъ школы опредѣлилась ея узко практическая цѣль, въ соотвѣтствіи съ которой начальной мусульманской школѣ было дано названіе *„мактабъ“*, т. е. мѣсто, гдѣ обучаютъ прежде всего чтенію *китаба* [1]) (списка Корана), а потомъ уже желающихъ—письму. Такимъ образомъ, к къ древнееврейская и древне христіанская школы, начальная мусульманская школа отличалась исключительнымъ направленіемъ, такъ какъ имѣла прямою своею задачею научить читать священную книгу (*китабъ*), которая была *писана*, а не печатана (въ буквальномъ смыслѣ - *писаніе*). Впослѣдствіи, уже при халифахъ-оммаядахъ, возникла у арабовъ *высшая* школа—*мадраса*, какъ мѣсто лекцій (*дарсъ*) ученыхъ знатоковъ ислама, трактовавшихъ предъ своими слушателями научные вопросы мусульманскаго богословія и мусульманскаго права. Словомъ, *мактабъ и мадраса* [2]) съ самаго появленія своего были школами вѣроисповѣдными, какъ у древнихъ евреевъ и у древнихъ христіанъ, и въ этомъ направленіи развивалось потомъ новое арабско-мусульманское просвѣщеніе, въ отличіе отъ „времени невѣдѣнія“, подъ которымъ разумѣется языческій періодъ жизни арабовъ, именно какъ времена невѣдѣнія истиннаго богопознанія, открытаго арабамъ Мухаммедомъ въ Коранѣ [3]).

---

1) Ср. невѣрное объясненіе этого слова у г. Анастасіева въ „Рус. Школѣ“ 1893 г., № 12, стр. 130. На стр. 132 онъ повторяетъ грубую опечатку т. XI Св. Зак., гдѣ напечатано міодаррисъ вмѣсто мюдаррисъ

2) Такъ называются мусульманскія школы, а не-мектебэ и медрессэ.

3) Коранъ гл. 3, ст. 148; гл. 4, ст. 21. Ср. Посл. къ Евр. гл. 9. ст. 7.

О наукахъ и научномъ знаніи въ этомъ случаѣ не могло быть и мысли, такъ какъ въ Коранѣ сообщались исключительно религіозныя, а не научныя истины; самое письмо вошло въ употребленіе въ Аравіи не задолго до Мухаммеда, который, по вѣрованію мусульманъ, былъ пророкъ *неграмотный* [1]); въ числѣ его первыхъ послѣдователей было всего нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ писать (Зяйдъ ибнъ-Тсабитъ, Ибнъ Мас'удъ, Ибнъ-Обай, Зобайръ и немногіе другіе).

По словамъ К. Шмидта, сознаніе столь малой распространенности грамотности среди современныхъ Мухаммеду арабовъ, которымъ была дана св. книга въ законъ, естественно побуждало первыхъ мусульманъ открывать мактабы, въ которыхъ желающихъ обучали чтенію и письму [2]); но мы не имѣемъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о первыхъ учителяхъ и школахъ въ Аравіи и довольствуемся отрывочными данными относительно этого вопроса При содѣйствіи мѣстныхъ представителей мусульманской учености, намъ удалось узнать два слѣдующіе факта:

а) Послѣ битвы первыхъ мединскихъ послѣдователей Мухаммеда съ жителями Мекки въ 623 году при Бадрѣ, окончившейся пораженіемъ мекканцевъ, многіе изъ нихъ попали въ плѣнъ, и тѣ изъ нихъ, которые могли дать денежный выкупъ за себя, получили свободу, а тѣ, у которыхъ не было средствъ для выкупа, были вынуждены остаться въ Мединѣ. Среди этихъ плѣнниковъ оказались грамотные люди, которымъ и было предложено Мухаммедомъ заняться обученіемъ дѣтей мединцевъ мусульманъ арабской грамотѣ. Научившіе чтенію и письму 10 мединскихъ мальчиковъ получали свободу и возвращались на родину [3]).

б) Когда подросли два внука Мухаммеда—Хасанъ и Хусаинъ отъ дочери его Фатимы и зятя Алія, самъ Мухаммедъ пригласилъ для обученія ихъ грамотѣ нѣкоего Мирдаса [4]), имя котораго даетъ поводъ предполагать, что онъ былъ еврей, конечно, принявшій исламъ.

Изъ этихъ двухъ фактовъ необходимо заключить, что начало обученія мусульманскихъ дѣтей арабской грамотѣ и письму было положено въ Мединѣ еще въ первые годы ислама и что евреи, поселившіеся въ Аравіи съ давнихъ поръ, особенно послѣ разрушенія Іеруса-

---

[1]) Коранъ, гл. 7, ст. 156 и 158. На основаніи же гл. 29, ст. 47, можно думать, что ко времени перваго откровенія Мухаммедъ выучился читать. Вейль допускаетъ эту мысль.

[2]) „Исторія педагогики“, рус. пер., томъ второй, стр. 99.

[3]) Изъ кн. „Мааріджу-н-набуватъ“ и „Раузату-с-сафа“

[4]) Изъ кн. „Таджнисъ“ и „Аль-фатави-ль-Базазія“ (ч. 2, стр. 98).

лима [1]), могли принимать участіе въ распространеніи грамотности среди мусульманъ, такъ какъ являлись въ ту пору среди „невѣжественныхъ“ арабовъ образованными представителями новой религіи и, по личнымъ своимъ разсчетамъ, могли предлагать къ услугамъ новыхъ владыкъ свою книжную образованность. Но организованныхъ школъ (мактабъ) въ то время и долго спустя потомъ въ Мединѣ не было, хотя потребность въ обученіи чувствовалась.

При жизни Мухаммеда не было полнаго списка всѣхъ отрывковъ проповѣданнаго имъ Корана, который современники арабскаго пророка читали по памяти; между тѣмъ въ сраженіи при Ямамѣ, случившемся черезъ годъ по смерти Мухаммеда въ 633 г. Р. Хр.), были убиты многія лица, читавшія Коранъ наизусть. Тогда явилось опасеніе, что современемъ и совсѣмъ не будетъ арабовъ, знающихъ ученіе Корана. Поэтому Абубекръ приказалъ Зейду-ибнъ-Тсабиту собрать у разныхъ лицъ разрозненныя записи изъ Корана. Но только у немногихъ арабовъ были собственныя записи отдѣльныхъ отрывковъ, а другіе продолжали читать Коранъ по памяти. Такъ получились варіанты въ чтеніи св. книги, порождавшіе разногласія, особенно въ войскахъ разныхъ областей, что и побудило третьяго халифа Османа отобрать у извѣстныхъ лицъ записи Корана и составить изъ нихъ одинъ общій списокъ, который былъ объявленъ каноническимъ; отобранные у разныхъ лицъ списки Корана были уничтожены [2]) Чтобы ввести въ общее употребленіе этотъ „османовскій“ экземпляръ Корана, необходимо было распространить его списки и учить желающихъ читать ихъ... Но сомнительно, чтобы при Османѣ это дѣло имѣло уже опредѣленную организацію, такъ какъ правительству того времени было не до школъ: всюду были смуты религіозныя и политическія, окончившіяся смерью самого Османа, затѣмъ Алія и его сыновей и перемѣной правящей династіи. Утвердившіеся въ халифатѣ оммаяды также не могли сразу установить внутренній порядокъ и дать толчокъ школьному дѣлу, такъ какъ первые годы ихъ правленія были очень безпокойны и сопровождались кровопролитными усобицами, во время которыхъ гибли непосредственные участники исламскаго движенія. Такъ, при Мерванѣ I, войско котораго должно было осадить Медину, близъ мѣст. Харры [3]), 26 авг. 683 года, произошла жестокая рѣзня, въ которой были убиты семьсотъ мусульманъ, знавшихъ Коранъ наизусть, и въ томъ числѣ

---

[1]) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана. А. Свѣтлакова. Казань 1875 г.

[2]) См. соч. проф. А. Крымскаго „Исторія мусульманства“, часть I и II (Москва 1904 г.), наше изданіе „Коранъ и прогрессъ“ и „Исламовѣдѣніе“. Коранъ (Ташкентъ, 1912) и „Исламизмъ“ П. Цвѣткова, т I, стр. 224 и сл. (Асхабадъ, 1912).

[3]) Предмѣстье Медины.

80 мединцевъ, такъ называемыхъ „*асхабовъ пророка*“, то есть самовидцевъ Мухаммеда. Потеря для неутвердившагося еще ислама огромная и невознаградимая... Въ этотъ-то тревожный періодъ ожесточенной борьбы оммаядовъ съ внутренними врагами (хариджитами) въ первый разъ встрѣчается въ исторіи ислама опредѣленное указаніе на существованіе въ Таифѣ (небольшомъ городкѣ близъ Мекки) бѣднаго школьнаго учителя, по имени Аль-Хаджаджа ибнъ-Юсуфа (изъ племени Тсакифъ), умершаго въ 95 г. гиджры (714 г. по Р. Хр.). Профессоръ В. В. Бартольдъ сообщилъ мнѣ по этому поводу, что отецъ Хаджаджа былъ также учителемъ и что Хаджаджъ ходилъ къ мальчикамъ селенія по утрамъ и вечерамъ и училъ ихъ [1]). Но замѣчательно, что Хаджаджъ не какъ учитель пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ исторіи ислама, а какъ отважный воинъ и еще болѣе какъ рѣшительный правитель въ должности намѣстника халифа Абдулъ-Малика въ Иракѣ. Очевидно, учительская дѣятельность въ Таифѣ, соединенная съ матеріальною необезпеченностью, не удовлетворяла пылкой и широкой натуры Хаджаджа, и онъ принялъ предложеніе визиря Раухъ-бенъ-Зинбага, поступилъ въ его отрядъ и скоро обратилъ на себя вниманіе халифа Абдулъ-Малика, который назначилъ его на самостоятельный и отвѣтственный постъ намѣстника [2]). Религіозная ревность, свойственная учителю вѣроисповѣдной школы, и нѣкоторое самообразованіе помогли Хаджаджу такъ замѣтно выдвинуться среди областныхъ правителей того времени. Военно-административный талантъ его былъ настолько выдающимся, что возбуждалъ въ современникахъ зависть. Но хотя завистники и укоряли Хаджаджа его прошлымъ ничтожнымъ положеніемъ бѣднаго учителя въ Таифѣ, однако онъ и въ новомъ положеніи своемъ намѣстника Ирака не забылъ народнаго образованія и ревностно заботился о распространеніи повсюду стиховъ Корана, что въ Иракѣ было особенно важно, такъ какъ упрочивало тамъ арабское владычество. Въ этомъ направленіи Хаджаджъ дѣйствовалъ и на самого халифа Аль-Валида (86—96 гиджры=705—715 по Р. Хр.), которому арабы обязаны, какъ говоритъ историкъ А Мюллеръ, учрежденіемъ *первыхъ* мусульманскихъ школъ [3]).

Былъ ли Хаджаджъ учителемъ правительственной школы до своего назначенія начальникомъ отряда, посланнаго въ 692 году для осады

---

[1]) Арабская хрестоматія Гиргаса и Розена, вып. I, стр. 169 и 170.

[2]) Столь рѣзкая перемѣна въ общественномъ положеніи Хаджаджа не должна удивлять насъ, такъ какъ въ то время въ Аравіи не было установлено классовыхъ различій.

[3]) *А. Мюллеръ.* Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Н А. Мѣдникова; томъ второй. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 72.

Мекки—неизвѣстно. Скорѣе нужно предполагать, что въ то время въ Аравіи школы еще не были организованы и что главная задача начальной школы сводилась, какъ и въ древней Руси, къ простому обученію дѣтей грамотѣ въ цѣляхъ правильнаго и толковаго чтенія священной книги, а затѣмъ уже отъ способностей и личныхъ склонностей учителя зависѣло расширить школьную программу сообщеніемъ учащимся такихъ знаній, которыя способствовали болѣе тонкому пониманію арабскаго языка въ связи съ трудностями арабскаго письма. Опредѣленнаго учительскаго сословія сначала также не было въ Аравіи и не могло быть; обученіе грамотѣ и письму составляло свободную профессію, и учителемъ могъ быть всякій способный для этого дѣла: прежде всего имамъ и муаззинъ, писецъ и секретарь казія и другіе грамотные люди, если они чувствовали къ тому расположеніе 1). Заслуга Хаджаджа для арабской школы состояла въ томъ, что онъ, сдѣлавшись при халифѣ Аль-Валидѣ вліятельнымъ правителемъ Ирака внушилъ халифу мысль сдѣлать школу учрежденіемъ государственнымъ.

Что задача начальной арабской школы ограничивалась обученіемъ правильному и толковому чтенію Корана въ связи съ умѣньемъ (необязательнымъ для всѣхъ учащихся) писать священный текстъ, подтверждается слѣдующими словами историка А. Мюллера:

„Со временъ Османа Коранъ переписывался тщательно и добросовѣстно, а на возстановленіе (?) его съ теченіемъ времени обращалось еще болѣе вниманія. Однако, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что арабскія письмена находились тогда еще въ состояніи несовершенства и давали поводъ на каждомъ шагу ко всякаго рода разногласіямъ. Достаточно сказать, что писали однѣ только согласныя. Представьте себѣ, напримѣръ, на русскомъ языкѣ звуковую группу хотя бы изъ согласныхъ „гл.“, и сразу же явится сомнѣніе, какъ читать: голь, голо, голъ, гиль, гулъ, гуль и т. д. Затѣмъ добрая половина первоначальныхъ арабскихъ согласныхъ до такой степени были схожи одна съ другой, что явилась новая трудность отличать тожественныя очертанія. Если бы по-русски, напримѣръ, буквы с, т, я, н, б, писались почти одинаково, какая путаница произошла бы при чтеніи словъ, состоящихъ изъ этихъ звуковъ,—пришлось бы не читать, а отгадывать. Въ довершеніе всего вначалѣ не было и помина объ употребленіи знаковъ препинанія; не существовало и прописныхъ буквъ. Трудненько было разбираться во всемъ этомъ природному арабу; но затрудненія удесятерились для иноязыческихъ новообращенныхъ, которымъ, сверхъ того,

---

1) Изъ примѣра Хаджаджа видно, что учительская профессія переходила отъ отца къ сыну, какъ это и до сихъ поръ бываетъ среди мусульманъ въ Россіи и у русскихъ до-реформы Императора Александра II.

приходилось бороться съ трудностями необыкновенно запутанныхъ правилъ арабскаго языка. Дабы пособить злу, придумали въ Басрѣ изображать гласныя точками и черточками, ставя ихъ внизу и сверху согласныхъ, а похожія начертанія согласныя отличались подобнаго же рода знаками. Начало этому положили уже сирійцы, отъ которыхъ первоначально и заимствована была арабская азбука. Говорятъ, самъ Хаджаджъ допустилъ введеніе этихъ пояснительныхъ знаковъ, конечно, не какъ воспоминаніе о прежнемъ своемъ учительскомъ званіи: надо было прекратить разъ навсегда всѣ споры о правильности чтенія отдѣльныхъ мѣстъ Корана, въ видахъ вящаго поощренія покровительствуемому богословскому направленію. Во всякомъ случаѣ, это нововведеніе въ тѣ времена получило сразу широкое распространеніе, какъ неизбѣжное подспорье. Между тѣмъ правильная разстановка различныхъ точекъ въ письмѣ требовала, конечно, основательнаго изученія языка, но пріобрѣсть это знаніе для того, чтобы при этомъ достичь прежде всего возможности изучить слово Божіе, было въ сущности громаднымъ трудомъ для всѣхъ не всосавшихъ съ материнскимъ молокомъ арабскаго языка; особливо было это тяжело для новообращенныхъ персовъ, составлявшихъ въ Басрѣ большинство мусульманскаго населенія Поэтому они и постарались для правильнаго, насколько были въ силахъ, чтенія Слова Божія придумать всевозможнаго рода лингвистическіе законы. Такимъ образомъ, совмѣстно съ искусствомъ чтенія Корана, которое и само по себѣ, при возможности разночтеній, требовало точнаго изученія, возникла совершенно естественнымъ путемъ и арабская грамматика“ [1])

Въ настоящее время мы не можемъ возстановить полной картины обученія въ древней арабской школѣ, но можно съ вѣроятностью предполагать, что на первомъ планѣ въ этой школѣ стояло искусство чтенія, необыкновенно затрудняемое особенностями арабскаго алфавита съ его діакритическими точками, надстрочными и подстрочными знаками, которые и при наличности ихъ въ текстѣ пестрятъ въ глазахъ и утомляютъ вниманіе; при отсутствіи же этихъ точекъ и знаковъ отъ учащагося требуется самое напряженное вниманіе и необыкновенно быстрая сообразительность. Учащемуся въ начальной арабской школѣ, чтобы овладѣть вполнѣ механизмомъ чтенія любого текста, необходимо было столь отчетливо владѣть своимъ роднымъ языкомъ, какъ мы не можемъ себѣ вообразить. Такая трудность дѣла въ данномъ случаѣ обусловливалась не только названными выше знаками и точками, но

---

1) *А. Мюллеръ.* Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Н. А. Мѣдникова С.-Пб 1895 г. Томъ второй, стр 77—78

и тѣмъ, что въ арабскомъ алфавитѣ существуютъ буквы, сходныя по начертанію и разныя въ произношеніи, а также буквы разныя по начертанію, но сходныя въ произношеніи. Кромѣ того, по свойству арабскаго письма, нѣкоторыя буквы въ произношеніи удвояются съ совершеннымъ измѣненіемъ смысла въ словѣ, не говоря уже о случаяхъ слiянія разныхъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ. Имѣя въ виду нашъ русскій простой и отчетливый алфавитъ, нельзя составить настоящее представленіе о трудности обученія дѣтей арабскому чтенію и письму, такъ какъ, при всѣхъ указанныхъ графическихъ особенностяхъ арабскаго письма, богатый языкъ арабскій отличается своеобразными стилистическими особенностями. Только до нѣкоторой степени мы можемъ оцѣнить нелегкость обученія дѣтей въ арабской школѣ по сохранившемуся до нашего времени описанію экзамена въ одной школѣ.

Арабскій поэтъ Абу-Мухаммедъ-Касымъ-ибнъ-Харири (ум. въ 1021 г. по Р. Хр.), въ 46-мъ своей „макамѣ“ разсказываетъ [1]), что Харисъ-ибнъ-Хаммамъ встрѣтилъ въ Хамсѣ пожилого учителя, у котораго обучалось 10 мальчиковъ. Поздоровавшись съ учителемъ, Харисъ объяснилъ ему, что хочетъ послушать отвѣты его учениковъ, и сѣлъ рядомъ съ учителемъ. Тогда учитель сдѣлалъ знакъ палочкой [2]) старшему ученику и приказалъ ему сказать стихотвореніе, въ словахъ котораго не было бы ни одной буквы съ точками. Ученикъ въ одинъ прыжокъ, какъ левъ, придвинулся къ учителю, присѣлъ на колѣни и прочиталъ 10 двустишій, состоящихъ изъ буквъ безъ точекъ, и всѣ съ одинаковой риѳмой на слогъ *ахъ*. Учитель сказалъ ученику: „ты, моя луна, хорошо прочиталъ“...

Потомъ онъ сказалъ другому ученику. „огонекъ мой! подсядь поближе“. Ученикъ безъ замедленія придвинулся впередъ, и учитель приказалъ ему сказать стихи, похожіе на молодуху, т. е. состоящіе изъ буквъ, украшенныхъ точками. Ученикъ заострилъ камышинку, подравнялъ ея концы, положилъ на колѣни бумагу и написалъ шесть двустишій съ риѳмой на слогъ *ни*. Когда учитель просмотрѣлъ написанное, то сказалъ ученику: „да подастъ тебѣ Господь милости многочисленныя, какъ степныя газели, и обильныя, какъ масло изъ Зяйтуна (маслина)“.

Потомъ учитель позвалъ третьяго ученика, сказавъ: „Эй, Кутрубъ!“ [3]) Передъ учителемъ появился мальчикъ, какъ „звѣзда среди

---

[1]) Макаматуль-Хамсія.

[2]) Это, очевидно, прототипъ тѣхъ палокъ, которыя до сихъ поръ употребляются въ мактабахъ. Обыкновенно учитель касается головы того ученика, котораго хочетъ спросить.

[3]) Съ этимъ именемъ извѣстенъ арабскій грамматикъ. Слово „кутрубъ“ означаетъ человѣка, отличающагося быстрымъ соображеніемъ.

нóчной темноты", или какъ „бѣлый мраморъ". Учитель приказáлъ ему написать стихотворéніе изъ смѣшанныхъ буквъ, т. е. съ точками и безъ точекъ, и безъ нарушенія очереди въ нихъ. Ученикъ взялъ перо и написалъ пять двустишій, въ которыхъ чередовались буквы съ точками и безъ точекъ въ строгомъ порядкѣ, т. е. одно безъ точекъ, другое—съ точками, третье опять безъ точекъ и т. д. Тогда учитель сказалъ ему: „Да не высохнетъ рука твоя!", т. е. пусть она всегда также легко пишетъ стихотворенія...

Затѣмъ учитель позвалъ слѣдующаго ученика, сказавъ: „Эй, храбрый красавецъ!" Ученикъ приказалъ ему написать стихотвореніе, состоящее изъ сходныхъ словъ, но различающихся по смыслу. Ученикъ взялъ готовое перо и безъ остановки написалъ пять двустишій. Учитель просмотрѣлъ написанное и, обративъ вниманіе на смыслъ, одобрилъ стихи и сказалъ ученику „и твоя рука пусть не высохнетъ! И благоуханіе твое пусть не теряетъ своего аромата!"

Еще призвалъ учитель одного ученика и сказалъ ему: „прочитай такое стихотвореніе, двустишія котораго начинались и оканчивались бы одинаковыми словами". Ученикъ тотчасъ произнесъ два двустишія съ одинаковыми словами въ началѣ и концѣ. И сказалъ ему учитель: „хорошо ты прочиталъ, мой хитрецъ: ты и у другихъ обобралъ дарованія".. Потомъ учитель сказалъ ему: „придумай такое стихотвореніе, въ которомъ бы встрѣчалась буква *синъ* (мягкое *с*), въ произношеніи похожая на *садъ* (твердое *с*)". Ученикъ произнесъ четыре двустишія съ мягкимъ с, въ которыхъ вмѣсто мягкаго с можно бы поставить твердое с. Учитель одобрилъ и сказалъ: „ты, острякъ! ты подобенъ трубачу, находящемуся впереди войска".

Потомъ учитель сказалъ: „Эй, ты, левъ! подходи поскорѣе и прочитай стихи, въ которыхъ *садъ* (твердое с) похоже на *синъ* (мягкое с)". Ученикъ, какъ молодой львенокъ, подпрыгнулъ къ учителю и безошибочно прочиталъ пять двустишій съ твердымъ с. И сказалъ учитель ученику: „сынъ мой! Да сохранитъ тебя Господь отъ всякаго зла. Ты—свѣтъ для обоихъ глазъ моихъ".

Вызвалъ учитель еще одного ученика, который съ легкостью шахматной маленькой фигуры и съ быстротой соколинаго полета очутился около учителя. Учитель приказалъ ученику: „Прочитай такое стихотвореніе, въ словахъ котораго удерживался бы одинъ и тотъ же смыслъ, хотя бы въ нихъ были буквы *садъ* и *синъ* (твердое и мягкое с)". Ученикъ поднялся на ноги, сдвинулъ полы своего халата и, отставивъ руки, прочиталъ два двустишія, какія требовалъ учитель. И сказалъ ему учитель: „ты хорошо прочиталъ, мой малышъ, какъ глазокъ мухи!"

Еще позвалъ учитель одного ученика и сказалъ: „О, сынъ слона, умница!“ Ученикъ отвѣтилъ: „Я готовъ“ Этотъ мальчикъ былъ красивъ, какъ чистое яйцо полевой птицы. Учитель спросилъ его: „какія гласныя бываютъ въ концѣ *слабыхъ* глаголовъ?“ Ученикъ сказалъ: „Слушай! Пусть не будутъ глухи уши твои, а лучше пусть оглохнутъ твои враги!“ и прочиталъ три двустишія, въ которыхъ встрѣчаются слабые глаголы. Учитель остался доволенъ ученикомъ.

Наконецъ учитель вызвалъ еще одного ученика, сказавъ: „Эй, голосистый умникъ!“ Къ учителю подошелъ мальчикъ, болѣе пріятный на видъ, чѣмъ вечерній огонекъ для утомленнаго дорогой путника, спѣшащаго къ отдыху. И сказалъ учитель: „прочитай стихотвореніе, въ словахъ котораго встрѣчалась бы буква *изы*, и не смѣшивай ее съ буквой *задъ*“. Ученикъ, обрадовавшись такому заданію, прочиталъ 13 двустишій. Довольный учитель пожелалъ ученику, чтобы зубы [1]) его не ломались и чтобы враги его не видѣли пользы. „Ты — чистый ребенокъ, и я научилъ тебя чистому знанію“.

Затѣмъ учитель, обратившись ко всѣмъ десяти ученикамъ своимъ, сказалъ: „я изощрилъ ваши способности, какъ острыя пики. Не забывайте меня, и я не забуду васъ. Говорите обо мнѣ хорошее, а дурного не говорите“ [2]).

Слышавшій всѣ отвѣты учениковъ Харисъ-ибнъ-Хаммамъ, не узнавъ учителя, удивился, что такой простоватый на видъ учитель могъ такъ хорошо научить арабской стилистикѣ своихъ учениковъ. Онъ осматривалъ его съ головы до ногъ и не узналъ, кто онъ такой, хотя потратилъ на это много времени. Учитель догадался, что его не узналъ посѣтитель, и въ свою очередь взглянулъ съ улыбкой на гостя и сказалъ: „въ этомъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который что-нибудь зналъ бы, не будучи наученъ другимъ“. Тогда гость догадался, что передъ нимъ извѣстный своею ученостью Абу-Зяйдъ Суруджи. Харисъ побранилъ учителя за то, что онъ живетъ среди простоватыхъ жителей и занимается маловажнымъ дѣломъ. Абу Зяйдъ обидѣлся и покраснѣлъ съ досады, но потомъ овладѣлъ собой и произнесъ три двустишія. Въ одномъ изъ нихъ было сказано: „если поймать дикаго осла и привязать на площади, на виду у людей, то что въ этомъ пользы для дикаго осла [3])... Поэтому—сказалъ учитель—и я живу среди простоватыхъ людей и занимаюсь съ ними такимъ ничтожнымъ

---

[1]) Въ произношеніи буквъ *изы* и *задъ* участвуютъ зубы.

[2]) Стоитъ сравнить описаніе этого экзамена въ Исторіи педагогики К Шмидта, т. 2, стр. 100.

[3]) Такъ былъ сдѣланъ намекъ на свободнаго человѣка, обладающаго знаніемъ и не предлагающаго его на пользу другимъ.

дѣломъ (иронія)". Затѣмъ Абу Зяйдъ сказалъ своему случайному критику: „послушай, что я тебѣ скажу: учительство—дѣло хорошее и занятіе высокое, потому что приноситъ большую пользу другимъ. Учитель подобенъ царю, которому повинуются его подданные; учителя боятся его ученики и исполняютъ его приказанія. Учитель подобенъ также богачу, который помогаетъ неимущимъ. Но только учитель не долженъ гордиться своими знаніями; иначе онъ уподобится глупцу. Равно онъ не долженъ уподобляться и дѣтямъ.... Такихъ хорошихъ словъ тебѣ никто не скажетъ",—закончилъ учитель.

Тогда Харисъ сказалъ „клянусь, что въ наше время нѣтъ другого, столь умнаго человѣка, какъ вы. Вы всѣмъ извѣстны. Вы—чародѣй, направляющій умы людей. Вамъ облегчилъ Богъ искусство краснорѣчія ."

Такъ познакомился Харисъ съ Абу Зяйдомъ и, не разлучаясь съ нимъ, научился у него разнымъ знаніямъ, а когда простился съ нимъ, —опечалился отъ этой разлуки

Такимъ образомъ въ макамѣ Харири мы имѣемъ описаніе высшаго предѣла школьныхъ знаній, какія дѣти арабовъ пріобрѣтали въ арабскомъ мактабѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы познакомились съ симпатичными чертами характера самого учителя: его скромностью, любовью и лаской къ ученикамъ и доброжелательностью къ необразованному населенію, а также со взглядомъ его на образовательное значеніе школьнаго дѣла вообще. Долголѣтняя школьная практика утвердила въ арабскомъ населеніи пріемы обученія въ мактабахъ, которые распространились потомъ по мусульманскимъ странамъ, видоизмѣняясь сообразно мѣстнымъ условіямъ.

Наши туркестанскіе мактабы развивались уже подъ вліяніемъ не только древне-арабскихъ, но и послѣдующихъ персидскихъ школъ. Въ цѣляхъ религіозныхъ, въ мактабахъ нашихъ сартовъ обучаютъ дѣтей арабскому и персидскому языкамъ, основнымъ догматамъ вѣры и обрядовымъ правиламъ ислама.

Подобно тому, какъ у древнихъ евреевъ начальная школа существовала при синагогахъ [1]), а у древнихъ христіанъ при церквахъ, и у сартовъ въ Туркестанскомъ краѣ мактабы обыкновенно существуютъ при мечетяхъ, хотя въ богатомъ кварталѣ-приходѣ можетъ быть и частная школа [2]). Въ томъ и другомъ случаѣ мактабъ является *при*

---

1) См. о еврейской школѣ въ Журн. Мин. Нар. Пр. за октябрь мѣсяцъ 1913 г. ст. Геца.

2) Всѣхъ мактабовъ въ пяти областяхъ Туркестанскаго края считается около семи тысячъ, а число учащихся въ нихъ дѣтей болѣе семидесяти тысячъ. Но цифры эти не могутъ считаться точными; въ дѣйствительности учащихся въ мактабахъ Р. Туркестана дѣтей-туземцевъ должно быть больше.

ходекою школою мусульманской грамоты, которая, при исключительно религіозномъ направленіи, не даетъ своимъ питомцамъ надлежащаго духовнаго развитія.

Слѣдуетъ отмѣтить также полное отсутствіе въ начальной мусульманской школѣ гигіеническихъ условій

Подъ помѣщеніе мактаба отводится обыкновенная постройка, не предоставляющая учащимъ самыхъ минимальныхъ удобствъ, такъ какъ не даетъ имъ свѣта, чистаго и сухого воздуха, а въ зимнее время—достаточнаго тепла. Проходя по улицѣ, можно догадаться о мѣстѣ школы только по гулу дѣтскихъ голосовъ, выкрикивающихъ свои уроки, при чемъ не сразу можно найти входъ въ школу. Къ счастью для учащихся въ мактабѣ дѣтей сартовъ, туркестанскій климатъ даетъ имъ возможность свободно дышать воздухомъ подъ открытой съ двухъ и даже съ трехъ сторонъ террассой, съ ранней весны до поздней осени (съ марта-апрѣля до октября-ноября). Въ осеннее и зимнее время учащіяся дѣти сидятъ въ закрытомъ помѣщеніи и испытываютъ недостатокъ свѣта (за отсутствіемъ оконъ), холодъ и сырость (за неимѣніемъ топки въ комнатѣ). При этомъ грязь отъ обуви и пыль отъ войлочныхъ подстилокъ, на которыхъ сидятъ ученики, еще болѣе увеличиваютъ недостатки обстановки мактаба въ гигіеническомъ отношеніи и обусловливаютъ наличность глазныхъ и накожныхъ болѣзней у многихъ учащихся дѣтей. Осенью и зимой свѣжія, здоровыя дѣтскія лица рѣдко встрѣчаются въ мактабахъ. Этому способствуетъ также посадка учениковъ въ мактабѣ съ поджатыми подъ себя ногами и раскачиваніе туловища учащихся во время заучиванія на память непонятныхъ словъ арабской азбуки и учебныхъ книгъ на чужомъ языкѣ.

Учителемъ школы (дамулла) [1]) обыкновенно бываетъ приходскій имамъ, часто самъ мало свѣдущій и мало образованный человѣкъ. За отказомъ имама, обученіемъ въ мактабѣ занимается суфи (азанчи), который еще менѣе ученъ и менѣе развитъ, чѣмъ имамъ. Учителемъ можетъ быть также грамотный человѣкъ изъ другого прихода. Во всѣхъ случаяхъ это не педагоги, такъ какъ никакой педагогической подготовки они не получаютъ и педагогію понимаютъ исключительно съ точки зрѣнія вынужденнаго заработка скуднаго пропитанія себѣ. Состоятельные туземцы обученіемъ грамотѣ не занимаются, хотя бы и были къ тому способны.

Методическихъ руководствъ по начальному обученію у мусульманъ нѣтъ. Единственное сочиненіе въ этомъ родѣ, на персидскомъ языкѣ,

---

[1]) Считаю не лишнимъ объяснить самое названіе—„дамулла“, подъ какимъ извѣстенъ учитель мусульманской школы. По моей догадкѣ, это названіе получилось отъ сложенія двухъ словъ: *да* (вм. дада) и *мулла*, что въ переводѣ будетъ означать: отецъ, батюшка—ученый=господинъ преподаватель.

подъ названіемъ „*Матлягу ль-улюмъ*“, не каждому учителю мактаба извѣстно и доступно. Да и само по себѣ оно не вноситъ большого свѣта въ устарѣлую рутину, хотя составитель руководства Али-Ханъ Маджмали далъ своему сочиненію громкое заглавіе „Восходъ знаній“, напоминающее „возрожденіе наукъ“. „Наука о воспитаніи дѣтей, говоритъ Маджмали въ предисловіи, самая благородная. Это—великолѣпный брильянтъ всѣхъ наукъ. Это—высшее искусство, и потому его не нужно смѣшивать съ ремеслами, ибо между ремесломъ и высшимъ искусствомъ такая же разница, какъ между небомъ и землей. Эта наука выводитъ обладателя своего изъ невѣжества, лѣни, несчастья, гордости и грубости и возводитъ его до благородства, трудолюбія, счастья и милосердія.. Родители должны воспитывать своихъ дѣтей съ малолѣтства, такъ какъ наиболѣе сильное вліяніе на дѣтскую натуру можно оказать въ ранніе годы“. Въ подтвержденіе своихъ словъ Маджмали приводитъ изреченіе великаго персидскаго поэта мистика и мыслителя Шейха-Саади: „Палка можетъ гнуться, пока она еще сыра; но какъ только она высохнетъ, то ее уже нельзя согнуть, и тогда она годна только на дрова“ [1]). Маджмали убѣждаетъ родителей не потакать дѣтямъ въ шалостяхъ и дурныхъ поступкахъ вообще, а взыскивать съ нихъ безъ всякой жалости, такъ какъ пусть лучше будетъ ребенокъ битъ, пусть онъ плачетъ, чѣмъ останется дурнымъ. Для вящаго поощренія родителей, которые щедро раздаютъ своимъ дѣтямъ шлепки, оплеухи и подзатыльники, авторъ говоритъ, что тѣ мѣста тѣла, по которымъ родители били своихъ дѣтей, на томъ свѣтѣ возсіяютъ небеснымъ свѣтомъ, если это дитя попадетъ въ рай, и во всякомъ случаѣ не будутъ горѣть, если даже дитя очутится въ аду. Въ то же время Маджмали убѣдительно проситъ родителей, чтобы они не запугивали своихъ дѣтей различными чудовищами, такъ какъ трусость можетъ остаться у дѣтей на всю жизнь, а между тѣмъ „храбрость и энергія, по выраженію автора, не малыя добродѣтели“. Особенно убѣждаетъ Маджмали родителей обращать вниманіе на искорененіе въ ребенкѣ пороковъ, ибо пороки, не искореняемые въ ребенкѣ съ дѣтства, будутъ развиваться въ немъ все болѣе и болѣе и приведутъ, наконецъ, къ тому, что изъ ребенка выйдетъ человѣкъ, имѣющій сходство съ человѣкомъ только по внѣшности. Только хорошій, нравственный человѣкъ можетъ называться вполнѣ человѣкомъ. Что толку, если человѣкъ много знаетъ, когда душа его черна, какъ уголь [2])

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, какъ трудно найти книгу, которая могла бы научить ребенка въ дѣтствѣ читать, а въ юности и зрѣ-

---

[1]) Гюлистанъ.

[2]) Сравни взгляды Песталоцци на воспитаніе дѣтей

лыхъ лѣтахъ познакомить его съ науками и искусствами. Предлагая для этихъ цѣлей свою собственную книгу, скромный авторъ выражаетъ сомнѣніе, подойдетъ ли трудъ его къ требованіямъ, которыя онъ самъ ставитъ въ своей энциклопедіи, и продолжаетъ: „Размышляя однажды о пріемахъ преподаванія, какія существуютъ въ Персіи, я пришелъ къ заключенію, что пріемы эти имѣютъ большіе недостатки, ибо наши учившіяся дѣти долгіе годы учатся въ мадрасахъ, убиваютъ свою драгоцѣнную жизнь надъ изученіемъ разныхъ книгъ, и въ концѣ концовъ все это напрасно.. Въ видахъ устраненія этихъ недостатковъ въ дѣлѣ нашего преподаванія, я задумалъ составить такую книгу, которая состояла бы изъ двухъ частей, изъ коихъ одна заключала бы въ себѣ пріемы преподаванія вообще, а другая—статьи о разныхъ наукахъ, и все это я рѣшилъ изложить наглядно и по возможности кратко, чтобы учащіеся въ короткое время и безъ особыхъ усилій могли войти въ „сокровищницу наукъ“. И хотя дѣло это весьма серьезное и трудное, тѣмъ не менѣе я, ввѣряя себя милосердію Всевышняго Бога, приступилъ къ составленію сей книги, начиная съ 20 го числа мѣсяца Зиль-Ка'да 1261 года гиджры“ (20-го ноября 1845 года по Р. Хр.).

Въ первой главѣ авторъ даетъ такое наставленіе школьному учителю,

„Приступая къ обученію грамотѣ, учитель долженъ показать учащимся буквы персидскаго алфавита, сперва каждую букву порознь, а потомъ въ соединеніи съ другими буквами. Одновременно съ заучиваніемъ буквъ персидскаго алфавита необходимо показать учащимся особенности буквъ арабскихъ точно такъ же, т. е. сперва отдѣльныя буквы, а затѣмъ соединенія ихъ. Это будетъ весьма полезно для чтенія учащимися Корана и прочихъ книгъ на арабскомъ и персидскомъ языкахъ

„Да будетъ извѣстно, что таджидъ (удвоеніе буквъ) въ персидскомъ письмѣ не употребляется, а если иногда и встрѣчается, то въ видѣ исключенія. Но въ арабскомъ языкѣ таджидъ въ большомъ употребленіи. А такъ какъ въ персидскій языкъ вошло много арабскихъ словъ, то необходимо познакомить учащихся и съ таджидомъ“.

Затѣмъ Маджмали совѣтуетъ заставить учащихся выучить наизусть, вмѣстѣ съ значеніями, различныя персидскія слова, состоящія изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и пяти буквъ. Потомъ слѣдуютъ арабскія слова, такъ же состоящія изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и пяти буквъ. Затѣмъ заучиваются персидскія предложенія, состоящія изъ двухъ и изъ трехъ словъ, а послѣ того заучиваются арабскія предложенія, состоящія такъ же изъ двухъ и трехъ словъ. Далѣе слѣдуетъ такъ называемый *абджадъ*, т. е. искусственно сложенныя въ порядкѣ буквенной нуме

рации слова, склоненіе и спряженіе и чтеніе статей въ стихахъ и прозѣ [1]).

Не касаясь второй части названнаго методическаго руководства [2]), нужно сказать, что и для тѣхъ немногихъ учителей мактабовъ, которые могутъ читать это сочиненіе, оно мало полезно, или лучше, совершеннв безполезно, такъ какъ не способствуетъ успѣшности обученія. Поэтому, упомянувъ о сочиненіи Маджмали только для свѣдѣнія, продолжимъ свой разсказъ о мактазѣ въ Туркестанскомъ краѣ

Занятіе должности учителя въ мактабѣ зависитъ отъ жителей квартала, въ лицѣ его представителей, при чемъ никакихъ особыхъ формальностей не бываетъ. У киргизъ и туркменъ обыкновенно приходъ договаривается съ учителемъ относительно годового вознагражденія за его занятія въ школѣ, а въ большихъ городахъ учитель, приглашенный къ занятіямъ въ школѣ, тѣмъ самымъ получаетъ право на пріемъ частныхъ приношеній отъ родителей учениковъ, при опредѣленіи ихъ въ школу и въ продолженіе ихъ обученія. Если мактабъ находится при мечети, пользующейся опредѣленнымъ вакуфомъ, то да мулла получаетъ изъ вакуфа свою небольшую часть дохода. Обыкновенно же, напримѣръ, въ Ташкентѣ, каждый отецъ, при опредѣленіи своего сына въ мактабъ, приноситъ учителю, смотря по состоянію 1—2 руб. или 50 коп., а затѣмъ посылаетъ съ сыномъ повременныя приношенія, въ зависимости отъ установившагося въ данной мѣстности обычая и въ связи съ ходомъ учебныхъ занятій сына въ школѣ. Въ общемъ школа бѣднаго квартала можетъ дать такихъ приношеній учителю 50 руб., а въ богатомъ кварталѣ 100 и немного болѣе рублей въ годъ [3]).

Въ послѣднее время въ большихъ городахъ края (Ташкентъ, Кокандъ, Андижанъ, Наманганъ, Самаркандъ и др.) стали появляться татарскія школы съ обученіемъ грамотѣ по новому (звуковому) методу [4]). Учителя въ такихъ школахъ получаютъ помѣсячную плату съ каждаго учащагося въ 2—3 руб, даже 5 руб, что при 20 ти учащихся можетъ дать учителю болѣе пятисотъ рублей въ годъ. Однако, новометодные мактабы составляютъ исключительное явленіе послѣдняго десятилѣтія, когда дѣйствующія въ краѣ русско-туземныя школы показали туземцамъ выгоды обученія въ организованной школѣ, какъ въ отношеніи времени, такъ и въ смыслѣ развитія учащихся. Подъ влія-

---

[1]) См. „Турк Вѣд“ № 151 отъ 12 окт. 1905 г. Ст. „Мусульманская энциклопедія“.

[2]) Желающіе могутъ читать объ этомъ въ № 142 „Турк Вѣд“ за 1905 г.

[3]) Учащихся въ мактабѣ бываетъ отъ 10—20 до 60 и болѣе.

[4]) Усули-джадидъ.

ніемъ Гаспринскаго, еще въ 80—90 гг. истекшаго столѣтія, стали открываться среди туземнаго населенія Туркестанскаго края частныя школы, чтобы парализовать авторитетъ правительственныхъ школъ. Были случаи, когда частныя школы съ новымъ методомъ обученія открывались среди туземнаго населенія безъ надлежащаго разрѣшенія со стороны русской власти въ краѣ и существовали тайно. Въ настоящее же время такія школы существуютъ открыто въ разныхъ мѣстностяхъ съ туземнымъ населеніемъ: манифестъ 17-го октября предоставилъ большую свободу въ открытіи инородческихъ школъ, а мѣстная власть пока еще не установила опредѣленнаго взгляда на эти школы [1]).

Когда дамулла умираетъ, или по другимъ причинамъ оставляетъ занятія въ приходской школѣ, то на его мѣсто первымъ кандидатомъ является взрослый и грамотный сынъ, а если такового нѣтъ, то приглашается постороннее лицо.

Классную обстановку мактаба составляютъ подстилки камышевыя или войлочныя на полу для сидѣнья учениковъ, смотря по времени года, и невысокія, длинныя и узкія скамьи, на которыхъ ученики кладутъ свои тетради во время заучиванія уроковъ. Учитель также сидитъ на полу у стѣны, противоположной ко входной двери, и имѣетъ при себѣ три палки (кальтакъ) разной длины, соотвѣтственно длинѣ и ширинѣ комнаты, и толщиной въ большой палецъ. Ученики располагаются предъ учителемъ рядами, лицомъ къ нему, образуя полукругъ или букву П, обращенную къ учителю. Ближайшіе ряды занимаютъ старшіе ученики, заучивающіе одну книгу, а младшіе—съ другими уроками сидятъ за ними. Надъ головами учениковъ прикрѣпляется къ перекладинѣ деревянный блокъ (гальтакъ), къ которому подвязываютъ провинившихся учениковъ для наказанія [2]).

Учебныя занятія въ мактабѣ продолжаются круглый годъ съ двумя промежутками въ дни двухъ мусульманскихъ праздниковъ: недѣля до начала каждаго праздника и недѣля послѣ праздника.

Пріемъ учениковъ не ограниченъ временемъ года, что̀ поддерживаетъ безпорядочность въ занятіяхъ, но находится въ связи съ установившеюся системою обученія въ мактабѣ.

---

[1]) Изъ разговора съ Хивинскими сановниками я узналъ, что такія школы существуютъ и въ городахъ Хивинскаго ханства, а въ Бухарѣ нѣсколько лѣтъ назадъ новометодныя школы послужили поводомъ къ серьезнымъ безпорядкамъ въ ханствѣ, которые потребовали вооруженнаго вмѣшательства русскихъ властей и посылки въ Бухару отряда войскъ

[2]) Въ настоящее время блокъ выводится.

Строго опредѣленнаго учебнаго курса въ мактабѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и опредѣленнаго срока для прохожденія школьнаго курса [1]); но по традиціи учителя придерживаются извѣстныхъ книгъ и порядка въ разучиваніи этихъ книгъ (см. ниже).

Дѣленія учащихся по успѣхамъ на группы въ мактабахъ также нѣтъ: къ каждому ученику примѣняется одиночное обученіе, чему не мѣшаетъ разновременный пріемъ учащихся въ школу. Никакихъ школьныхъ записей и классныхъ журналовъ въ мактабахъ не водится. Объ отсутствующихъ ученикахъ учитель съ особою точностью узнаетъ по четвергамъ, когда собираетъ съ нихъ приношенія (пайшамбликъ) и передъ праздниками [2]). Въ другое время года присутствіе учащихся въ мактабѣ менѣе интересно для учителя, но онъ тѣмъ не менѣе справляется объ отсутствующихъ и, если услышитъ, что мальчикъ не ходитъ въ мактабъ по лѣности, то посылаетъ къ нему на домъ одного изъ учениковъ съ напоминаніемъ о посѣщеніи школы; если же мальчикъ и послѣ того будетъ уклоняться отъ уроковъ, то учитель даетъ знать объ этомъ отцу его и тогда, по просьбѣ послѣдняго, подвергаетъ лѣниваго ученика „насильственному приводу“ (чальпякъ). Съ этою цѣлью нѣсколько учениковъ старшаго возраста отправляются въ домъ манкирующаго ученика и, несмотря на его сопротивленіе и слезы, берутъ его за руки, за ноги и за опоясну и приносятъ въ школу, гдѣ онъ съ плачемъ усаживается на свое мѣсто. Эта мѣра производитъ сильное устрашающее впечатлѣніе на всѣхъ учениковъ мактаба [3]).

Въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ обученіе въ мактабѣ можно представить такъ.

Мальчика 6—8 лѣтъ (большею частью еще не обрѣзаннаго) отецъ приводитъ въ школу и, передавая его вмѣстѣ съ приношеніемъ учителю, кланяется и проситъ учителя учить хорошенько. При этомъ отецъ ученика произноситъ традиціонную фразу: „мясо твое, кости мои“, что даетъ учителю право на тѣлесное наказаніе ученика. Учитель указываетъ ученику мѣсто на полу и прочитываетъ самъ, а по-

---

[1]) Въ среднемъ, однако, полагается отъ 6 до 10 лѣтъ для продолженія курса мактаба.

[2]) Приношенія эти бываютъ различны, въ зависимости отъ средствъ родителя ученика, какъ-то: одна или двѣ лепешки, кисть винограда, чашка палау, или деньги—20 коп и болѣе.

[3]) Существуетъ средя школьниковъ слѣдующій забавный и характерный разсказъ: однажды ученикъ мактаба встрѣтился на улицѣ съ козломъ, котораго вели на бойню... Козелъ упирался. Школьникъ, увидя это, сказалъ козлу: „зачѣмъ упираешься? Зачѣмъ не идешь въ кушхану (бойня)? Вѣдь, тебя не въ школу ведутъ“....

томъ поручаетъ одному изъ старшихъ учениковъ затвердить съ новичкомъ три краткія вступительныя молитвы: „Прибѣгаю къ Богу отъ шайтана, побитаго (Авраамомъ) камнями! Во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго! О. Отверзающій, о Дарующій! открой сердце раба твоего (для ученія) Я обратилъ свое лицо къ Тебѣ и сердце свое отвратилъ отъ всего порочнаго“ Эти изрѣченія (изъ которыхъ два на арабскомъ языкѣ и одно на персидскомъ) способный мальчикъ заучитъ въ 2 дня, а ученикъ съ слабою памятью, разсѣянный твердитъ недѣлю и даже мѣсяцъ. Въ этомъ заключается первый педагогическій пріемъ, практикуемый въ мактабѣ,—пріемъ, насилующій память ребенка [1]).

По сдачѣ учителю затверженныхъ молитвъ, учитель приказываетъ ученику принести на слѣдующій день такъ называемую *тахту*, т. е. продолговатую деревянную дощечку съ ручкой [2]) Ученикъ приноситъ вмѣстѣ съ дощечкой подарокъ учителю (1 монету въ 20 коп. или двѣ, или нѣсколько лепешекъ). На дощечкѣ учитель пишетъ тушью всѣ 32 буквы арабскаго алфавита, въ ихъ отдѣльномъ начертаніи, приказываетъ заучивать ихъ названія наизусть, по четыре буквы вразъ, и отпускаетъ ученика и его сверстниковъ домой ранѣе срока, почему самое приношеніе называется *азадлыкъ*, т. е. освобожденіе, отпускъ. На другой день маленькій *тахтаханъ*, т е. изучающій написанное на доскѣ, принимается съ усердіемъ за новое трудное упражненіе памяти и глазъ и, покачиваясь туловищемъ, нараспѣвъ выкрикиваетъ: алифъ-би (ю), ти (ю) си..., повторяя безчисленное число разъ эти четыре звука, безъ всякаго содержанія Затѣмъ онъ переходитъ къ послѣдующимъ названіямъ буквъ, постоянно стверживая прежде заученныя буквы, пока, наконецъ, не затвердитъ всѣ 28 буквъ арабскаго алфавита [3]).

---

[1]) Ср порядокъ ученія въ евр. школѣ (Журн М. Н Пр. 1913 г. Октябрь).

[2]) Длина дощечки вершковъ 6, а ширина вершка 3. Иногда вм. деревянной дощечки употребляется жестянка такихъ же размѣровъ.

[3]) Чтобы маленькимъ дѣтямъ было легче запомнить названія и начертанія изучаемыхъ буквъ арабскаго алфавита, нѣкоторые учителя, особенно учительницы придумали условныя выраженія, соединенныя съ каждой буквой, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

اوزون چاق كنه الف	ا	تماق قرادوركان خی	خ
يتته كنه ی	ب	يڭاق اويناپدوركان د ل	د
ايكيته كنه تی	ت	دال اورتاغی ذ ل	ذ
اوچته كنه ثی	ث	اوراغ دیك كنه ری	ر
باله جيمتوردی ديكان ج م	ج	ری نيمك اورتاغی زی	ز
تماق قرماپدوركان حی	ح	اوچ چشلیك كنه سين	س

На эту неосмысленную работу малоспособный ученикъ затрачиваетъ мѣсяцъ и болѣе, а ученикъ съ средними способностями недѣлю—двѣ и переходитъ къ такъ называемому *абджаду*, при чемъ дѣлаетъ новое посильное приношеніе своему учителю.

Абджадъ не есть такъ называемые *склады*, какъ нѣкоторые думаютъ. Такъ называются восемь искусственныхъ словъ, безъ значенія, въ которыя включены всѣ 32 буквы арабскаго алфавита, именно: *абджадъ*, *гаввазъ*, *хуттыі*, *каляманъ*, *сафасъ*, *каришатъ*, *саххазъ*, *зазага*. Въ началѣ къ этимъ словамъ присоединена начинательная молитвенная формула („Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго"), а въ концѣ славословіе („Да будетъ благословенъ Богъ, искуснѣйшій изъ творцовъ. О, Господи міровъ!")

Гебраисты объяснили эти искусственныя слова первоначально еврейско-арабскою нумераціей, обозначаемою буквами алфавита [1]), подобно тому, какъ у христіанъ-славянъ извѣстна греко-славянская буквенная нумерація. Именно первыя шесть словъ абджада представляютъ собою искусственное соединеніе буквъ арабскаго алфавита, расположенныхъ въ порядкѣ алфавита еврейскаго и обозначающихъ единицы, десятки и сотни до 400. Для обозначенія остальныхъ сотенъ отъ 500 до 1000 были придуманы, вѣроятно, первыми же учителями изъ евреевъ еще два слова саххазъ и зазыгулянъ [2]). Такъ получилось упражденіе мусульманскаго школьника въ изученіи буквъ арабскаго алфавита въ ихъ отдѣльныхъ начертаніяхъ и искусственныхъ сочетаніяхъ, обозначающихъ мусульманскую нумерацію. Это служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ зависимости арабскаго букваря отъ древне еврейскаго; самыя названія арабскихъ буквъ несомнѣнно уста-

عين اورتاغى	شين	ش	شالى سالار قاف	قاف	ق
بازار داكى	صاد	ص	تويه چوكى	كاف	ك
صاد اورتاغى	ضاد	ض	تيلينكنى كوتار	لام	ل
	اطقى	ط	باشى يوماق كنه	كنه	م
اطقى نينك اورتاغى	اظغى	ظ	اوى ديك كنه	نون	ن
آغزى آچ ق كنه	عين	ع	ايت واو لار	واو	و
عين اورتاغى	غين	غ	بر كوز ليك كنه	هى	ه
آلاو ف ولار	فى	ف	قصاب داكى	يا	ى

[1]) См. Мухаммеданскій букварь Пр Е Малова. Казань 1894, стр. 54—58.

[2]) ابجد - هوز - حطى - كلمن - سعفوص - قرشت - ثخذ - ضظغ

новлены по подражанію названіямъ буквъ еврейской азбуки. Припомнимъ, что учителемъ внуковъ самого Мухаммеда былъ, очевидно, обращенный въ исламъ еврей Мирдасъ.

Въ безсознательномъ затверживаніи упомянутыхъ непонятныхъ сочетаній арабскихъ буквъ малолѣтній школьникъ-туземецъ вторично напрягаетъ свою память и сообразительность, чтобы хоть какъ-нибудь наугадъ усвоить низванія и изображенія арабскихъ буквъ, имѣющихъ по три разныхъ начертанія—въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ, въ соединеніи съ другими буквами и раздѣльно, съ надстрочными и подстрочными знаками.

Осиливъ эту вторую трудность, бѣдный школяръ идетъ радостнымъ домой и объявляетъ своимъ родителямъ, что онъ завтра переходитъ на „хафтьякъ“ и будетъ называться уже „китабханъ“, то-есть изучающій книгу. Хафтьякъ состоитъ изъ избранныхъ главъ Корана и по объему составляетъ седьмую часть полнаго Корана, на что указываетъ самое названіе „хафтьяка“ [1]).

Переходъ отъ тахты къ хафтьяку вызываетъ у родителя ученика вмѣстѣ съ радостью новое приношеніе учителю; но виновникъ этой радости въ свою очередь доволенъ, что завтра, послѣ врученія учителю родительскаго подарка, онъ снова будетъ освобожденъ отъ послѣобѣденныхъ уроковъ.

Къ чтенію хафтьяка юный китабханъ приступаетъ съ благословенія Божія, формула котораго (Бисмилля) уже хорошо затвержена имъ и затѣмъ учится складывать слова арабскаго текста: *„Альбалямъ заалъ хи ва мимъ захамъ-альхамъ даль пишдю-альхамду“*. Если такая сложная система звуковъ необходима для произношенія только одного слова, то не трудно понять, что для прочтенія всего, хотя и небольшого по количеству страницъ, гафтьяка требуется минимумъ годъ времени (если ученикъ способный) и два-три года, если ученикъ малоспособный: вѣдь, нужно заучить напамять огромную массу слоговъ, изъ которыхъ состоятъ слова этой книжки, потому что сознательно складывать слова ученикъ не научился и ни одного слова въ читаемой съ такимъ трудомъ книжкѣ не понимаетъ [2]). Неудивительно, если многіе ученики выбиваются изъ силъ, прежде чѣмъ окончатъ хафтьякъ и, оставляя

---

[1]) Въ хафтьякѣ помѣщены слѣд главы Корана: первая (фатиха), пять стиховъ 2-й главы, 36-я, 48-я и всѣ остальныя главы (49—114).

[2]) Въ цѣляхъ религіозныхъ, при изученіи хафтьяка, послѣ первой главы заучиваются маленькія главы, помѣщенныя въ концѣ книги. Заученныя главы читаютъ, какъ заклинательныя молитвы. Вся эта сравнительно небольшая книжка проходится ученикомъ дважды—сначала по складамъ, потомъ сплошнымъ чтеніемъ.

мактабъ, постепенно забываютъ всѣ безсознательно заученные ими совершенно непонятные звуки,—и получается полный рецидивъ безграмотности.

Наоборотъ, осилившій хафтьякъ мальчикъ-туземецъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ умственную выносливость и снова требуетъ отъ своего отца приношенія (азадлыкъ), такъ какъ долженъ приступить теперь къ чтенію полнаго Корана. Воспользовавшись новымъ отпускомъ отъ уроковъ, гордый сознаніемъ своихъ недюжинныхъ дарованій, ученикъ съ трудомъ еще складываетъ и разбираетъ тѣ главы Корана, которыя раньше не встрѣчалъ въ гафтьякѣ. Скоро, однако, онъ свыкается съ извѣстными словами и мало-по малу затверживаетъ текстъ Корана наизустъ и можетъ читать съ установленною интонаціею цѣлыя главы священной книги даже въ мечети, въ присутствіи молящихся, особенно въ дни мѣсяца Рамазана. Вотъ теперь только, то есть въ лучшемъ случаѣ послѣ трехлѣтняго зубренія непонятныхъ словъ, мальчикъ-туземецъ овладѣваетъ механизмомъ чтенія, но очень мало развивается умственно, такъ какъ содержаніе заученныхъ текстовъ для него остается непонятнымъ.

По окончаніи чтенія Корана, ученикъ переходитъ на третью книгу—„Чаръ Китабъ“, въ которой на персидскомъ языкѣ, также не родномъ для туркестанскаго туземца, изложены правила, касающіяся четырехъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманина: молитвы, предваряемой омовеніемъ, милостыни, поста и путешествія въ Мекку и Медину [1]). Новая двойная трудность для учащагося: языкъ неродной, а содержаніе не соотвѣтствуетъ возрасту, такъ какъ указанныя религіозныя обязанности разсматриваются въ этой книгѣ не съ точки зрѣнія ихъ нравственно-воспитательнаго значенія, а со стороны сухихъ, часто казуистическихъ мелочей и отвлеченностей, обусловливающихъ правильность или неправильность выполненія этихъ обязанностей, а иногда даже нескромныхъ и во всякомъ случаѣ неумѣстныхъ въ школьной книгѣ подробностей, съ какими встрѣчаются въ жизни только взрослые мусульмане [2]), а не дѣти.

При чтеніи „Чаръ-Китаба“ 10—12 лѣтній школяръ обучается и письму, которое сводится къ каллиграфіи, а не служитъ средствомъ къ изложенію мыслей. Туземные педагоги совсѣмъ не имѣютъ такого взгляда на письмо и не упражняютъ своихъ учениковъ въ стилистическихъ письменныхъ работахъ. Поэтому туземцы края, прошедшіе и высшую школу, обыкновенно не умѣютъ литературно писать вообще,

---

[1]) Такъ называемый „хаджъ“.

[2]) Напримѣръ: въ какихъ случаяхъ полагается омовеніе (менструаціи, поллюціи половыя сношенія и др.), что нарушаетъ постъ и т. п

а на родномъ языкѣ въ особенности. Словомъ, родной языкъ въ мусульманской начальной школѣ находится въ пренебреженіи, что составляетъ первый органическій ея недостатокъ.

Прочитавъ Чаръ-Китабъ, способный ученикъ пріобрѣтаетъ достаточный лексическій матеріалъ въ двухъ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ (которые занимаютъ мѣсто древнихъ классическихъ языковъ въ мусульманской наукѣ и литературѣ). Потомъ ученикъ мактаба уже безъ особеннаго труда переходитъ (также послѣ подарка учителю) къ чтенію религіозныхъ стихотворныхъ сборниковъ Суфи Аллаяръ, Ходжа-Хафизъ, Фузули, Бидыль, Наваи. При этомъ строгой послѣдовательности въ чтеніи не наблюдается: нѣкоторые ученики читаютъ одновременно двухъ авторовъ. Но чтеніе это не приноситъ большой пользы учащемуся, такъ какъ сочиненія названныхъ авторовъ представляютъ собою сборники не всегда искусно сложенныхъ риемованныхъ строфъ съ религіозно-мистическимъ содержаніемъ. По отзыву самихъ туземцевъ, особенно труденъ для пониманія сборникъ Бидыля. Наибольшимъ вниманіемъ въ мактабахъ пользуются сочиненія Хафиза и Суфи-Аллаяра.

Чтеніемъ названныхъ сборниковъ заканчивается школьный курсъ мактаба, при чемъ особенно усердные ученики прочитываютъ еще книжку „Маслякъ“ [1]), въ которой въ стихотворной формѣ изложены главныя религіозныя обязанности мусульманъ.

Послѣ того учащійся большею частью переходитъ для продолженія своего образованія въ высшую школу (мадраса). Радостный родитель устраиваетъ по этому случаю угощеніе, на которое приглашаетъ школьнаго учителя, и даритъ ему на прощаніе халатъ шелковый или суконный, смотря по состоянію.

Своеобразные нравы и обычаи, утвердившіеся въ мусульманской начальной школѣ, сохраняютъ свою особенность даже въ формѣ обращеній учениковъ къ учителю. Такъ, напримѣръ, если учитель задерживаетъ учениковъ въ школѣ передъ завтракомъ, или предъ вечернимъ отпускомъ домой [2]), то школьники хоромъ на распѣвъ выкрикиваютъ: *затъ—затъ, дамулла, азатъ; тикингизя бозатъ; б затни имякъ купитъ; балаларны азатъ купитъ*“. Этими подобранными подъ

---

[1]) Полное заглавіе этой книжки—„Масляку-ль-муттакымъ“, т. е „Путь богобоязненныхъ.

[2]) Ученики собираются въ мактабъ рано утромъ и учатся до 11 часа, затѣмъ уходятъ домой завтракать и черезъ часъ-два (по времени года) приходятъ снова въ школу, въ которой остаются до вечерней молитвы (*аср*), которая начинается за часъ до захода солнца. Въ разное время года эта молитва совершается или ранѣе (зимой), или позднѣе (лѣтомъ).

рифмы словами школяры упрашиваютъ своего дамуллу (учителя) отпустить ихъ домой, обѣщая подарить ему сѣраго коня: „Почтеннѣйшій учитель! отпустите... Къ вашимъ стопамъ (привели мы) сѣраго коня. Сѣраго коня къ корму пустите, а дѣтей (домой) отпустите".

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ обученія въ туземной народной школѣ нашего края.

Чтобы охарактеризовать эту школу съ точки зрѣнія современной педагогики, мы должны будемъ признать ее совершенно неудовлетворительною и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ: гигіеническомъ, учебно-воспитательномъ и жизненно-практическомъ.

Гигіеническія требованія къ туркестанскому мактабу совсѣмъ даже и не примѣнимы, такъ какъ у туземцевъ въ помѣщеніяхъ мактаба нѣтъ достаточнаго количества свѣта, чистаго воздуха и тепла; нѣтъ школьной мебели, мѣста для дѣтскихъ игръ и гимнастики, нѣтъ вообще физическихъ упражненій въ формѣ ручного труда, огородныхъ и садовыхъ работъ, нѣтъ дѣтскихъ прогулокъ. Помѣщенія мактабовъ не отличаются чистотою и въ санитарномъ отношеніи вообще ниже всякой критики. О дѣтскихъ завтракахъ и питьевой водѣ учителя мактаба не только не заботятся, но и не сознаютъ этой обязанности, равно какъ имъ не доступна идея о дѣтской утомляемости. Врачей при мактабахъ нѣтъ [1]).

Съ учебно-воспитательной точки зрѣнія и мусульманскій мактабъ долженъ былъ бы отвѣчать идеѣ *„мастерской человѣчности"*, гдѣ дѣти развиваютъ постепенно свои умственныя и нравственныя способности [2]); но въ дѣйствительности туземные мактабы являются мастерскими человѣческой исключительности и притупленія дѣтскихъ способностей. Въ мактабахъ отсутствуетъ идея *материнской* школы съ ея естественнымъ орудіемъ развитія—*роднымъ* языкомъ въ томъ видѣ, какъ говоритъ объ этомъ Я. А. Коменскій; въ мактабахъ нѣтъ соотвѣтствующаго дѣтскому возрасту школьнаго курса и правильнаго (дидактическаго) метода обученія, вслѣдствіе чего въ ученикахъ забивается любознательность и притупляются умственныя способности, что особенно замѣтно въ дѣтяхъ, заучивающихъ наизустъ Коранъ [3]); въ мактабахъ совершенно отсутствуютъ элементы эстетическаго развитія дѣтей (пѣніе, музыка, рисованіе). Только одна память развивается у учениковъ мактаба, которые заучиваютъ много персидскихъ и арабскихъ тек-

---

1 Ср. порядки въ евр. хедерахъ въ Р. Школѣ 1908 г. № 5—6, стр. 87

2) См Великая дидактика Коменскаго.

3) Въ этомъ не одинъ разъ признавались мнѣ сами туземцы.

стовъ, что служитъ хорошею подготовкою къ слушанію курса мадрасы. Вмѣсто всесторонняго развитія душевныхъ способностей ребенка, ученикъ мактаба „утрачиваетъ прирожденную живость ума, становится фанатикомъ, преисполняется тупой горделивой самоувѣренностью, будто обладаетъ абсолютною истиною и носится, словно съ особымъ преимуществомъ, съ тѣмъ именно, что обусловливаетъ его отсталость“[1])...

Кромѣ того, при отсутствіи педагогическаго образованія туземныхъ учителей, въ мактабахъ до сихъ поръ практикуются тѣлесныя наказанія, сопровождающіяся иногда увѣчьями и даже преждевременною смертью учащихся. Но справедливость требуетъ, однако, признать, что основной взглядъ на наказанія дѣтей у арабовъ-мусульманъ, какъ и у евреевъ, былъ гуманный: если мальчикъ 10-тилѣтняго возраста не будетъ исполнять установленные намазы, то учителю позволяется побить его рукой, но не палкой, и при томъ не болѣе трехъ разъ. Подобно этому долженъ былъ поступать и учитель въ отношеніи уроковъ, ибо самъ пророкъ сказалъ упомянутому выше Мирдасу: „не ударяй ученика болѣе трехъ разъ; въ противномъ случаѣ Богъ взыщетъ съ тебя за это на томъ свѣтѣ“. Учитель не долженъ также бить учениковъ палкой, развѣ только, когда отецъ ученика дастъ разрѣшеніе на это [2]). Позднѣйшіе учителя мактабовъ, въ примѣненіи наказаній, стали руководствоваться взглядами на это дѣло и совѣтами знаменитаго персидскаго мистика Шейха-Саади, который въ своемъ „Гулистанѣ“ приводитъ такіе поучительные разсказы:

„У одного изъ визирей былъ тупоумный сынъ, котораго онъ послалъ учиться, говоря наставнику: „воспитай его; быть можетъ, онъ поумнѣетъ“. Наставникъ долго трудился надъ мальчикомъ, обучая его, но совершенно напрасно, и потому послалъ сказать отцу: „твой сынъ не сдѣлался умнымъ, а только меня обратилъ въ сумасшедшаго“... Когда развитію благопріятствуетъ сама природа,—прибавляетъ Саади,—тогда воспитаніе оставляетъ на человѣкѣ слѣды. Если же желѣзо само по себѣ нехорошо, никакой полировщикъ не сдѣлаетъ его лучшимъ. Не мой собаку во всѣхъ семи моряхъ: она, когда вымокнетъ, сдѣлается еще грязнѣе. Поведи въ Мекку Іисусова осла,—и оселъ воротится оттуда прежнимъ осломъ“.

„Ученый, обучая царскаго сына, билъ его нещадно и обращался съ нимъ крайне сурово, такъ что отрокъ, будучи не въ силахъ выно-

---

[1]) Ренанъ: „Вступительная лекція въ курсѣ языковъ... произнес. 21 февраля 1812 года въ College de France—Объ участіи семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи. Рус. пер. В. Н. Штеина въ Сборникѣ мелкихъ статей и рѣчей. С.-Петербургъ, 1895 г., стр. 33—34.

[2]) У евреевъ допускалось ударять тонкимъ ремнемъ. Современный нѣмецкій педагогъ Фр. Паульсенъ также допускаетъ умѣренное употребленіе розги при обученіи дѣтей (Педагогика).

сить такой строгости, жаловался своему отцу и при этомъ приподнялъ платье съ своего тѣла, истерзаннаго ударами.. Отцу стало до крайности жалко мальчика; онъ позвалъ наставника и говоритъ ему: „ты ни съ однимъ изъ сыновей простого класса подданныхъ не поступаешь такъ жестоко, какъ съ моимъ сыномъ. Объясни, какая этому причина". Наставникъ отвѣчалъ: „Всякому надобно говорить, обдумавъ свои слова; у всѣхъ должны проявляться одобрительныя дѣйствія, но преимущественно у государей, потому что все, исходящее съ языка и рукъ государей, сейчасъ передается всюду устами всѣхъ, тогда какъ слова и дѣла простого народа не заслуживаютъ такой извѣстности. Хотя за дервишемъ было бы замѣчено сто дурныхъ поступковъ, его сотоварищи не узнаютъ и сотой ихъ доли; но какъ только будетъ усмотрѣно за султаномъ какое-нибудь одно неодобрительное дѣйствіе, оно передается на словахъ изъ края въ край. Вотъ потому-то и должно,—заключилъ ученый,—стараться исправлять нравы царскихъ дѣтей болѣе, нежели дѣтей простолюдія".—„Кто въ молодости не пріучился къ доброй нравственности, того счастье оставляетъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ,—поучаетъ Саади. Сгибай, какъ хочешь деревцо, пока оно въ свѣжести, а сухое только и выправишь посредствомъ огня. Когда выправляешь свѣжій сучекъ, онъ выпрямится, но не сможешь исправить сухое полѣно". Государю понравились такія умныя замѣчанія и подтвержденіе мысли наставника; онъ одарилъ его платьемъ и подарками и возвысилъ его степень еще болѣе".

„Государь, отдавая своего сына воспитателю, сказалъ ему: „Вотъ это дитя; воспитай его такъ, какъ бы собственнаго сына". Наставникъ цѣлый годъ бился съ нимъ и ничего не могъ сдѣлать, тогда какъ его собственныя дѣти отличались и свѣдѣніями, и краснорѣчіемъ. Государь разсердился на учителя и сказалъ ему: „Ты не исполнилъ своего обѣщанія и поступилъ безчестно". „Государь! отвѣчалъ учитель, мое вниманіе для всѣхъ было одинаково, но природныя способности у дѣтей различны". Хотя золото и серебро выплавливаются изъ камня, но не во всякомъ камнѣ содержится серебро или золото,—заключаетъ Саади.

Въ оправданіе суровой строгости учителя, Саади разсказываетъ: „Въ западныхъ краяхъ „въ Магребѣ" я видѣлъ школьнаго учителя кислолицаго, съ грубыми рѣчами, съ дурными наклонностями,—человѣка-оскорбителя людей, нищаго по своимъ свойствамъ, невоздержнаго, такъ что при одномъ взглядѣ на него исчезло все хорошее расположеніе духа правовѣрныхъ, а когда онъ начиналъ читать Коранъ, то сердца людей „чернѣли" съ горя. Чистые отроки и дѣвочки, попавшіе въ его руки, переносили отъ него обиды, не осмѣливаясь ни засмѣяться, ни вымолвить слова; одного онъ надѣлялъ пощечинами, дру-

гого сѣкъ по лядвіямъ.... Наконецъ, какъ я слышалъ, за какія-то, подобныя этимъ, продѣлки его поколотили и выгнали вонъ изъ школы, а „мактабъ“ передали другому учителю. Этотъ былъ отличный человѣкъ, кроткій, добрый, миролюбивый, который не говорилъ ни слова развѣ только по необходимости; на языкѣ его не вертѣлась ни одна оскорбительная для людей рѣчь. Между тѣмъ дѣти забыли суровость перваго наставника и, видя ангельскія свойства его преемника, стали бѣсами въ отношеніи другъ къ другу. Они проводили большую часть времени въ играхъ и, не написавши на доскахъ [1]) своего урока, только колотили ими другъ друга по головамъ... Когда учитель не строгъ съ учениками, они только и дѣлаютъ, что играютъ на базарѣ въ игру „херсекъ“ (медвѣженокъ“) [2]). По прошествіи двухъ недѣль я,—говоритъ Саади,—проходилъ мимо этой мечети (гдѣ помѣщалась школа) и увидалъ тамъ прежняго учителя, котораго приняли благосклонно опять на прежнее мѣсто. По правдѣ, я сталъ сѣтовать и говорить: „нѣтъ силы, какъ только у Аллаха“: какъ этакого чорта вторично сдѣлали учителемъ ангеловъ?! Но старикъ, видѣвшій свѣтъ, услыхавъ это, замѣтилъ мнѣ. „Развѣ ты не слыхалъ слѣдующихъ рѣчей: Какой-то государь отдалъ своего сына въ „мактабъ“ и привѣсилъ ему на грудь серебряную дощечку, на верху которой красовалась золотая надпись: „строгость учителя лучше, нежели любовь отца“ [3]). У туркестанскихъ туземцевъ есть поговорка: „ученикъ—лошадь, учитель—плеть“.

Наконецъ, и въ отношеніи жизненной приспособленности мактабы даютъ своимъ ученикамъ очень мало, такъ какъ прежде всего не научаютъ ихъ пользоваться свободно и умѣло грамотой и письмомъ на родномъ языкѣ, не знакомятъ ихъ съ міромъ человѣческой души и съ окружающей природой и не даютъ дѣтямъ никакихъ практическихъ навыковъ, необходимыхъ въ жизни. Неокончившіе курсъ мактаба очень часто дѣлаются рецидивистами неграмотности и обращаются въ простыхъ чернорабочихъ; кто порасторопнѣе—мелкими торговцами и только очень немногіе, въ возрастѣ не менѣе 14-ти лѣтъ, осиливаютъ при помощи природныхъ дарованій безтолковый курсъ мактаба и поступаютъ въ высшую школу (мадраса), въ которой учащіеся еще болѣе отрѣшаются отъ реальной дѣйствительности окружающаго міра.

---

[1]) Изъ этого видно, что обычай писать на дощечкахъ первые уроки былъ въ Персіи и оттуда перешелъ въ Туркестанъ.

[2]) Такъ называется дѣтская игра, въ которой одинъ изъ дѣтей становится на четвереньки и старается лягнуть ногой. Если онъ кого-нибудь успѣетъ ударить, этотъ мальчикъ становится на мѣсто лягнувшаго, изображавшаго медвѣженка.

[3]) Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника перевелъ И. Холмогоровъ Москва 1882 г., гл. 7, стр. 252—261.

Неудивительно, если туземные скоморохи въ числѣ осмѣиваемыхъ ими разныхъ сторонъ жизни, высмѣиваютъ и пріемы обученія въ мактабахъ. Особенно забавно выходитъ, когда два масхарабаза (комикъ) въ лицахъ представляютъ, какъ грубый дамулла начинаетъ обучать арабскому алфавиту туземнаго „Митрофанушку", который постоянно прерываетъ учителя своими глупыми вопросами, не относящимися къ дѣлу .. Кончается такой урокъ взаимною потасовкой, такъ какъ туземный „Митрофанъ" —парень большой и притомъ сынъ бая (байбатча).

Одну хорошую сторону прививаетъ мусульманскій мактабъ своимъ ученикамъ—внѣшнюю порядливость, сопровождающуюся скромностью и почтительностью. Эти качества являются въ нѣкоторой степени результатомъ личной подавленности учащихся подъ абсолютнымъ авторитетомъ учителя; но въ отношеніи умѣнья владѣть собой и поддерживать внѣшній порядокъ въ массѣ, при какой угодно обстановкѣ и даже при соблазнительности предстоящихъ лакомствъ, мусульманскіе школьники стоятъ неизмѣримо выше русскихъ школяровъ 1) и вызываютъ въ зрителѣ невольное расположеніе къ себѣ. Другую хорошую сторону мусульманскаго мактаба составляетъ то, что онъ не разрушаетъ въ учащихся дѣтяхъ семейныхъ правилъ и традицій, не прививаетъ имъ новыхъ привычекъ и потребностей и такимъ образомъ не отрываетъ дѣтей туземцевъ отъ бытовой обстановки, вслѣдствіе чего и не окончившіе курсъ въ мактабѣ возвращаются въ свою среду съ неизвращенными представленіями о жизни и спокойно принимаются за личный трудъ (земледѣліе, ремесла, торговля), соотвѣтственно жизненнымъ условіямъ родной семьи.

Указанныя хорошія стороны мактаба въ значительной степени зависятъ отъ патріархальнаго строя жизни мусульманъ, покоящагося на религіозныхъ основахъ, не колеблемыхъ современными теоріями соціальныхъ наукъ. Мусульманская среда до сихъ поръ остается почти повсемѣстно одноформенной, и дѣти мусульманъ, обучающіяся въ начальной школѣ, различаются между собою только неодинаковою цѣнностью одежды, но не заражаются ложными взглядами на условія и цѣли жизни и на взаимныя отношенія. По Корану, всѣ мусульмане—братья (гл 3, ст. 98), безъ различія имущественнаго и образовательнаго ценза, и должны дружиться только между собой 2).

---

1) Авторъ много разъ лично убѣждался въ этомъ, особенно же, когда ученики мактабовъ являлись къ угощенію въ сообществѣ съ русскими учениками русскихъ школъ.

2) Стихъ этотъ читается такъ: „Вѣрующіе не входите въ искреннюю дружбу ни съ кѣмъ, кромѣ себя самихъ. они непремѣнно сведутъ васъ съ ума, они желаютъ погубить васъ" (гл 3, ст. 114).

Съ современными соціальными теоріями мусульманская народная масса не знакома, а ея представители съ предубѣжденіемъ и удивленіемъ относятся къ формамъ народнаго участія въ соціалистическихъ движеніяхъ и оберегаютъ своихъ дѣтей отъ вліянія толпы, мѣшающей дѣтямъ учиться, какъ это въ послѣдніе два года почти повсемѣстно наблюдается во внутренней Россіи.

Но современному мусульманскому мактабу не достаетъ высокогуманнаго взгляда на главную задачу образованія, которую такъ опредѣлялъ покойный Н. И. Пироговъ:

„Пусть каждый родитель, отдавая своего сына, или дочь въ школу, скажетъ предъ судомъ собственной совѣсти: „Я жертвую всѣмъ для воспитанія его дитяти и ничего другого не требую отъ воспитателей, какъ того только, чтобы они наставили мое дитя быть человѣкомъ.... Пусть и каждый наставникъ, проникнутый высокою цѣлью своего земного назначенія, скажетъ съ самоотверженіемъ: „Я не ищу ничего другого, какъ сдѣлать людьми ввѣренныхъ мнѣ питомцевъ“... Пусть, наконецъ, цѣлое общество повторитъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ; этимъ оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ безъ различія сословій и состояній такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и при такомъ убѣжденіи не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ сдѣлать для всѣхъ и каждаго просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ: „будь человѣкомъ“ (Вопросы жизни).

МУСУЛЬМАНСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА [МАДРАСА].

Въ доисламской Аравіи язычество было главной формой богопознанія и богопочитанія, а представителями языческой религіи и народнаго міровоззрѣнія были жрецы (кяхинъ) и поэты (ша'иръ). Первые завѣдывали дѣлами языческаго культа арабовъ и считались также прорицателями, а вторые, выдѣляясь даромъ краснорѣчія, воспѣвали доблесть героевъ своего племени въ особыхъ поэмахъ [1]). Всѣ другія житейскія умѣнья арабовъ носили характеръ практическихъ навыковъ и ничего научнаго въ себѣ не заключали. Жрецы-прорицатели и поэты были осуждены въ Коранѣ, какъ заблуждающіеся и находящіеся подъ вліяніемъ сатаны. Въ одномъ преданіи было сказано: „Для каждаго человѣка лучше, чтобы тѣло его было напоено гноемъ, нежели стихотвореніями“ [2]).

Имруль-Кайсъ считался главой поэтовъ по дорогѣ въ адъ. Дѣятельность поэтовъ среди арабовъ должна была, если не совсѣмъ прекратиться, то ослабѣть съ обнародованіемъ Корана, предназначавшагося быть *новымъ* выраженіемъ духовныхъ интересовъ арабовъ, какъ священный кодексъ религіозной, семейной и общественной ихъ жизни и какъ совершенная форма *новаго* міросозерцанія послѣдователей Мухаммеда [3]). Коранъ долженъ былъ поэтому сдѣлаться предметомъ изученія и объектомъ новаго мусульманскаго знанія, которое, будучи религіознымъ по своему характеру, легло въ основу мусульманской школы и образованности. Если бы при этомъ Коранъ дѣйствительно давалъ

---

[1]) Отъ древнихъ доисламскихъ поэтовъ Аравіи сохранились семь семерокъ (мусабаатъ) лучшихъ произведеній древней арабской поэзіи. Одна изъ этихъ семерокъ извѣстна подъ именемъ муаллака, т. е. „вывѣшенные“, такъ какъ ихъ вывѣшивали на стѣнахъ Каабы въ знакъ высшаго одобренія ихъ поэтическихъ достоинствъ. Одна изъ этихъ муаллака, составленная поэтомъ Имруль-Кайсомъ, переведена съ арабскаго подлинника г. Муркосомъ, проф. Лазаревскаго института въ Москвѣ въ 1882 г.

[2]) *А. Крымскій*, Исторія мусульманства. Москва 1903, ч. II, стр. 103.

[3]) Коранъ, какъ извѣстно, представляетъ собою оригинальный кодексъ, въ которомъ совмѣщаются религіозныя, бытовыя и семейныя правила, а также историческіе нравоучительные разсказы.

объясненіе всему, въ мірѣ заключающемуся [1]), и если бы онъ могъ вполнѣ удовлетворить пытливости человѣческаго ума, то изученіемъ его исчерпывались бы задачи высшей мусульманской школы... Но такой полноты необходимыхъ человѣку свѣдѣній Коранъ не содержитъ въ себѣ, и потому по смерти Мухаммеда, въ дополненіе къ Корану, было выдвинуто преданіе, т. е. изреченія самого Мухаммеда (хадисы), какъ слова пророка, а не Бога, и разсказы ближайшихъ послѣдователей Мухаммеда о томъ, какъ поступалъ въ извѣстныхъ случаяхъ арабскій законодатель. Высшимъ авторитетомъ въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, каковыхъ возникло не мало относительно текста Корана и смысла преданій, служило общее согласіе вѣрующихъ (*иджма*). При этомъ, какъ замѣчаетъ Хургронье [2]), мусульмане первыхъ вѣковъ не стѣснялись приписывать Мухаммеду такія изреченія и такія дѣйствія, какія считались для даннаго случая полезными [3]), а тѣмъ болѣе необходимыми. Неудивительно, если въ сборники преданій вошло такимъ образомъ гораздо болѣе сомнительныхъ. Это доказано было въ IX вѣкѣ Аль-Бохаріемъ и другими собирателями преданій, приписываемыхъ Мухаммеду, изъ которыхъ истинными признаны очень незначительное число [4]).

---

[1]) Такъ говорится въ Коранѣ: глава 12, ст. 111; глава 16, ст. 91; глава 6 ст. 38 и 59.

[2]) См. ст. „Мусульманская наука въ Меккѣ". Перев В. Бартольдъ (Туркестан. Вѣдом. 1895 и 1896 гг.). Авторъ соч. „Мекка"—ученый голландскій оріенталистъ, проникшій въ Мекку въ 1884 г., подъ видомъ мусульманскаго паломника, и основательно изучившій положеніе мусульманской науки въ священномъ городѣ мусульманъ

[3]) Такъ же поступаютъ и современные намъ образованные татары, старающіеся убѣдить своихъ и чужихъ въ томъ, что основатель ислама имѣлъ философскій взглядъ на человѣчество и прогрессъ и по-современному разсуждалъ о наукѣ и образованіи. Газета „Терджиманъ" за предыдущіе годы и до сихъ поръ настаиваетъ на этомъ. Въ № 64 этой газеты за 1905 годъ, въ самомъ началѣ читаемъ: „Въ Коранѣ говорится: Развѣ невѣжды могутъ быть равными со знающими? Этимъ стихомъ пророкъ именемъ Бога указалъ своимъ послѣдователямъ на преимущества знающаго передъ невѣждой и опредѣлилъ значеніе и необходимость знаній для человѣка, чтобы онъ могъ осмысленно и самостоятельно жить. Масса изреченій пророка свидѣтельствуютъ, что онъ на науки и знанія смотрѣлъ, какъ на источникъ и причины прогрессивной жизни и благоденствія своихъ послѣдователей; потому, въ видахъ поощренія ихъ, возвелъ занятія науками и распространеніе ихъ среди народа путемъ обученія на степень религіознаго культа. Въ первые вѣка появленія ислама, искренне воодушевленные новой религіей, чуткіе послѣдователи ея поняли значеніе этого зова своего пророка къ знаніямъ и наукамъ; они какъ бы прозрѣли послѣдствія этого божественнаго внушенія, прониклись имъ и удивительнымъ для того времени прогрессомъ, достигнутымъ въ области пророчества Магомета, и доказали міру, что исламъ есть жизненная религія" и т. д.

[4]) *А. Крымскій.* Исторія мусульманства, ч. I, стр. 159.

Оба указанные главные источники мусульманскаго (чисто религіознаго) знанія—Коранъ и хадисы—при первыхъ халифахъ изучались устно, на память, и примѣнялись къ дѣлу на практикѣ, но когда возникалъ спорный вопросъ, халифъ рѣшалъ его своимъ авторитетомъ, какъ намѣстникъ пророка. При халифахъ Омайядахъ образовались два враждебныхъ центра: Медина, какъ представительница религіознаго авторитета, и Дамаскъ, какъ центръ правительственный. Халифамъ Омайядамъ не хотѣлось выпускать изъ своихъ рукъ религіозный авторитетъ и они старались доказать свои права на законодательную власть, опираясь на авторитетъ нѣкоторыхъ асхабовъ; но другіе асхабы-мюджтахиды усиленно противодѣйствовали такому стремленію халифовъ. Этотъ разладъ халифовъ съ муджтахидами послужилъ къ развитію науки права, извѣстной подъ именемъ „Ильми-фикхъ“.

Развитію этой науки способствовали замѣчательные знатоки Корана и преданій, жившіе въ 50—80 гг. перваго столѣтія хиджры, хотя въ то время не было еще ни систематическаго курса мусульманскаго права, ни научныхъ пособій для изученія его [1]). Около половины второго столѣтія хиджры впервые началось составленіе руководствъ по тремъ отдѣламъ мусульманскаго знанія, остававшагося исключительно религіознымъ Корана, преданій и законовѣдѣнія. Именно въ Меккѣ, Мединѣ, Еменѣ, Сиріи, Басрѣ, Куфѣ, Реѣ и Хорасанѣ трудились тогда 11 ученыхъ надъ составленіемъ систематическихъ руководствъ по изученію Корана, преданій и законовѣдѣнія [2]).

Въ періодъ завоевательныхъ войнъ, распространившихъ вѣру и языкъ арабовъ за предѣлами Аравіи, и внутреннихъ усобицъ, поддерживаемыхъ вольномысленными сектантами, естественно было появленіе на ряду съ замѣчательными полководцами „воиновъ пера“, которые способствовали развитію и обработкѣ арабскаго языка и схоластическаго богословія. „При отсутствіи ясной догматической формулировки въ самомъ Коранѣ, безпрестанное общеніе мусульманъ съ христіанами и персами, а тѣмъ болѣе присоединеніе христіанъ и персовъ къ лону ислама не могло, какъ говоритъ проф. А. Е. Крымскій, не привнести въ исламъ новыхъ идей, въ духѣ христіанскомъ, зароастрійскомъ, индо персидскомъ,—идей, которыя иногда прямо покушались на духъ подлиннаго ученія Мухаммеда; иногда же, хотя и хорошо согласовались съ нимъ, все-таки были новшествомъ и видоизмѣняли исламъ. Въ развитіи исламскихъ сектъ легко видны два направленія: одно

---

[1]) См. у Казембека на стр. VI—VIII.

[2]) Ибнъ-Джарихъ, Маликъ, Аль-Аузаи, Химадъ бенъ-Муслима, Му'маръ, Суфьянъ-Ассаури, Абу-Ханифа, Ар-Раби'бенъ-Сабахъ, Джарихъ бенъ-Абдулъ-Хамидъ, Ибнъ-Шихабъ и Ибнъ-Мубаракъ (Казембекъ).

направленіе ограничивается областью вопросовъ чисто нравственныхъ и догматически отвлеченныхъ и порождаетъ собственно богословскія школы и секты; другое рѣзко смѣшивается съ политикой и порождаетъ такія секты, которыя могутъ быть названы государственно-политическими партіями“ [1]). Таковы были секты и партіи мотазилиты и морджиты, хариджиты и шіиты.

Для противодѣйствія ученію этихъ сектъ и партій и была выдвинута мусульманская высшая школа, въ которой на первомъ мѣстѣ стояло изученіе законовѣдѣнія въ связи съ грамматическимъ изученіемъ арабскаго языка. Представители законовѣдѣнія, прозванные „столпами шаріата“, обработали эту область мусульманской науки и составили для своихъ послѣдователей законченныя системы фикха. Это были: 1) Номанъ бенъ-Сабитъ, называемый также Абу-Ханифа, или просто, по старшинству—„величайшимъ или старшимъ имамомъ“ [2]) (ум. въ 150 г. гиджры=767 г. по Р. Хр.); 2) Суфьянъ-ас-Саури (ум. въ 161 г. 777—778 г.); 3) Имамъ Маликъ (ум. въ 179 году=795—796 годамъ по Р. Хр.); 4) Имамъ-Мухаммедъ Аш-Шафій (ум. въ 204 г.=819—820 г.); 5) Имамъ-Ахмедъ бенъ-Аль-Ханбаль (ум. въ 241 году=855—856 г.) и 6) Имамъ-Даудъ Аз-Захири (ум. въ 270 г.=883—884 г. по Р. Хр.). Системы законовѣдѣнія этихъ ученыхъ, различавшіяся между собой въ частностяхъ, были разработаны ихъ учениками и оставили послѣ себя необъятные труды, которые не могутъ не поразить всякаго безпристрастнаго изслѣдователя мусульманской юриспруденціи, какъ говоритъ Мирза А. Казембекъ. Среди названныхъ школъ первое мѣсто занимаютъ до нашихъ дней *ханифиты* (т. е. послѣдователи Абу-Ханифы), второе—*шафіиты*, третье—*ханбалиты*, четвертое—*маликиты*; школы сауридовъ и захиридовъ въ VIII в. гиджры прекратили самостоятельное существованіе, слившись съ другими.

Законовѣдѣніе, оставаясь главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ изученія и обученія при Омайядахъ, въ правленіе Аббасидовъ было вполнѣ обработано, такъ что не допускало уже никакихъ прибавленій и дополненій [3]). При Аббасидахъ же, вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, и самая система мусульманскаго образованія расширилась и приняла иное направленіе. Халифъ-Мансуръ (754—775 гг. по Р. Хр.) содѣйствовалъ быстрому развитію наукъ въ халифатѣ: въ его правленіе появились знаменитые арабскіе филологи [4]); но что

---

[1]) Исторія мусульманскихъ народовъ. Лекціи и пособіе къ лекціямъ профессора А. Е. Крымскаго. Часть первая (Москва, 1902). Стр. 183 и слѣд.

[2]) По арабски: „*Имамъ-А'замъ*“.

[3]) О главныхъ руководствахъ по мусульманскому законовѣдѣнію см. въ моемъ изданіи „Исламовѣдѣніе“ Шаріатъ (Ташкентъ, 1912).

[4]) Сибавейхи, Халиль, Аль-Кисаи, Асмаи, Аль-Ахмаръ, Аль-Мукаффа.

болѣе важно, при немъ начали переводить съ сирійскаго на арабскій языкъ сочиненія древнихъ греческихъ философовъ и естествоиспытателей, а ортодоксальные богословы (Ибнъ-Исхакъ и друг.) положили начало историко-богословской литературѣ мусульманъ [1]).

Подъ вліяніемъ указанныхъ условій, городъ Багдадъ съ 766 года по Р. Хр. сталъ новымъ образовательнымъ центромъ. Такъ говоритъ объ этомъ Эр. Ренанъ: „Багдадъ возвысился, какъ столица возрождающейся Персіи. Арабскій языкъ, языкъ завоевателей, не могъ быть оставленъ (персами) такъ же, какъ не отказались они совершенно отъ религіи арабовъ; но духъ новой цивилизаціи былъ смѣшаннаго характера. Послѣдователи парсизма и христіане одерживали перевѣсъ: администрація и въ особенности полиція сосредоточивались въ рукахъ христіанъ. Всѣ эти блестящіе халифы, современники Каролинговъ: Мансуръ, Гарунъ-аль-Рашидъ, Мамунъ почти не были мусульманами. Они исполняютъ внѣшніе обряды религіи, главенство въ коей имъ принадлежитъ; и къ принадлежитъ папская власть, если такъ можно выразиться, но умъ ихъ не туда направленъ. Они интересуются по преимуществу всѣмъ иностраннымъ и языческимъ: они вопрошаютъ Индію, древнюю Персію и въ особенности Грецію. Правда, что иногда мусульманскимъ піэтистамъ удавалось возбуждать при дворѣ странныя реакціи, и халифъ становился иногда набожнымъ и жертвовалъ своими друзьями— невѣрными или свободными мыслителями; потомъ духовеніе независимой, свободной мысли получало перевѣсъ, и халифъ опять призываетъ своихъ ученыхъ и товарищей пировъ и, къ великому негодованію мусульманскихъ пуританъ, свободная жизнь продолжалась. Такъ объясняется любопытная и чарующая багдадская цивилизація, столь живо воспроизведенная сказками „Тысячи и одной ночи“: удивительная смѣсь оффиціальнаго ригоризма и тайной распущенности, время молодости и непослѣдовательности, когда, благодаря покровительству плохо вѣрующихъ главъ фанатической религіи, научное развитіе и веселая жизнь шли рука объ руку; когда распущенный человѣкъ всегда встрѣчалъ отличный пріемъ при дворѣ, хотя уголовный законъ грозилъ ему въ то же время самыми жестокими наказаніями. Пышнымъ цвѣтомъ распустилась свободная мысль при этихъ халифахъ, которые, если и воздвигали иногда гоненія, то всегда неохотно: мотакаллимины или

---

[1]) Потомъ были извѣстны знаменитые арабскіе историки и путешественники (Балазори, Ибнъ-Котайба, Динавари и Табари, Масуди, Макдиси, Ибнъ-Фадланъ, Ибнъ-Батута и др.), оставившіе наукѣ необыкновенно цѣнные труды по исторіи и географіи (см. въ Исторіи мусульманскихъ народовъ профессора А. Е. Крымскаго, стр. 280).

спорщики устраивали собранія, на которыхъ всѣ религіи обсуждались согласно съ началами разума“ [1]).

При халифахъ Мансурѣ (754—775 гг.), Гарунѣ-аль-Рашидѣ (786—809 гг.) и Мамунѣ (813—833) въ Багдадскомъ халифатѣ трудились извѣстные ученые Абу-Темманъ, Ибнъ-Тахиръ, Аль-Бухтури, Ибнъ-Исхакъ, Вакиди и др Халифъ Мансуръ, несмотря на свою необыкновенную скупость, много содѣйствовалъ процвѣтанію мусульманской науки. Онъ основалъ въ Багдадѣ „*Домъ наукъ*“ съ библіотекой и астрономической обсерваторіей, который служилъ сборнымъ пунктомъ для множества ученыхъ, переводившихъ греческихъ авторовъ на арабскій языкъ. Арабы и персы усвоили чуждую имъ греческую образованность, продолжали развивать и распространять арабизованныя научныя знанія древней Греціи по всему средневѣковому Западу. Извѣстнѣйшими учеными того времени были: арабскій философъ Аль-Кинди и всеобъемлющій геній медицины Абу-Бекръ Ар-Рази. Особенно же халифъ Мамунъ, обладавшій лично необыкновенною воспріимчивостью къ умственнымъ интересамъ, продолжалъ покровительствовать наукѣ и искусствамъ и руководилъ литературнымъ и научнымъ движеніемъ своего времени. Поощряя ученыхъ и художниковъ, Мамунъ поддерживалъ историковъ (Аль-Вакиди) и самъ обнаруживалъ пристрастіе къ греческой философіи и точнымъ наукамъ. Сирійцы-монофизиты, отличаясь рѣдкимъ трудолюбіемъ, старательно изучали Аристотеля, Гиппократа, Галена, Діоскорида, Эвклида и Клавдія Птоломея и переводили ихъ сочиненія на свой языкъ, и ихъ переводами пользовались уже представители вѣка Мамуна.

Послѣ этихъ халифовъ въ IX—XIV вв. среди мусульманъ появлялись ученые историки, географы, космографы: Балазори, Ибнъ-Котайба, Динавари, Табари, Мас'уди, энциклопедистъ Джахыръ, Ибнъ-Хордадбехъ, Якуби, Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фодланъ, Бальхи, Ибнъ-Хаукалъ, Мокаддаси, Ибнъ-Джаббаиръ, Ибнъ-Батута, Якутъ, Казвини и Димишки, Абульфида. Поэзія процвѣтала особенно при Гарунѣ ар-Рашидѣ. Но и послѣ, въ XII вѣкѣ, мусульманская поэзія и вообще изящная литература имѣла видныхъ представителей въ лицѣ: Тантарани, Тогра, Харири, Ибнъ аль-Фарида и др.

Въ концѣ X и началѣ XI вѣка прославились своими математическими, философскими и медицинскими сочиненіями два великихъ ученыхъ—Аль Фараби (ум. въ 950 г.) и Авицена (980—1037) [2]), занявъ-

---

[1]) Псламъ и наука. Рѣчь, произнесенная 29-го марта 1883 года въ собраніи „Научной французской ассоціаціи“. Русскій переводъ А. Ведрова. С.-Петербургъ. 1889 г.

[2]) По-арабски: Абу-Али-аль-Хусайнъ-ибнъ-Абдалла ибнъ-Сина, или кратко: Ибнъ-Сина, изъ Бухары. Онъ извѣстенъ переводомъ и обработкой сочиненій Галена.

шіе мѣсто между самыми выдающимися мыслителями, когда-либо существовавшими. Астрономія и алгебра достигаютъ замѣчательнаго развитія; въ химіи дѣлались иногда замѣчательныя открытія (дистилированіе воды) и т. д.

Вслѣдъ за Востокомъ мусульманскія науки водворились въ Испаніи, при чемъ евреи оказывали мусульманскимъ ученымъ дѣятельную помощь. Въ XII вѣкѣ Ибнъ Баджа, Ибнъ-Тофаиль (ум. въ 1190 году въ Севильѣ) и Аверроесъ [1]) (1126—1198) возвели философскую мысль на такую высоту, какой она не достигала уже нѣсколько столѣтій, какъ говоритъ Ренанъ. Ибнъ-Тофайль прославился своей системой „естественнаго воспитанія", изложенной въ сочиненіи его *„сынъ природы"*, за которое его сравниваютъ съ Руссо [2])... Ибнъ-Хальдунъ (ум. въ 1406 г.) былъ уже послѣднимъ философомъ.

По языковѣдѣнію прославились составители огромныхъ арабскихъ словарей: Ибнъ-Сида и Фирузабади; по грамматикѣ—Ибнъ-Маликъ, Ибнъ-Акиль, Ибнъ-Хаджибъ и Джами. Были составители и біографическихъ словарей· Ибнъ-Кыфти, Ибнъ-Абу-Осейбія, Навави, Ибнъ-Халликанъ и Союти.

По корановѣдѣнію извѣстенъ Табари (ум. въ 923 г.) и толковники: Замахшари (ум. въ 1143 г.), Бейдави (ум. въ 1286 г.) и особенно Союти, а по законовѣдѣнію. Кудури (ум. въ 1036 г) и Бурханеддинъ Маргеланскій (Ферганской обл), составившій извѣстный сборникъ „Хидая" [3]), а также Маверди [4]) и тотъ же Союти Этотъ послѣдній является такимъ образомъ „заключительнымъ воплощеніемъ арабской науки", какъ говоритъ о немъ проф. А. Е. Крымскій [5]).

Но несмотря на столь блестящіе таланты и эрудицію древнихъ мусульманскихъ законовѣдовъ, философовъ, математиковъ и естествовѣдовъ, арабы не обезпечили дальнѣйшаго процвѣтанія науки. И неудивительно, если ко времени смерти Аверроеса и Ибнъ-Тофайля арабскій научный геній, столь быстро расцвѣтшій и блиставшій въ сумеркахъ

---

[1]) По-арабски: Абдулъ-Валидъ Мухаммедъ, ибнъ-Ахмедъ, ибнъ-Мухаммедъ, ибнъ-Рошдъ, или кратко: Ибнъ-Рошдъ.

[2]) Краткое содержаніе этого трактата приведено въ соч. Л. Модзалевскаго „Очерки исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ". С.-Петербургъ 1892 г., томъ I, стр. 209—212.

[3]) Этотъ сборникъ переведенъ на русскій языкъ съ англійскаго подъ редакціей бывшаго военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генерала Гродекова (Ташкентъ, 1893 г.).

[4]) Аль-Маварди род. въ 974 г., ум. въ 1058 г. по Р. Хр. Его руководство „Аль-ахкаму ас-Султанійя" переведенъ на франц. языкъ и изданъ въ 1901 г. Гр. Остророгомъ въ Парижѣ.

[5]) Подробное указаніе арабской литературы см. въ Лекціяхъ проф. Крымскаго, стр. 277 и слѣд.

средневѣковой Европы, началъ угасать. Послѣ того просвѣтительныя роли снова перемѣнились: геній Европы пробудился; арабская же наука, вдохнувъ временно свою жизненную силу латинскому западу, начала замирать. Съ 1200 года въ исламѣ наступила реакція теологическаго характера и одержала верхъ надъ философскимъ направленіемъ; тогда философію стали изгонять изъ мусульманскихъ школъ и о ней историки стали вспоминать съ плохимъ чувствомъ; даже рукописи философскія стали подвергаться уничтоженію; астрономію терпѣли настолько, насколько она служила для опредѣленія „киблы", т. е положенія молящагося, обязаннаго обратить свое лице въ сторону Каабы и т. д. А когда политическая гегемонія перешла отъ арабовъ къ туркамъ,— въ исламскомъ мірѣ, за рѣдкими исключеніями, въ родѣ знаменитаго Ибнъ-Хальдуна (1331—1406 гг.), не появлялось ни одного мыслителя, отличавшагося широтою научныхъ взглядовъ [1]); наука и философія въ мусульманскомъ мірѣ заглохла до послѣднихъ годовъ только что истекшаго (XIX) столѣтія...

Правители мусульманскіе, какъ бы предвидя упадокъ прежней свободной науки, уже съ XI вѣка старались искусственно поддержать интересъ къ научнымъ занятіямъ въ своихъ странахъ и начали устраивать, можетъ быть, по образцу европейскихъ и сирійскихъ школъ, особыя коллегіи для слушанія молодыми людьми профессорскихъ лекцій, почему и дали этимъ коллегіямъ названіе „*мадраса*" (отъ ар. *дарсъ*—обученіе, лекція)—одного корня съ сл. *мударрисъ*—обучающій, читающій лекціи, профессоръ) [2]). Въ этихъ своеобразныхъ коллегіяхъ основатели ихъ давали пріютъ и содержаніе „ищущимъ знанія" молодымъ людямъ, студентамъ. До X вѣка по Р. Хр. въ большихъ городахъ мусульманскаго востока чтеніе лекцій законовѣдами (факихъ) и учеными (мударрисъ) происходило въ мечетяхъ; но мечети не могли вмѣщать въ себѣ всѣхъ слушателей, число которыхъ составляло тысячи [3]), такъ какъ любители знанія собирались со всѣхъ странъ свѣта слушать наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ. Случалось, что жители Андалузіи предпринимали отдаленныя и опасныя путешествія до Бухары и Самарканда, а жители Средней Азіи—въ Испанію и по дорогѣ посѣ-

---

[1]) См. „Исламъ и наука". Рѣчь Эр. Ренана, стр 15—16.

[2]) У древнихъ евреевъ былъ извѣстенъ терминъ „друшъ" (родств съ араб „дарсъ"), которымъ обозначалось обученіе лицъ всѣхъ возрастовъ, собиравшихся въ синагогу на богослуженіе. Въ Вавилонѣ для взрослыхъ евреевъ существовали особыя академіи. См. ст. Ф. Геца въ Ж. М. Н Пр. (Окт. 1913 г.).

[3]) Извѣстнаго собирателя и критика преданій Аль-Бухари собирались слушать (въ Багдадѣ) будто бы 20 тысячъ человѣкъ. Явное преувеличеніе: какимъ голосомъ долженъ обладать лекторъ, чтобы его могли слышать 20 тысячъ человѣкъ!

щали Тунисъ, Кайруанъ, Басру и Багдадъ. Поэтому сама собою открывалась нужда въ особыхъ зданіяхъ, спеціально предназначенныхъ для учащихся и для слушанія ими лекцій профессоровъ и законовѣдовъ. Въ этихъ видахъ сначала при нѣкоторыхъ мечетяхъ устраивались особыя зданія для пришельцевъ, напримѣръ, при Азхарской мечети въ Каирѣ.

Но самымъ первымъ зданіемъ, спеціально назначеннымъ для чтенія лекцій по исламскимъ наукамъ, была мадраса въ Багдадѣ, выстроенная Низаму-ль-мулькомъ, визиремъ Маликъ-Шаха, въ 1065 г. по Р. Хр. (457 г. гиджры), какъ говоритъ Хургронье, на основаніи приводимаго имъ свидѣтельства Кутбуддина [1]). У д'Эрбело сказано, что Маликъ-Шахъ также построилъ въ Багдадѣ мадрасу, въ которой преподавалось законовѣдѣніе по ученію Абу-Ханифы. Затѣмъ въ томъ же городѣ построилъ мадрасу сирійскій султанъ Нуруддинъ, а другую въ Алеппо. Извѣстный въ исторіи крестовыхъ походовъ султанъ Саладинъ построивъ мадрасу въ Каирѣ, воспѣтую поэтомъ Саади, для преподаванія законовѣдѣнія по ученію имама Шафія, а халифъ Мустансиръ (1036—1094 г. по Р. Хр.) основалъ тамъ же большую мадрасу для преподаванія въ ней законовѣдѣнія по ученію четырехъ главныхъ сектъ ислама и назначилъ къ ней четырехъ профессоровъ (по одному для каждой юрид. школы); у каждаго профессора было 75 слушателей, которымъ было дано помѣщеніе и содержаніе при мадрасѣ [2]). Затѣмъ мадрасы строились и въ другихъ городахъ мусульманскаго міра, куда проникали новое вѣроисповѣданіе и мусульманская наука.

Словомъ: въ XI и XII вѣкахъ по Р. Хр. система высшаго мусульманскаго образованія окончательно установилась, причемъ полный курсъ наукъ мадрасы составляли слѣдующія научныя группы:

1) *Арабизмъ*: лексикографія, этимологія, синтаксисъ, риторика съ просодіей, исторія, наука чтенія Корана и наука ученыхъ споровъ.

2) *Вѣроученіе и законовѣдѣніе*: толкованіе Корана, ученіе о преданіяхъ, практическое богословіе (фикхъ), догматическое богословіе, ученіе о раздѣлѣ имущества послѣ умершихъ, основы законовѣдѣнія.

3) *Философія*: логика, математика, географія, астрономія, медицина и естественныя науки, умозрительная философія [3]).

Этимъ кругомъ наукъ исчерпывалась вся мудрость мусульманскихъ ученыхъ описываемаго періода [4]). При всей обширности и раз-

---

[1]) Ст. „Мусульманская наука въ Меккѣ". Перев. В Вл. Бартольда.

[2]) Bibliothèque orientale. Mot „Madrassah", p. 533. Къ сожалѣнію, мы не могли найти въ Ташкентѣ араб. соч „Ахбаруль-рубутъ ва-ль мадарисъ", въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о мадрасахъ.

[3]) *А. Казембекъ*, стр. II, III.

[4]) Подробный очеркъ арабской литературы данъ въ „Исторіи мусульманскихъ народовъ" проф. А. Е. Крымскаго (Москва, 1902 г.), стр. 277 и сл.

нообразіи перечисленныхъ наукъ, на усвоеніе которыхъ нѣкоторые ученые посвящали всю жизнь, нужно замѣтить, что мусульманское образованіе было и остается до сихъ поръ *религіознымъ*, а центральный пунктъ его составляло законовѣдѣніе. Кто посвящалъ себя наукѣ, тотъ не только освобождался отъ участія въ священной войнѣ, но считался *„убитымъ за вѣру“*, если смерть застигала его среди научной дѣятельности; служителю мусульманской науки была обезпечена щедрая награда на небѣ и высшій почетъ со стороны вѣрующихъ на землѣ. Поэтому истинные представители науки отказывались отъ всякихъ должностей, такъ какъ служебныя занятія заставили бы ихъ обращать больше вниманія на желанія правительства, нежели на божественные законы. Поэтому истинному ученому нужно было обладать самоотверженіемъ, граничащимъ съ аскетизмомъ, чтобы отказаться отъ мірского величія и всецѣло посвятить себя служенію науки, которая мало-по-малу утрачивала свою независимость и подчинялась правительству. Правители, какъ было сказано, устраивали мадрасы и давали учащимъ и учащимся въ нихъ обезпеченіе. Хургронье приводитъ очень интересный разсказъ Кутбуддина по поводу открытія первой мадрасы въ Багдадѣ. Когда ученые Мавараннагра (Самаркандъ и Бухара) узнали объ открытіи мадрасы въ Багдадѣ, то устроили торжественные похороны наукѣ и печалились объ упадкѣ ея достоинства. А когда спросили ихъ, почему они это дѣлаютъ, отвѣчали: „наука — благородная, прекрасная царица, къ которой должны стремиться только благородныя, прекрасныя души изъ-за присущаго ей благородства и изъ за естественнаго родства между ними и наукой. Теперь же, когда за это назначено вознагражденіе, къ наукѣ будутъ стремиться низкія души и будутъ пользоваться ею, какъ средствомъ для достиженія жалкихъ мірскихъ благъ; вокругъ нея будутъ тѣсниться не для того, чтобы сдѣлаться причастными къ возвышенноиу духу науки, а для достиженія низкихъ, преходящихъ земныхъ почестей. Такимъ образомъ наука будетъ унижена низостью этихъ людей, и они нисколько не возвысятся подъ вліяніемъ возвышеннаго духа науки. Посмотрите на медицину: хотя она благородная наука, но съ тѣхъ поръ, какъ ею стали заниматься низкіе евреи [1]), она заразилась ихъ низостью, тогда какъ они нисколько не усвоили себѣ ея благородства“...

---

[1]) Высказанный отзывъ о евреяхъ представляется очень характернымъ: въ древнее время и евреи смотрѣли на своихъ учителей очень высоко: „Просвѣщающіе другихъ будутъ сіять, какъ свѣтъ небесный“ (кн. Дан. 12, 3). „Какъ Скинія Завѣта была покрыта чистымъ золотомъ изнутри и совнѣ, такъ и учитель долженъ быть нравственно чистъ внутренно и внѣшне (Іома и Шаббатъ)·

Чтобы закончить изложеніе постепеннаго формированія высшей мусульманской школы и перейти къ современнымъ ея типамъ въ разныхъ странахъ міра, считаемъ умѣстнымъ указать здѣсь на то, что и первые европейскіе университеты были школами церковными, въ которыхъ главное вниманіе обращалось также на законовѣдѣніе и схоластическое богословіе. Для краткости пользуемся слѣдующею выпиской. „Школа ранняго средневѣковья была во всей Западной Европѣ, кромѣ Италіи, духовнымъ учрежденіемъ, связаннымъ съ монастыремъ или церковью и предназначеннымъ для приготовленія служителей церкви [1]). Свѣтское воспитаніе не нуждалось въ наукѣ и достигалось практическимъ путемъ. Молодой дворянинъ готовился къ дѣятельности воина, полководца, хозяина и правителя не по книгамъ, а опытомъ; простой народъ пребывалъ въ грубомъ невѣжествѣ. Въ XI и XII в.в., подъ вліяніемъ клюнійскаго движенія, крестовыхъ походовъ, борьбы папства съ имперіей и развитія городовъ, въ европейскомъ обществѣ съ особенной силой зарождается спросъ на знаніе. Отвѣта на волновавшіе его вопросы общество искало въ римскомъ и каноническомъ правѣ и въ схоластическомъ богословіи. Только эти знанія удовлетворяли жажду изслѣдованія и критицизма, стремленіе примирить разумъ съ вѣрою, давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, теоретическую опору, сторонникамъ всемірнаго папства и имперіи въ римскомъ духѣ. Схоластическое богословіе лучше всего преподавалось въ Парижѣ, римское право —въ Болоньѣ. Эти два города получаютъ, благодаря своимъ школамъ, міровое значеніе и привлекаютъ тысячи жаждущихъ знанія людей всѣхъ возрастовъ и знаній, со всѣхъ концовъ Европы—отъ Испаніи до Скандинавіи и отдаленной Польши. Юридическія школы Равенны и Падуи и медицинская школа въ Салерно пользовались большой извѣстностью, но ихъ затмила школа болонскихъ юристовъ, совершившихъ переворотъ въ пріемахъ изученія римскаго права: они излагали его не какъ придатокъ къ риторикѣ, а какъ самостоятельный предметъ, и притомъ не отрывочно, а во всемъ объемѣ“ [2]).

Что же касается самаго преподаванія и внутреннихъ распорядковъ высшей мусульманской школы, то въ этомъ отношеніи она представляетъ много вполнѣ самобытныхъ и необыкновенно любопытныхъ чертъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго описанія современныхъ высшихъ школъ въ Меккѣ, въ Каирѣ, въ Фецѣ, Мешедѣ и Туркестанскомъ краѣ. Посильное изложеніе этого сложнаго дѣла (учебнаго строя *мусульманской школы*) мы рѣшили представить для читателей— въ виду предположенія нашего министерства учредить особыя должности окружныхъ инспекторовъ для наблюденія за мусульманскими школами

---

[1]) Тотъ же характеръ присущъ и древне-еврейской школѣ.

[2]) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVI, стр. 752. *Университетъ.*

въ Россіи. Кандидаты на эти должности усмотрятъ изъ нашего очерка, что на ихъ долю выпадетъ работа серьезная, требующая спеціальныхъ знаній арабскаго, персидскаго и тюркскаго языковъ и нѣкотораго предварительнаго знакомства съ содержаніемъ мусульманскихъ учебныхъ руководствъ, а главное—очень большой осмотрительности и педагогическаго такта, такъ какъ представители мусульманской науки пользуются среди населенія и учащихся авторитетомъ и къ интересамъ своей односторонней и мудреной науки относятся съ неподдѣльнымъ чувствомъ искренности, граничащей съ фанатизмомъ. ..

Начинаемъ изложеніе съ Мекки—колыбези ислама, до сихъ поръ привлекающей къ себѣ сердца мусульманъ всѣхъ странъ свѣта (хаджъ).

Мадрасы и наука въ Меккѣ.

Голландскій ученый арабистъ Снукъ Хургронье, проживавшій въ Меккѣ въ 1884—1885 г.г. подъ видомъ мусульманскаго паломника и подробно изучившій духовную жизнь этого города вообще и учебное дѣло въ частности, въ своей замѣчательной книгѣ „Мекка“ упоминаетъ, на основаніи свидѣтельства Кутбуддина, что наиболѣе замѣчательными мадрасами этого города считаются:

1) Мадраса, устроенная служителемъ халифа Мустансира въ 1233 г. около „воротъ мира“ и имѣющая драгоцѣнную библіотеку;

2) Мадраса, построенная въ 1477 г. на средства султана Каитбея, около тѣхъ же воротъ, съ прекрасною аудиторіей и библіотекой и съ 72 комнатами для учащихся;

3) Мадраса султана Сулеймана, начатая постройкой въ 1565 г.

Кромѣ этихъ главныхъ высшихъ школъ, въ Меккѣ есть еще нѣсколько второстепенныхъ, основанныхъ египетскими и индійскими князьями и богатыми паломниками. Содержаніе учащихъ и учащихся въ этихъ школахъ обезпечивалось *вакуфами* (завѣщанными имуществами), при чемъ учредители вакуфовъ требовали отъ учащихъ и учащихся, кромѣ занятій науками, поминальныхъ чтеній Корана въ опредѣленное время года—для спасенія души вакуфодателя; но вслѣдствіе недобросовѣстнаго управленія завѣщанными имуществами, доходы съ нихъ расхищались и стипендіи учащихся или совсѣмъ прекращались, или уменьшались, самое зданіе мадрасы не ремонтировалось и ветшало.... Такъ какъ одно даровое помѣщеніе въ кельяхъ мадрасы, безъ отпусковъ на содержаніе, не могло удерживать при школѣ учащихъ и учащихся,—то и мадраса пустовала. Завѣдующіе вакуфами, при отсутствіи правительственнаго контроля, не смущались такимъ положеніемъ дѣла: они или сами устраивались въ пустующихъ кельяхъ, или сдавали ихъ въ наемъ богатымъ мѣстнымъ жителямъ и знатнымъ паломникамъ. Заслуживаетъ упоминанія при этомъ, что Кутбуддинъ,

самъ преподававшій въ мадрасѣ Сулеймана, неоднократно жаловался, что вакуфы переходили въ руки „обжоръ“, т. е. лицъ злоупотреблявшихъ своею властью при управленіи ввѣренными имъ имуществами [1]). Иногда богатый обитатель лучшихъ помѣщеній, оставленныхъ учащимися мадрасы, прилагалъ стараніе, изъ уваженія къ памяти учредителя школы, къ тому, чтобы въ залѣ, назначенномъ для лекцій, хоть разъ въ недѣлю собирались учащіеся на лекціи. Вообще же, по словамъ Хургронье, мадрасы Мекки въ его время оставались при одномъ названіи, а учебныя занятія происходили въ мечети, при чемъ содержаніе учащихся поддерживалось разными способами: подарками со стороны состоятельныхъ учениковъ и частныхъ почитателей, исполненіемъ секретарскихъ обязанностей при судьяхъ, веденіемъ личныхъ торговыхъ дѣлъ и выдачами изъ пожертвованій (садака), дѣлаемыхъ паломниками спеціально въ пользу „ученыхъ священной мечети“ въ Меккѣ (Кааба).

Подъ сводами галлереи, окружающей со всѣхъ сторонъ Каабу, учащіеся, послѣ богослуженія, слушаютъ лекціи профессоровъ. Для устраненія столкновеній ученые профессора, читающіе свои курсы въ галлереяхъ Каабы, составляютъ своего рода цехъ, подъ управленіемъ особаго старшины, называемаго „Шейхуль-улема“. Онъ принимаетъ и распредѣляетъ пожертвованія въ пользу ученыхъ, при чемъ руководствуется патріархальнымъ убѣжденіемъ, что отецъ лучше другихъ знаетъ потребности своихъ сыновей; онъ же распредѣляетъ постоянные оклады между преподавателями, при замѣщеніи вакантныхъ должностей... И несмотря на такую зависимость отъ „усмотрѣнія“ Шейхуль улема, многіе ученые довольствуются однимъ разрѣшеніемъ читать свой курсъ въ галлереяхъ Каабы и считаются кандидатами на оплачиваемыя преподавательскія мѣста. Но предварительно такой кандидатъ долженъ выдержать установленное испытаніе, послѣ котораго экзаменовавшійся получаетъ должность профессора. Экзаменъ производится шейхомъ, или его уполномоченнымъ, въ присутствіи нѣсколькихъ профессоровъ и публики, и состоитъ въ объясненіи начинательной молитвенной формулы (басмала) [2]), при чемъ экзаменующійся долженъ обнаружить основательныя грамматическія, логическія, богословскія и юридическія познанія. Испытаніе оканчивается общей молитвой за экзаменовавшагося, который предлагаетъ потомъ всѣмъ присутствовавшимъ на экзаменѣ кофе, а при наличности у него денежныхъ средствъ устраиваетъ для своихъ сослуживцевъ обѣдъ. Затѣмъ новый

---

[1]) То же наблюдается и въ Туркестанскомъ краѣ. См. ниже.

[2]) Такъ какъ экзаменующійся приступаетъ къ новой дѣятельности, а всякое дѣло начинается произношеніемъ словъ „Во имя Бога Милостиваго, Милосерднаго“, которыми начинается каждая глава Корана, кромѣ девятой, то и въ данномъ случаѣ отъ экзаменующагося требуютъ объясненія этой молитвенной формулы.

профессоръ приступаетъ къ своимъ занятіямъ, сообразуясь съ установившимися въ Меккѣ порядками, свято наблюдаемыми всѣми профессорами и поддерживаемыми авторитетомъ власти.

Обыкновенно въ преподаваніи разныхъ наукъ участвуютъ нѣсколько профессоровъ, которые имѣютъ для своихъ лекцій опредѣленное мѣсто и время. Дворъ священной мечети настолько обширенъ, что въ разныхъ частяхъ его въ утренніе часы могутъ одновременно нѣсколько лицъ читать свои курсы, пока солнце еще не поднялось высоко и не очень грѣетъ; когда же солнечный зной усилится, тогда учащій и учащіеся переходятъ подъ обширные портики мечети. Только въ періодъ дождей преподаваніе подъ открытымъ небомъ пріостанавливается впредь до постоянной ясной погоды. Но вообще въ Меккѣ поддерживается благочестивая увѣренность въ особомъ благоволеніи Божіемъ къ учащимъ и учащимся вблизи священной для всего мусульманскаго міра мечети (Каабы).

Кааба съ окружающими ее галлереями.

Такимъ образомъ дворъ и галлереи, окружающія Каабу, служатъ мѣстомъ не только для молящихся, но и для учащихся и учащихъ.

О распорядкѣ учебныхъ часовъ тотъ-же Снукъ Хургронье разсказываетъ, что въ Меккѣ издавна существуетъ обычай, чтобы лекціи вокругъ Каабы, на дворѣ и подъ портиками, начинались непосредственно послѣ каждой изъ пяти обязательныхъ молитвъ[1]). Такъ какъ въ эти часы помѣщеніе мечети занято главнымъ образомъ профессорами и ихъ слушателями то появленіе среди нихъ какого-нибудь посторонняго кружка противорѣчило бы всѣмъ правиламъ приличія. Въ случаѣ нарушенія этого обычая, старшина ученыхъ обратился бы за помощью къ полиціи мечети, состоящей изъ евнуховъ, или же къ правительству [2]). Только послѣ вечерняго салата на постороннихъ преподавателей смотрятъ снисходительнѣе [3]), такъ какъ въ эти часы читаютъ немногіе профессора. Послѣ вечерней молитвы (ыша) преподаютъ здѣсь и другіе ученые, которые въ другіе часы читаютъ только у себя на дому; иногда же здѣсь происходятъ упражненія въ чтеніи молодыхъ людей, подъ руководствомъ болѣе свѣдущаго товарища; или обучающіеся вмѣстѣ читаютъ извѣстный отрывокъ, который имъ на другой день объясняетъ учитель.

Кто начинаетъ читать немедленно послѣ первой утренней молитвы (субхъ), тотъ можетъ спокойно сидѣть во дворѣ мечети. Только послѣ первыхъ (одного или двухъ) часовъ преподаванія лучи солнца начинаютъ проникать изъ-за восточной стороны крыши; но многіе въ первомъ часу послѣ утренней молитвы еще заняты другими дѣлами и потому открываютъ свои чтенія уже подъ крышей портиковъ. Итакъ, при первомъ посѣщеніи мечети, въ обоихъ помѣщеніяхъ ея встрѣча-

---

[1]) Общія молитвы мусульманъ по-арабски называются *салатъ*, а по персидски *намазъ*. Послѣднее названіе употребительно въ Туркестанѣ.

[2]) Однажды среди профессоровъ появился на вечернихъ курсахъ образованный молодой человѣкъ, но домашней подготовки, и вызвалъ негодованіе противъ себя: въ него бросали камнями съ крыши мечети. Но молодой ученый вытерпѣлъ всѣ нападки и своимъ толковымъ и изящнымъ способомъ изложенія и изящными манерами заставилъ замолчать завистниковъ, расположивъ къ себѣ безпристрастныхъ слушателей.

[3]) Этимъ обычаемъ особенно пользуются турки, живущіе постоянно въ Меккѣ. Это—ученые самаго низкаго разбора, какъ говоритъ Хургронье, такъ какъ они не стыдятся получать деньги за свои чтенія. Когда въ іюлѣ 1885 г. они впервые стали появляться по пятницамъ для занятій съ прибывшими въ Мекку паломниками, одинъ меккапецъ, указывая на нихъ пальцемъ, сказалъ г-ну Хургронье: „вотъ приходятъ лягушки“... и въ объясненіе своей насмѣшки прибавилъ: „лягушки всегда появляются послѣ дождя“, т. е. въ данномъ случаѣ—послѣ дождя паломниковъ... При этомъ онъ подчеркнулъ пользу, какую извлекаютъ такіе преподаватели изъ своихъ занятій съ пришельцами.

ются собранія любознательныхъ слушателей. За нѣсколько минутъ до начала лекціи (дарсъ), слуга или приближенный ученикъ мударриса кладетъ подушку послѣдняго на обыкновенное мѣсто—на жесткіе камни двора или на мраморныя плиты портиковъ; подушка обращается передней стороной къ Каабѣ, такъ какъ профессора соблюдаютъ это правило такъ же строго, какъ всѣ мусульмане при молитвѣ

Число слушателей науки въ Меккѣ не столь велико, чтобы вызвать недоразумѣнія между учеными при выборѣ мѣста· каждый находитъ себѣ мѣсто, которое соотвѣтствуетъ его справедливымъ требованіямъ, и сохраняетъ его на весь годъ, иногда на всю жизнь. Если бы все-таки произошелъ споръ между преподавателями изъ-за мѣстъ, то шейхъ улемовъ обязанъ устранить возникшее недоразумѣніе. Вокругъ подушки преподавателя прибывающіе одинъ за другимъ ученики образуютъ правильный кругъ, площадь котораго увеличивается и уменьшается сообразно ихъ числу. Если слушатели извѣстнаго профессора всегда одни и тѣ же, то каждый имѣетъ свое постоянное мѣсто; въ кружкахъ съ перемѣнными слушателями не слѣдятъ слишкомъ строго за мѣстами, такъ какъ составъ слушателей, вслѣдствіе большого числа иностранцевъ въ городѣ, постоянно мѣняется.

Каждый студентъ носитъ съ собой на плечѣ свой „молитвенный коврикъ“ (саджала) и, прежде чѣмъ сѣсть, кладетъ его передъ собой въ направленіи отъ края круга къ центру. Чтобы учитель къ возможно меньшему числу слушателей сидѣлъ спиной и чтобы сидящіе сзади него могли ясно слышать его голосъ, подушка учителя лежитъ гораздо ближе къ сидящимъ за спиной учителя, чѣмъ къ тѣмъ, которые сидятъ спиной къ Каабѣ и лицомъ къ учителю. Нѣсколько мѣстъ за подушкой преподавателя остаются незанятыми, чтобы онъ предъ началомъ лекціи могъ войти въ кругъ.

Сидя на задней половинѣ своего коврика, ученикъ имѣетъ предъ собой достаточно мѣста для мѣдной чернильницы, одна сторона которой удлинена, такъ что получается вмѣстилище для пера и перочиннаго ножика, и для тетради, заключающей въ себѣ нѣсколько листовъ текста, составляющаго предметъ лекціи, и немного писчей бумаги [1]) Нѣкоторые профессора, по древнему обычаю, назначаютъ одного изъ старшихъ учениковъ репетиторомъ [2]), а нѣкоторые имѣютъ при себѣ особыхъ (довольно безполезныхъ) ассистентовъ, которые сидятъ прямо противъ профессора и передъ началомъ новой лекціи прочитываютъ конецъ предыдущей. Нѣкоторые учителя начинаютъ новую лекцію крат-

---

[1]) Это—прототипъ не только среднеазіатскаго калямдана, но пожалуй отчасти и европейскаго пенала.

[2]) Мукарриръ. Число ихъ при мадрасахъ строго не опредѣлено

кимъ восхваленіемъ, въ риѳмованной прозѣ, предмета лекціи, подобно этому и репетиторъ начинаетъ повтореніе конца послѣдней лекціи тѣми же фразами.

Возрастъ учащихся въ меккскихъ мадрасахъ очень разнообразенъ, такъ что въ кругу слушателей одного преподавателя можно встрѣтить мальчиковъ, юношей, возрастныхъ мужчинъ и сѣдыхъ стариковъ. Старшіе ученики (старцы), хотя давно уже усвоили преподаваемый курсъ, но, изъ почтенія къ своему учителю, слушаютъ его лекцію, если сами не заняты преподаваніемъ. Другіе взрослые слушатели пополняютъ пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, которыми они не могли запастись въ болѣе молодые годы. При такомъ разнообразіи побужденій къ образованію и различіи въ подготовкѣ, и результаты образованія бываютъ не одинаковы, а иногда очень незначительны Нѣкоторые слушатели довольствуются увѣренностью въ полученіи Божія благословенія за свое усердіе въ посѣщеніи лекцій, хотя бы смыслъ этихъ лекцій былъ имъ не доступенъ.

Дѣйствительные ученики (юноши и пожилые) слушаютъ лекціи съ серьезною цѣлью—изучить науку и сдѣлать потомъ ученую карьеру, къ чему природные мекканцы не всегда обнаруживаютъ склонность. Большею частью серьезнымъ отношеніемъ къ образованію отличаются иностранцы, которымъ приходится преодолѣвать большія трудности, чтобы прежде всего овладѣть арабскимъ языкомъ, на которомъ идетъ преподаваніе. Мекканскіе ученые, представители мусульманской науки, вопреки европейской педагогіи, не обращаютъ никакого вниманія на природный языкъ иностранныхъ своихъ слушателей, и послѣдніе, вынужденные освоиться съ языкомъ своихъ преподавателей, не только вполнѣ достигаютъ своей цѣли, но нерѣдко не уступаютъ природнымъ мекканцамъ въ знаніи арабскаго языка [1]).

Мекканскіе профессора придерживаются публичнаго преподаванія, и каждый желающій учиться можетъ безпрепятственно ихъ слушать. Хургронье рисуетъ при этомъ такую картину: кто изъ любопытства хочетъ послушать какого-нибудь профессора, тотъ садится позади круга его постоянныхъ слушателей; кто думаетъ уйти до окончанія лекціи, тотъ садится за спиной профессора; кто же хочетъ вступить въ число постоянныхъ его слушателей, тотъ садится между двумя своими знакомыми, или спеціально знакомится съ этой цѣлью съ сосѣдями по мѣсту. Тогда кругъ постоянныхъ слушателей профессора не много раздвигается и, если новый слушатель уже нѣсколько разъ

---

[1]) Среди мусульманскихъ ученыхъ прежняго времени извѣстны, какъ большіе знатоки арабскаго языка и мусульманскаго законовѣдѣнія, уроженцы Средней Азіи, для которыхъ арабскій языкъ не былъ природнымъ.

присутствовалъ на лекціи, то профессоръ, при прощаніи съ своими постоянными слушателями, обращается и къ новому слушателю съ нѣсколькими словами. Новый слушатель можетъ и самъ заранѣе навѣстить профессора, чтобы посовѣтоваться съ нимъ относительно занятій. Но обычая записываться на лекціи къ извѣстному профессору въ Меккѣ нѣтъ.

Главнѣвшимъ предметомъ изученія въ мекканскихъ школьныхъ кругахъ служитъ законовѣдѣніе (*фикъ*), которое излагается по общепринятому руководству съ соотвѣтствующимъ комментаріемъ. Чаще всего „скромные“ преподаватели ограничиваются простымъ чтеніемъ готоваго текста и разъясненіемъ трудныхъ мѣстъ его. Болѣе свѣдущіе преподаватели сопровождаютъ чтеніе принятаго текста устными разъясненіями, заимствованными изъ сочиненій лучшихъ мусульманскихъ законовѣдовъ. Наконецъ, немногіе преподаватели рѣшаются составлять свои компиляціи по преподаваемому курсу. Самый распространенный способъ преподаванія состоитъ въ простомъ чтеніи текста и устныхъ объясненіяхъ изучаемато руководства по законовѣдѣнію.

Каждый профессоръ торжественно начинаетъ свои лекціи призваніемъ имени Божія Такъ, многіе прежде всего произносятъ изреченіе: „Ищу убѣжища у Бога отъ сатаны, побитаго камнями“, а затѣмъ—общую молитвенную формулу: „Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго“ и потомъ—хвалу Богу и пророку, какъ это обыкновенно печатается и пишется въ мусульманскихъ книгахъ. Послѣ такого начала, профессоръ дѣлаетъ простой переходъ къ продолженію своей лекціи, словами: „сочинитель объясняемой нами книги говоритъ“ [1])—... и при этомъ медленно читаетъ слова текста, составляющаго продолженіе текста, объясненнаго на предыдущей лекціи, и объясняетъ сначала буквальный смыслъ прочитаннаго, при чемъ обращаетъ вниманіе на грамматическія особенности, а затѣмъ дѣлаетъ соотвѣтственныя поясненія текста и ссылки на извѣстные авторитеты науки [2]). Обыкновенно каждый профессоръ читаетъ не болѣе двухъ часовъ кряду и въ заключеніе закрываетъ объясняемую книгу и шопотомъ произноситъ молитву. Слушатели слѣдуютъ его примѣру, а когда профессоръ проведетъ слегка руками по своему лицу, младшіе слушатели встаютъ

---

[1]) Нѣкоторые профессора придерживаются еще обычая восхвалять въ риѳмованной прозѣ подлежащій обсужденію предметъ, а ассистентъ прочитываетъ конецъ предыдущаго отрывка.

[2]) Въ прежніе годы, когда печатаніе книгъ не было распространено, профессора диктовали слушателямъ свои объясненія, а теперь студенты пользуются печатными книгами и только выдающіяся замѣчанія и разъясненія профессора записываютъ для себя или на поляхъ книги, или на особыхъ лоскуткахъ, которые потомъ вкладываются въ книгу въ соотвѣтственномъ мѣстѣ.

одинъ за другимъ со своихъ мѣстъ и, подходя къ продолжающему еще сидѣть учителю съ правой стороны, преклоняютъ предъ нимъ колѣна и цѣлуютъ на прощанье его руку; когда же встанутъ со своихъ мѣстъ старшіе слушатели, тогда встаетъ и профессоръ, считая высокомѣрнымъ для себя принять ихъ поцѣлуй сидя; наконецъ, наиболѣе успѣвающихъ слушателей профессоръ самъ цѣлуетъ въ лобъ и отнимаетъ у нихъ свою руку, какъ бы признавая ихъ равными себѣ. Вновь прибывшихъ слушателей онъ привѣтствуетъ словами: „Да послужитъ ученіе вамъ на пользу, если угодно Богу“, а удостоившіеся такого обращенія отвѣчаютъ ему почтительной фразой.

По окончаніи утреннихъ лекцій наступаетъ перерывъ въ чтеніи обязательныхъ курсовъ до полуденной молитвы.... Этимъ временемъ пользуются нѣкоторые профессора, читающіе для желающихъ о преданіяхъ и основахъ законовѣдѣнія, по предварительному соглашенію съ своими слушателями, которые уже не имѣютъ права безъ уважительной причины отсутствовать на такихъ лекціяхъ.

Послѣ полуденной молитвы читаются лекціи по вспомогательнымъ наукамъ (грамматика, стилистика, поэтика и логика) и по догматическому богословію. Учебныхъ руководствъ по догматикѣ [1]) много.... Наиболѣе извѣстныя изъ нихъ читаются и объясняются на курсахъ; но въ этихъ руководствахъ нѣтъ ни строгой системы, ни надлежащей обработки содержанія науки. „Богословіе, по словамъ Газзали, составляетъ лѣкарство для души, а такъ какъ души не заболѣваютъ по опредѣленной системѣ и такъ какъ еретическія ученія не имѣютъ цѣлью правильное развитіе истины, то правовѣрной догматикѣ остается только отражать одинъ ударъ за другимъ... Однако очень немногіе современные мусульманскіе богословы ясно представляютъ себѣ сущность еретическихъ ученій и ограничиваются только презрительной улыбкой, когда рѣчь заходитъ о человѣческомъ разумѣ, какъ мѣрилѣ истины Студенты ограничиваются усвоеніемъ „аттрибутовъ Аллаха“, выслушиваютъ и прочитываютъ толкованія, касающіяся этого вопроса, и остаются при убѣжденіи, что они коснулись только поверхности этого „моря тайнъ“ и кто дерзнулъ бы проникнуть въ его глубину!... Гораздо съ большимъ оживленіемъ трактуется на лекціяхъ догматъ о предопредѣленіи, глубоко проникшій въ сердца и жизнь слушателей. Спорами о безгрѣшности пророковъ слушатели интересуются меньше, такъ какъ привыкли съ раннихъ лѣтъ прославлять своего пророка въ ежедневныхъ молитвахъ и въ учебныхъ книгахъ, какъ послѣдняго и

---

[1]) Мусульманской догматикѣ придалъ впервые окончательную форму въ общихъ чертахъ ученый Аш'ари (ум. въ 945 г. по Р. Хр.), а творцомъ первой православной христіанской догматики былъ св. Іоаннъ Дамаскинъ (ум въ 777 г. по Р. Хр.)

совершеннѣйшаго пророка. Христіанство и іудейство они считаютъ мало отличающимися отъ древне-арабскаго невѣрія и хотя то и другое признаются въ Коранѣ откровеніемъ Божіимъ, но считаются отмѣненными, пот. что по ученію Корана, книги христіанъ и іудеевъ подверглись порчѣ. Словомъ, благочестивое настроеніе слушателей мусульманскаго богословія сводится къ убѣжденію, что только исламъ—*истина*, а все остальное—*ложь*. Представленія ихъ о загробной жизни мало разнятся отъ вѣрованій толпы, но отличаются большею систематичностью, и любознательные студенты склонны задумываться надъ вопросомъ о времени кончины міра и усматриваютъ признаки этого времени въ разныхъ современныхъ политическихъ осложненіяхъ. Во время происходившаго въ 80-хъ г.г. XIX ст. Суданскаго возстанія почти всѣ студенты съ радостью ожидали, когда Махдій, разбивъ окончательно англичанъ, придетъ въ Мекку [1])... Относительно признаковъ всеобщаго воскресенія и страшнаго суда даже знаменитые ученые богословы придерживаются буквальнаго смысла общемусульманскихъ представленій, такъ что лекціи профессоровъ по догматическому богословію обогащаютъ, по словамъ Хургронье, умы студентовъ дикими, не эстетичными картинами фантазіи или, по крайней мѣрѣ, увеличиваютъ вѣру въ ихъ реальность. Самымъ же главнымъ практическимъ примѣненіемъ ученія о загробной жизни служитъ увѣренность, что каждый мусульманинъ, сколько бы грѣшенъ ни былъ, достигнетъ, по милосердію Аллаха, за свою вѣру райскаго блаженства, тогда какъ двери райскихъ садовъ навсегда закрыты для всѣхъ немусульманъ. (Это характерно).

Послѣ того, какъ полуденный жаръ спадетъ, т. е. послѣ 4-хъ часовъ, когда совершенъ салатъ *аср*ъ, профессора снова приступаютъ къ чтенію лекцій, и большинство студентовъ слушаютъ тогда законовѣдѣніе. Въ это время выступаютъ на каѳедрѣ и молодые профессора, которые утромъ сами сидѣли въ числѣ слушателей наиболѣе извѣстныхъ шейховъ. Другіе авторитетные мударрисы читаютъ лекціи по вспомогательнымъ предметамъ или по экзегетикѣ Корана, объясняя наиболѣе извѣстныхъ толковниковъ (Бейдавія, обоихъ Джалалей и др.) При этомъ объясненія выбираются изъ разныхъ авторовъ, и съ этою цѣлію сочиненія ихъ приносятся на лекціи. Слушателями такихъ чтеній являются лица, непремѣнно продекламировавшія нѣсколько разъ весь Коранъ по всѣмъ правиламъ искусства чтенія этой книги (*таджвидъ*), а многіе изъ нихъ знаютъ притомъ весь священный текстъ наизусть. Несмотря на это Коранъ даже для знатоковъ его текста остается „книгой съ семью печатями“, пока они не изучатъ высокой науки толко-

---

[1]) О суданскомъ возстаніи можно читать въ моей книгѣ: „Историческое и современное значеніе христіанскаго миссіонерства среди мусульманъ“ (Казань, 1894). Гл. III.

ванія (*тафсиръ*), или пока болѣе ученые друзья не объяснятъ имъ отдѣльныхъ мѣстъ этой книги. Можно изъ этого понять, что „наука толкованія Корана“ въ глазахъ мусульманскихъ ученыхъ является существенно необходимымъ условіемъ ихъ богословскаго образованія, а съ другой стороны „наука правильнаго чтенія Корана“ придаетъ самому процессу чтенія св. книги особенное „душеспасительное“ значеніе, отодвигающее на второй планъ пониманіе читаемаго текста: при чтеніи Корана измѣняются выраженіе лица и голосъ читающаго, и своеобразная музыка чтенія на распѣвъ съ благоговѣйнымъ наклоненіемъ головы можетъ производить впечатлѣніе и на слушателя, не вполнѣ или даже совсѣмъ не понимающаго того, что читается 1).

Послѣ солнечнаго заката ученые профессора читаютъ еще одну лекцію по законовѣдѣнію, и ихъ слушаютъ уже при свѣчахъ: каждый слушатель приноситъ на эту лекцію свой фонарикъ съ восковой свѣчкой, а около подушекъ профессоровъ ихъ слуги зажигаютъ большіе фонари, такъ какъ лампы, зажженныя въ портикахъ мечети, даютъ мало свѣта. Эта вечерняя лекція, продолжающаяся до послѣдней (пятой) молитвы, является также послѣднею. Послѣ этой молитвы, профессора и ихъ слушатели расходятся; только усердствующіе и мало успѣвающіе студенты занимаются еще нѣкоторое время съ молодыми доцентами и репетиторами.

Описанный порядокъ ежедневныхъ научныхъ занятій въ Меккѣ нѣсколько измѣняется по пятницамъ и вторникамъ: въ пятницу установленныхъ лекцій не бываетъ до полудня 2), такъ какъ въ этотъ день утро должно быть посвящено чтенію Корана и молитвѣ, а во вторникъ лекціи не составляютъ продолженія занятій предыдущихъ, и слушателей бываетъ немного. На этихъ лекціяхъ можетъ преподаваться также и ариѳметика и мистика (тасаввуфъ). Лекціи по мистикѣ посѣщаются большею частью пожилыми людьми, или студентами, хорошо подготовленными къ слушанію этой спеціальной (созерцательной) дисциплины 3).

---

1) Это психологическое состояніе можно понять при сопоставленіи его съ особымъ настроеніемъ христіанъ, вызываемымъ у нихъ чтеніемъ 12-ти евангелій вечеромъ въ великій четвергъ.

2) Очень интересную особенность отмѣтилъ Хургронье въ учебномъ строѣ меккскаго преподаванія по пятницамъ въ его время (1884—5 г.): одинъ ученый богословъ читалъ по утрамъ лекціи дѣвушкамъ и женщинамъ изъ зажиточныхъ классовъ по законовѣдѣнію, вѣроученію и по общежитейскимъ приличіямъ (адабъ). Послѣдняя отрасль знанія (хорошій тонъ) цѣнится въ Азіи не менѣе, чѣмъ въ Европѣ.

3) Не распространяясь о мистическихъ упражненіяхъ (радѣнія—зикръ) и объ отношеніи къ нимъ разныхъ классовъ мусульманъ, замѣтимъ, что ученіе

Другія отступленія въ учебномъ порядкѣ находятся въ прямой связи съ мусульманскими праздниками и священными днями въ году. Такъ, напримѣръ, въ первые дни третьяго мѣсяца (Раби'уль-авваль), по вечерамъ, читается біографія Мохаммеда въ стихахъ или риѳмованной прозѣ; во второй половинѣ седьмаго мѣсяца (*Раджабъ*) назначается одна лекція для выясненія смысла такъ называемаго вознесенія Мохаммеда (*Ми'раджъ*) (воспом. въ 27-й день того мѣсяца), а 15-го числа 3-го мѣсяца (*Ша'банъ*) читается о Божіихъ опредѣленіяхъ относительно судьбы людей въ слѣдующемъ году. Съ наступленіемъ 9 го мѣсяца (*Рамазанъ*) учебный годъ считается законченнымъ: начинается тогда мѣсячный постъ, во время котораго усердные профессора читаютъ на зарѣ (послѣ первой молитвы) два часа о постѣ для желающихъ, или догматику, а потомъ ложатся спать. Послѣ вечерняго разговленія, въ случаѣ просьбы слушателей, нѣкоторые читаютъ одинъ часъ по какому-нибудь избранному предмету, но это не считается обязательнымъ Послѣ праздника разговленія, слѣдующаго за постомъ, въ Шаввалѣ (10-й мѣсяцъ) профессора открываютъ рядъ лекцій о паломничествѣ (хаджъ), чтобы подготовить начинающихъ уже стекаться въ Мекку изъ разныхъ странъ посѣтителей къ предстоящему богоугодному дѣлу. Эти лекціи иногда продолжаются и въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ (Дзу-ль-ка'да), но усилившійся наплывъ паломниковъ „кладетъ предѣлъ рвенію людей науки“, и возобновленіе правильнаго курса становится возможнымъ только съ наступленіемъ мѣсяца Мухаррама, которымъ начинается мусульманскій годъ.—Такимъ образомъ продолжительность учебныхъ занятій въ Меккѣ опредѣляется восемью мѣсяцами въ году; на одинъ мѣсяцъ поста и три мѣсяца систематическія занятія прерываются Но въ общемъ, по крайней мѣрѣ, для профессоровъ занятія продолжаются круглый годъ.

Что касается нравственныхъ обязательствъ, лежащихъ на профессорахъ въ связи съ ихъ положеніемъ въ обществѣ, то таковыя исчерпываются исключительно чтеніемъ лекцій, не менѣе одной, ежедневно. Но если какой-нибудь профессоръ по какимъ-либо причинамъ не будетъ читать лекцій, то подлежитъ суду общественнаго мнѣнія и только въ крайнемъ случаѣ (личная небрежность) получаетъ выговоръ

мистиковъ (суфизмъ) приходится по душѣ какъ необразованному классу, такъ и образованному: простые вѣрующіе получаютъ въ радѣніяхъ удовлетвореніе своего религіознаго чувства, а представители науки—успокоеніе своего религіознаго сознанія, тревожимаго постепенно возрастающимъ вліяніемъ невѣрныхъ и распространеніемъ ихъ культуры въ странахъ мусульманъ. Мистикъ вѣруетъ, что рано или поздно исламъ восторжествуетъ надъ невѣріемъ, представительницами котораго служатъ всѣ другія религіи и особенно европейская образованность.

отъ шейха ученыхъ Случается, что профессоръ долго болѣетъ, или отправится въ путешествіе, а шейхъ ученыхъ можетъ узнать о его отсутствіи только изъ случайнаго разговора со студентами, давно уже не слушающими лекцій у этого профессора.

Система надзора за профессорами вообще патріархальна, но за то и профессора не мѣшаются въ политику, которая, если угодно, тѣсно связана съ самою наукой: содѣйствуя укрѣпленію религіозно-политическихъ идеаловъ ислама, образованіе, получаемое именно въ этомъ центральномъ городѣ мусульманъ всего міра, въ этомъ Азіатскомъ Римѣ, поддерживаетъ въ студентахъ разныхъ странъ панисламскія идеи и надежды и ослабляетъ печальное сознаніе подданства невѣрнымъ въ тѣхъ, которые не имѣютъ счастія считать себя политически свободными. Мекка—духовный центръ міра, и самъ Богъ поразитъ молніей съ неба каждаго невѣрнаго, осмѣлившагося напасть на этотъ городъ. И справедливо замѣчаетъ Хургронье, что чтеніе въ Меккѣ главъ Корана о войнѣ съ невѣрными, о договорахъ съ ними и т. п. производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ какой-нибудь индійской мечети. А мы должны прибавить, что и на россійскихъ мусульманъ меккская наука не можетъ не производить своего впечатлѣнія...

Въ заключеніе приведемъ общій взглядъ Газзали на образованіе, даваемое мусульманскою наукой:

„Ищущіе знанія мусульманскіе студенты должны прежде всего овладѣть вспомогательными средствами для дальнѣйшаго занятія наукой, именно—грамматикой, поэтикой, риторикой и логикой и затѣмъ получаютъ достаточную порцію насущнаго духовнаго хлѣба—законовѣдѣнія, а также—догматики, какъ предохранительнаго лѣкарства отъ душевной болѣзни. Но чтобы то и другое принесло истинную пользу погружающимся въ море мудрости, имъ необходимо вступить въ мистическую связь съ самимъ Богомъ,—и тогда истинная цѣль знанія можетъ считаться вполнѣ достигнутой (Хургронье).

Мусульманская наука въ Азхарской мадрасѣ, въ Каирѣ.

Цитированный въ предыдущей главѣ голландскій арабистъ Снукъ Хургронье, подъ сильнымъ личнымъ впечатлѣніемъ отъ ученыхъ шейховъ Мекки, характеризовалъ этотъ городъ, какъ единственный въ своемъ родѣ центръ научной жизни для всего мусульманскаго міра. Но, повидимому, такая оцѣнка мусульманской образованности въ Меккѣ преувеличена и сложилась у Хургронье вслѣдствіе незнакомства его съ положеніемъ научнаго образованія мусульманъ въ Каирѣ и именно въ *Азхарской* мадрасѣ, такъ называемой по мечети, при которой она

состоитъ [1]) и названіе которой (въ переводѣ „свѣтозарная“) она, съ мусульманской точки зрѣнія, оправдываетъ. Проф. Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ А. Е Крымскій, на основаніи личнаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ науки въ этой мадрасѣ, далъ, совмѣстно съ Б. В. Миллеромъ, обстоятельное описаніе ея [2]), которое мы кратко передаемъ въ этой главѣ. Объ этой мадрасѣ они отзываются какъ „о всемірно-извѣстномъ высшемъ очагѣ образованія въ строго мусульманскомъ духѣ“, а о студентахъ ея (среди которыхъ бываютъ арабы, турки, индійцы, монголы, берберы, курды и др.) замѣчаютъ, что, по окончаніи своего образованія въ Азхарѣ, студенты расходятся по своимъ землямъ „полные мусульманскій гордости и вражды къ несхоластической наукѣ гяуровъ“. Въ виду этого, Азхарской мадрасѣ должно быть приписано не меньшее образовательное значеніе, чѣмъ мадрасамъ Мекки.

Исторію основанія этой мадрасы Б В. Миллеръ разсказываетъ такъ: одновременно съ заложеніемъ гор. Каира, полководцемъ халифа Абу-Тамима Маадъ-Моыззъ Лидинилляха,—Джаухаромъ, въ 970—972 гг. по Р. Хр., была построена и первая мечеть этого города, названная *Азхар'омъ*. Сынъ этого халифа, Азизъ-билляхъ перестроилъ эту мечеть и, желая сдѣлать Каиръ „жилищемъ наукъ и литературы“, какимъ былъ ранѣе Багдадъ, пригласилъ въ этотъ городъ изъ разныхъ мѣстъ многихъ законовѣдовъ въ 989 г. и назначилъ имъ содержаніе. Онъ приказалъ купить для нихъ землю и выстроилъ рядомъ съ мечетью домъ. По пятницамъ ученые законовѣды собирались въ мечеть и послѣ полуденной молитвы устраивали въ ней ученыя засѣданія. Всѣхъ ихъ было 35 человѣкъ. Ежегодно они получали отъ визиря въ подарокъ по мантіи, а по окончаніи поста-рамазана самъ халифъ осыпалъ ихъ своими милостями и возилъ на мулахъ. Такъ возникла школа Азхарская. Халифъ Хакимъ-би-амриллахъ завѣщалъ въ пользу мечети и школы земли и помѣстья, доходы съ которыхъ достигали 1067 червонцевъ. Это давало возможность содержать въ Азхарской школѣ большое число пріѣзжихъ студентовъ, которые изучали здѣсь законовѣдѣніе, пользуясь хорошею библіотекой. Слѣдующіе халифы покровительствовали наукѣ и поддерживали школу, оказывая вниманіе ученымъ. Но со вступленіемъ на египетскій престолъ въ 1171 г. по

---

[1]) Азхаръ или Аль-азхаръ на арабскомъ языкѣ означае ъ „свѣтозарную“ или „пресвѣтлую“ и служитъ напоминаніемъ о Фатимѣ, дочери Мухаммеда.

[2]) См. Древности восточныя. Труды восточной комиссіи Императорскаго Московскаго Университета. Томъ второй, выпускъ III. (Москва, 1903) Ст. „Всемусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ; его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность“ стр. 169—199).

Р. Хр. Салахеддина [1]), преподаваніе въ Азхарѣ было, по его повелѣнію, прекращено, и всѣ профессора и студенты разошлись по разнымъ мѣстамъ, такъ какъ они были не одного религіознаго толка съ халифомъ. Халифъ опасался ихъ, какъ приверженцевъ прежней (Фатимидской) династіи. Затѣмъ, въ 1267 г., при султанѣ Бейбарсѣ (изъ династіи Мамлюковъ) преподаваніе въ Азхарѣ было возобновлено, и мечеть заново отремонтирована, а при сынѣ его Береке-Ханѣ (1277—1279 гг.) высокообразованный визирь его Бельбекъ Хазандаръ построилъ особое большое помѣщеніе и собралъ многихъ ученыхъ законовѣдовъ для чтенія лекцій по законовѣдѣнію; семь профессоровъ онъ назначилъ для преподаванія Корана и особыхъ профессоровъ для преподаванія догматики и науки преданій. На содержаніе ученыхъ онъ учредилъ богатые вакуфы, и тогда снова стали стекаться въ Азхаръ иностранные „искатели знанія“ и снова мусульманская наука ожила и стала процвѣтать въ Каирѣ. Послѣ землетрясенія, разрушившаго въ 1303 г. по Р. Хр. въ числѣ многихъ другихъ зданій и мечеть Азхаръ, послѣдняя была вновь перестроена въ 1361 г., при султанѣ Маликъ Насырѣ, при чемъ стѣны и кровли ея были старательно исправлены, устроена начальная школа при мечети и каѳедра для чтенія лекцій по ханифитскому праву. На расходы по содержанію мечети и упомянутыхъ учрежденій при ней были назначены значительные вакуфы. Послѣдующіе султаны продолжали улучшать внѣшній видъ мечети и увеличивали средства ея содержанія. Въ началѣ XV вѣка по Р. Хр. при Азхарѣ существовали отдѣльные корпуса съ галлереями, въ которыхъ находили постоянное пребываніе и содержаніе учащіеся персы, южные арабы, жители Нильской долины и мавры Въ мечети продолжало процвѣтать чтеніе Корана, изученіе законовѣдѣнія, преданій, толкованія Корана, арабской филологіи и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и средства содержанія мечети и занимающихся при ней науками; богатые люди жертвовали деньги, золото и серебро, а бѣдняки приносили отъ своего усердія хлѣбъ, разную пищу и сладости. Въ первой половинѣ XIX вѣка Мухаммедъ-Алій (1805—1848 гг.) оживилъ знанія и науку, а Хедивъ Аббасъ-Хыльми-паша приказалъ построить при мечети новую галлерею, которая была украшена изящною рѣзьбой и красивыми арабесками, что приводитъ въ восхищеніе каждаго посѣтителя.

Такимъ образомъ, въ теченіе вѣковъ Азхарская мечеть, много разъ подвергавшаяся перестройкамъ, получила постепенно современный видъ длиннаго, четырехугольнаго просторнаго зданія, съ большимъ дворомъ посрединѣ. Красивыя галлереи, поддерживаемыя столбами и

---

[1]) Сокращ. Саладинъ—изъ династіи Эюбидовъ.

арками, обращены внутрь двора, въ которомъ устроены три водоема для религіозныхъ омовеній учащихся, живущихъ въ боковыхъ зданіяхъ мечети. По угламъ этой обширной постройки возвышаются красивые минареты, а съ западной стороны устроенъ красивый входъ изъ двухъ арокъ, поддерживаемыхъ множествомъ колоннъ. Въ сѣверной колоннадѣ помѣщается книгохранилище (до 20-ти т сячъ томовъ) съ учебными пособіями и письменными принадлежностями. Трудно поддающаяся описанію по красотѣ архитектуры и узорамъ, мечеть съ 380 колоннами находится въ восточной части постройки и освѣщается 1.200 висящихъ лампъ. Въ настоящее время въ Аль-Азхарѣ насчитывается 26 галлерей и 15 отдѣльныхъ корпусовъ. Студентовъ въ 1873 г. было 9 441, а профессоровъ 314. Тѣ и другіе принадлежатъ къ четыремъ главнымъ религіознымъ толкамъ [1]); поэтому и начальники этого учебнаго заведенія (шейхуль-ислалъ) назначаются (по выбору?) изъ того или другого толка. На содержаніе Аль-Азхара въ 1873 г. было израсходовано изъ вакуфныхъ имуществъ 65.494 франка. Обстановка мадрасы, несмотря на ея выдающееся значеніе, такая же архаичная, какъ и въ другихъ мадрасахъ мусульманскаго міра. каѳедръ для профессоровъ и скамеекъ для студентовъ нѣтъ, тѣ и другіе располагаются прямо на полу, устланномъ цыновками; книги разбросаны по всѣмъ угламъ галлерей. Программа ученія также архаичная и строго консервативная, несмотря на существованіе въ Каирѣ другихъ учебныхъ заведеній европейскаго типа.

Центромъ учебныхъ и научныхъ занятій въ этой мадрасѣ служатъ схоластическое богословіе и законовѣдѣніе, а кромѣ того преподаются: арабская филологія, риторика философія и отчасти астрономія, математика, исторія и географія. Послѣдователи разныхъ религіозныхъ толковъ изучаютъ законовѣдѣніе подъ руководствомъ преподавателей своего толка и по руководствамъ своихъ ученыхъ.

Арабская филологія не только процвѣтаетъ въ Азхарѣ, но пользуется извѣстностью во всемъ мусульманскомъ мірѣ, какъ охранительница священнаго языка отъ иностранныхъ правительственныхъ вліяній послѣ Аббасидскихъ халифовъ, когда высшая власть переходила въ руки разныхъ не арабскихъ династій и когда, соотвѣтственно этому, государственнымъ языкомъ становился языкъ правящей династіи. Азхарская школа всегда была особенно на стражѣ отъ посягательствъ на арабскій языкъ со стороны чуждыхъ вліяній и служила какъ бы высокимъ маякомъ, распространявшимъ яркое сіяніе своего свѣта на другія страны мусульманскаго міра. Ученые шейхи мадрасы: Кафравій,

---

[1]) Ханифиты, шафіиты, маликиты и ханбалиты. Большинство учащихся—шафіиты, затѣмъ ханифиты; маликитовъ и ханбалитовъ—нѣсколько человѣкъ.

Хамдій, Халидъ, Абу-Наджа, Ашмуній, Саббанъ и другіе, особенно Шамсуддинъ Анбабій (ум въ 1895 г.), извѣстны своими выдающимися дарованіями и замѣчательными грамматическими трудами, изучаемыми въ мадрасахъ не одного Египта.—По теоріи краснорѣчія и стилистики азхарскіе шейхи, преимущественно персы, прославились менѣе, чѣмъ по арабской филологіи, но и въ этой области нѣкоторые изъ иихъ оставили замѣчательные труды. Таковы: Джалаледдинъ Ас-Соютій, Баннаній, Ахдарій, Басъюній и др.—Наконецъ, нѣкоторые азхарскіе шейхи (Хабисій, Ахдарій, Байджурій) занимались философіей, особенно логикой, и оставили замѣчательныя сочиненія по этимъ наукамъ. Астрономія, математика и медицина также изучались въ прежнее время въ Азхарской мадрасѣ, и нѣкоторые шейхи были извѣстны своими учеными трудами въ области этихъ наукъ, но въ настоящее время интересъ къ этимъ наукамъ ослабѣлъ, и проф Крымскій сомнѣвается въ ихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Современную систему научныхъ занятій въ Аль-азхарѣ проф. Крымскій представляетъ въ такомъ видѣ:

„Переступивши порогъ и пройдя нѣкоторое разстояніе до внутренняго двора, вы увидите огромное сборище дѣтей, юношей, людей зрѣлаго возраста и стариковъ, числомъ свыше 10.000 человѣкъ [1]), проживающихъ при этомъ знаменитомъ учрежденіи. Вы слышите сильный гулъ голосовъ; вслушиваясь въ рѣчь этихъ людей, вы улавливаете, къ какой народности они принадлежатъ. Изъ арабовъ тутъ есть и египтяне, и сирійцы, и жители Ирака, и еменцы; иные изъ нихъ пришли сюда изъ верхняго Египта, Нубіи, Судана, маврскаго Триполи, Алжира и Марокко. По временамъ вы слышите языки не арабскіе: персидскій, турецкій, индійскій и разные другіе, на которыхъ говорятъ мусульмане во всѣхъ предѣлахъ вселенной —Преобладающее большинство этихъ студентовъ изучаютъ ханифитское право; причина этого— ихъ стремленіе занять разныя судебныя должности, а мѣста муфтіевъ и кадіевъ предоставляются только ханифитамъ; въ прежнія времена большинство были шафіитами. Число послѣдователей ученія Ибнъ-Малика и имама Шафія теперь приблизительно одинаковое. Что касается ученія ханбалитскаго, то послѣдователей его немного.

„Всѣ эти студенты раздѣляются по народностямъ, и у каждой народности есть собственная галлерея, а при ней шейхъ, завѣдующій

---

[1]) Въ татарской (Крымской) газетѣ „Переводчикъ“ (№ 43 за 1901 г.) сообщалось, что въ этой мадрасѣ состоятъ 226 преподавателей, у которыхъ обучаются 8.573 студента, получающіе ежедневно по хлѣбу. Преобладающее число учащихъ и учащихся принадлежатъ къ шафійскому толку: 96 преподавателей, 3.876 студентовъ; ханбалитовъ: 3 преподавателя, 35 студентовъ. Ханифитскаго толка: 66 преподавателей, 2.632 студента; маликитскаго толка: 71 преподаватель, 2 030 студентовъ.

ея дѣлами и состоящій самъ подъ начальствомъ высшаго шейха мечети. Когда наступаетъ время лекцій, всѣ эти разноплеменные студенты смѣшиваются и раздѣляются по разнымъ курсамъ; можно видѣть, какъ они усаживаются разнообразными группами на полу, устланномъ циновками, окружая своего профессора, словно лунное сіяніе луну, и не переставая раскачиваться то впередъ, то назадъ, или налѣво и направо, внимательно прислушиваются къ словамъ преподавателя, чтобы они запечатлѣлись въ ихъ памяти А шейху-профессору нѣтъ дѣла до числа слушателей, много ли ихъ, или мало, приходятъ ли студенты, или уходятъ, учатся или не учатся, его ли слушаютъ, или другого шейха; все это для него безразлично онъ долженъ только читать лекціи въ извѣстные часы и больше ничего —Преподаваніе въ Азхарѣ не прекращается ни въ какіе дни недѣли, за исключеніемъ вечера четверга и цѣлой пятницы. Подобнымъ же образомъ нѣтъ ученія въ теченіе мѣсяца рамазана и приблизительно двухмѣсячныхъ лѣтнихъ каникулъ.

„Къ числу преимуществъ, которыми пользуются студенты, относится то, что они освобождаются отъ военной службы; это признано за ними самимъ правительствомъ съ цѣлью увеличенія числа учащихся и возбужденія ихъ рвенія къ научнымъ занятіямъ. Преподаваніе ведется не иначе какъ *безплатно*, расходы на вознагражденіе преподавателей покрываются изъ доходовъ съ вакуфовъ, прикрѣпленныхъ къ этой знаменитой мечети съ древнѣйшихъ временъ.

Науки, въ которыхъ совершенствуются студенты, мало чѣмъ отличаются отъ того, что проходилось въ прежніе вѣка. Первое, на что налегаетъ студентъ, это—изученіе *классическаго арабскаго языка*, со стороны этимологіи и синтаксиса; затѣмъ онъ изучаетъ науку краснорѣчія и стилистику, при чемъ обстоятельно занимается и *богословіемъ*. Богословіе же у нихъ заключается въ изученіи „тавхида“ (исповѣданіе единства), т. е. разсужденій о бытіи Божества и его свойствахъ далѣе, въ изученіи мусульманскаго законовѣдѣнія, въ толкованіи Корана и хадисовъ, т. е. преданій объ изреченіяхъ и поступкахъ Пророка.—Юриспруденція разбивается на два отдѣла: теорію (моамеле) и практику (ибаде). *Ибаде*—это ученіе о религіозныхъ обязанностяхъ, заключающихся въ молитвѣ, взносѣ десятины, постѣ и путешествіи въ Мекку. *Моамле*—это ученіе о сдѣлкахъ, т. е. изслѣдованіе юридическихъ нормъ ислама касательно, напримѣръ, купли-продажи, освобожденія рабовъ, заключенія брака, совершенія развода, и тому подобныхъ сдѣлокъ.

„Къ этимъ богословскимъ наукамъ присоединяется изложеніе принциповъ *логики* [1]), согласно системѣ сочиненій Аристотеля. Что

[1]) Мантыкъ.

касается астрономіи, то студенты получаютъ о ней лишь поверхностныя свѣдѣнія и не достигаютъ въ этой области тѣхъ успѣховъ, какихъ достигли ихъ предшественники, не говоря уже о томъ, что они не слѣдятъ за научными открытіями, сдѣланнымн въ этой отрасли въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ вплоть до настоящаго времени.

„Лѣтъ 6 тому назадъ расширена программа въ Азхарѣ, и увеличенъ объемъ свѣдѣній, даваемыхъ ею, къ ея наукамъ прибавлена *математика, исторія и географія*, однако студенты въ этихъ наукахъ не идутъ дальше *элементарныхъ свѣдѣній* и получаютъ знанія лишь очень поверхностныя.

„Если насъ спросятъ *о современномъ состояніи азхарскаго преподаванія*, сравнительно съ положеніемъ его въ прошедшіе вѣка, то мы, основываясь на словахъ нѣкоторыхъ шейховъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться и бесѣдовать по этому предмету, отвѣтимъ, что между настоящимъ и прошлымъ *есть огромная разница*. —„А причина этому“, говорилъ одинъ шейхъ, „заключается *въ ухудшеніи самого преподаванія и въ пренебреженіи студентовъ* къ занятіямъ наукой. Вѣдь ужъ нѣсколько лѣтъ начались новыя вѣянія, отрывающія студентовъ отъ пути истинной науки въ сторону житейскихъ благъ. Среди студентовъ встрѣчаются такіе, которые смотрятъ на науку, какъ на средство достичь высокихъ должностей и добиться богатства, и у нихъ уже нѣтъ ни выдержки, ни спокойствія душевнаго,—того, что само влекло бы ихъ къ пріобрѣтенію свѣдѣній и духовному совершенствованію“. Такъ говорилъ шейхъ. Мы отъ себя, въ дополненіе къ его словамъ, укажемъ еще на одну причину, а именно на слѣдующую. Въ Египтѣ съ прошлаго XIX вѣка стали развиваться науки и искусства, особенно въ Каирѣ. Въ немъ естественныя науки, новѣйшія изобрѣтенія, прикладныя знанія, пути сообщенія и перевозки стали на такую высоту, какую можно видѣть развѣ въ главныхъ городахъ Европы Египетское правительство постаралось ввести въ своихъ школахъ обязательное преподаваніе естественныхъ наукъ. Между тѣмъ азхарская медресе не измѣнила своего направленія; шейхи отказываются вводить какія-нибудь новшества въ свои научные методы, и выходящіе изъ нея студенты не могутъ стать наравнѣ съ воспитанниками правительственныхъ школъ, потому что свѣдѣнія ихъ въ вышеупомянутыхъ предметахъ очень скудны. Въ добавокъ къ этому, правительство устроило *особую* высшую школу въ подрывъ шейхамъ азхарскимъ, назвавъ ее „домомъ наукъ“ (*дар-эль-олюмъ*).

„Эта высше-образовательная свѣтская школа была основана въ 1872 году, по указу хедива Исмаила-Паши. Преподаваніе въ ней открылось въ 1873 г., и цѣль ея—подготовить учителей, которые могли бы преподавать въ среднихъ и начальныхъ школахъ по всѣмъ предметамъ

курса, не исключая языка турецкаго, языковъ европейскихъ и черченія. Въ 1888 году правительство пожелало было включить въ эту программу еще и подготовленіе нѣкоторыхъ студентовъ къ занятіямъ должностей кадіевъ и муфтіевъ, и въ этомъ направленіи были приняты министерствомъ народнаго просвѣщенія 10 го октября 1893 года новыя правила.—Вотъ текстъ двухъ §§ 18 го и 30-го

§ 18. Курсъ ученія для студентовъ, которые приготовляются для занятія должностей преподавательскихъ, четырехгодичный, а для тѣхъ, которые готовятся къ занятію должностей кадіевъ и муфтіевъ,— пяти лѣтній.

§ 30. Каждому студенту, окончившему четырехлѣтній курсъ, министерство выдаетъ свидѣтельство объ окончаніи, дающее ему право преподавать, а студентамъ, прошедшимъ пятилѣтній курсъ—другое свидѣтельство о томъ, что они подготовлены къ занятію должностей кадіевъ и муфтіевъ. Таковыя свидѣтельства выдаются студентамъ послѣ выдержанія ими экзаменовъ по всѣмъ предметамъ курса.

„Впрочемъ, когда эту мѣру пожелали примѣнить, то изъ студентовъ, окончившихъ свой курсъ въ 1893 году и удостоившихся свидѣтельства на право преподаванія, никто не пожелалъ остаться на 5-и годъ, кромѣ двухъ, и хотя эти оба получили дипломы съ правомъ на мѣста кадіевъ и муфтіевъ, правительство не согласилось принять ихъ на службу, иначе какъ при условіи, что они подвергнутся испытанію вмѣстѣ съ тѣми студентами Азхара, которые желаютъ получить тѣ же должности. Правительствомъ было выставлено на видъ, что для того множества студентовъ, которые поступаютъ въ Азхаръ, нѣтъ другихъ видовъ, какъ получить эти должности, тѣмъ болѣе, что общее количество должностей кадіевъ и муфтіевъ въ Египтѣ всего 147, тогда какъ число мѣстъ преподавателей языка арабскаго и прочихъ предметовъ, проходимыхъ въ школахъ казенныхъ и оффиціально признанныхъ частныхъ, доходитъ до 1700, согласно даннымъ 1893 года. И если расширить поле дѣятельности для лицъ, выходящихъ изъ этого высшаго учебнаго заведенія (дар эль-оляма), то не окажется соотвѣтственнаго возмѣщенія для тѣхъ тысячъ азхарцевъ, которые годны только для своей тѣсной спеціальности и которые, съ открытіемъ названной высшей школы, устранены отъ преподавательскихъ мѣстъ въ этихъ училищахъ. Вышеупомянутое обстоятельство и оказалось причиной того, что изъ студентовъ, подвергавшихся въ 1894 году экзамену на званіе класснаго преподавателя, никто не пожелалъ поступить на 5-й курсъ. Училище теперь не имѣетъ этого курса, и карьера учащихся ограничивается должностями преподавателей, каковой и была первоначальная цѣль заведенія; а чтобы имя школы соотвѣтствовало тому, что отъ нея требуется, и вполнѣ удовлетворяло стремленіямъ студентовъ,

школа была названа „*Арабскимъ учительскимъ институтомъ*“ (Кысмъ-аль моаллиминъ аль-араби). Число студентовъ въ 1899 году было 50, въ 1900—60. Предметы преподаванія слѣдующіе. толкованіе Корана, мусульманское законовѣдѣніе, науки словесныя, всеобщая исторія, географія, ариѳметика, геометрія, химія, физика и разныя вѣтви каллиграфіи (сольсъ, насхи, рокаа). Это училище оправдало надежды его основателя и на самомъ дѣлѣ оказалось полезнымъ во многихъ отношеніяхъ. Выходящіе изъ института студенты отличаются разнообразными и обширными знаніями и прекрасно преподаютъ не только въ правительственныхъ школахъ, но и въ другихъ. Многіе изъ нихъ постоянно остаются при училищѣ въ должности дѣятельныхъ преподавателей“ [1]).

Мадрасы въ Фецѣ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ Оранѣ (въ Алжирѣ), въ должности преподавателя арабскаго языка, жилъ M. G. Delphin, принимавшій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ личное участіе въ экзаменахъ туземцевъ на право занятія ими административныхъ должностей и основательно ознакомившійся съ дѣломъ преподаванія въ мадрасахъ Феца, особенно въ лучшей мадрасѣ „Карауэнъ“. Въ 1889 г. онъ издалъ весьма интересную для нашего вопроса книгу подъ заглавіемъ: „*Фецъ, его университетъ и высшее образованіе мусульманъ*“ [2]), въ которой приводитъ составленное по его просьбѣ туземнымъ преподавателемъ мусумьманскаго права и арабскаго языка Сиди-Мухаммедомъ Гаршауйскимъ подробное въ педагогическомъ и бытовомъ отношеніяхъ описаніе внутренней жизни мадрасы „Карауэнъ“. Сиди-Мухаммедъ воспитывался въ этой мадрасѣ и, на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, представляетъ внутренній строй высшихъ школъ Феца въ слѣдующемъ видѣ.

Учащіеся Феца, какъ мѣстные уроженцы, такъ и пришельцы изъ другихъ мѣстностей, поступая въ ту или другую мадрасу города [3]), сами избираютъ предметы изученія: одни желаютъ изучать риторику, діалектику, логику и словесность; другіе—грамматику или мусульманское право, третьи, уже подготовленные ранѣе, ограничиваются озна-

---

[1]) Древности восточныя. Труды восточной комиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей А. Е. Крымскаго Томъ второй Выпускъ III, стр. 184—188 (Москва, 1903).

[2]) Fas, son université et l'enseignement superieur musulman.

[3]) Въ Фецѣ 14 высшихъ школъ; въ нихъ учащихся не менѣе 2.200 человѣкъ (въ томъ числѣ иногородныхъ до 700 человѣкъ). Профессоровъ въ Фецѣ въ то время было не менѣе 40.

комленіемъ съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ сочиненіемъ того или другого мусульманскаго автора. Подобно этому, и преподаватели (мударрисъ) большею частью ограничиваютъ свое преподаваніе однимъ опредѣленнымъ предметомъ, рѣдко какой-нибудь мударрисъ читаетъ лекціи одновременно по двумъ предметамъ

Для поступленія въ „Карауэнскую мадрасу" молодые арабы должны предварительно пройти курсъ начальной школы (мактабъ) и, только выучивъ наизусть Коранъ и усвоивъ начатки арабской грамматики и риторики, могутъ являться на лекціи преподавателей названной мадрасы. Обыкновенно подготовка молодыхъ студентовъ бываетъ болѣе или менѣе удовлетворительна; но и слабымъ въ познаніяхъ помогаетъ Богъ „Онъ можетъ просвѣтить свѣтомъ разума, кого захочетъ",— прибавляетъ богобоязненный Сиди-Мухаммедъ

Уроженцы Феца, во время обученія въ мадрасѣ, живутъ у своихъ родителей, или въ мадрасѣ; иногородніе студенты, не имѣющіе родныхъ и знакомыхъ въ городѣ, помѣщаются въ мадрасѣ, нанимая для себя отдѣльную комнату, или же, при бѣдности, помѣщаются въ кельѣ другого студента Право пользоваться отдѣльной комнатой при мадрасѣ состоятельный учащійся пріобрѣтаетъ за деньги и сохраняетъ свое право на нее до совершеннаго оставленія мадрасы. Нѣкоторые бѣдняки находятъ безплатный пріютъ у благотворительныхъ жителей города, которые смотрятъ на свое благодѣяніе, какъ на дѣло Божіе и никогда не позволяютъ себѣ чѣмъ-нибудь стѣснять своего стипендіата,—даже изъ любопытства не предлагаютъ ему вопросовъ, касающихся его занятій въ мадрасѣ. По окончаніи курса, такой стипендіатъ рекомендуетъ своему благотворителю замѣстителя изъ бѣдныхъ товарищей, и рекомендованный бѣднякъ принимается въ домъ и пользуется всѣмъ тѣмъ, что получалъ его предшественникъ.

Что касается пропитанія живущихъ въ мадрасѣ, то мы можемъ только съ почтеннымъ удивленіемъ отмѣтить и въ этомъ случаѣ необыкновенную скромность и нетребовательность мусульманскаго студента. Не видя предъ собой никакой особой обстановки въ помѣщеніи, не дозволяя себѣ роскоши въ одеждѣ, студентъ Феца и аппетитъ свой ничѣмъ не балуетъ. Достаточно имѣть въ виду, что въ учебные дни онъ получаетъ на завтракъ небольшой хлѣбецъ, а по вторникамъ, когда лекцій не бываетъ, мадраса не выдаетъ ему и такого, болѣе чѣмъ скромнаго завтрака Ужинаетъ студентъ или у знакомыхъ въ городѣ, или же самъ приготовляетъ пищу себѣ въ своей кельѣ изъ припасовъ купленныхъ на базарѣ. Послѣ ужина студентъ никуда не можетъ отлучиться изъ мадрасы и ложится спать въ своей кельѣ.

Особаго надзора за поведеніемъ учащихся въ мадрасѣ нѣтъ. Только такъ называемые „чтецы Корана", которые получаютъ отъ

мечети за свое чтеніе вознагражденіе, обязаны присутствовать при богослуженіи и подлежатъ нѣкоторому надзору съ этой стороны; во всемъ же остальномъ поведеніи учащійся отвѣтственъ только предъ своею совѣстью. Никто не имѣетъ права контролировать поступки студентовъ и вмѣшиваться въ ихъ личныя дѣла Если юноша не учится, —тѣмъ хуже для него. Да нѣтъ и надобности напоминать учащимся о ихъ обязанностяхъ, такъ какъ всѣ они разсудительны, благочестивы, умны, честны и ведутъ себя прекрасно. Если порой который-либо изъ нихъ уклонится отъ своего долга, то братъ или другой родственникъ всегда образумитъ его и направитъ на добрый путь Къ тому же, имѣя всегда предъ глазами добрые примѣры прочихъ товарищей, избѣгающихъ удовольствій, прилежныхъ въ ученьѣ, онъ начинаетъ подражать имъ и въ свою очередь съ жаромъ отдается работѣ.

Но въ случаѣ, если между студентами оказывается сукъектъ, по волѣ Всевышняго одаренный извращенными инстинктами, одинъ изъ тѣхъ, кого не въ силахъ излѣчить никакой лѣкарь, никакое лѣкарство,—тогда всѣ товарищи сторонятся отъ него прочь; вокругъ него образуется пустота, и онъ ни въ комъ не находитъ себѣ друга

Короче сказать, студенты Феца имѣютъ надъ собою лишь два наблюдающихъ за ними ока глазъ профессора и глазъ Бога.

Что касается частнаго поведенія студентовъ и ихъ жизни внутри мадрасы, то администрація Феца не имѣетъ надъ ними ровно никакой власти. Къ ея помощи обращаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершится какое-либо преступленіе. Тогда увѣдомленный о происшествіи правитель Феца приглашаетъ кадія [1]) и передаетъ ему задержаннаго преступника. Кадій, разобравъ дѣло, постановляетъ рѣшеніе, и задержанный или подвергается взысканію, или же освобождается.

Точно также никто не вмѣшивается въ учебныя занятія студента. каждый студентъ самъ выбираетъ себѣ того или другого профессора, и никто не можетъ насильственно заставить студента перейти къ другому. При этомъ въ высшей степени замѣчательно, что въ учебныхъ занятіяхъ студенты не преслѣдуютъ корыстныхъ, или вообще практическихъ цѣлей, а учатся, чтобы получить познанія въ извѣстныхъ наукахъ. Въ своихъ занятіяхъ студенты никому отчета не даютъ, и никто за этимъ не слѣдитъ. „Нашъ законъ—говоритъ Сиди-Мухаммедъ—повелѣваетъ намъ изучать основы религіи и познавать возлагаемыя ею на насъ обязанности (молитва, постъ и проч.), ибо народъ взрослый и одаренный разумомъ человѣкъ долженъ выполнять, что требуется отъ него религіей; все же остальное для насъ, мусульманъ, равно ничтожно, а потому мы можемъ вполнѣ свободно предаваться

---

[1]) Кадій, казый—духовный судья по шаріату.

одной наукѣ и игнорировать другую. Если учащійся ищетъ познаній, чтобы извлекать изъ нихъ выгоду, онъ уже грѣшенъ, такъ какъ человѣкъ, повторяю, долженъ стремиться къ образованію единственно для того, чтобы выйти изъ мрака заблужденій, чтобы проникнуть на свѣтлое лоно истины и быть допущеннымъ возлежать за одной трапезой съ людьми науки". Въ подтвержденіе своего взгляда на науку, благочестивый профессоръ приводитъ два изреченія изъ Корана: „Скажи, знающіе и незнающіе равны ли одни другимъ?" (гл 39, ст. 12); „Боятся Бога только разумные (ученые) изъ рабовъ Его" (гл. 35, ст. 25) и тѣмъ показываетъ, что наука въ высшей мусульманской школѣ проникнута всецѣло религіознымъ духомъ и что значеніе мусульманской науки оцѣнивается только съ религіозной точки зрѣнія.

Согласно съ такимъ взглядомъ на науку, учебный день Карауэнскаго студента распредѣляется такимъ образомъ: рано утромъ (на зорѣ) студенты отправляются въ мечеть для совершенія первой обязательной для мусульманъ молитвы [1]) и потомъ уже идутъ въ мадрасу на лекціи; въ полдень они возвращаются въ свои кельи, или на квартиры и послѣ полуденной молитвы снова слушаютъ лекціи до 3-хъ или 4-хъ часовъ, смотря по времени года. Послѣ солнечнаго заката они совершаютъ вечернюю молитву и затѣмъ готовятъ уроки къ завтрашнему дню, или же присутствуютъ на дополнительныхъ курсахъ [2]), продолжающихся до 9—9½ часовъ вечера. И только тогда Карауэнскій студентъ освобождается отъ занятій, ужинаетъ и ложится спать.

Въ частности о ходѣ лекцій въ Карауэнской мадрасѣ Сиди Мухаммедъ говоритъ, что первая по времени лекція начинается между 2-мя и 5 ю часами по полуночи, смотря по времени года, и продолжается до восхода солнца. Свѣчи и лампы освѣщаютъ густую толпу „ищущихъ знанія", которые всѣ тѣснятся вокругъ единственнаго профессора [3]). Предметомъ его лекціи въ это время служитъ непремѣнно

---

[1]) Живущіе на частныхъ квартирахъ могутъ совершать молитву у себя въ комнатѣ. Молитвы предваряются омовеніемъ.

[2]) Иногда болѣе усердные студенты сообща изучаютъ какого-нибудь автора, не входящаго въ программу.

[3]) Если профессоръ принадлежитъ къ разряду первоклассныхъ, то онъ, во время лекціи, помѣщается на высокомъ креслѣ, въ извѣстной части мадрасы, назначенной для него при началѣ курса особо поставленнымъ лицомъ. Его чтецъ, то есть тотъ изъ слушателей, который въ продолженіе лекціи читаетъ вслухъ изучаемаго автора, стоитъ тутъ же, возлѣ кресла, напротивъ преподавателя. Остальные слушатели располагаются полукругомъ, справа и слѣва отъ преподавателя и никогда позади его Младшимъ профессорамъ стула не полагается; они сидятъ прямо на полу.

изложеніе комментаторовъ Корана не читается, такъ какъ Коранъ долженъ быть извѣстенъ слушателямъ еще до поступленія въ мадрасу; профессоръ сосредоточиваетъ все вниманіе слушателей на тѣхъ мѣстахъ священной книги, которымъ придали значеніе комментаторы. Слушатели съ напряженнымъ вниманіемъ, при глубокой тишинѣ, слѣдятъ за объясненіями профессора, и никто не смѣетъ прервать рѣчь его какимъ-либо вопросомъ. За необходимымъ разъясненіемъ непонятаго слушатели обращаются къ профессору только по окончаніи лекціи, когда онъ уже собирается уходить. Такой именно порядокъ и такое отношеніе къ профессору объясняется глубокимъ уваженіемъ, какое мусульманскіе студенты питаютъ къ своимъ профессорамъ.

Съ восходомъ солнца начинается вторая лекція. Теперь предъ слушателями являются одновременно девять или десять профессоровъ и занимаютъ свои мѣста: наиболѣе почетные садятся на высокихъ креслахъ, прочіе—на разостланныхъ для того коврахъ. Предметомъ чтенія на всѣхъ этихъ каѳедрахъ теперь служитъ *Пр·во* (*фикхъ*), въ догматической формѣ, безъ всякаго отношенія къ комментаторамъ.

Сказанная серія лекцій длится до 8-ми часовъ утра. Затѣмъ профессора удаляются, а вмѣсто нихъ приходитъ такое же количество новыхъ, которые также читаютъ мусульманское право и судопроизводство. Слушатели группируются вокругъ тѣхъ или другихъ, исключительно по собственной волѣ. Поэтому нерѣдко случается, что одного преподавателя окружаетъ толпа въ 100 и даже въ 150 человѣкъ, тогда какъ другого слушаетъ лишь человѣкъ двадцать.

Около 10 ти часовъ утра ученые юристы оканчиваютъ свои чтенія, а на смѣну имъ является слѣдующая серія преподавателей, на этотъ разъ, однако, не столь многочисленная и не столь серьезная по своему значенію. Вновь пришедшіе профессора ограничиваются изложеніемъ лишь второстепенныхъ авторовъ и не задолго до полудня уходятъ. Такимъ образомъ, въ теченіе всего утра посѣтители аудиторій не слышатъ ничего другого, кромѣ толкованій Корана, догматовъ вѣры и права.

Послѣ полудня преподается почти исключительно грамматика. Лекція эта длится всего лишь одинъ часъ (отъ 1 го до 2 хъ часовъ по полудни). Число преподавателей въ эту пору дня колеблется отъ 8-ми до 10 ти человѣкъ. Изъ нихъ лишь двое или трое, вмѣсто грамматики, знакомятъ своихъ слушателей съ риторикой.

Затѣмъ слѣдуетъ новая смѣна наставниковъ, которые читаютъ предметы, не имѣющіе ничего общаго ни съ правомъ, ни съ правилами грамматики. А когда наступитъ время третьей молитвы (3—4 часа по полудни), всѣ поднимаются со своихъ мѣстъ: лекціи въ Карауэнѣ на сегодня окончены. Учащіеся идутъ къ себѣ въ свои мад-

расы, чтобы отдохнуть и начать приготовлять уроки къ слѣдующему дню.

Но вотъ солнце садится, наступилъ часъ заката. Совершивъ обычную молитву, юноши расходятся по разнымъ мечетямъ города опять учиться. Здѣсь, подъ руководствомъ преподавателей, они изучаютъ теперь тѣ отрасли знанія, которыя въ Карауэнѣ не читаются вовсе, напримѣръ: словесность, геометрію, медицину.

Науки, проходимыя учащимися въ Карауэнѣ, слѣдующія. 1) толкованіе на Коранъ и наука о чтеніи Корана, 2) основныя положенія права; 3) обычаи; 4) право вообще; 5) грамматика; 6) риторика, обнимающая собою слов·сочиненіе, словорасположеніе и украшеніе рѣчи; 7) логика; 8) просодія; 9) ариѳметика; 10) астрономія; 11) метафизика; 12) суфизмъ [1]); 13) лексикографія; 14) грамматическое производство словъ, 15) теологія; 16) исторія и географія; 17) медицина; 18) практическое законодательство; 19) изящная словесность; 20) таинственныя числа и опредѣленіе, посредствомъ вычисленій, вліянія ангеловъ, духовъ и звѣздъ на человѣка; открытіе именъ побѣдителей и побѣжденныхъ, желаемыхъ предметовъ и кто ихъ желаетъ.

Учащіеся слушаютъ и по запискамъ выучиваютъ то, что объясняетъ и развиваетъ предъ ними профессоръ. Одинъ изъ студентовъ читаетъ текстъ; профессоръ же разбираетъ и объясняетъ прочитанное, говоритъ о буквальномъ значеніи тѣхъ или иныхъ словъ, ихъ обычномъ и техническомъ смыслѣ, цитируетъ комментаторовъ и разбираетъ ихъ. Если же, несмотря на все это, слушатели его еще недостаточно уяснили себѣ предметъ, то одинъ изъ ближайшихъ къ преподавателю студентовъ проситъ его возвратиться къ неясному вопросу. Если же тотъ, для кого желательны поясненія, находится не въ первомъ ряду, то онъ ожидаетъ конца лекціи и, приблизившись къ уходящему наставнику, излагаетъ ему свою просьбу. Тотъ или немедленно даетъ разъясненія по возбужденному вопросу, или же возвращается къ нему въ слѣдующую лекцію.

Описанный пріемъ преподаванія составляетъ особенность улемовъ Феца и заключается въ томъ, что учащагося сперва знакомятъ непосредственно съ источниками по данному изучаемому предмету, затѣмъ —сравниваютъ между собою эти источники, переходятъ къ комментаторамъ и, изучая ихъ тѣмъ же путемъ, до тѣхъ поръ не прекращаютъ анализа вопроса, пока въ умѣ слушателя не останется мѣста ни малѣйшему сомнѣнію или недоумѣнію. Въ то же время преподаватели

---

[1]) Особенности ученія мистиковъ. Въ русской передачѣ содержанія книги было напечатано „куфизмы"; но это—явная ошибка, зависящая отъ неправильнаго прочтенія французскаго ç.

стараются говорить языкомъ, наиболѣе правильнымъ и краснорѣчивымъ.

Въ прежнія времена, при султанѣ Маули-Сулейманѣ, царствовавшемъ съ 1795 по 1822 годъ, студенты время отъ времени, экзаменовались повелителемъ Феца, который любилъ испытывать ихъ познанія и щедро награждалъ того, кто удовлетворялъ его отвѣтами. Предъ султаномъ одинъ цитировалъ того или иного ученаго, другой читалъ наизусть Коранъ, и каждый получалъ награду, соразмѣрно съ количествомъ выученныхъ на-память отрывковъ изъ разныхъ книгъ. Но во время ученія Сиди-Мухаммеда экзаменовъ въ мадрасѣ не было. Учащійся былъ оцѣниваемъ по силѣ его ума, его способностей и памяти и вознаграждать его чѣмъ-нибудь за природныя дарованія не было никакой надобности. Если же кому-либо изъ учащихся случалось домогаться какой-нибудь должности, то рѣшающее значеніе здѣсь имѣлъ отзывъ тѣхъ, кто близко зналъ студента. При этомъ въ разсчетъ принимались, какъ его познанія, такъ равно и его добропорядочность. Онъ долженъ былъ доказать свои познанія въ наукахъ и безукоризненность своего поведенія

По древнему обычаю, которому мусульманскіе ученые слѣдовали во всѣ времена, выдача аттестата учащемуся составляла исключительное право преподавателя. Никто другой не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло. Въ Фецѣ ни кадій, ни городская администрація не уполномочены выдавать студентамъ Карауэна какихъ-либо дипломовъ. Свидѣтельствовать объ умственной зрѣлости своего ученика, о его критической способности, вѣрности сужденій и о прочихъ подобныхъ качествахъ, дѣлающихъ его достойнымъ диплома, составляетъ удовольствіе для профессора Карауэна. Свидѣтельство это онъ излагаетъ общепринятыми выраженіями, въ тонѣ болѣе хвалебномъ или же сдержанномъ, смотря по личнымъ особенностямъ аттестуемаго. Форма свидѣтельства не всегда одна и та же, а видоизмѣняется, смотря по индивидуальнымъ качествамъ какъ аттестующаго, такъ равно и аттестуемаго [1]). Кадій города къ этому дѣду совершенно не причастенъ, и вопросъ о дипломѣ его интересуетъ лишь тогда, когда ему случается назначать кого нибудь на должность кадія въ окрестностяхъ Феца или внутри страны. Въ этомъ случаѣ дипломъ требуется лишь, какъ одинъ изъ видовъ ручательства въ томъ, что ищущій мѣста способенъ къ

---

1) Напримѣръ: „Хвала Господу! Да ниспошлетъ онъ благословеніе на пророка Мухаммеда и да дастъ ему вѣчное спасеніе!... О предъявителѣ сего удостовѣренія, писаннаго мною собственноручно, свидѣтельствую, что онъ усвоилъ себѣ все то, что проходилъ на моемъ курсѣ, или что исходило изъ моихъ устъ. Онъ дошелъ уже до „Сборника преданій Бухари“ или—до „Мухтасара Сиди-Калила“ и т. д. Слѣдуетъ подпись профессора.

отправленію названной обязанности, т. е можетъ, согласно мусульманскихъ законоположеній, разобрать судебный искъ, составить брачный актъ или торговый договоръ, произвести раздѣлъ наслѣдства и т п. Удовлетворить же всѣмъ этимъ требованіямъ можетъ лишь тотъ, кто серьезно учился.

Продолжительность курса въ Караузнѣ весьма измѣнчива и зависитъ отъ степени способности и наклонности учищагося. Одни ограничиваютъ свое пребываніе въ мадрасѣ четырьмя или пятью годами, а другіе посвящаютъ изученію тѣхъ же наукъ гораздо болѣе времени.

Возрастъ студента при поступленіи въ мадрасу можетъ быть какой угодно; равнымъ образомъ не существуетъ и опредѣленнаго возраста, по достиженіи котораго учащійся лишался бы права оставаться въ Караузнѣ. Однако, говоря вообще, въ этой мадрасѣ можно увидѣть только людей взрослыхъ, то есть—въ возрастѣ старше 18 ти лѣтъ. Отъ каждаго изъ нихъ требуется всегда знаніе наизустъ всего Корана.

При началѣ курса студенты заявляютъ профессору о своемъ желаніи проштудировать съ нимъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и преподаватель приступаетъ къ нему, всегда начиная съ первой страницы, съ обычнаго предисловія: „Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго“ и не покидая книги до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ заключенія. Объемъ произведенія и продолжительность времени, необходимаго для прочтенія, не играютъ здѣсь никакой роли И такъ всегда. Когда же кто-либо изъ учащихся пожелаетъ ознакомиться лишь съ отрывкомъ того или иного сочиненія, то съ просьбою объ этомъ онъ обращается уже къ одному изъ товарищей, способному научить его. Избранный студентъ занимается съ товарищемъ или одинъ на одинъ, или же въ небольшомъ кружкѣ товарищей, собирающихся для того въ какой-либо мадрасѣ, или въ одной изъ многочисленныхъ мечетей города, но никогда—въ стѣнахъ Караузна.

Въ продолженіе цѣлаго года студенты ни разу не прерываютъ вполнѣ своихъ учебныхъ занятій; но за нѣсколько дней до наступленія мѣсяца рамазана [1]), именно во второй половинѣ мѣсяца шабана [2]), профессора объявляютъ своимъ аудиторіямъ. что до половины мѣсяца шавваля [3]) лекціи читаться не будутъ Перерывъ этотъ составляетъ почти два мѣсяца. Послѣ этого перерыва лекціи возобновляются и продолжаются до первой четверти мѣсяца дзу-ль-хаджа [4]) Тогда ученіе

---

[1]) Мѣсяцъ поста, 9-й мѣсяцъ, мусульманскаго луннаго года.

[2]) Восьмой мѣсяцъ мусульманскаго года.

[3]) Десятый мѣсяцъ мусульманскаго года

[4]) Двѣнадцатый мѣсяцъ 10-й день этого мѣсяца празднуется въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраамомъ сына его Измаила, почитаемаго родоначальникомъ арабовъ.

прерывается снова до наступленія мѣсяца мохаррама 1), или почти на три недѣли. Наконецъ, спустя два мѣсяца, дѣлаютъ третій перерывъ, длящійся недѣль пять-шесть Такимъ образомъ, въ общей сложности, ежегодно около 4 мѣсяцевъ чтенія лекцій въ Карауэнѣ не бываетъ. Тѣмъ не менѣе студенты не откладываютъ въ сторону своихъ книгъ: перерывами лекцій они пользуются для самостоятельнаго прочтенія на дому тѣхъ авторовъ, которые не проходятся оффиціально въ Карауэнѣ, а также для ознакомленія съ науками, которыя въ этой мадрасѣ вовсе не имѣютъ каѳедръ, какъ напримѣръ съ геометріей, медициной, астрономіей и другими, а равно занимаются и музыкой 2).

Профессора въ Фецѣ всюду окружены почетомъ и уваженіемъ не только со стороны своихъ учениковъ, но также отъ администраціи страны и отъ всѣхъ обитателей города. Каждый питаетъ къ нимъ благоговѣніе. Если кто изъ профессоровъ отправляется изъ города, предпринявъ завѣтное путешествіе къ святымъ мѣстамъ, или даже просто по какому бы то ни было поводу,—должностныя лица принимаютъ его всюду по пути съ готовностью быть во всемъ къ его услугамъ. Они дѣлаютъ ему богатые подарки, а если профессоръ приходитъ къ нимъ ходатайствовать за кого-либо изъ обвиняемыхъ, то вина его прощается и онъ отпускается на волю.

Профессора получаютъ опредѣленное содержаніе, которое и выдается имъ ежемѣсячно. При началѣ лѣта имъ даютъ животныхъ, для заготовленія изъ нихъ въ прокъ мяса, солонины и жира; затѣмъ—хлѣбнаго зерна наилучшаго качества, растительнаго масла, масла коровьяго, мыла; однимъ словомъ, имъ даютъ все то, въ чемъ они могутъ встрѣтить нужду въ теченіе круглаго года 3). Въ распоряженіе профессоровъ отдается жилой домъ, а если профессоръ живетъ въ собственномъ жилищѣ, то назначенное ему помѣщеніе онъ въ правѣ отдать въ наемъ Снабжаютъ профессора также платьемъ, лѣтнимъ и зимнимъ. Помимо занимаемой въ Карауэнѣ каѳедры, профессоръ можетъ имѣть въ городѣ еще какую-нибудь должность, которая также приноситъ ему доходъ; нѣкоторые же изъ преподавателей читаютъ курсы и въ другихъ мадрасахъ.

Все это клонится къ тому, чтобы увеличить годовой заработокъ ученаго, и если преподаватель заслужилъ уже репутацію человѣка знающаго, мудраго и опытнаго, то благосостояніе его упрочено: онъ имѣетъ возможность удовлетворять всѣ свои потребности и расходовать необходимыя средства на дальнѣйшее свое образованіе.

---

1) Первый годъ мусульманскаго года.

2) Это—особенность, не извѣстная въ Средней Азіи.

3) Очевидно, всѣ эти выдачи производятся на счетъ такъ называемыхъ вакуфовъ.

Вѣдь, только одинъ Господь знаетъ все... Тѣмъ не менѣе каждый учащійся хочетъ быть какъ можно болѣе ученымъ, хочетъ сдѣлаться, такъ сказать „океаномъ знанія“ и во всякомъ случаѣ пріобрѣсти сумму познаній большую, нежели какою обладаютъ его товарищи. Поэтому соревнованіе между товарищами весьма обычно. Но нельзя не порицать тѣхъ, въ комъ это соревнованіе вырождается во вражду. Питать зависть къ тому, кто получилъ отъ природы больше дарованій, есть тяжелая вина. Къ несчастію, ученые вообще бываютъ очень склонны испытывать это непохвальное чувство

Есть истина, которую всѣ охотно признаютъ, а именно,—что ученыхъ цѣнятъ лишь тамъ, гдѣ окружающіе способны бываютъ ихъ понимать. Ученый пользуется всегда въ странѣ тѣмъ большимъ уваженіемъ, чѣмъ образованнѣе ея обитатели. Питаетъ ли извѣстный субъектъ почтеніе къ учености? Если да, то можно быть увѣреннымъ, что человѣкъ этотъ отнюдь не невѣжда и что въ немъ не трудно отыскать много общаго съ людьми образованными. Не даромъ же сложилась поговорка: „человѣкъ ученый долженъ болѣе всего страшиться неуча“.

Несмотря на все это, ученые Феца—въ почетѣ. Всѣ оказываютъ имъ вниманіе, прислушиваются къ ихъ голосу и слѣдуютъ ихъ совѣтамъ. Кто въ доказательство своихъ знаній предъявитъ аттестатъ 1) отъ своихъ профессоровъ, тотъ можетъ свободно открыть школу, не нуждаясь ни въ какихъ особыхъ разрѣшеніяхъ и формальностяхъ; къ нему обратятся за совѣтомъ въ случаѣ какихъ либо разногласій между членами общины (племени), и онъ одинъ положитъ конецъ спорамъ. Съ другой стороны, вздумаетъ ли онъ хлопотать о мѣстѣ, дипломъ отъ профессоровъ будетъ для него самою лучшею рекомендаціей. Документъ этотъ свободно откроетъ предъ нимъ всякую дверь. Впрочемъ, если человѣкъ, обладающій дипломомъ, не оправдаетъ довѣрія окружающихъ, его тотчасъ прогонятъ или отрѣшатъ отъ службы.

Изъ профессоровъ Карауэна далеко не всѣ уроженцы Феца; напротивъ, большинство изъ нихъ чужеземцы. Въ ихъ средѣ имѣются представители отъ всѣхъ мѣстностей Марокко; есть даже пришельцы изъ странъ очень отдаленныхъ. Отъ нихъ всѣхъ требуютъ исполненія одного лишь условія, уклоняться отъ котораго нельзя ни подъ какимъ предлогомъ, а именно: требуютъ имѣть постоянное жительство въ Фецѣ и, насколько это возможно, водвориться въ означенномъ городѣ со всѣмъ своимъ семействомъ Затѣмъ, для включенія въ число преподавателей Карауэна того или иного ученаго, никакихъ формальностей не требуется. Въ случаѣ кончины кого-либо изъ преподавателей

---

1) „Иджаза“ означаетъ собственно позволеніе, разрѣшеніе.

въ этой мадрасѣ или увольненія, освободившаяся вакансія замѣщается тѣмъ, кого наиболѣе достойнымъ этого голосъ признаетъ общественнаго мнѣнія [1]).

По увѣренію Сиди-Мухаммеда, въ ряду воспитанниковъ другихъ высшихъ мусульманскихъ школъ, студенты Феца безусловно занимаютъ первое мѣсто Они отличаются вѣрностью сужденій и такой обширной эрудиціей, которая всѣхъ невольно удивляетъ Всѣмъ этимъ они обязаны высокимъ качествамъ своихъ знаменитыхъ учителей. Послѣдніе—цвѣтъ учености Востока: они не ограничиваются изученіемъ какой-либо одной отрасли познаній, какъ это бываетъ всегда на Востокѣ, но стараются углубиться въ науку вообще.

Сиди Мухаммедъ описываетъ также весьма любопытный обычай студентовъ Феца, напоминающій средневѣковыя „рекреаціи". Въ началѣ весны, вслѣдъ за равноденствіемъ, когда погода установится надолго и нельзя опасаться ни холодовъ, ни дождей,—въ ту пору, когда поля начинаютъ зеленѣть, а деревья покрываются цвѣтами, учащаяся молодежь Феца ежегодно празднуетъ установленное для нея издавна обычаемъ торжество „пиръ короля студентовъ". Въ назначенный для того ими самими день всѣ питомцы науки собираются въ Карауэнъ и отсюда отправляются толпою въ ту часть Феца, гдѣ находится дворецъ султана. Здѣсь, остановившись передъ жилищемъ правителя страны, они исполняютъ хоромъ нѣсколько стиховъ изъ Корана. Султанъ лично, или его представитель, или же который-либо изъ министровъ выходитъ къ прибывшимъ изъ дворца, выслушиваетъ ихъ пѣніе и затѣмъ приглашаетъ къ себѣ депутацію для объясненій. На вопросъ султана: что собственно имъ угодно отъ него? депутаты говорятъ ему, что желали бы продать съ аукціоннаго торга вакантное у нихъ мѣсто „короля студентовъ" и послѣ такого аукціона стать лагеремъ внѣ города. Султанъ даетъ имъ на все это свое согласіе и въ добавокъ къ словесному соизволенію присоединяетъ нѣкоторую сумму денегъ. Радостная толпа расходится по домамъ. Въ слѣдующій за тѣмъ день всѣ снова сходятся въ Карауэнъ—для производства аукціона. Званіе „короля студентовъ" продается ими на все время весеннихъ праздниковъ. Кто предложитъ за этотъ почетный титулъ наибольшую сумму, за тѣмъ и остается титулъ Покупатель отсчитываетъ деньги, и вслѣдъ за тѣмъ толпа провозглашаетъ его „повелителемъ студентовъ". Вновь провозглашенный король назначаетъ приближенныхъ къ его особѣ сановниковъ: перваго министра, хранителя цѣнностей, носителя королевскаго зонтика и т. д. Затѣмъ онъ садится на подведеннаго ему коня и, сопровождаемый свитою сановниковъ и отрядомъ тѣлохрани-

[1]) Въ Средней Азіи вопросъ этотъ рѣшается выборомъ учащихся.

телей, разъѣзжаетъ по всему городу Фецу. При этой процессіи пирующіе стараются подражать пріемамъ, усвоеннымъ при дворѣ ихъ дѣйствительнаго султана, повелителя Феца Въ теченіе многихъ дней дефилируетъ такимъ образомъ толпа молодежи по улицамъ столицы, по площадямъ и базарамъ, собирая приношенія торговцевъ. Всѣ пожертвованныя деньги присоединяются къ той суммѣ, которая была выручена отъ аукціона, и на эти средства студенты накупаютъ провизіи для предстоящихъ празднествъ и чаепитій. Запасы эти сносятся въ одинъ пунктъ, на загородное поле, при чемъ молодежь не забываетъ прихватить съ собою и многое другое, что помогаетъ весело коротать время: музыкальные инструменты, разныя игры и тому подобное. Въ свою очередь „король студентовъ“ назначаетъ персоналъ для распредѣленія между своими вѣрноподданными собранныхъ денегъ и всего того, что поступило въ общественную кассу

Цѣлую недѣлю длится такой праздникъ, и не проходитъ дня безъ того, чтобы изъ Феца не пожаловали гости. То являются въ станъ къ пирующимъ башмачники, то продавцы мѣдныхъ издѣлій, то красно рядцы или школьные учителя, то публичные глашатаи, или члены администраціи. Всякій спѣшитъ почтить молодежь своимъ вниманіемъ. Наконецъ, на седьмой день, самъ султанъ Феца въ сопровожденіи всего двора, отправляется съ визитомъ къ студентамъ, въ ихъ лагерь. Тогда, видя приближающихся столь почетныхъ посѣтителей, студенческій король садится на лошадь и выѣзжаетъ на встрѣчу высокому гостю. Послѣ обмѣна любезными привѣтствіями, султанъ вручаетъ „королю студентовъ“ кошелекъ, полный золота, а „король“, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, испрашиваетъ себѣ какую-либо постоянную льготу, напримѣръ: освобожденіе на всю жизнь отъ податей, или же ходатайствуетъ о назначеніи его на какую-либо должность. Рѣдко случается, чтобы султанъ огорчилъ просителя отказомъ. Съ наступленіемъ ночи, отпировавъ свой мимолетный праздникъ величія и власти, „король студентовъ“ возвращается обратно изъ лагеря въ Фецъ, уже простымъ смертнымъ. По большей части, онъ не долго остается здѣсь, не имѣя ничего больше получить отъ столицы, и уѣзжаетъ къ себѣ на родину 1).

---

1) См указанную книгу Дельфэна. Составитель настоящаго очерка пользовался изложеніемъ Н Васильева, помѣстившаго въ №№ 6, 7 и 8 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1890 годъ обстоятельную статью подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о школьномъ образованіи у современныхъ мусульманъ“. Самой книги Delphin'a не нашлось въ Ташкентѣ.

Мадрасы въ Персіи.

Персія, какъ страна издавна мусульманская, также славится своими мадрасами Наиболѣе извѣстныя мадрасы находятся въ городахъ: Мешедѣ, Исфагани, Ширазѣ, Керманѣ, Тавризѣ и др. и содержатся на счетъ ихъ основателей. Въ гор. Мешедѣ считается 18 высшихъ школъ, изъ которыхъ самыми богатыми считаются мадрасы Мирзы Джафара, Фазыль-хана, Наваба, Аббасъ Кули-хана и Хайратъ-хана Эти мадрасы были осмотрѣны въ 1899 году кавказскимъ учителемъ Раимомъ Халиловымъ, который напечаталъ описаніе ихъ въ XXVII вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", откуда мы заимствуемъ приводимыя ниже свѣдѣнія о мадрасахъ города Мешеда. Эти свѣдѣнія показываютъ, что учебный строй высшей мусульманской школы и въ Персіи почти такой же, какъ и въ другихъ странахъ мусульманскаго міра И намъ извѣстно, что Персія до сихъ поръ не остается безъ вліянія на мусульманскую образованность въ Средней Азіи, въ мадрасахъ которой изученіе персидскаго языка и персидскихъ авторовъ считается обязательнымъ. Кромѣ того, архитектурное искусство, проникшее изъ Персіи съ распространеніемъ ислама въ Бухару, Самаркандъ, Мервъ, не осталось безъ вліянія на типъ позднѣйшихъ школьныхъ зданій въ Средней Азіи: знаменитыя въ свое время самаркандскія мадрасы были выстроеяы персидскими мастерами и представляютъ собою дивные образцы своеобразнаго школьнаго зодчества

Говоря о мадрасахъ гор. Мешеда, г. Халиловъ замѣчаетъ, что всѣ онѣ имѣютъ приличныя каменныя помѣщенія, выстроенныя въ видѣ правильнаго четыреугольника съ площадью въ серединѣ, служащею дворомъ Въ каждой сторонѣ этого четыреугольника со внутренней стороны устроены небольшія комнаты (худжра) для студентовъ (*талябъ*) [1]). Комнаты эти своими окнами и дверями обращены внутрь двора, и въ числѣ ихъ одна большая комната служитъ для лекцій профессора (муджтахида) [2]), у котораго обучаются студенты. Почти въ центрѣ двора, вымощеннаго каменными плитами, устроенъ небольшой бассейнъ (*хаузъ*) для необходимой въ каждомъ общежитіи воды, а свободное мѣсто двора занято цвѣтникомъ, добровольно разводимымъ студентами [3]). Размѣры двора при разныхъ мадрасахъ не одинаковы,— въ зависимости отъ величины всей постройки. На большихъ дворахъ

---

1) Это—мн. ч. отъ „талибъ"—студентъ.

2) Муджтахидами въ Персіи называются ученые законовѣды-богословы, пользующіеся большимъ авторитетомъ среди населенія.

3) Авторъ, вѣроятно, забылъ упомянуть о постройкѣ для омовеній (тахаратъ-хана), безъ совершенія которыхъ нельзя приступать къ молитвѣ.

бываютъ посажены одиночныя деревья, дающія тѣнь, а на маленькихъ дворахъ устраиваются только цвѣтныя клумбы. Дворы при мадрасахъ большею-частью содержатся опрятно особыми прислужниками, но въ бассейнахъ, обыкноненно наполняемыхъ изъ колодцевъ, вода въ лѣтнее время быстро загниваетъ и распространяетъ по всему двору мадрасы зловоніе.

Комнаты студентовъ и аудиторіи профессоровъ выстроены изъ жженаго кирпича и имѣютъ сводчатые потолки, съ выступающими вверхъ куполами, а самыя стѣны снаружи бываютъ иногда изукрашены, въ восточномъ вкусѣ, цвѣтными глазурованными кирпичиками, изъ которыхъ составлены своеобразные узоры. Большія ворота съ сводчатымъ портикомъ, придающія всему зданію мадрасы особый видъ укрѣпленнаго замка, съ наступленіемъ вечера, запираются до утра. Студенческія комнаты имѣютъ вообще небольшіе размѣры и въ нихъ живутъ по два, по три и по четыре студента. Свѣтъ проходитъ въ эти помѣщенія чрезъ рѣзныя рѣшетки, замѣняющія окна, и черезъ двери, которыя съ этою цѣлью заклеиваются промасленною бумагой. Стекла встрѣчаются рѣдко. Земляной, или кирпичный полъ застилается ковромъ или войлокомъ, смотря по средствамъ студентовъ; на полу прямо и располагаются студенты. Въ холодное время комнаты нагрѣваются горячими углями, которые ставятся на полу въ особыхъ глиняныхъ жаровняхъ или высыпаются въ четыреугольныя углубленія, сдѣланныя въ полу, по серединѣ комнаты. Надъ этимъ углубленіемъ ставится высокій (около аршина) табуретъ и покрывается ватнымъ одѣяломъ. Подъ одѣяло студенты прячутъ свои озябшія ноги и руки. Этотъ табуретъ замѣняетъ для студентовъ и занятный столъ, на который вечеромъ ставится свѣча и кладутся книги и письменный приборъ. Въ осеннее время и зимою во всѣхъ такихъ помѣщеніяхъ бываетъ мрачно, холодно, сыро и угарно, и живущіе въ нихъ студенты большею частью страдаютъ близорукостью и ревматизмомъ.

Мадраса—школа религіознаго характера и потому учрежденіе и содержаніе ея считается дѣломъ богоугоднымъ и зависитъ отъ частной благотворительности; правительство не участвуетъ въ содержаніи мадрасы и не вмѣшивается въ дѣло преподаванія и въ хозяйственную ея часть. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мадраса открывается на средства правящихъ лицъ (ханъ, навабъ), она не считается правительственною, потому что учредители ея являются въ этомъ случаѣ частными лицами, дѣлающими душеспасительное дѣло ради небесной награды (*савабъ*). Основатель мадрасы только оставляетъ ей свое имя (Аббасъ-Кули-ханъ, Хайратъ-ханъ, Мирза-Джафаръ) и для обезпеченія содержанія учащихъ и учащихся завѣщаетъ доходъ съ жертвуемыхъ для этой цѣли

имуществъ [1]), что и составляетъ „*вакфъ*". Въ дарственной грамотѣ (*вакфъ нама*), кромѣ свѣдѣній о времени открытія и основателѣ мадрасы, подробно описывается завѣщаемое имущество и указывается порядокъ назначенія управляющаго этимъ имуществомъ (*мутаваллій*) и распредѣленіе доходовъ съ него. Послѣ того права жертвователя и его наслѣдниковъ на завѣщанное имущество прекращаются. Завѣдывающіе вакуфомъ большею частію назначаются изъ родственниковъ жертвователя, и право ихъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Въ случаѣ доказанной несправедливости мутаваллія назначается постороннее лицо для завѣдыванія вакфомъ, по выбору. Мутаваллію назначается обыкновенно опредѣленная (восьмая, десятая, пятнадцатая) часть на личное содержаніе изъ поступающихъ доходовъ; но при недобросовѣстности мутаваллія, на содержаніе мадрасы, учащихъ и учащихся въ ней поступаютъ не всѣ доходы съ вакуфовъ: такъ, напримѣръ доходы съ имуществъ одной мадрасы въ Мешедѣ десятки лѣтъ показывались въ одной суммѣ, хотя арендная сумма увеличилась въ десятки разъ. Жалобы учащихся на неправильныя и недобросовѣстныя отношенія мутавалліевъ не только остаются безъ послѣдствій, но могутъ повлечь за собой крупныя непріятности для жалующихся. Г. Халиловъ иллюстрируетъ такое положеніе дѣлъ фактами.

Порядокъ ученія въ мадрасахъ Мешеда описывается имъ такъ:

Въ 9 часовъ утра въ аудиторію (*дарсъ-хана*) собираются старшіе студенты (руководящіе занятіями младшихъ) и ожидаютъ своего профессора, котораго привѣтствуютъ вставаніемъ и произнесеніемъ „саляма". Послѣ того профессоръ усаживается на кафедрѣ [2]) и начинаетъ свою лекцію, служащую продолженіемъ вчерашней,—по богословію или мусульманскому праву. Слушателямъ не запрещается предлагать профессору вопросы и возраженія и отстаивать свои мнѣнія, такъ что иногда цѣлая лекція проходитъ въ научномъ спорѣ студента съ профессоромъ, въ которомъ принимаютъ участіе и другіе студенты. Предметомъ такихъ споровъ служатъ разные схоластическіе вопросы мусульманскаго вѣроученія и нравоученія въ родѣ того, напримѣръ: правильна ли молитва, если при совершеніи ея имамомъ (предстоятелемъ) оказался человѣкъ, не отвѣчающій всѣмъ требованіямъ шаріата [3])? Прослушавши курсъ лекцій извѣстнаго профессора, „ищущій знанія" можетъ отправиться для увеличенія своихъ познаній въ другой городъ,

---

1) Пахотныя земли, бани, торговыя лавки, каравансараи.

2) Что разумѣетъ авторъ подъ кафедрой—неизвѣстно. Навѣрное, это просто большая подушка.

3) Нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ напоминаютъ вопросы извѣстнаго въ древне-русской литературѣ Кирика.

славящійся авторитетными профессорами въ той или другой области мусульманскаго богословія и права.

Учебный курсъ въ мадрасахъ Мешеда составляютъ: 1) арабская этимологія и синтаксисъ разныхъ авторовъ и различной трудности; 2) мусульманское право (*ильми-фикхъ*); 3) мусульманское богословіе *ильми усуль*); болѣе способные и усердные изучаютъ также 4) философію (*ильми-ахкамъ*) по разнымъ книгамъ, усвоеніе которыхъ представляютъ большія трудности Одновременно съ этими главными науками студентъ знакомится 5) съ ариѳметикой, геометріей и отчасти съ алгеброй. Исторія, какъ самостоятельный предметъ, не входитъ въ курсъ обязательныхъ предметовъ, но студенты, по собственному желанію, читаютъ сочиненія разныхъ авторовъ, излагающихъ исторію арабовъ, Персіи и вообще мусульманскаго востока. О географіи (джаграфія) г. Халиловъ почему-то не упоминаетъ; но, вѣроятно, и въ этой области персидскіе студенты не остаются не освѣдомленными, хотя самыя свѣдѣнія географическія далеко не отличаются научностью. Сроковъ для прохожденія курса мадрасы не положено: желающіе остаются въ мадрасѣ столько лѣтъ, сколько находятъ удобнымъ для себя[1]).

Обученіе въ мадрасахъ происходитъ въ продолженіе пяти дней недѣли; въ четвергъ и пятницу профессора лекцій не читаютъ, и студенты въ эти дни пользуются отдыхомъ, не забывая религіозныхъ обязанностей—молитвы и чтенія корана. Занятій не бываетъ также во весь мѣсяцъ поста (рамазанъ), въ первые 10 дней мохаррама[2]), въ первые 7 дней новолѣтія (новрузъ) и въ дни шіитскихъ праздниковъ. Кромѣ того, самое жаркое время года (съ половины іюня до августа) считается въ Мешедѣ лѣтними каникулами.

Большая часть учащихся въ Мешедѣ живутъ въ комнатахъ мадрасы, какъ интерны, и пользуются благотворительными стипендіями изъ вакуфовъ[3]), а другіе, оставаясь приходящими, считаются кандидатами на стипендіи, которыя и занимаютъ, съ вѣдома мутаваллія, по освобожденіи стипендіи. Интерны, хотя живутъ въ одномъ зданіи мадрасы, общежитія не составляютъ; не имѣя общаго стола, каждый довольствуются пищею порознь,—получая ее изъ харчевенъ на базарѣ, и вообще питаются недостаточно: супъ съ бараниной, шашлыкъ и пилавъ составляютъ пищу достаточныхъ студентовъ, а бѣдняки часто

---

1) Поэтому въ одной и той же мадрасѣ можно встрѣтить 18 лѣтнихъ юношей, 35 лѣтнихъ мужчинъ и 60 лѣтнихъ старцевъ. Кажется, г. Халиловъ не вполнѣ точно изложилъ курсъ персидской мадрасы.

2) Первый мѣсяцъ мусульманскаго луннаго года.

3) Самое большое число учащихся въ мадрасѣ Мирза-Джафара (до 200 чел.), а въ другихъ мадрасахъ 40—50 чел. И большинство—бѣдняки.

довольствуются однимъ хлѣбомъ и только въ домахъ богатыхъ жителей города лучше удовлетворяютъ свой аппетитъ.

Питаясь впроголодь, мешедскіе студенты испытываютъ нужду и въ учебныхъ пособіяхъ, такъ какъ при мадрасахъ библіотекъ нѣтъ; поэтому учебныя книги приходится самимъ студентамъ списывать, или покупать на базарѣ и у товарищей, уже прочитавшихъ извѣстную книгу. Какъ велика должна быть нужда учащихся въ этотъ отношеніи, можно судить по тому, что во всѣхъ 18 ти мадрасахъ Мешеда считается до 1 200 учащихся, а мутавалліи получаютъ съ вакуфныхъ имуществъ до 60 тысячъ рублей годовой аренды. Они могли бы улучшить бытъ учащихся въ пищевомъ довольствіи и въ учебномъ отношеніи.

Устроившись въ кельѣ какой нибудь мадрасы, студентъ Мешеда не можетъ мѣнять своего мѣстопребыванія, такъ какъ связанъ получаемой стипендіей изъ вакуфныхъ доходовъ, но это не стѣсняетъ стипендіата въ отношеніи выбора себѣ профессора: каждый студентъ воленъ ходить на лекціи въ другую мадрасу, если тамъ читаетъ профессоръ болѣе авторитетный въ изучаемой студентомъ отрасли знанія.

Авторъ статьи г. Халиловъ признаетъ за студентами Персіи силу, опасрую для правительства. И мы изъ газетъ за послѣдніе годы знаемъ, какія серьезныя безпокойства доставляло правительству персидское студенчество вмѣстѣ со своими профессорами (муджтахидами) — Муджтахиды и студенты служатъ представителями религіозныхъ интересовъ народа и не утратили до сего времени своего значенія, несмотря на иностранное вліяніе на дѣла персидской внѣшней и внутренней политики. Достаточно муджтахидамъ удалиться изъ города и увлечь за собою своихъ слушателей, чтобы вызвать серьезное народное волненіе, для успокоенія котораго требуются отъ правительства серьезныя уступки. Но какова бы ни была форма студенческихъ волненій въ Персіи, волненія эти искренни и патріотичны; въ нихъ нѣтъ той лживой искусственности, какою отличались послѣднія волненія студенчества русскаго. Никакихъ обструкцій, разрушительныхъ снарядовъ и политической пропаганды персидскіе студенты не знаютъ, и къ чести ихъ нужно сказать, что главнаго своего признанія—образованія они никогда не забываютъ. Вотъ краткое описаніе одного студенческаго волненія въ томъ же Мешедѣ.

Въ Хорасанѣ, предъ наступленіемъ новой жатвы, когда прошлогодніе хлѣбные запасы подходятъ къ концу, всегда сильно поднимаются цѣны на предметы необходимости. Этому отчасти способствуетъ и хищническая жадность богатыхъ купцовъ, которые, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, искусственно поднимаютъ цѣны. Населеніе Мешеда, и безъ того бѣдное, обремененное неимовѣрными налогами,

выбивается изъ силъ. Хлѣбъ и мясо дурного качества продаются на базарѣ по самой высокой цѣнѣ. Поэтому достаточно обыкновеннаго столкновенія на базарѣ, чтобы вызвать народное волненіе.

Такъ, одинъ изъ студентовъ духовной школы купилъ на базарѣ хлѣбъ, оказавшійся совершенно не пригоднымъ къ употребленію. Купившій предложилъ продавцу взять хлѣбъ обратно, но послѣдній отказался. Молодой человѣкъ отправился съ жалобой къ губернатору, гдѣ на его просьбу не обратили никакого вниманія. Тогда оскорбленный и униженный студентъ отправился къ себѣ въ мадрасу, собралъ товарищей и дервишей, и всѣ они устремились къ базару, гдѣ стали разбивать купеческія лавки и поджигать ихъ....

Когда страсти разыгрались и достигли большого напряженія, толпа устремилась къ дому Хаджи Моавина, исполняющаго при мешедскомъ губернаторѣ роль казначея. Считая его виновникомъ вздорожанія цѣнъ на съѣстные припасы, студенты рѣшили разгромить его домъ и расхитить его имущество. Но предупрежденный во-время Хаджи Моавинъ пригласилъ афганцевъ (джигитовъ изъ племени Теймуръ), состоявшихъ на правительственной службѣ. Онъ не положился въ данномъ случаѣ на сарбазовъ (солдатъ), потому что они, какъ шіиты, не стали бы стрѣлять въ своихъ единовѣрцевъ; афганцы—сунниты и потому не прочь при удобномъ случаѣ поколотить шіитовъ.... Произошла стрѣльба, въ результатѣ которой оказалось 5 человѣкъ убитыми и около 50 человѣкъ ранеными, среди которыхъ не было ни одного европейца. Потомъ разъяренная толпа устремилась къ еврейскому кварталу, но евреи успѣли во время спрятать свои вещи и сами попрятались. Тогда губернаторъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры: по всѣмъ кварталамъ были разставлены патрули и пушки. Всѣ мадрасы, мечети и даже гробница Имама Ризы были закрыты. Волненіе стало постепенно стихать, и порядокъ возстановился

Мадрасы въ Бухарѣ.

Въ бухарскомъ ханствѣ съ давнихъ поръ (съ XI стол. нашей эры) были извѣстны выдающіеся ученые, а въ самой столицѣ (Бухарѣ) многочисленныя мадрасы. И въ настоящее время въ этой столицѣ насчитывается около 200 высшихъ школъ (мадраса), которыя, по количеству завѣщанныхъ имъ имуществъ (вакфъ), раздѣляются на высшія, среднія и низшія

Высшія мадрасы.	Вакуфы	
	Въ тенькахъ.	Въ рубляхъ.
1. Кукальташъ	150000	22500
Джафаръ-Ходжа	250000	37500
Джуйбаръ	130000	19500
Миръ-Арабъ	150000	22500
Мухаммадъ-Али Ходжа . . .	150000	22500
Турсунъ-Джанъ	140000	21000
Диванъ-Беги	150000	22500
Гау-Кушанъ	190000	28500
Абдулъ-Азизъ-ханъ (двѣ мадрасы) .	120000	18500
10. Мирза-Улугъ-Бекъ	60000	9000
Гуль-абадъ . . .	80000	12000
Ходжа-парсы	50000	7500
Ибрагимъ-Ахундъ . .	40000	6000
Фатхулла Кушбеги	80000	12000
Биби-Халифа	50000	75000
Халифа-Ніазъ-Кулъ . . .	55000	8250
Мулла Мухаммадъ Шарифъ .	60000	9000
Гарибійя	40000	6000
Хіабанъ	60000	9000
20. Джуйбарча	60000	9000
Абдулла-Ханъ . . .	50000	7500
Мадаръ-ханъ	40000	6000
Асири	40000	6000
Ходжа-Нагаль	50000	7500
Шадамъ-бай	40000	6000
Дару-ш-шифа	40000	6000
Чарбикръ	70000	10500
Бадаль-Бекъ	40000	6000
Ходжа-Даулятъ	120000	18500
30. Мескинъ	60000	9000
Дамулла Ширъ	40000	6000
Дустъ Чагра Акасы	40000	6000
Накибъ	120000	18500
ВСЕГО .	2815000	422250

	Среднія мадрасы.	Въ тенгахъ.	Въ рубляхъ.
1.	Хизръ	25000	3750
	Афганъ	15000	2250
	Рахманъ-кулъ	30000	4500
	Уткуръ Кушбеги	25000	3750
	Хусайнъ-Бай	30000	4500
	Алимъ-Джанъ	20000	3000
	Аталыкъ	25000	3750
	Исмаилъ-Ходжа	30000	4500
	Мадаръ-Ханъ	30000	4500
10.	Рашидъ	25000	3750
	Газіанъ	25000	3750
	Грибанъ-чакъ	30000	4500
	Чучукъ-айимъ	25000	3750
	Шарафатъ-Бану	30000	4500
	Накибъ	25000	3750
	Чубинъ калянъ	30000	4500
	Баля-и-хаузъ	30000	4500
	Миръ-Джанъ-Али	30000	4500
	Аскаръ-Бій	30000	4500
20.	Садръ-Бій	25000	3750
	Бадаль-Бекъ	25000	3750
	Хафизъ-Кангаратъ	35000	5250
	Искандаръ-Ханъ	35000	5250
	Чаръ-бакали	22000	3300
	Сартарашъ	30000	4500
	Мирза-Фазиль	25000	3750
	Тупчи-баши	20000	3000
	Сеидъ-Камаль	22000	3300
	Абдулъ Шукуръ-бай	20000	3000
30.	Карбасъ	24000	3600
	Чукуръ	30000	4500
	Кази Латифъ	18000	2700
	Бадръ уд-Динъ	16000	2400
	Пашиманъ	22000	3300
	Иръ Назаръ	35000	5250
	Дамулла Хасанъ	15000	2250
	Ишани-пиръ	16000	2400
	Миръ Камаль	14000	2100
39.	Джура-Бекъ	12000	1800
	ВСЕГО	961000	144150

Низшихъ мадрасъ болѣе ста. Вакуфы ихъ колеблются отъ одной до пяти тысячъ тенегъ; въ среднемъ же общее количество ихъ вакуфовъ равно 500000 тенегъ

При слѣдующихъ одиннадцати мадрасахъ существуютъ библіотеки:

Названіе библіотекъ.	Годовой вакуфъ.	
	Въ тенгахъ.	Въ рубляхъ.
1. Джафаръ Ходжа	18000	2700
Гау-Кушанъ	5000	750
Ходжа-Нигаль	8000	1200
Кукальташъ	1000	150
Абдулъ Азизъ Ханъ	2000	300
Мирза Улугъ Бекъ	800	120
Бадаль Бекъ	800	120
Даръ-уш-шифа	3000	450
Базари-гусфандъ	1500	225
Баляи-хаузъ	1600	240
11. Джуйбаръ	1400	210
ВСЕГО	43100	6465

О современномъ положеніи перечисленныхъ школъ въ Бухарѣ приводится отзывъ одного мусульманина, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ „Абду-р-Рауфа“:

— „Вотъ она, священная Бухара, воспитавшая 400000 (?) ученыхъ и разославшая ихъ во всѣ концы міра! Раньше она была владычицей такихъ могучихъ научныхъ силъ.... Теперь—увы!!... Къ великому несчастью, я сознаюсь, что это небо солнца образованности, этотъ рай міра человѣчества, этотъ благоустроенный домъ наукъ міра, эта аудиторія познаній для всего свѣта при наличности всѣхъ выше указанныхъ путей для прогресса, стала страной, окруженной горами глупости и закованной въ цѣпи презрѣнія! Этотъ посредникъ жизни всего востока, при существованіи всѣхъ этихъ средствъ къ дальнѣйшей жизни, допустилъ смерть схватить себя за шиворотъ! Что же удивительнаго?!! Всѣ эти обители благъ съ постоянными огромными суммами денегъ сдѣлались презрѣнными домами нѣсколькихъ незнающихъ Бога узурпаторовъ и привели въ кипѣніе котелъ подлости и испорченности небольшого общества обжоръ? Наши отцы прекрасно поняли смыслъ великаго изреченія *„Равны между собою знающіе и незнающіе?“*[1])

[1]) Изреченіе Корана.

и, вполнѣ оцѣнивъ степень важности изученія наукъ, устроили двѣсти мадрасъ и въ каждой изъ нихъ отъ 10 до 150 комнатъ. Принявъ во вниманіе ежедневный расходъ учителей и учениковъ, они назначили имъ ежегодные вакуфы болѣе чѣмъ въ 4000000 тенегъ. Но этимъ они и ограничились, а для необходимаго студентамъ чтенія учредили 11 библіотекъ, собравъ въ нихъ всѣ существовавшія въ то время книги. Понимая, что знанія и науки изо дня въ день прогрессируютъ, они и библіотекамъ дали опредѣленный вакфъ для пріобрѣтенія вновь выходящихъ книгъ и журналовъ, въ размѣрѣ 40000 тенегъ. Признавая важность науки чтенія Корана и не довольствуясь одними мадрасами, учредили особыя школы съ опредѣленнымъ вакфомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это наши предки сдѣлали для насъ. А мы?.... Мы, дорогія ихъ дѣти, при наличіи всѣхъ этихъ полезныхъ учрежденій, несчастны, необразованы, дики и бѣдны!! .. Мадрасы, другія школы, библіотеки—все это у насъ есть; но во всемъ городѣ мы не имѣемъ ни одного серьезно образованнаго человѣка, который могъ бы безъ ошибки прочитать и разъяснить намъ не только страницу толкованія Корана или Хадиса, но даже два—три простыхъ арабскихъ стиха (?!) О, Господи!! Сколько позора и безчестія благородному племени!!! ..

„Рыданія овладѣли моимъ другомъ и, чтобы скрыть ихъ отъ меня, онъ замолчалъ, а черезъ нѣсколько времени продолжалъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ:

— „Да, мы имѣемъ 200 мадрасъ, и имъ всѣмъ назначено болѣе 4000000 тенегъ, которыя дѣлятся на двѣ части: первая часть, подъ именемъ платы за преподаваніе, попадаетъ въ карманъ усердія учащихъ; вторая часть дѣлится по комнатамъ, и эта часть безусловно должна считаться неотъемлемой собственностью бѣдныхъ студентовъ. Къ несчастью, всѣ комнаты въ этихъ мадрасахъ считаются принадлежащими муфтіямъ, мударрисамъ и другимъ власть имѣющимъ лицамъ изъ улемовъ. На этомъ основаніи они же поглощаютъ и весь годичный вакуфъ этихъ комнатъ, спеціально назначенный для студентовъ, а комнаты эти они продаютъ учащимся за внушительныя суммы отъ 10 до 40 тысячъ тенегъ. Единственное доброе дѣло ихъ—это то, что они даютъ помѣщеніе бѣднымъ студентамъ, не взимая съ нихъ платы Но и это не для того, чтобы получить награду на небесахъ, а исключительно съ цѣлью соблюденія собственныхъ выгодъ: во первыхъ, студенты, живущіе въ ихъ помѣщеніяхъ, должны служить имъ подобно носильщикамъ тяжестей; во вторыхъ, не взирая на ученость или глупость хозяина помѣщенія, нужно читать за него лекцію, такъ какъ эти господа, сославшись на то, что имѣютъ уроки на сторонѣ, часто уходятъ и дѣлаются мударрисами кромѣ этой еще и въ другой большей мадрасѣ; въ третьихъ, сами эти студенты-бѣдняки изъ опасенія, чтобы госпо-

динъ наставникъ не передалъ бы занимаемое помѣщеніе другимъ лицамъ, даютъ ему больше денегъ, уплачиваемыхъ обыкновенно въ началѣ учебнаго года за принятіе въ число студентовъ, и еще подносятъ кое-что въ видѣ подарковъ.

„Да! У насъ есть и библіотеки! Но гдѣ же книги?! Всѣ книги изъ этихъ библіотекъ взяли для чтенія эти же ученые и присвоили ихъ; опустѣвшія же помѣщенія, имѣющія свой ежегодный вакфъ, они отдаютъ какому-нибудь сыну казія или муфтія, который еще не удостоенъ званія мударриса, т. е. не имѣетъ образованія. Этотъ почтенный господинъ обращаетъ въ свою пользу годовой доходъ этой библіотеки, а самое помѣщеніе сдаетъ какому-нибудь бѣдному студенту на слѣдующихъ условіяхъ: во первыхъ, студентъ обязанъ постоянно давать урокъ этому необразованному субъекту, чтобы въ концѣ-концовъ было признано за нимъ умѣнье читать лекціи и его назначили бы мударрисомъ и, во вторыхъ,—служить ему круглыя сутки.

„У насъ есть по крайней мѣрѣ 300 начальныхъ школъ, но всѣ онѣ стали безполезными учрежденіями въ рукахъ необразованныхъ учителей. О, Господи! Сколь удивительна эта страна!“ [1])

Несомнѣнно, авторъ „Разсказовъ“, имѣя въ виду отсталость современной Бухары отъ прогрессивнаго движенія мусульманъ Индіи, Турціи и Египта, умышленно сгустилъ краски своей порицательной критики и злой иронiи надъ Бухарскими мадрасами. На самомъ дѣлѣ мусульманское просвѣщеніе древняго направленія стоитъ въ Бухарѣ гораздо выше, чѣмъ въ мадрасахъ главныхъ городовъ Русскаго Туркестана, почему въ Бухарскія мадрасы и до сихъ поръ отправляются учащіеся изъ Ташкента и Ферганскихъ городовъ для образованія, подобно тому, какъ въ нѣкоторые европейскіе университеты ѣздятъ студенты изъ Россіи для пополненія своихъ знаній. Въ нѣкоторыхъ Бухарскихъ мадрасахъ для иногородныхъ учащихся, особенно для ташкентцевъ. существуютъ особые вакуфы, которые и выдаются имъ безъ какихъ-либо ограниченій.

Самаркандскія мадрасы.

О самаркандскихъ мадрасахъ подробныхъ свѣдѣній въ распоряженіи составителя настоящаго выпуска нѣтъ. Поэтому ниже приводятся лишь тѣ свѣдѣнія, какія имѣются у него въ данное время.

---

1) Абду-р-Рауфъ. Разсказы Индійскаго путешественника. (Бухара, какъ она есть). Перев. съ персид. яз. А. Н. Кондратьевъ. Самаркандъ, 1913. Стр. 1—101.

Названія мадрасъ.	Годъ основанія	Число учащихъ	Число худжръ.	Число учащ. хся.
1. Мирза Улугъ Бекъ . . .	823 (1420)	2	32	60
2. Мадраса-и Сафидъ, или Акъ Мадраса	(1469) (1490)	—	—	—
3. Шайбани-Ханъ	1560	—	—	—
4. Ширъ-Доръ	1618 - 1619	—	60	—
5. Сеидъ-Ахмадъ Ходжа .	1637	—	—	—
6. Надыръ-Мохаммедъ Диванбеги	1631	—	—	—
7. Чубъ-камышъ	—	—	—	—
8. Тилляяри (Золоченая). .	1646	—	—	—
9. Даулятъ-Кушбеги . . .	1820	—	—	—
10. Мадраса-Али. . . .	1831	—		—
11. Казы Гафуръ. . . .	1840	—	—	—
12. Арифъ Джанбай . .	1844	—	—	—
13. Юсуфбай	1850	—	—	—
14. Суфи Разыкъ	1850		—	—
15. Адильбай	1855	—	—	—
16. Зуль-Мурадъ	1860	—	—	—
17. Халифа Хасанъ . . .	1865	—	—	—
18. Арифджанъ аксакаль . .	1865			—
19. Шахи-Зинда	—	1	9	18

Кромѣ того, мадрасы находятся также въ пригородахъ Самарканда и въ уѣздныхъ городахъ области.

О нѣкоторыхъ мадрасахъ гор. Самарканда мы можемъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія и съ этою цѣлью сдѣлаемъ небольшое отступленіе въ древній періодъ мусульманской образованности въ Средней Азіи, именно:

Въ западномъ Туркестанѣ и бывшей Трансоксаніи (ар. Мавараунахръ) мусульманское образованіе привилось и распространилось уже долго спустя послѣ завоеванія этихъ областей арабами. Извѣстно, что Котайба, хорасанскій намѣстникъ, въ 705—715 г.г. по Р. Хр. сначала взялъ Пайкендъ 1), Бухару, Самаркандъ, Шахрисябзъ и Хиву, а за-

1) Теперь отъ этого города остались только незначительные признаки къ видѣ земляныхъ бугровъ. См. Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Годъ семнадцатый (Ташкентъ, 1913). Протоколъ № 1. Сообщеніе Л. А. Зимина „Развалины стараго Пейкенда".

тѣмъ войска его перешли Сыръ Дарью и заняли Фергану и область Шашскую (нынѣ Ташкентскій уѣздъ). Однако быстрое наступательное движеніе арабскихъ войскъ въ древней Трансоксаніи, Ферганѣ и частью въ теперешней Сыръ-Дарьинской области [1]) не сопровождалось столь же быстрымъ насажденіемъ арабско мусульманской культуры въ этихъ областяхъ, особенно среди полудикихъ тюркскихъ народностей, исповѣдывавшихъ тогда язычество въ разныхъ видахъ. Не только религія (исламъ), но также языкъ, нравы и обычаи завоевателей-семитовъ отдѣляли ихъ отъ завоеванныхъ арійцевъ и тюрковъ. Неоднократныя возстанія и отложенія побѣжденныхъ до полной независимости показываютъ, что нужно было смѣниться нѣсколькимъ поколѣніямъ, прежде чѣмъ новая (арабская) вѣра и основанная на этой вѣрѣ мусульманская образованность были восприняты покоренными народностями Средней Азіи. Мы не располагаемъ точными историческими свѣдѣніями, чтобы освѣтить ими темный *двоевѣрный* періодъ, въ продолженіе котораго основные принципы ислама и сѣмена мусульманской образованности постепенно внѣдрялись въ народной среднеазіатской почвѣ, пока наконецъ укрѣпились въ ней и по мѣстамъ дали хорошую растительность съ пышными цвѣтами и обильными плодами... .

Этотъ интересный съ точки зрѣнія культурной эволюціи періодъ остался неразъясненнымъ для исторіи арабско-мусульманской образованности въ теперешней Средней Азіи, и намъ приходится ограничиться краткимъ упоминаніемъ о томъ, что въ Бухарѣ, въ началѣ IX в. по Р. Хр. были мусульманскіе ученые, а въ XII и XIII вв. мусульманское образованіе было уже значительно распространено и въ границахъ Туркестанскаго края; но монголы во время своихъ стремительныхъ походовъ, сопровождавшихся грабежами и разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ, задержали естественное развитіе школьнаго мусульманскаго дѣла въ Средней Азіи [2]). Только черезъ два столѣтія (въ концѣ XIV и началѣ XV вв.) исламъ снова окрѣпъ въ Средней Азіи и—такова его внутренняя сила!—переродилъ духовно Средне Азіатскихъ туземцевъ. Одинъ изъ правителей государства, основаннаго монголами, извѣстный всему міру Тимуръ (Тамерланъ) оказалъ мусульманскому просвѣщенію въ своихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ такую нравственную и матеріальную поддержку, о какой мы въ настоящее время можемъ судить по величественнымъ памятникамъ школьныхъ и другихъ зданій его

---

1) Древняя Шашская область.

2) См. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, В. Тизенгаузена, С.-Пб. 1884 г. и Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія В. Бартольда, С. Пб. 1900 г.

времени и его преемниковъ. О Тимурѣ разсказываютъ, что онъ зналъ историческія преданія востока и запада, уважалъ ученыхъ шейховъ и охотно бесѣдовалъ съ богословами. Въ его „Уложеніи“ (Тюзюки-Тимуръ) говорится, что онъ поддерживалъ исламъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ и оказывалъ почтеніе потомкамъ пророка, ученымъ, богословамъ, философамъ и историкамъ. Первое правило, какого онъ держался въ жизни и управленіи, было направлено къ распространенію и утвержденію закона Мухаммедова въ предѣлахъ своей обширной имперіи. Ученымъ законовѣдамъ онъ назначалъ жалованье и слѣдилъ за правильнымъ распредѣленіемъ вакуфовъ... За все это Тимуръ получилъ отъ современныхъ ему ученыхъ мусульманъ титулъ „возстановителя вѣры, почитателя потомковъ пророка и богослововъ“ [1]). Не должно казаться поэтому удивительнымъ, что Сараи-Мулькъ-Ханымъ, одна изъ женъ Тимура, еще при жизни своего повелителя, построила въ Самаркандѣ мадрасу, отъ которой построенная близъ нея впослѣдствіи мечеть получила названіе „Биби-Ханымъ“ [2]). Это и была первая мадраса въ Самаркандѣ въ вѣкъ Тимура. Но свѣдѣній о научной дѣятельности этой мадрасы въ нашемъ распоряженіи нѣтъ.

Мадраса Улугъ-Бека называется по имени своего основателя, извѣстнаго въ наукѣ, внука великаго Тимура [3]). По надписи на фронтонѣ [4]) окончаніе постройки этого зданія относится къ 823 г. Хиджры (1420 г. по Р. Хр.). Мадраса находится въ центрѣ Самарканда, на площади „Регистанъ“ [5]). Первоначально она имѣла два этажа, по угламъ которыхъ красовались четыре купола и четыре минарета. Комнаты для учащихся были устроены подъ арками, по двѣ подъ каждой аркой. Каждая комната состояла изъ двухъ отдѣленій, и въ каждомъ отдѣленіи помѣщались по два студента. Все зданіе было настолько величественно и красиво, что поэтъ сравнивалъ громаду его съ твердостоящей горой, подпирающей небеса и приводящей своею тяжестью въ

---

1) См. Уложеніе Тимура. Изданіе Н. Остроумова. Казань, 1894 г.

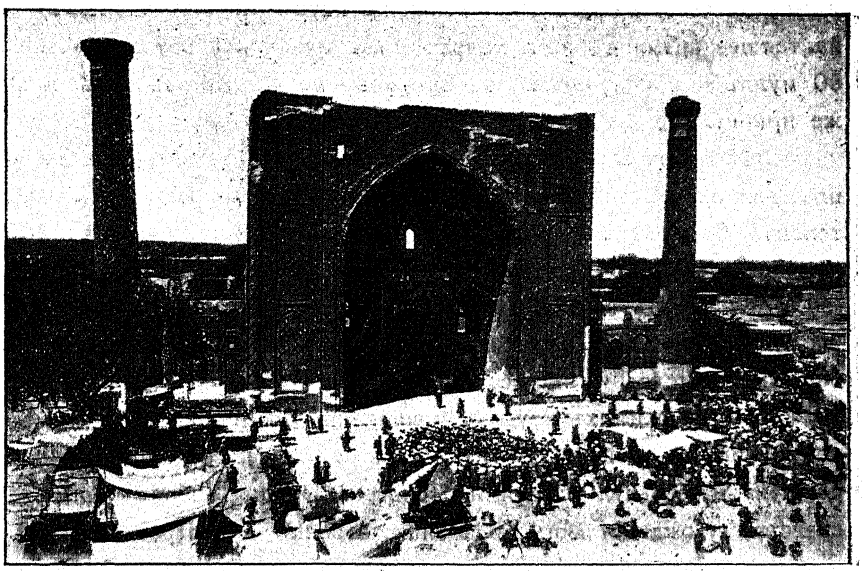
2) Въ настоящее время эта великолѣпная и величественная постройка постепенно разрушается и причисляется уже къ развалинамъ, опаснымъ для осмотра.

3) Мирза Улугъ-Бекъ былъ старшимъ сыномъ Шахруха, сына и преемника Тимура. Улугъ-Бекъ родился въ 1394 г. по Р. Хр. и началъ править Самаркандомъ, когда ему было 19 лѣтъ—въ 1419 г. по Р. Хр.

4) Самарія. Описаніе древностей и мусульманскихъ святынь Самарканда. Состав. Абу-Тахиръ-Ходжа, перев. В. Л. Вяткинъ (Справочная книжка Самарк. обл. за 1898 г.), стр. 169 и 234.

5) На этой же площади (тысяча кв. саж.) расположены упоминаемыя ниже двѣ мадрасы—Ширъ-доръ и Тиллякори. Всѣ три мадрасы расположены по тремъ странамъ горизонта: на сѣверной сторонѣ—Тиллякори, на восточной—Ширъ-доръ, на западной—Мирза Улугъ-Бекъ.

содраганіе хребетъ земли. Высокіе карнизы зданія поднимались, по выраженію поэта, на соединеніе съ небеснымъ сводомъ, а лазуревые изразцы, украшавшіе стѣны мадрасы, напоминали синеву неба, раздѣланнаго серебряными звѣздами [1]). Въ послѣдовавшее затѣмъ правленіе узбековъ, считаемое временемъ упадка просвѣщенія [2]), верхній этажъ зданія былъ разобранъ, такъ какъ онъ по своей высотѣ оказывался командующимъ надъ крѣпостью,—и мадраса осталась потомъ одноэтажною. Площадь двора внутри мадрасы 1763 кв. с.



Первымъ мударрисомъ въ эту мадрасу былъ назначенъ Улугъ-Бекомъ Казы Зада Руми. Одн временно съ нимъ читалъ въ мадрасѣ лекціи ученый Мауляна Хавсфи, который во время постройки мадрасы самъ вмѣстѣ съ чернорабочими трудился надъ возведеніемъ ея стѣнъ. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, самъ Улугъ Бекъ принималъ участіе въ преподаваніи. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какой курсъ излагалъ онъ въ своихъ чтеніяхъ; можно думать, что Улугъ-Бекъ, какъ составитель „астрономическихъ таблицъ“ [3]), знакомилъ своихъ слушателей съ

---

1) Съ величіемъ фасада этого зданія не особенно гармонировала одновремя подвѣшенная къ нему голова старшаго сына Улугъ-Бека—Мирзы Абдулъ-Латифа, который въ 853 г. (1449) убилъ сначала младшаго своего брата, а потомъ и отца, строителя мадрасы.

2) Примѣч. 56 къ переводу Самаріи, стр. 286 и сл.

3) Обсерваторія была устроена Улугъ-Бекомъ за городомъ на берегу арыка, послѣ совѣщанія съ Казы-Зада Руми и другими учеными современниками. Онъ проводилъ большую часть времени съ саду, разбитомъ имъ же вокругъ любимаго имъ учрежденія.

астрономіей.... Не сохранилось также свѣдѣній, какія науки вообще преподавались на разныхъ отдѣленіяхъ (младшемъ, среднемъ и высшемъ) и по какимъ руководствамъ, а также—какія перемѣны въ жизни этой мадрасы происходили въ продолженіе ея существованія. Только извѣстно, что въ 1113 г. Хиджры (1701 по Р. Хр.) въ помѣщеніяхъ мадрасы никого не осталось, кромѣ обитателей развалинъ—филина и совы, и четыре купола ея стояли, старчески качая пустыми голозами. Послѣ, въ 1334 г. (1818—1819 по Р Хр.), при Эмирѣ Бухары Сеидъ-Хайдарѣ было вновь дано движеніе наукѣ и ходъ ученымъ, а въ настоящее время въ этой мадрасѣ два мударриса обучаютъ не болѣе 60 муллъ [1]) и получаютъ изъ вакуфовъ по 40 руб. въ годъ; мупламъ же причитается не болѣе 10 руб. въ годъ каждому

Двѣ мадрасы: *Ширъ-доръ и Тиллякори*, находящіяся на одной площади съ предыдущею, построены Ялангтушемъ Багадуромъ, правителемъ Самаркандской области: Ширъ доръ построена въ 1028 г. Хиджры (1618—1619 г. по Р. Хр.), а Тиллякори въ 1056 (1646 г.).

Абу Тахиръ Ходжа[2]) разсказываетъ, что Ялангтушъ сдѣлалъ при жизни много завоевательныхъ походовъ, которые доставили ему большія богатства и множество плѣнниковъ. Утомившись подъ старость лѣтъ отъ пережитыхъ трудовъ и волненій, Ялангтушъ рѣзко измѣнилъ направленіе бурной своей жизни: онъ окружилъ себя представителями религіи и, бесѣдуя съ ними о спасеніи души, избралъ однимъ изъ средствъ угожденія Богу дѣла благотворенія и построеніе зданій для мечетей и мадрасъ. Въ послѣднемъ случаѣ имъ несомнѣнно руководило и чувство тщеславія: построенныя имъ двѣ большія мадрасы не уступаютъ по размѣрамъ и красотѣ мадрасѣ Улугъ Бека

О мадрасѣ Ширъ-доръ Абу Тахиръ Ходжа говоритъ, что по своей громадности она не вмѣщается въ сосудъ воображенія и мысли. Высота ея свода вознесена подобно аркѣ небесъ и, какъ бы въ знакъ этого, на ея фронтонѣ изображено солнце въ соединеніи съ созвѣздіемъ льва [3]). Съ двухъ сторонъ входной арки ея возвышаются два купола и подлѣ каждаго изъ нихъ высокій минаретъ, украшенный

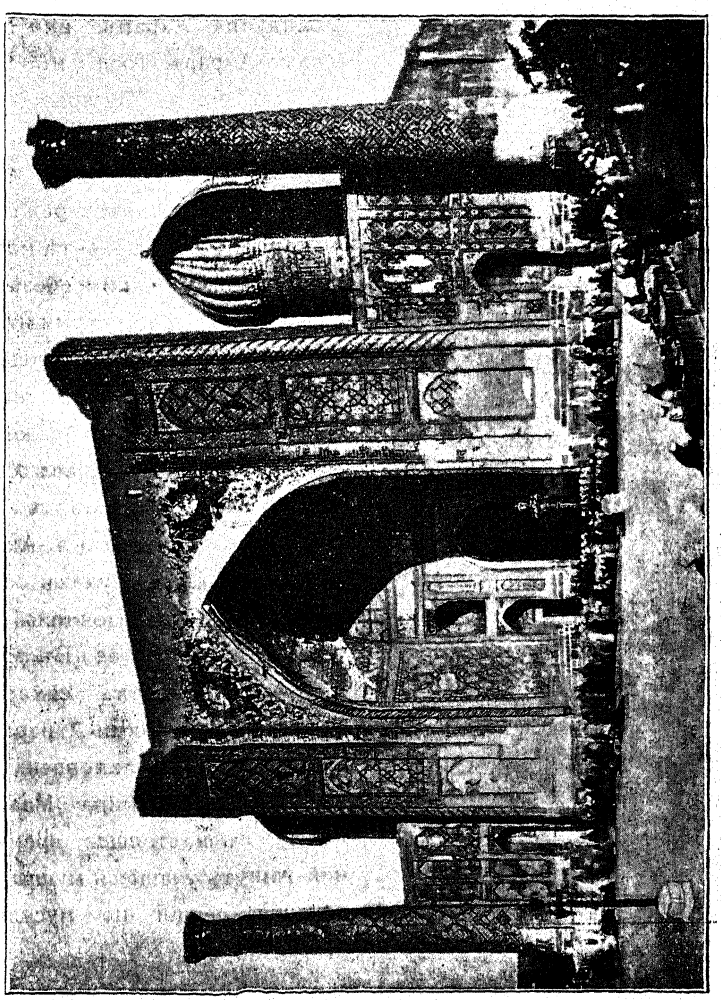
---

1) Помѣщенія для чтенія лекцій въ настоящее время настолько пришли въ упадокъ, что мударрисы занимаются со своими слушателями въ комнатахъ (худжра) студенческихъ.

2) Авторъ сочиненія „Самарія“, умершій казій гор. Самарканда, описавшій древности и святыни этого города болѣе 70 лѣтъ назадъ.

3) Въ настоящее время съ трудомъ можно только догадываться о бывшей красотѣ фронтона этой мадрасы, такъ какъ изразцовая обдѣлка очень сильно вывѣтрилась и потрескалась, а возстановлять и поддерживать это красивое и величественное зданіе некому и не на что: вакуфы ничтожны, а частныхъ благотворителей нѣтъ.

цвѣтными изразцами, что вызываетъ удивленіе и восторгъ, какъ у людей благородныхъ, такъ и у простыхъ смертныхъ [1]). При этой мадрасѣ состоитъ 1 мударрисъ и до 100 учащихся муллъ, размѣщенныхъ въ 60-ти кельяхъ. Дарсъ-ханы (аудиторіи) 2. Содержаніе мадраса получаетъ изъ вакуфовъ (торговыя лавки въ Самаркандѣ и Бухарѣ); мударрисъ получаетъ около 200 руб. въ годъ, а учащіеся муллы около 5 рублей каждый.



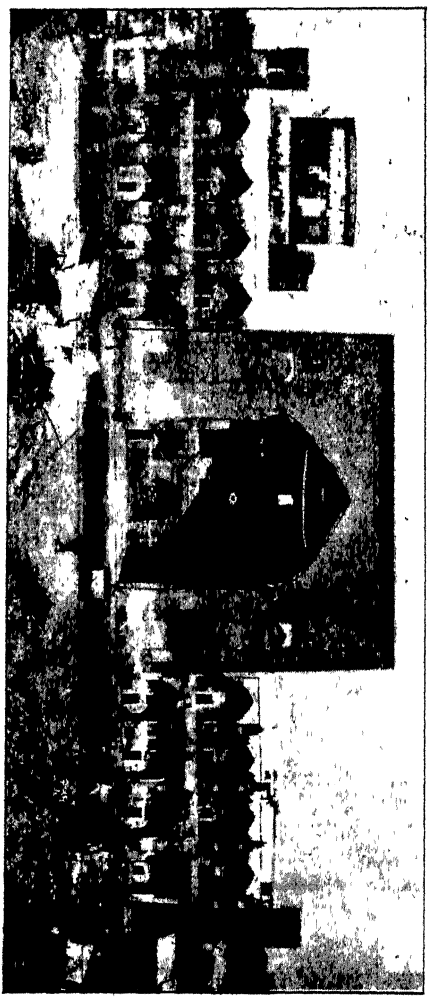
Мадраса Ширдоръ въ Самаркандѣ.

Мадраса Гиллякори имѣетъ также большіе размѣры и красивую изразцовую отдѣлку, въ которую входитъ и золото, давшее ей названіе [2]). Въ 1234 г. Х. (1820—1821 г.) во время землетрясенія, красивый фасадъ этой мадрасы обвалился, но, по распоряженію бухарскаго амира

[1]) См. цитиров. книгу „Самарія“ въ перев. В. Л. Вяткина и рисунокъ.

[2]) Гиллякори въ рус. переводѣ означаетъ „золоченая“.

Сеидъ-Хайдара, былъ возстановленъ въ первоначальномъ видѣ. При этой мадрасѣ полагается 2 мударриса, но одинъ выбылъ, находя невозможнымъ существовать на скудное содержаніе, получаемое изъ вакуфовъ. Учащихся муллъ въ мадрасѣ 80—85; келій для нихъ 54. Дарсъ ханы 2, но одна разваливается. Вакуфные доходы незначительные, такъ что на долю мударриса достается не болѣе 120 руб. въ годъ.



Мадраса Тиллякори въ Самаркандѣ.

Извѣстный во всей средней Азіи мистикъ (суфи) Насреддинъ Убайдулла Ахраръ, или просто Ходжа-Ахраръ (родъ въ 806 г., умъ въ 895 г. Хиджры=1404—1490 гг по Р. Хр.) относился съ высокимъ уваженіемъ къ ученымъ людямъ, построилъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ мадрасы для ищущихъ знаній и обезпечилъ содержаніе ихъ вакуфами изъ громадныхъ земельныхъ имуществъ, которыми располагалъ онъ при своей жизни[1]). По соображеніямъ В. Л Вяткина, мадраса Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ была основана при Султанѣ Ахмадъ Мирзѣ. когда въ рукахъ основателя ея сосредоточились уже огромныя имущества Въ правленіе Аштарханидовъ самаркандская мадраса Ходжи-Ахрара разрушилась и возстановлена была въ правленіе амира Маасумъ-Газы; въ настоящее время въ ней живутъ учащіеся муллы, слушающіе лекціи по мусульман-

[1]) По преданію, онъ въ молодости былъ очень бѣденъ, 24 лѣтъ отправился въ Гератъ и, проживъ тамъ 5 лѣтъ, снова вернулся въ Ташкентъ и занимался земледѣліемъ при одной парѣ воловъ. Но скоро онъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ земель на югъ отъ Самарканда до горъ Шахрисябза; его стадамъ, полямъ и садамъ счета не было; изъ урожаевъ онъ выплачивалъ въ ханскую казну 6 милл. пудовъ зерна. Если эта цифра и преувеличена, то фактъ несмѣтныхъ богатствъ Ходжи-Ахрара не подлежитъ сомнѣнію. И при этомъ достойно замѣчанія, что онъ считалъ всѣ свои богатства принадлежащими народу. а самъ продолжалъ вести жизнь дервиша, суфи. Конечно, всѣ свои богатства онъ получилъ отъ народа же, отъ своихъ послѣдователей—муридовъ.

скимъ наукамъ. Среди туземцевъ эта мадраса извѣстна также подъ именемъ „Мадрасаи-сафидъ“, т. е. Бѣлая мадраса [1]). Эта мадраса находится за городомъ. Въ мечети при этой мадрасѣ хранился знаменитый манускриптъ Корана, писанный, по мусульманскому преданію, рукою 4-го халифа Османа, который былъ убитъ мятежниками во время чтенія этого манускрипта, почему на нѣкоторыхъ листахъ его сохранились пятна кровяныя. Въ послѣдующія времена этотъ манускриптъ былъ перенесенъ въ Константинополь, откуда получилъ его Ходжа Ахраръ. По взятіи русскими войсками гор. Самарканда, этотъ манускриптъ былъ переданъ русскому генералу Абрамову и отправленъ въ С.-Петербургскую Публичную Библіотеку, гдѣ хранится и въ настоящее время [2])

Мадраса Шейбани-Хана была начата постройкой въ концѣ жизни этого хана, который былъ намѣренъ выстроить ее столь обширною, какъ „площадь надежды“ и столь высокою, „какъ зенитъ неба“, но погибъ въ сраженіи съ Иранскимъ Шахомъ Измаиломъ 27 ша'абана 916 г. Хиджры [3]). Тѣло его было привезено безъ головы въ Самаркандъ и похоронено при начатой имъ мадрасѣ. Сынъ его, Тимуръ-Мухаммадъ-Султанъ, вступивъ на тронъ отца, продолжалъ начатую постройку, но также не довелъ ее до конца, такъ какъ въ 920 (1514) г. „попугай чистой его души отлетѣлъ изъ земной клѣтки въ высшій міръ“. Тогда приступила къ постройкѣ мадрасы вдова умершаго—Михръ-Султанъ-Ханымъ. Возымѣвъ въ сердцѣ своемъ мысль „оставить на лицѣ времени доброе имя, которое не могли бы смыть земныя наводненія“, она пригласила искусныхъ архитекторовъ, чудесныхъ строителей и опытныхъ мастеровъ и приказала имъ выстроить рядомъ съ строящеюся мадрасой и другую, столь же великолѣпную. Въ скоромъ времени оба зданія были окончены и соединены огромнымъ фронтономъ, отливавшимъ золотомъ и лазурью, а стѣны зданія были украшены изразцами. Поэтъ, въ восторгѣ отъ красоты этихъ зданій, высказалъ: „Это двѣ мадрасы,—громадныя, какъ египетскія пирамиды, похожія одна на другую, какъ близнецы, и радующія сердца, какъ двѣ щеки возлюбленной.... послужили къ увеличенію блеска Самаркандскаго царства“.

---

[1]) Самарія и „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Томъ V (1896 г.) ст. Святые, чтимые туземцами“ и пр Въ этой статьѣ приведено много интересныхъ свѣдѣній изъ жизни извѣстнаго во всей Средней Азіи мусульманскаго святого Ходжи-Ахрара.

[2]) См. мою книгу „Исламовѣдѣніе“. Коранъ, стр. 102 и сл.

[3]) Эта дата соотвѣтствуетъ концу ноября 1910 г. по Р Хр.

Содержаніе этой парной мадрасы было обезпечено большимъ числомъ пахотныхъ участковъ, садовъ, лавокъ, торговыхъ бань и пр. На доходы съ этихъ имуществъ содержались четыре мударриса, студенты, имамъ и разнаго рода служители. Не смотря на это, въ послѣдовавшее затѣмъ время мадраса Шейбани-хана стала приходить въ упадокъ до полнаго разрушенія, такъ что при самаркандскомъ правителѣ Маасумъ-Газы (1784 и сл. по Р. Хр.) была заново перестроена. Тогда же она снова стала пользоваться доходами съ вакуфовъ и тогда въ ней возобновились учебныя занятія, о чемъ благочестивый правитель Самарканда очень усердно заботился [1]). Мадраса находится на базарной площади, между Ригистаномъ и развалинами „Биби-Ханымъ“ во дворѣ мадрасы стоитъ четырехъугольный памятникъ, сложенный изъ плитъ темно-сѣраго мрамора [2]).

Мадраса Надыръ-Мухаммеда Диванъ-беги выстроена въ 1631 г. по Р. Хр. и отличалась просторомъ и украшеніями, но въ настоящее время нѣкоторыя части ея зданія разрушились.

Небольшая мадраса Сеидъ Ахмадъ-Ходжи построена въ 1637 году по Р. Хр., въ правленіе Имамъ-кули-Хана, считавшагося передовымъ человѣкомъ своего времени.

Также небольшая мадраса Казы Абдулъ-Гафура.

Мадраса-и-Али въ цитадели, противъ извѣстнаго „*кукъ-таша*“ [3]), служившаго при Аштарханидахъ коронаціоннымъ тономъ, построена бухарскимъ амиромъ Сеидъ-Хайдаромъ въ 1813 г. по Р. Хр.

Кромѣ Самарканда, мадрасы есть и въ другихъ городахъ области, особенно въ Ходжентѣ, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ области. Общее число ихъ въ Самаркандской области простирается до 90; въ нихъ обучаются не менѣе тысячи молодыхъ и пожилыхъ людей [4]).

Дать описаніе внутренней жизни въ этихъ мадрасахъ авторъ не можетъ, но не отрицаетъ ихъ противленія современной образованности (См. № 8 Тузем. Газ. за 1914 годъ).

---

[1]) Самарія стр. 171 и 242.

[2]) Въ надписи на памятникѣ Шейбани ханъ называется „Солнцемъ ханства и одного изъ 12 звѣздъ, сіяющихъ на небѣ ханства, великимъ ханомъ, милостивымъ хакимомъ, повелителемъ тюркскихъ, арабскихъ и персидскихъ странъ (См. брош. Случеповскаго „Самаркандъ и его прошлое“. Изд. въ 1911 г. въ Самаркандѣ и брош. Сенкульскаго „Путеводитель по Самарканду“. Изд. въ 1920 г. въ Борисовѣ.

[3]) Такъ называется сѣрый мраморный камень, на который садились новоизбранные бухарскіе амиры.

[4]) Совершенно точныхъ свѣдѣній о числѣ высшихъ школъ, учащихъ и учащихся въ нихъ мы не имѣемъ и думаемъ, что и администрація области точными свѣдѣніями не располагаетъ.

Мадрасы гор. Коканда.

Среди городовъ Ферганской области центромъ мусульманскаго просвѣщенія считается городъ Кокандъ, послѣдняя столица кокандскихъ хановъ. Въ этомъ городѣ, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, считается 37 мадрасъ, въ которыхъ обучаются болѣе 2000 учащихся муллъ, въ зависимости отъ числа худжръ (комнатки для учащихся).

Названія мадрасы, имя основателя и годъ хиджры.	Годы христіанскаго счисленія.	Число худжръ.	Число муллъ.	Число мударрисовъ.
1) „**Миръ**“. Основ. Нарбута-ханомъ, 1770—1808 г. Хиджры	1729	—	—	—
2) „**Мингъ-Аимъ**“. Основ. жена Нарбута-хана (мать Умаръ-хана) въ 1217 г. Х.	1802	38	80	5
3) „**Джами**“. Основ. Умаръ-ханъ, сынъ Нарбута-хана, въ 1234 г. Х. . .	1818	100	220	6
4) „**Мадалиханъ**“. Основ. Мухаммедъ-Али ханъ, сынъ Умаръ-хана, въ 1245 г. Х.	1829	79	214	6
5) „**Али**“. Основ. Худоярханъ, сынъ Ширали-хана, въ 1263 г. Х. . . .	1846	82	180	6
6) „**Миръ-Бутабай**“. Основ въ 1243 г. Х.	1827	10	—	1
7) „**Миръ-Бутабекъ**“. Основ. Миръ-Бутабекъ, сынъ Ирданабека, въ 1214 г. Х.	1799	63	114	5
8) „**Султанъ-Мурадбекъ**“. Основ. Мурадбекъ, сынъ Ширали-хана, въ 1289 г. Х.	1872	100	200	4
9) „**Хакимъ-Аимъ**“. Основ. въ 1286 г. Х.	1869	105	182	3
10) „**Ходжа Дадха**“. Основ. Барадуръ-ходжа Ишанъ, сынъ Арифъ-ходжи, въ 1238 г.	1822	52	102	9
11) „**Хакимъ-Тюря**“. Основ. Хакимъ-Тюря въ 1210 г.	1795	—	—	3
12) „**Ханъ-ходжа-Ишанъ**“. Основ. Ханъ-ходжа-Ишанъ, сынъ Юсуфъ-ходжи-Ишана въ 1204 г.	1789	23	—	2
13) „**Пиръ-Мохаммедъ-Ясаулъ**“. Основ. въ 1217 г.	1802	—	—	2
14) „**Бузрукъ-ходжа-Ишанъ**“. Основ. Бузрукъ-ходжа Ишанъ, сынъ Хасанъ ходжи Ишана, въ 1216 г.	1801	21	—	3
15) „**Хаджибекъ**“. Основ. Хаджибекъ, сынъ Абду-р-Рахманбека, въ 1220 г. . .	1805	18	—	1

16) „**Ахундъ-Диванбеги**“. Основ. Мулла Мохаммедъ-Ахундъ, въ 1220 г. . .	1805	15	44	1
17) „**Мирза Ядгаръ**“. Основ Мохаммедкулъ, сынъ Бахадуръ-Утыякулы, въ 1220 г. .	1805	24	—	2
18) „**Хаккули-Бекъ**“. Основ Хаккулы Мингбаши Джахангирбекъ, сынъ Дадхи, въ 1241 г.	1825	33	65	1
19) „**Тунъ катаръ**“. Основ. Мохаммедъ Садыкъ, сынъ Мохаммедъ Юнуса Дадхи, въ 1242 г.	1826	—	—	1
20) „**Бирди Кулыбекъ**“. Основ Бирди Кулыбекъ, сынъ Ирыскулыбека, въ 1242 г	1826	6	—	1
21) „**Зинбардаръ**“. Основ. Мохаммедъ Аминбекъ, сынъ Юсуфа Митака въ 1243 г.	1827	6	—	1
22) „**Хыштынъ**“. Двѣ мадрасы. Одна основана въ 1142 г., другая—въ 1247 г .	183[illegible]	—	—	—
23) „**Дастурханчи**“. Основ. Махмудъ-Дастурханчи, сынъ Хасанъ Джанаки, въ 1249 г.	1833	35	—	3
24) „**Аминъ Джанбай**“. Основ. Аминъ Джан бай, сынъ Якубъ-Джанбая, въ 1245 г.	1829	28	62	1
25) „**Аркъ-Али**“. Основ. Мусульманкулъ Мингбаши, сынъ Тургай-Мирзы въ 1261 г.	1845	25	60	1
26) „**Махляръ Аимъ**“. Основ. дочь Рахманкулъ Аталыка, въ 1257 г. . . .	1841	37	100	2
27) „**Чалпакъ**“. Основ. мать Худоярхана въ 1260 г.	1844	29	43	1
28) „**Халифа-Сафа Ишанъ**“. Основ. сынъ Сафа Ишана въ 1261 г.	1845	—	—	1
29) „**Хазрятъ Сахибъ Зада**“. Основ. Хазрятъ Сахибъ Зада Ишанъ въ 1278 г. .	1861	24	50	1
30) „**Харифана**“. Основ. Мулла Абулъ-Касымъ Махзумъ въ 1274 г. . . .	1857	23	—	1
31) „**Парваначи**“. Основ. Халыкъ-Назаръ Парваначи въ 1291 г.	1874	30	48	1
32) „**Ишанъ-Суфи-Бадаль**“. Основ. Ишанъ-Суфи Бадаль, сынъ Халифа Абдур Рахмана въ 1245 г.	1829	20	—	1
33) „**Мохаммедъ Алимбай**“. Основ. М Алим бай, сынъ Наръ Мохаммедъ Бая, въ 1289 г.	1872	16	—	1

34) „**Хамъ Тамагъ**“. Основ. Худоярханъ, сынъ Ширали хана въ 1275 г. . .	1858	21	—	1
35) „**Катта ходжа Ишанъ**“. Основ. Катта ходжа-Ишанъ, сынъ Аюбъ-ходжи Ишана, въ 1296 г.	1878	—	—	1
36) „**Халифа Алтмышъ**“. Основ. Халифа Алтмышъ, сынъ Мохаммедъ-Бая, въ 1289 г	1872	13	—	1
37) **Мадраса-Хаммамъ**“. Основ Мирза Рахимъ Парванчи въ 1219 г. . . .	—	11	—	1
Кромѣ названныхъ 37 мадрасъ у Инспектора нар. уч. показаны еще двѣ: „**Абду-Джалиль Халифа**“ и „**Мухаммедъ Шарифбай**“.	—	—	—	1

Означенныя свѣдѣнія доставлены составителю книги Инспекторомъ народнаго училища Ферганской области Ѳ. П. Егоровымъ и сотрудникомъ туземной газеты Юсуфханомъ Мирзой.

Число мударрисовъ и учащихся муллъ въ каждой мадрасѣ не одинаково; въ мадрасѣ Джами семь мударрисовъ и 200 учащихся, кромѣ приходящихъ. Зданіе мадрасы еле держится вслѣдствіе близости подпочвенной воды. Въ мадрасѣ „Мингъ Аимъ“ 81 худжра въ которыхъ живутъ болѣе 200 учащихся; хозяйственною частью вѣдаютъ 5 мутавалліевъ Эта мадраса, не отличаясь внѣшнимъ видомъ и чистотою, отличается отъ другихъ большими размѣрами своего двора (800 кв. саж), посреди котораго возвышается минаретъ въ 9 саж. По сторонамъ минарета протекаетъ вода по канавкамъ (арыки) для орошенія посаженныхъ во дворѣ деревьевъ и цвѣтовъ.

Мадраса Хакимъ-Аимъ представляетъ огромное двухъэтажное сооруженіе, внутри котораго устроено худжры для учащихся, которымъ даютъ уроки 3 мударриса. Дворъ мадрасы занимаетъ около 300 кв. саж и на немъ разбитъ небольшой цвѣтникъ.

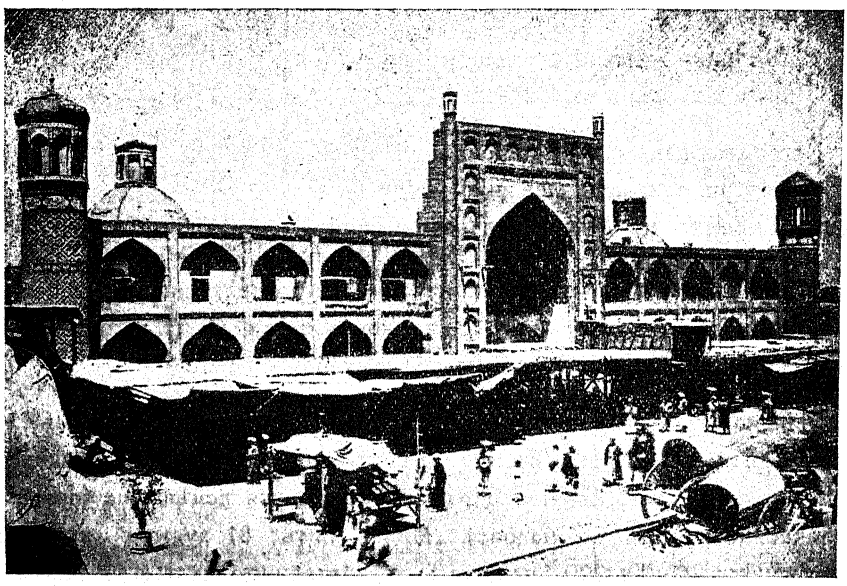
Вообще число учащихся въ мадрасахъ гор. Коканда очень велико, сравнительно съ числомъ худжръ, которыя потому переполнены.

Средствами содержанія многія кокандскія мадрасы обезпечены недостаточно, потому что не всѣ вакуфныя имущества утверждены за мадрасами, что даетъ поводъ мударрисамъ и мутаваллiямъ жаловаться на несправедливость русской администраціи Всѣ 39 мадрасъ имѣютъ съ вакуфовъ не болѣе 50 тыс. руб. дохода. Доходы главной мадрасы едва превышаютъ одну тысячу рублей. Только мадраса Султанъ-Мурадъ-Бека о(снов. около 45 лѣтъ назадъ) располагаетъ достаточнымъ числомъ

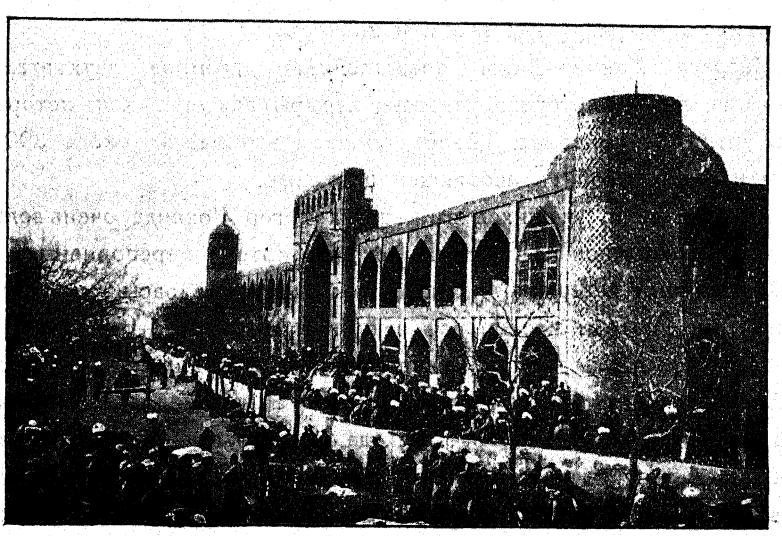
вакуфовъ (лавки), изъ которыхъ мударрисъ получаетъ до 600 руб. въ годъ. Въ зданіи этой мадрасы живутъ 162 интерна, кромѣ приходящихъ. Въ числѣ обѣднѣвшихъ есть такія мадрасы, въ которыхъ мударрисы и учащіеся оставили свои мѣста, а мутаваллііи живутъ безъ опредѣленныхъ средствъ.

Изъ перечисленныхъ мадрасъ только три отличаются красивой архитектурой: Султанъ Мурадбекъ, Хакимъ-Аимъ и Мадали-Ханъ.

Мадраса Султанъ-Мурадбека.

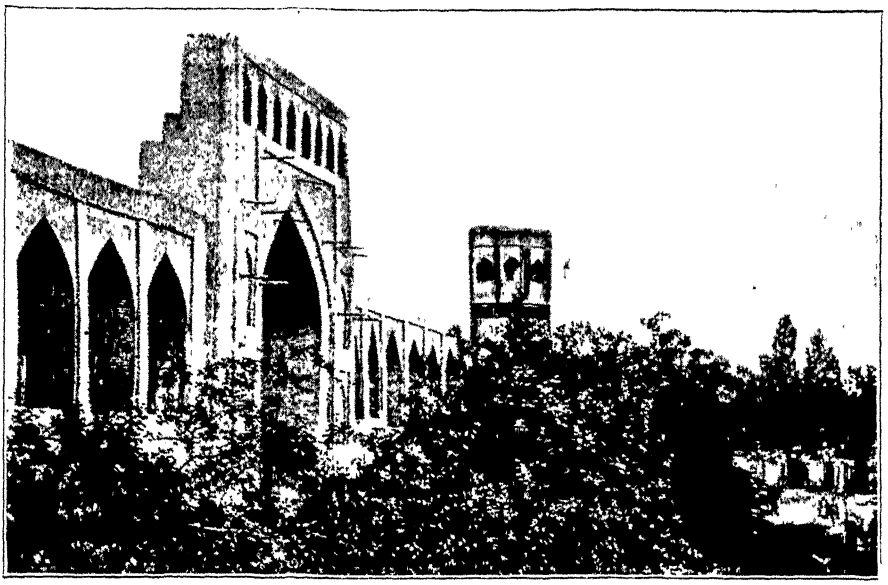


Минареты мадрасы Султанъ-Мурадбека украшены эмалированными кирпичиками синяго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Фасадъ ея занимаетъ въ длину 20 саж., а дворъ=15×12 саж.



Мадраса Хакимъ-Аимъ.

Мадраса Мадали-Хана.



Мадрасы въ гор. Наманганѣ [1]).

Въ Наманганѣ существуетъ 20 мадрасъ, открытыхъ съ вѣдома русской администраціи, именно:

1. Хазретъ Мауляви Хиштынъ.
2. Айрытамъ (Измаилъ-Ходжа-Ишанъ).
3. Азизъ-Ходжа Ишанъ.
4. Багадуръ-Ходжа-Ишанъ.
5. Мазджидъ-Ханака.
6. Мааруфъ-Ханъ-Тюря.
7. Мулла Ташъ-Дамулла.
8. Михманъ-Ханъ-Тюря.
9. Ташъ-Балабай.
10. Альмурутъ (Якубъ-бай).
11. Саидъ Кулъ-бекъ.
12. Мулла Сарымсакъ-Муфтій.
13. Имамъ-Гузаръ.
14. Мазгумъ-Ишанъ (въ Сардобинской части).
15. Касымъ-бай.
16. Казы-Баба-бай, или Мулла-Джанбай.
17. Таиръ-Махзумъ.
18. Каль-Ходжа.

---

[1]) Свѣдѣнія доставлены автору районнымъ инспекторомъ Л. И. Кудрявцевымъ.

19. Махзумъ-Ишанъ.

20. Баляндъ Мечеть.

Кромѣ того, есть въ этомъ городѣ мечети, при которыхъ преподаются мусульманскія науки, и особыя учебныя заведенія, именуемыя „кары хана“ [1]), въ которыхъ также происходитъ преподаваніе особыми дамуллами.

Мадрасы при мечетяхъ, именуемыя (неправильно) „кары-ханами“ —слѣдующія:

1. Въ Чукуръ-Кучинской части.

1 Рафикъ Шохбай Хазретъ (въ кварталѣ Шахъ Ишанъ).
2. Махсутбай-Даніяровъ (въ кварталѣ Хазретъ).
3. Ахундъ Мирза (въ кварталѣ Шарифъ-Шуръ).
4. Юсуфбай (въ кварталѣ Балтабай-Саудагаръ).
5. Раджабай-Тохта Пулатбаевъ (тамъ же).
6. Каримбай Садыкбаевъ (на Бишъ-Кепинской улицѣ).

2. Въ Сердобинской части.

7. „Джами“ (на Тюря-Курганской улицѣ).
8. „Вали Ханъ-Тюря“ (на Маргеланской улицѣ).
9. „Сарымсакъ Датха“ (въ кварталѣ того же имени).
10. „Сирликъ“ (въ кварталѣ Кумуръ-хана).
11. „Абдулла Ходжа-Ишанъ“ (на Тюря-Курганской улицѣ).
12. „Бука-Биби“ (въ кварталѣ того же имени).
13. „Шакиръ-Ахмадъ-Кази“ (на большомъ базарѣ).
14. „Миръ-Ашурбай“ (тамъ же).
15. „Талкошбай“ (на Куропаткинской улицѣ).
16. „Мулла-Ханъ Мирза-Ахундъ“ (на Машрабской улицѣ).

3. Въ Ляббай-Тогайской части.

17. „Мулла-Абду-Кадыръ-Ишанъ“ (по Ширабанской улицѣ).
18. „Мулла-Базаръ-Ахундъ“ (на улицѣ Арванитаки).

4. Въ Дерезликской части.

19. Мулла Аминъ-Джанъ (въ кварталѣ Мазазаликъ).
20. Атаулла-Ханъ-Тюря (въ кварталѣ Сабзикаръ).
21. Каримбай Мутавалли Абдурахманъ-Карыевъ (кв. того же имени).
22. Шакиръ-Кары Хамутъ хановъ (кварт. Азизляръ-ходжа).

---

[1]) Въ кары-ханахъ желающіе обучаются „правильному“ чтенію Корана, текстъ котораго заучивается наизусть.

23. Ата Хайбай (въ томъ же кварталѣ).
24. Мулла Ташъ-Дамулла (тамъ же).
25. Мулла Якубджанъ (на улицѣ Тахта-Купрюкъ).
26. Мулла Файзы-Ишанъ (въ кварталѣ Кунчиликъ).
27. Якуббай-ходжа (въ кварталѣ Якубъ-Чутуръ).
28. Сарымсакъ (Бузга-Мазаръ).
29. Саидбай-Ходжа (Кази-Гузаръ).
30. Мулла Киргизъ-Машраббаевъ (въ кварталѣ Баньги-Яръ).

Такимъ образомъ, въ Наманганѣ существуютъ 50 школъ, съ разными учебными курсами, въ которыхъ обучаютъ не менѣе тысячи человѣкъ. Многочисленные мактаабы существуютъ особо.

Мадрасы въ Ташкентѣ.

Въ Ташкентѣ самою древнею мадрасой считается мадраса Ходжи-Ахрара (близъ базара), того самаго мистика, о которомъ упомянуто выше (ум. въ 1490 г. по Р. Хр.) Она существуетъ болѣе 416 лѣтъ, по размѣрамъ небольшая и не выдается своей архитектурой. Въ ней, при двухъ мударрисахъ, обучаются 44 молодыхъ людей, живущіе въ 21 кельѣ. При мадрасѣ есть большая мечеть для зимняго времени и особыя крытыя террасы на дворѣ для молитвы и для занятій въ теплое время года. Комната для постоянныхъ занятій учащихся съ мударрисомъ просторная, но темная и сырая. Мадраса обезпечена вакуфами, дающими 2.000 руб. въ годъ доходовъ; но два недобросовѣстные мутаваллія часть доходовъ присваивали себѣ, зданіе не ремонтировали и содержанія мулламъ и мударрисамъ не выдавали. По распоряженію Областного Правленія, претензіи муллъ и мударрисовъ, предъявленныя къ мутавалліямъ, были разсмотрѣны съѣздомъ казіевъ, послѣ чего были удалены оба мутаваллія и замѣнены другими [1]). Къ учебнымъ занятіямъ учащіе и учащіеся относятся довольно серьезно.

Мадраса Баракъ хана основана ташкентскимъ правителемъ Баракъ-ханомъ (ум. 357 лѣтъ назадъ) и существуетъ приблизительно 360 лѣтъ.

Мадраса Кукальдашъ основана почти одновременно съ предыдущею мадрасой, такъ какъ Баракъ ханъ и Куль-Баба были молочными братьями въ дѣтствѣ, а затѣмъ Баракъ ханъ былъ ташкентскимъ ханомъ, а Куль баба его визиремъ, получившимъ прозвище „Кукальдаша“ за молочное родство [2]) съ ханомъ. Въ этой мадрасѣ четыре мударриса, три репетитора и около ста учащихся, занимающихъ 42 худжры. Вакуфные доходы этой мадрасы очень незначительные; но зданіе поддерживается въ порядкѣ, благодаря добросовѣстности и

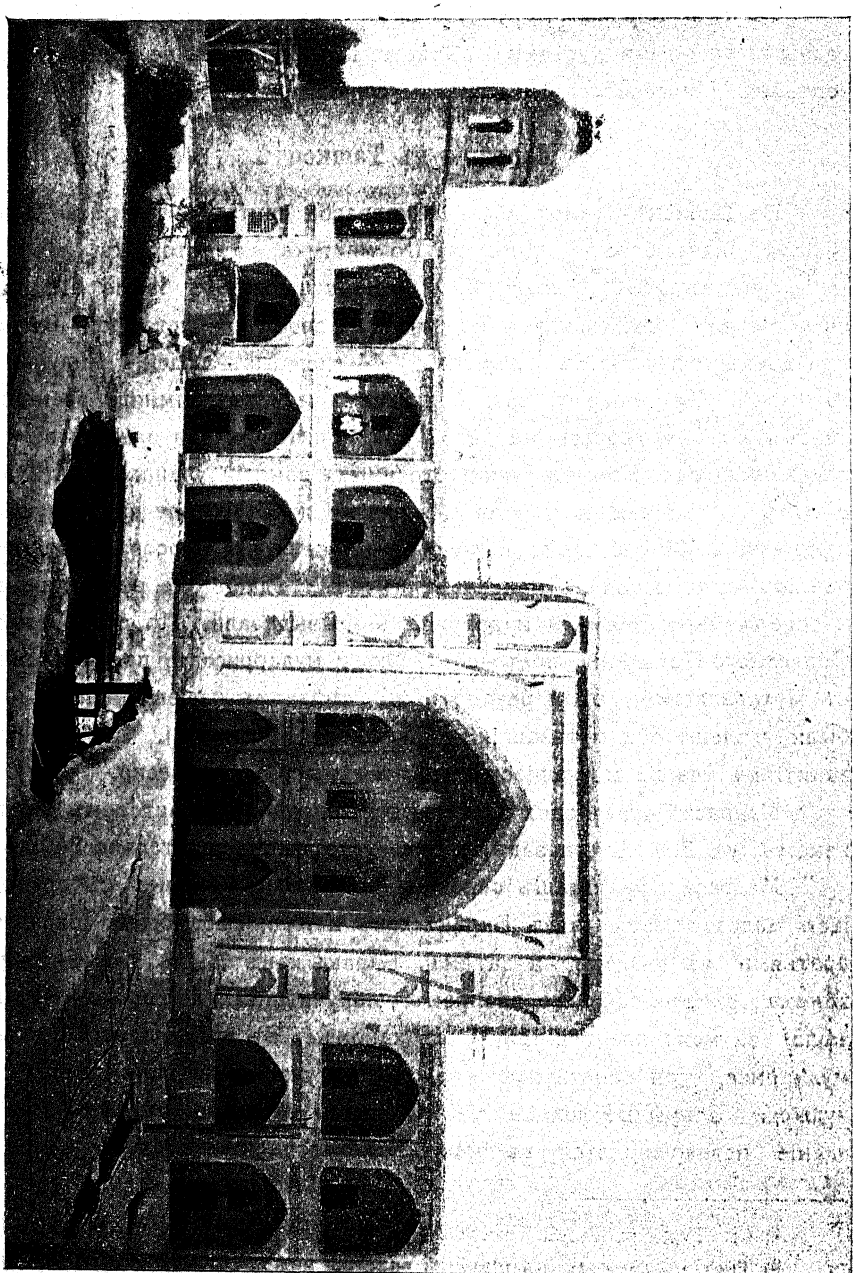
---

[1]) См. Туркест. Тузем. газета № 26 отъ 29-го іюня 1906 г. и № 6 за 1914 г.

[2]) Такъ называется въ шаріатѣ родство между дѣтьми разныхъ родителей, вскормленныхъ одною женщиной.

заботливости мутаваллія. Зданіе этой мадрасы, очевидно, не было закончено постройкой и отдѣлкой, но производитъ хорошее впечатлѣніе.

Другія ташкентскія мадрасы основаны не задолго до занятія Туркестана русскими. По словамъ современныхъ старожиловъ-туземцевъ, мадраса Бекляръ-Бекъ, близъ базара, основана восемьдесятъ лѣтъ назадъ ташкентскимъ правителемъ Бекляръ-беги. Онъ выдѣляется своими размѣрами и архитектурой, какъ можно судить по прилагаемому рисунку.



Мадраса Бекляръ-Бекъ.

Учебныя занятія въ этой мадрасѣ ведутся двумя мударрисами и нѣсколькими репетиторами (по одному на группу въ 16 учащихся). Изъ вакуфныхъ доходовъ (1.698 руб.) мутаваллій получаетъ 186 руб. 80 коп., старшій мударрисъ 195 руб., младшій—150 руб., брадобрѣй 30 руб., дворникъ, наблюдающій за чистотой двора, 40 руб. На содержаніе учащихся отдѣляется 654 руб. [1]), а на хозяйственные расходы по мадрасѣ—437 руб. 88 коп.

Одновременно съ этой мадрасой была основана казы каляномъ города Ташкента Иса-Ходжей мадраса, носящая имя своего основателя. При ней, вслѣдствіе малаго числа учащихся, состоитъ всего одинъ мударрисъ.

Немного позже двухъ предыдущихъ, именно 65 лѣтъ назадъ, сынъ упомянутаго Бекляръ-беги, Ишанъ-кули Дадха основалъ мадрасу близъ Шейхантаурскаго кладбища, которая извѣстна подъ именемъ своего основателя. Зданіе мадрасы въ проектѣ строителя предполагалось красивымъ, но оно не закончено отдѣлкой и содержится не очень мутавалліемъ, не смотря на близость къ русской части города. Учебная часть въ мадрасѣ не упорядочена и число мударрисовъ колебалось. Особенно это замѣчалось въ послѣднее время. Старшій мударрисъ этой мадрасы, теперь умершій, относился къ дѣлу учебному небрежно и противился допущенію въ мадрасу другихъ болѣе энергичныхъ мударрисовъ. Вслѣдствіе этого недавно въ этой мадрасѣ изъ четырехъ мударрисовъ три мударриса только числились, а учебнымъ дѣломъ не занимались по старости и болѣзненности.. И этимъ нисколько не смущался упомянутый мударрисъ. Въ настоящее время при этой мадрасѣ четыре мударриса, вмѣсто семи.

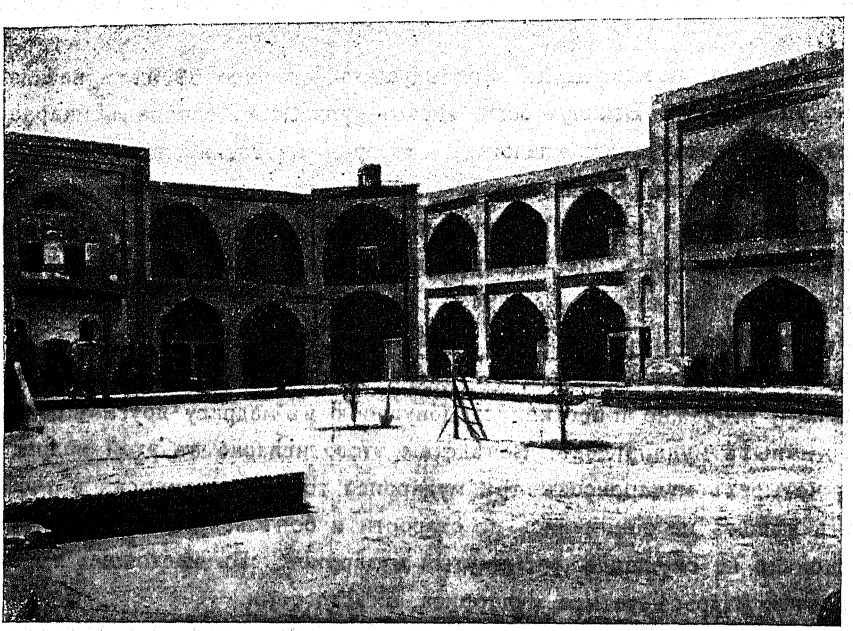
Почти одновременно съ этой мадрасой, лѣтъ 67 назадъ, визиремъ кокандскаго хана Махмудомъ Дастурханчи была основана небольшая мадраса, носящая имя основателя. Постройки этой мадрасы жалкія, и учебное дѣло въ ней, при 2-хъ мударрисахъ, не славится успѣхами. Старшій мударрисъ совсѣмъ выжилъ изъ ума.

Наиболѣе устроенною мадрасой считается мадраса умершаго въ 1892 году и пользовавшагося извѣстностью не только въ Ташкентѣ, но и въ окрестностяхъ, ишана Абулъ-Касымъ-хана, въ Бишагачской части. Основанная при жизни его отца, мадраса поддерживается получаемыми съ вакуфовъ покойнаго ишана доходами и приношеніями его

---

[1]) Учащіеся на получаемыя стипендіи сами покупаютъ провизію и сами готовятъ себѣ пищу по худжрамъ. Въ дополненіе къ вакуфнымъ стипендіямъ, они получаютъ поддержку отъ родныхъ и частныхъ благотворителей, которые присылаютъ въ мадрасу свои пожертвованія и приглашаютъ учащихся къ себѣ на домъ въ большіе праздники, въ дни поминокъ и по случаю разныхъ семейныхъ торжествъ.

муридовъ. Въ ней содержится 150—200 учащихся, среди которыхъ встрѣчаются пріѣзжіе киргизы и татары. Преподаватели, репетиторы и мутаваллiи при этой мадрасѣ—большею частью родственники покойнаго ишана[1]). Особенность этой мадрасы составляетъ такъ называемый *„муи-мубаракъ“* (благословенный волосъ пророка), для храненія котораго устроено особое помѣщеніе внутри двора мадрасы посрединѣ задней стѣны, съ нишей и дверью для входа молящихся (см. рисунокъ). Эта святыня усиливаетъ авторитетъ ишана и его мадрасы въ глазахъ его муридовъ (приверженцевъ, послѣдователей).



Мадраса Абулъ-Касымханъ Ишанъ.

---

[1]) Въ 1885 году, Абулъ-Касымъ-Ханъ въ разговорѣ со мною, въ его домѣ, съ печалью высказался, что въ настоящее время среди мусульманъ не только нѣтъ такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какими были: имамъ Газзали, Мауляви Руми и др. авторы распространенныхъ сочиненій по богословію, законовѣдѣнію и пр; но и такихъ людей мало, которые бы читали ихъ великія произведенія. Свой взглядъ на просвѣщеніе онъ выразилъ въ краткомъ замѣчаніи: „подобно тому, какъ люди умираютъ безъ пищи, и сердце человѣка безъ знаній мертво... Отъ усвоенія знаній какого бы то ни было народа получается только польза, такъ какъ каждый народъ, усвояя знанія другого народа, придаетъ новую силу своему собственному знанію“. По поводу сельско-хозяйственной выставки въ Ташкентѣ, открытой 22-го іюля того года, онъ спокойно замѣтилъ: „покойный родитель мой денегъ не оставилъ мнѣ; но я, занимаясь земледѣліемъ, пріобрѣлъ деньги, на которыя устроилъ мадрасу и даю пропитаніе живущимъ въ ней учащимся“ (Туземная газета, 1885 г. № 22). Конечно, нужно думать, что почтенный ишанъ не самъ обрабатывалъ землю, а имѣлъ для этого работниковъ изъ числа своихъ муридовъ. Другіе муриды дарили ему и деньги.

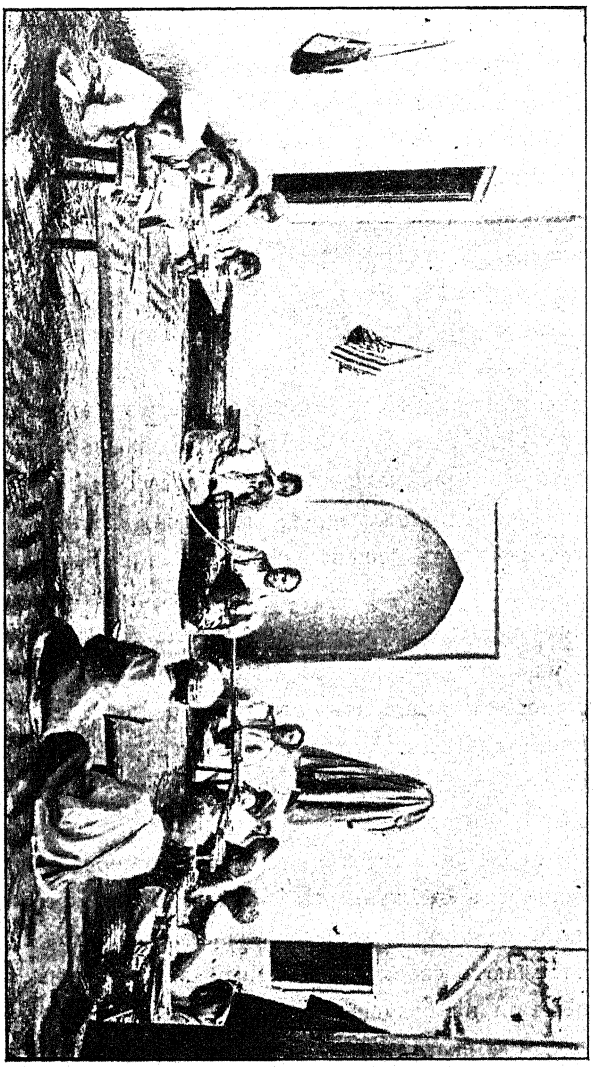
Всего въ Ташкентѣ въ настоящее время считается 23 мадрасы съ 815 учащихся. Кромѣ того, существуютъ и дѣйствуютъ мадрасы не только въ другихъ городахъ Сыръ-Дарьинской области (Чимкентѣ, Ауліэата, Туркестанѣ и др.), но и въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ Зянги-Ата, Пскентъ, Чиназъ и др. Изъ селеній въ этомъ отношеніи наиболѣе извѣстно Зянги-Ата, такъ какъ оно и мадраса въ немъ соединены съ именемъ мусульманскаго святого Зянги-Ата, память котораго привлекаетъ туда многихъ поклонниковъ особенно лѣтомъ, когда поспѣваютъ, дыни. Тогда въ мечети происходитъ шумный зикръ (богомолье дервишей), а въ саду,—народное гулянье (тамаша).

Въ сельскихъ мадрасахъ еще менѣе порядка, чѣмъ въ городскихъ, потому что авторитетъ своекорыстнаго мударриса не встрѣчаетъ противовѣса среди мѣстнаго населенія. Бываютъ случаи, что мударрисъ и мутаваллій, занимаясь болѣе торговыми дѣлами чѣмъ наукой, обращали худжры въ кладовыя, въ которыя складывали дрова и картофель, закупленныя въ дешевое время,—для продажи. Муллы вынуждены были жаловаться на бездѣлье и столь грубое нарушеніе мударрисомъ и мутавилліемъ своихъ обязанностей. Русская правительственная власть, вслѣдствіе неорганизованности надзора за мадрасами, лишена возможности установить строгій порядокъ въ этихъ школахъ. Особенно много разныхъ жалобъ поступаетъ въ Управленіе учебными заведеніями изъ мадрасъ Ферганской области. Нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ столь характерны, что о нихъ трудно составить себѣ представленіе, не входя въ самое близкое соприкосновеніе съ мадрасами.

Одно слѣдуетъ сказать, что Туркестанскія мадрасы, предоставленныя самимъ себѣ при русскомъ управленіи, во многихъ отношеніяхъ не отвѣчаютъ своему назначенію и не должны оставаться въ такомъ положеніи на будущее время.

Тоже должно сказать и о мактабахъ древняго типа, видъ котораго изображенъ на рисункѣ, на слѣд. страницѣ

Въ виду этого, Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ запросилъ Оренбургскаго и Таврическаго муфтіевъ о томъ, какъ смотритъ Шаріатъ на существованіе мадрасъ и мактабовъ, т. е. допускаетъ ли Шаріатъ преподаваніе свѣтскихъ наукъ въ этихъ строго конфессіональныхъ школахъ. Татарскія газеты по поводу этого запроса высказываются за введеніе въ курсъ этихъ школъ современныхъ знаній, не исключая философіи Канта и Спенсера. (См. Міръ Ислама. Томъ II, вып. XI. С.-Петербургъ, 1913).



Обстановка мусульманскаго мактаба.

Учебный курсъ мадрасы.

Въ учебный курсъ мадрасы входятъ: языкознаніе (арабскій и персидскій яз.), логика, богословіе, законовѣдѣніе (шаріатъ), толкованіе Корана и ученіе о преданіяхъ Мухаммеда. Изученіе указанныхъ языковъ преслѣдуетъ не образовательную (педагогическую) цѣль, а практическую, вспомогательную—для чтенія учебныхъ руководствъ и пособій по основнымъ предметамъ курса, изложенныхъ на этихъ языкахъ. На прохожденіе всего курса полагается отъ 15 до 20 лѣтъ, а изучаемые предметы распредѣлены по тремъ отдѣленіямъ курса: низшее (адна), среднее (аусатъ) и высшее (а'ля). Въ каждомъ отдѣленіи проходятся опредѣленные учебники и учебныя пособія, на усвоеніе которыхъ, въ зависимости отъ способностей и усердія учащагося, тре-

буется неодинаковая продолжительность времени, такъ какъ три отдѣленія мадрасы не соотвѣтствуютъ нашему дѣленію на классы, а указываютъ на *курсовую* систему обученія по предметамъ

Въ первомъ отдѣленіи, въ продолженіе 9—10 лѣтъ, проходятся: краткая и подробная арабская грамматика (на перс. и араб. яз.), краткій мусульманскій катехизисъ, краткій курсъ законовѣдѣнія (Мухтасаръ) и логика [1]). Логика (мантыкъ) изучается въ два пріема: по краткому учебнику „Шамсія" и болѣе подробному—„Суллями". Названіе перваго учебника (Шамсія) указываетъ на солнечный свѣтъ, дающій возможность разсматривать и распознавать неясные предметы, а второе руководство (Суллями) названо „лѣстницей" въ знакъ того, что изученіе логическихъ пріемовъ мышленія *помогаетъ* учащемуся постепенно, какъ по ступенямъ лѣстницы, восходить къ верхамъ зданія, т. е къ богословію и законовѣдѣнію [2]).

На прохожденіе курса средняго (аусатъ) отдѣленія отводится восемь лѣтъ. Курсъ этотъ начинается изученіемъ богословія (Акаидъ) по учебнику Имама Омара Нясяфійскаго [3]). Этотъ трудный для пониманія и усвоенія арабскій учебчикъ проходится въ связи съ трактатами Хаяли, Муллы Ахмада и Муллы Абдулъ-Хакима, въ такомъ порядкѣ: сначала въ теченіе недѣли или нѣсколькихъ дней подробно разбирается учебникъ Омара Нясяфійскаго, а потомъ прочитанное растолковывается по указаннымъ трактатамъ Въ этомъ же отдѣленіи, на вторыхъ урокахъ, продолжается по книгѣ „Шархъ-вигкая" курсъ законовѣдѣнія, представляющій толкованіе на сокращенный курсъ, пройденный въ первомъ (низшемъ) отдѣленіи [4]). На прохожденіе курса богословія и законовѣдѣнія отводится четыре года.

---

[1]) Ученый и благочестивый Имамъ Зайнеддинъ Аль-Газзали сказалъ: „Логика составляетъ коромысло въ „вѣсахъ мышленія" и предисловіе ко всякому изученію и знанію, кто не знаетъ логики, у того нѣтъ основательныхъ познаній: его знанія ненадежны". Другой ученый Шарафуль-Алляма высказалъ, что изученіе логики обязательно для всѣхъ и составляетъ „фаръ-кифая".

Имамъ Сябаки говоритъ, что изученіе логики должно предшествовать изученію Корана, Преданій и Шаріата.

[2]) Въ 1-й годъ: Аввалюль-ильмъ (Биданъ, Мугзи, Игляль). Во 2-й и 3-й годы —Занджани, Авамиль, Харакатъ, Кайдани и начинается чтеніе Мухтасаруль-вигкая. Въ 4-й и 5-й годы—Кяфія и продолжаютъ Мухтасаруль-вигкая. Въ 6-й и 7-й годы.—Шархъ-Мулла, Мулла Абдулъ Гафуръ и Мулла Асаметдинъ. Въ 8-й и 9-й годы: Шамсія (логика) и объясненіе къ этому учебнику по Китабъ-Суллями.

[3]) Нясяфъ находится въ бухарскихъ владѣніяхъ, теперешній гор. Карши.

[4]) Сокращенный курсъ законовѣдѣнія и толкованіе на него составлены Убайдуллою III, прозваннымъ Садрюш-шаріатомъ, Предисл. А Казембека къ Мухтасаруль-вигкая).

Въ продолженіе пятаго и шестого года въ среднемъ же отдѣленіи проходится снова болѣе обширный курсъ логики по руководству „Тахзибъ“ и таковой же курсъ арабской грамматики по руководству „Тальхисъ“, представляющій собою курсъ краснорѣчія. Лучшіе по дарованіямъ муллы этого отдѣленія читаютъ сочиненія: Ходжа-Джамаля, Ахундъ-Шейха, Мирзы Захида, Ахундъ-Каляна и Казы-Мубарака.

Въ 7-й и 8-й годы проходится метафизика (*Хыкматуль аинъ*) вмѣстѣ съ дополненіями по сочиненіямъ Ахундъ-Каляна и Мирзы Джана.

Въ третьемъ, высшемъ (*аля*) отдѣленіи проходится высшій курсъ богословія по учебнику Муллы-Джалаля и полный курсъ законовѣдѣнія по книгѣ „*Хидая*“, которая называется священною (*шарифъ*) [1]. Въ дополненіе къ учебнику Муллы-Джалаля читаются также: Ханакахи и Татымма. На ознакомленіе желающихъ съ этими руководствами полагается minimum два года.

Въ довершеніе образованія, способный и усердный студентъ проходитъ науку о раздѣлѣ оставшагося отъ умершаго имущества (*Ильмифараизъ*), трактатъ о преданіяхъ Мохаммеда (Хадиси-шарифъ), основы законовѣдѣнія (Усулюль-фигкхъ) и толкованія разныхъ богослововъ на Коранъ, изъ которыхъ наиболѣе распространены два: на арабскомъ языкѣ „*Казы Байзави*“ и на персидскомъ языкѣ „*Рухуль-баянъ*“.

Нужно замѣтить при этомъ, что описанный курсъ ученія въ туркестанскихъ мадрасахъ не проходится всѣми учащимися одинаково подробно и обстоятельно. Это зависитъ, во первыхъ, отъ природныхъ дарованій, а во-вторыхъ—отъ практическихъ цѣлей учащагося[2]). Полный курсъ проходятъ только такіе студенты, которые стремятся занять должность мударриса, казія или ученаго муфтія [3]) при казіи. Такіе избранники, по окончаніи курса въ той или другой мадрасѣ, отправляются для большаго усовершенствованія въ мусульманскихъ наукахъ въ Кокандъ или Бухару, къ пользующемуся ученою извѣстностью мударрису и подъ его руководствомъ проходятъ ту или другую науку. Что же касается учащихся съ средними дарованіями, то таковые ограничиваютъ свое образованіе изученіемъ только нѣкоторыхъ и притомъ наиболѣе легкихъ руководствъ, въ которыхъ излагаются основы вѣроученія и законовѣдѣнія.

---

[1]) Составитель Хидаи Бурхануддинъ былъ родомъ изъ нашего Маргелана.

[2]) Согласно этому, курсъ мадрасы распадается на два отдѣла: *Ыбадатъ*, т. е. обязанности человѣка въ отношеніи богопочитанія и *Масаля*, то-есть законоположенія, касающіяся житейскихъ отношеній человѣка.

[3]) Казій—духовный судья, а муфтій юрисконсультъ при немъ, составляющій рѣшенія (фатва).

Изъ общеобразовательныхъ предметовъ учащіеся въ мадрасахъ знакомятся приватно съ ариѳметикой и планиметріей, какъ необходимыми знаніями при дѣленіи наслѣдства, вакуфныхъ доходовъ и пр. Математики, физики, химіи, исторіи и географіи въ нашемъ смыслѣ въ мадрасахъ нѣтъ: подъ именемъ этихъ наукъ извѣстны у мусульманъ оставшіеся отъ древнихъ временъ трактаты, утратившіе научное значеніе; интереса къ сочиненіямъ древнихъ арабскихъ историковъ и географовъ учащіеся въ мадрасахъ не обнаруживаютъ; даже пользующіеся извѣстностью мударрисы рѣдко знаютъ что-нибудь изъ этихъ сочиненій, потому что основной характеръ образованія въ мадрасахъ—исключительно религіозный и то, что не относится къ Корану и шаріату, считается второстепеннымъ и необязательнымъ.

Практическою медициной нѣкоторые занимаются по разсчету; въ числѣ врачей-практиковъ встрѣчаются лица, штудирующіе „Канонъ Авицены". Сборники сомнительнаго въ научномъ отношеніи содержанія, каковы: Ма'рифатъ-нама, Матла'уль-улюмъ, Ма'люматуль-афакъ, Кимья и-саадатъ и др. читаются любителями знанія въ свободное время. Вообще курсъ мадрасы настолько труденъ, что многіе, приступивъ къ логикѣ, отказываются отъ дальнѣйшаго образованія, а другіе не могутъ понимать учебника по богословію. Да и среди мударрисовъ теперь очень рѣдко встрѣчаются талантливые и многосвѣдущіе, т. е. начитанныя лица.

Учебный годъ въ мадрасѣ начинается съ октября, по окончаніи жаркаго періода и продолжается до мая—іюня, за исключеніемъ мѣсяца Рамазана, въ продолженіе котораго мусульмане постятся [1]), и дней двухъ большихъ праздниковъ, а въ каждой недѣлѣ неучебными днями считаются: среда, четвергъ и пятница. Въ эти свободные дни учащіеся или самостоятельно занимаются чтеніемъ относящихся къ курсу книгъ, или читаютъ ихъ подъ руководствомъ репетиторовъ, а все остающееся затѣмъ время употребляется на переписку учебниковъ для себя и на другія личныя дѣла Въ лѣтнія каникулы бѣдные учащіеся зарабатываютъ себѣ деньги тѣмъ или другимъ трудомъ, не исключая поденщины.

Учебный день начинается со времени первой молитвы (бамдадъ, фаджръ), совершаемой предъ восходомъ солнца. По совершеніи этой молитвы, преподаватель, безотлучно находящійся въ учебные дни въ мадрасѣ, выпивъ чаю, сидитъ въ дарсъ-ханѣ (аудиторія), въ ожиданіи слушателей. Муллы, составляющіе группы до 10 и болѣе человѣкъ, изучающихъ одну и ту же книгу, входятъ по очереди въ дарсъ-хану

---

[1]) Постъ этотъ, въ зависимости отъ мѣсяца Рамазана,—переходный и каждый годъ начинается на одиннадцать дней ранѣе предыдущаго года.

и послѣ почтительнаго привѣтствія преподавателю усаживаются около него полукругомъ Противъ преподавателя садится кары, какъ наиболѣе успѣвающій и лучше другихъ читающій по книгѣ. Провозгласивши краткую молитву и проведя концами пальцевъ по лицу, преподаватель предлагаетъ читать изучаемую книгу. Кары читаетъ предложеніе и останавливается, а преподаватель начинаетъ объясненіе прочитаннаго предложенія въ смысловомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Отъ учености мударриса зависитъ придать своему объясненію больший интересъ, не взирая на который слушатели сохраняютъ молчаніе и только могутъ сдѣлать соотвѣтствующую замѣтку на поляхъ книги; но не возбраняется мулламъ старшаго отдѣленія обращаться къ преподавателю съ соотвѣтствующимъ вопросомъ и даже съ возраженіемъ. Занятіе съ первой группой продолжается часа два. Затѣмъ входитъ вторая группа, а потомъ третья и четвертая... Въ полдень дѣлается перерывъ для отдыха и полуденной молитвы (пишинъ, зухръ). Мударрисъ выпиваетъ чаю, потомъ совершаетъ омовеніе и идетъ въ мечеть (при мадрасѣ). Послѣ молитвы онъ снова занимаетъ свое мѣстс въ аудиторіи, и къ нему по-очереди приходятъ другія группы учащихся до наступленія третьей молитвы (*намазъ ди яръ, асръ*) около 4—6 час. по полудни, смотря по времени года. Послѣ этой молитвы учащіеся приготовляютъ себѣ обѣдъ, который въ учебные дни состоитъ изъ того же чая и лепешки, а въ неучебные - изъ палау [1]). Отступленія отъ этого обычая рѣдки. Затѣмъ мулль занимаются самостоятельно до 11—12 час. ночи, а преподаватель или занимается приготовленіемъ къ урокамъ завтрашняго дня, или проводитъ время въ учебныхъ разговорахъ съ старшими муллами и случайными посѣтителями [2]).

Опредѣленнаго расписанія уроковъ по предметамъ и по частямъ дня въ мадрасѣ нѣтъ. Очередь уроковъ зависитъ отъ учащихся, по соглашенію съ преподавателемъ· часто въ первые часы до полудня мударрисъ занимается съ учащимися младшаго отдѣленія, такъ какъ муллы средняго и старшаго отдѣленій въ это время подготовляются къ своимъ урокамъ и занимаются съ неуспѣвающими муллами младшаго отдѣленія. Надзора за учащимся въ мадрасѣ нѣтъ, и мударрисъ обращаетъ вниманіе только на мало прилежныхъ и рано оставляющихъ книгу. Такимъ мулламъ на другой день онъ дѣлаетъ мягкое замѣчаніе:

---

[1]) Такъ называется любимое блюдо туземцевъ, состоящее изъ риса разваренпаго въ бараньемъ салѣ вмѣстѣ съ кусочками мяса, въ закрытомъ котлѣ, съ приправами изъ моркови, перца, сухого винограда, айвы и пр.

[2]) Ср. Методъ занятій Бл. Августина въ его „Новой школѣ". Журн. Мин Нар. Пр. 1912 г. Октябрь. Отд. по народному образованію. Ст. Кибардина.

„вечеромъ вы, должно быть, уходили изъ мадрасы, потому что у васъ не было видно огня“... Среди муллъ часто бываютъ женатые [1]).

Нельзя, конечно, совершенно обѣлять поведеніе нѣкоторыхъ муллъ, живущихъ въ мадрасахъ... Они тоже отдаютъ дань молодости: нѣкоторые курятъ нашу, развлекаются музыкой, ведутъ между собой не относящіяся къ учебному дѣлу бесѣды, а иногда дозволяютъ себѣ порочныя увлеченія мальчиками, учениками мактаба, и живущими при мадрасѣ. Но такіе случаи являются исключеніемъ и тщательно замалчиваются, а оглашеніе ихъ вызываетъ большое негодованіе въ мѣстныхъ жителяхъ [2])... Самый планъ зданія мадрасы, какъ это видно изъ приложенныхъ изображеній, скрываетъ внутреннюю жизнь учащихся отъ взора постороннихъ, такъ какъ улица съ ея впечатлѣніями не должна развлекать будущихъ ученыхъ, стремящихся къ богопознанію.

Что касается средствъ содержанія учащихъ и учащихся въ мадрасѣ, то объ этомъ нельзя судить по однимъ вакуфамъ. Мударрисы въ многолюдныхъ мадрасахъ получаютъ отъ своихъ учениковъ не мало приношеній, что въ общемъ увеличиваетъ ежегодное содержаніе мударриса до тысячи рублеи и болѣе. Такъ при началѣ курса группа приступающихъ къ ученію юношей (5, 10, 15 лицъ) складываются по 50 коп. и по 1 руб. и на половину собранныхъ денегъ покупаютъ угощеніе (достарханъ) для своего преподавателя, а остальную сумму вручаютъ ему деньгами. Затѣмъ они, при переходѣ къ каждому новому учебнику, повторяютъ ту же складчину, сумма которой увеличивается по мѣрѣ восхожденія учащихся „по лѣстницѣ знаній“. Одинъ знакомый ташкентецъ, окончившій курсъ въ мадрасѣ, разсказывалъ намъ, что онъ участвовалъ въ складчинѣ на угощеніе и поднесеніе своему мударрису въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при началѣ курса (Аввалиль ильмъ), 2) при переходѣ къ кн. Биданъ, 3) при началѣ Мугзи, 4) при началѣ Занджани, 5) при изученіи Хараката, 6) при Авамилѣ, 7) при изученіи Кяфіи нѣсколько разъ—при началѣ каждаго отдѣла этого учебника, 8) передъ изученіемъ Шархъ-Муллы сдѣланъ былъ подарокъ поцѣннѣе, 9—10) при изученіи Шамсіи и Хашіи, въ теченіе двухъ лѣтъ, также не одинъ разъ подносили мударрису достарханъ и подарки вещами и деньгами Предъ началомъ курса Агкаида (среднее отдѣленіе) муллы этой группы собрали для мударриса по 5—10 рублей съ человѣка, всего 150 руб. и изъ нихъ 50 руб. вручили ему, на 30 руб. купили для него же разнаго платья, а на остальныя деньги

---

[1]) Ср о женатыхъ студентахъ въ той же ст. Кибардина „Новая школа“ Бл. Августина въ Журн. М. Н. Пр. 1912, окт. стр. 174.

[2]) Такой случай произошелъ въ іюнѣ 1906 г. въ Ташкентѣ, по поводу замѣтки, помѣщенной въ № 10 татарской газеты „Тараккы“ Казни и мударрисы составили тогда рѣшеніе, приближавшее редактора къ разряду невѣрныхъ.

устроили большое угощеніе, на которое были приглашены мударрисы и муллы изъ другихъ школъ. Оставшіеся фрукты и сласти мударрисъ, по обычаю, отослалъ къ себѣ домой, какъ это дѣлаютъ и прочіе. Продолженіе курса въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ также сопровождается угощеньемъ и подношеніями. Наконецъ, способный мулла кончаетъ курсъ и тогда устраиваетъ послѣдній и наиболѣе дорогой пиръ (Хатмъ-той), на который приглашаются также видные жители квартала, казій, учащіе и учащіеся изъ другихъ школъ. Если оканчиваютъ курсъ дѣти состоятельныхъ родителей, то мударрисъ получаетъ тогда отъ нихъ не одну сотню рублей 1)....

При такомъ патріархальномъ обычаѣ, извѣстный своими знаніями мударрисъ обезпечиваетъ себѣ безбѣдное существованіе, которое поддерживается также и богатыми обывателями его мѣстожительства, такъ какъ мударриса приглашаютъ на разныя семейныя торжества, особенно на пиры по случаю обрѣзанія сына. На этихъ пирахъ мударрисъ всегда получаетъ хорошій халатъ, стоимостью въ 10 и болѣе рублей Но за то мударрисъ въ бѣдной вакуфами мадрасѣ и въ бѣдномъ кварталѣ получаетъ, особенно при своекорыстномъ мутавалліи (экономъ), очень мало. Такъ, въ одной ташкентской мадрасѣ мударрисъ два года не получалъ ни копѣйки и очень обносился, а потому муллы въ складчину купили для него на базарѣ все одѣяніе, не исключая сапогъ съ галошами. Никакой форменной одежды не требуется.

Учащіеся въ мадрасахъ муллы получаютъ соотвѣтствующую часть изъ вакуфныхъ доходовъ въ возрастающей ариѳметической прогрессіи: 2—4—8, при чемъ иногда младшіе муллы получаютъ въ годъ по 4—8 рублей, средніе по 8—16, а старшіе по 16—32. Въ добавокъ къ своей скудной стипендіи муллы, имѣющіе состоятельныхъ родителей, получаютъ средства изъ дома, а бѣдняки не стыдятся въ лѣтнія каникулы отправляться даже на поденныя работы. При этомъ они все-таки стараются не уронить званія муллы и уходятъ или въ другое селеніе, или же въ русскую часть города, гдѣ переодѣваются въ рабочій (ветхій) халатъ, а по окончаніи работы возвращаются въ городъ въ обыкновенномъ приличномъ халатѣ и чалмѣ. Бѣдняковъ поддерживаютъ мѣстные богатые жители, приглашая къ себѣ на семейныя празднества, на которыхъ они пользуются хорошо приготовленною пищей, часть которой уносятъ съ собой; но подарковъ халатами не получаютъ.

Не смотря на отсутствіе строго регламентированнаго режима, инспекторскаго надзора и канцелярщины, въ мадрасахъ поддерживается

---

1) Въ 1905 году у мударриса Б.-Х. въ мадрасѣ Бекляръ-Бекъ окончили курсъ четыре муллы, и онъ получилъ отъ нихъ 100 руб. деньгами, 50 рублей вещами и 50 руб. стоило угощеніе.

дисциплина. Если нѣкоторые склонны приписывать учащимся въ мадрасахъ фарисейскую скромность, то мы въ свою очередь скорѣе назовемъ это патріархальностью, въ смыслѣ древне-русскаго Домостроя, и прибавимъ, что современная туркестанская мадраса до сихъ поръ остается почти нетронутою такъ называемою „свободой", и учащіеся въ мадрасахъ не могутъ безъ изумленія смотрѣть на распущенность и открытыя волненія русской учащейся молодежи... Слово „студентъ" въ головѣ учащагося муллы вызываетъ представленіе мятежной непорядочности. Поэтому приходится серьезно задумываться надъ неразумнымъ стремленіемъ современныхъ „борцовъ за свободу" - разбудить и поднять этотъ спокойный, многолюдный и фанатичный міръ... Издававшаяся въ 1905 г въ Ташкентѣ, во время безпорядковъ въ Россіи и нашемъ краѣ, газета „Русскій Туркестанъ" высказывала упрекъ туземцамъ за ихъ пассивное отношеніе къ „освободительному движенію", а появившаяся въ (1906) году въ Ташкентѣ татарская газета „Тараккы" прямо ставила себѣ задачей „разбудить спавшихъ до сего времени туземцевъ Туркестанскаго края"[1]), не смотря на то, что интересы туземцевъ направлены всецѣло къ мирному труду и мирной торговлѣ.. Въ школьной жизни туземцевъ также не было замѣтно до сихъ поръ движенія въ сторону политико-соціальной свободы.. Но нельзя не упомянуть, что теперь и туземные муллы начинаютъ интересоваться политикой со словъ татарскихъ газетъ.

Въ концѣ 1905 года петербургская татарская газета „Геятъ" укоризненно высказалась по адресу туземцевъ, а потомъ на заданную „Геятомъ" тему продолжала поучать и возбуждать высшій классъ туземцевъ (должностныхъ лицъ, учащихъ и учащихся) газета „Тараккы", поддерживаемая „Русскимъ Туркестаномъ". Въ № 152 этой газеты, въ ст. „Къ вопросу о туземной политикѣ", между прочимъ было сказано, что туземное общество не имѣетъ безусловно никакихъ причинъ восторгаться режимомъ русской бюрократіи и не можетъ безразлично относиться къ освободительному движенію и воздержаться отъ сочувствія этому движенію.... На это нужно сказать, что до заботъ „Русскаго Туркестана" о туземцахъ они жили вполнѣ спокойно и къ русской революціи относились отрицательно; но послѣ „просвѣщенія" со стороны названныхъ газетъ и консервативные туземцы Туркестанскаго края, пребывавшіе столь долго въ покоѣ, наконецъ, пробуждаются и пожалуй могутъ со временемъ нарушить нашъ покой... Будущее покажетъ.... Въ этомъ случаѣ полезно и во всякомъ случаѣ

---

[1]) Въ № 11-мъ Тараккы было сказано, что мусульмане и евреи, сравнительно съ русскими, видѣли и испытали вдвое больше всякихъ несправедливостей и притѣсненій, разумѣется—отъ русскаго правительства....

интересно прочитать брошюру В. Наливкина „Туземцы прежде и теперь“ (Ташкентъ, 1913 г.). Несомнѣнно, что въ жизни Туркестанскихъ туземцевъ происходитъ замѣтный переломъ не въ пользу Россіи, особено послѣ русско-японской войны. Послѣдняя война на Балканахъ очень интересовала туземцевъ, не исключая и учащихся въ мадрасахъ.

Русскіе, не знакомые непосредственно съ характеромъ и ходомъ учебнаго дѣла въ мадрасахъ, обыкновенно относятся къ этому дѣлу свысока, ограничиваясь неосновательнымъ и одностороннимъ осужденіемъ этой школы, и готовы отрицать необходимость дальнѣйшаго ея существованія... Но однимъ словеснымъ приговоромъ даже авторитетнаго въ административномъ отношеніи лица нельзя уничтожить того, что вызвано духовными потребностями народа, что развивалось и поддерживалось цѣлыми столѣтіями.—Мадрасы въ Туркестанскомъ краѣ, не смотря на пассивное отношеніе къ нимъ со стороны русской администраціи, продолжаютъ свое существованіе. Наше призваніе—упорядочить внутренній строй этой школы, ввести въ нее элементы современнаго знанія, а для этого нужно сначала безпристрастно оцѣнить ея старый, унаслѣдованный отъ древности, учебный курсъ, который далеко не такъ безсодержателенъ, какъ объ этомъ многіе привыкли думать. На самомъ дѣлѣ курсъ мадрасы очень серьезный, соображенный съ дѣйствительными потребностями прежней народной жизни и очень трудный Не даромъ многіе стремящіеся къ образованію мусульмане учатся въ мадрасахъ десятки лѣтъ. Въ исторіи мусульманства извѣстны выдающіеся по талантамъ ученые, которые всю жизнь посвящали научнымъ занятіямъ и оставили послѣ себя замѣчательные по эрудиціи и по объему ученые трактаты. И въ числѣ такихъ ученыхъ было не мало уроженцевъ Средней Азіи, писавшихъ на арабскомъ языкѣ, который составляетъ главную трудность курса высшей мусульманской школы, такъ какъ на арабскомъ языкѣ изложены главнѣйшія учебныя руководства и ученые трактаты по разнымъ отдѣламъ знанія. Кто, хотя не много, самъ не знакомъ съ своеобразнымъ арабскимъ языкомъ и со способомъ изложенія на немъ мусульманскихъ школьныхъ знаній (арабская филологія, мусульманское вѣроученіе и законовѣдѣніе), тотъ не можетъ быть судьей въ этомъ вопросѣ Поэтому приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

1) Языкъ сокращеннаго учебника по мусульманскому законовѣдѣнію (Мухтасаруль-вигкая), составляющаго начальную ступень къ изученію этого важнѣйшаго научнаго предмета въ мадрасѣ, отличается такою сжатостію, что, по словамъ издателя этого руководства Мирзы Казембека, „едва ли будетъ въ состояніи понять языкъ учебника кто-нибудь изъ лицъ, не отлично знающихъ мусульманское законовѣдѣніе“. Написанный съ соблюденіемъ основного правила для составителей

учебныхъ руководствъ: *„говори мало, разумный много“*, Мухтасарульвигкая, по краткости рѣчи и полнотѣ мысли, превосходитъ всѣ другія учебныя руководства по законовѣдѣнію. Почтенный Мирза Казембекъ находитъ слогъ автора этого учебника пріятнымъ и глубокомысленнымъ [1]) Для образца сжатости и трудности пониманія языка названнаго учебника А. Казембекъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ главы о бракѣ, откуда видна вся головоломная трудность языка книги: „И бракъ съ женщиною и ея срокъ запрещаютъ бракъ съ (другою) женщиною. когда одна изъ нихъ была бы мужчиной, ей не позволена была бы другая, и сообщеніе съ нею по праву владѣнія; и также сообщеніе съ нею по праву владѣнія, сообщеніе съ другою посредствомъ брака и владѣнія, (но) не брака; если онъ сочетался съ нею бракомъ, то не можетъ сообщаться ни съ одною, покуда друга не будетъ запрещена“. Такой текстъ можетъ быть понятенъ изучающему названный учебникъ только при условіи подробнаго объясненія учителемъ не только каждаго слова, но и особенно при возстановленіи подразумѣваемыхъ словъ, опущенныхъ въ текстѣ [2]).

2) Не менѣе труденъ для пониманія текстъ краткаго руководства по богословію, составленнаго „мудрымъ имамомъ“ Омаромъ Нясяфійскимъ, почитаемымъ звѣздою религіи и правовѣрія. Учебникъ его, извѣстный подъ именемъ „Агкаидъ“, заключаетъ въ себѣ сущность главнѣйшихъ положеній богословія въ краткомъ объемѣ и служитъ для ислама корнемъ и основаніемъ, представляя самую сущность поло-

---

[1])хАвторомъ этого руководства былъ Убайдулла III сынъ Мас'уда, прозванный за свои глубокія познанія въ законовѣдѣніи Садрюшъ-шаріатомъ, т. е грудью (центромъ) законовѣдѣнія. Его прадѣдъ, знаменитый ученый Бухары, умеръ въ 1232 г. по Р. Хр.; значитъ нашъ авторъ жилъ въ XIV в. по Р. Хр. Свое замѣчательное руководство онъ написалъ столь сжатымъ языкомъ, чтобы облегчить учащимся въ мадрасахъ заучиваніе его текста на память, и первый выучилъ весь текстъ учебника сынъ автора; потомъ стали слѣдовать его примѣру и другіе... Постепенно учебникъ Садрюшъ-шаріата распространился во всѣхъ школахъ Туркестана, въ которыхъ изучается и въ наши дни (См. пред. А. Казембека къ этому руководству гл. III)

[2]) Смыслъ этого отрывка такой: если кто-нибудь вступитъ въ бракъ съ женщиной или разведется съ женой, то въ томъ и другомъ случаяхъ мужу возбраняется бракъ съ другой женщиной, если между этой и прежними женщинами существовали шаріатскія препятствія къ браку, при предположеніи, что одна изъ нихъ мужчина. И если мужчина купитъ себѣ рабыню и будетъ имѣть съ нею сообщеніе по праву владѣнія, то и тогда онъ не имѣетъ права имѣть сообщеніе съ родственницей этой рабыни ни по условію брака, ни по условію владѣнія; мужъ можетъ вступить въ сообщеніе съ родственницей первой своей рабыни не иначе, какъ по расторженіи брака съ первой и по прошествіи установленнаго шаріатомъ срока послѣ развода, или послѣ того какъ отпуститъ первую на волю

жительныхъ данныхъ. Для вѣрующихъ это—жемчужина, перлъ (знанія): положенія науки представлены здѣсь въ высшей степени обработанными въ своихъ краткихъ предѣлахъ и прекрасно расположены по существу. Составитель постарался объяснить въ немъ трудныя положенія богословія, раскрыть скрытый смыслъ и развернуть предъ умомъ изучающаго истину, завернутую покровомъ непонятныхъ терминовъ.. Но хотя авторъ старался избѣгать длинноть въ изложеніи и наскучиванія и идти среднимъ путемъ между растянутостью и пропусками, тѣмъ не менѣе его разсужденія о сущности метафизическаго мышленія и объ источникахъ человѣческаго познанія (внѣшнія чувства, умъ и свидѣтельство другихъ лицъ) головокружительны и скучны, даже невыносимо скучны, такъ что является вполнѣ основательное сомнѣніе въ пониманіи этого учебника всѣми изучающими его молодыми людьми, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующему, сравнительно легкому для пониманія мѣсту: „Творецъ міра—Богъ Всевышній, т. е. существо, необходимое по своему бытію, существованіе котораго самобытно и рѣшительно ни въ чемъ не нуждается. Если бы Богъ былъ случаенъ по своему бытію, то Самъ относился бы къ міру и не годился бы въ творцы и производители міра, потому что *міромъ* называется все то, что случайно по бытію, а это близко къ тому, когда говорятъ, что самое начало всѣхъ возможныхъ существъ необходимо предполагаетъ *возможность* ихъ происхожденія и, слѣдовательно, противорѣчитъ представленію о первопричинѣ (не зависимой ни отъ чего).. Если бы цѣпь возможныхъ причинъ расположить въ порядкѣ и послѣдовательности, то мы поняли бы невозможность представленія вещи причиной для самой себя, и цѣпь причинъ наконецъ прервалась бы.. Творецъ міра можетъ быть только единымъ и необходимымъ по бытію, такъ какъ извѣстнѣйшее между богословами доказательство „противоборства“, указанное въ Коранѣ, выражается такъ: „если бы на небѣ и на землѣ было нѣсколько боговъ, то они (небо и земля) погибли бы“.... Если бы, напримѣръ, было два бога, то между ними непремѣнно возможенъ былъ бы споръ: одинъ изъ нихъ захотѣлъ бы движенія Зейда [1]), а другой—его покоя, такъ какъ каждое изъ этихъ двухъ положеній возможно, равно какъ возможно и направленіе воли къ каждому изъ этихъ положеній; а такъ какъ между такими двумя желаніями нѣтъ по существу противоположенія, которое является въ самыхъ предметахъ желанія, то возможно допустить совмѣстимость указанныхъ двухъ противоположныхъ состояній (сидѣніе Зейда и его движеніе), а это нелѣпо.. Въ такомъ случаѣ необходимо допустить безсиліе одного изъ

[1]) Мужское арабское имя, предпочтительно встрѣчающееся въ мусульманскихъ (арабскихъ) учебникахъ, въ примѣрахъ на логическія построенія.

двухъ желаній, а это будетъ уже признакомъ случайности.... Такимъ образомъ многочисленность боговъ ведетъ къ возможности противоборства между ними, ведущаго къ нелѣпости, и слѣдовательно самое такое предположеніе нелѣпо. И въ этомъ заключается подробное изложеніе той мысли, когда говорятъ, что если одинъ изъ боговъ не можетъ противодѣйствовать другому, то онъ слабъ, а если будетъ имѣть силу противоборствовать, то будетъ слабъ другой богъ. Изложеннымъ устраняется и допущеніе возможнаго соглашенія двухъ боговъ между собою безъ спора: ни сопротивленія, ни спора не можетъ быть въ данномъ случаѣ, потому что это повело бы къ нелѣпости, такъ какъ нельзя соединяться двумъ противоположнымъ волямъ, чтобы, то есть, одинъ человѣкъ могъ желать движенія и покоя одновременно. И знай (учащійся), что изреченіе Божіе въ Коранѣ: „*если бы* надъ міромъ *было много боговъ, а не одинъ, то земля и небо разрушились бы*“ [1]), хотя и есть доказательство не полное, но достаточное для уясненія сокровеннаго предмета, такъ какъ обыкновенно при многочисленности начальствующихъ лицъ бываютъ между ними взаимные споры изъ-за преобладанія, и одинъ изъ спорящихъ непремѣнно беретъ верхъ надъ другимъ. Если предположить существованіе двухъ творцовъ міра, то необходимо допустить возможность спора въ ихъ дѣлахъ, и тогда ни одинъ изъ нихъ не былъ бы творцомъ; не было бы тогда и сотвореннаго“....

3) Сжатость изложенія извѣстнаго руководства по законовѣдѣнію (Хидая) наглядно усматривается изъ сравненія размѣровъ подлиннаго текста и русскаго перевода. послѣдній [2]) не менѣе чѣмъ вдвое болѣе подлинника по количеству словъ. Что же касается своеобразнаго содержанія этой книги, то это будетъ достаточно понятно изъ слѣдующихъ строкъ,—касающихся такъ называемаго молочнаго родства:

„Словомъ „риза“ въ юридическомъ смыслѣ обозначается сосавшій грудь другой женщины въ теченіе опредѣленнаго шаріатомъ времени и вступающій въ молочное родство съ самою кормилицей, ея дѣтьми, вскормленными тѣмъ же молокомъ и другими родственниками ея. Поэтому запрещается бракъ между лицами, связанными этимъ родствомъ. Имамъ Шафій говоритъ, что это запрещеніе не можетъ считаться установленнымъ, если не будетъ доказано, что ребенокъ сосалъ грудь, по крайней мѣрѣ, пять разъ въ отдѣльности, такъ что если, напримѣръ, ребенокъ сосалъ грудь непрерывно въ теченіе нѣкотораго промежутка времени—одного часа или цѣлаго дня, то это обстоятельство

---

[1]) Коранъ, гл 21, ст. 22.

[2]) Хидая, Комментаріи мусульманскаго права. Перев. съ англійскаго подъ ред. Н. И Гродекова. Т. I—IV. Ташкентъ, 1893 г.

не можетъ еще служить причиною запрещенія вступать въ бракъ, потому что пророкъ сказалъ: „кто сосетъ, или кто даетъ сосать однажды или дважды, тотъ не вступаетъ въ запрещеніе брака“ [1])...

„Хотя запрещеніе вступать въ бракъ основано на опасеніи общности крови, въ связи съ ростомъ тѣла ребенка, однако эту связь невозможно установить съ точностью, и потому запретность брака по молочному родству обусловливается не степенью его, но лишь наличностью самаго акта кормленія грудью, служащаго поводомъ къ увеличенію роста тѣла.

„По мнѣнію Абу-Ханифы, кормленіе грудью должно продолжаться 30 мѣсяцевъ; но оба ученика его [2]) и Имамъ Шафій ограничиваютъ этотъ періодъ двумя годами; Зуфаръ же утверждаетъ, что кормленіе грудью должно быть продолжено до трехъ лѣтъ, такъ что только въ теченіе этого періода ребенокъ можетъ измѣниться совершенно.

„Если же ребенокъ продолжаетъ сосать молоко изъ груди кормилицы, по окончаніи установленнаго срока, то это не можетъ считаться поводомъ къ запретности брака (то есть, если тогда та же кормилица начнетъ кормить еще новаго ребенка, напримѣръ, дѣвочку, то эта дѣвочка не будетъ запрещена для перваго ребенка). Если же ребенокъ (мальчикъ) покинетъ грудь кормилицы ранѣе установленнаго полнаго срока, а въ груди кормилицы останется еще молоко, которое будетъ сосать другой ребенокъ (дѣвочка) до истеченія этого срока, то между ними устанавливается запретность брака по молочному родству. Но, по мнѣнію Абу-Ханифы, подобная запретность является лишь въ томъ случаѣ, когда первый ребенокъ еще не привыкъ къ другому роду пищи, такъ что онъ не можетъ жить безъ молока матери; если же онъ въ это время совершенно привыкнетъ къ другой пищѣ, помимо молока матери, то это обстоятельство должно считаться равносильнымъ отнятію отъ груди, и запретность брака въ такомъ случаѣ отпадаетъ.

„Запретность брака по молочному родству обусловливается молокомъ мужчины, т. е. молокомъ, котораго онъ является причиною, напримѣръ: если женщина кормила грудью ребенка женскаго пола, то относительно этого ребенка существуетъ запретность брака, какъ для

---

[1]) С. Кондурушкинъ (Міръ Божій 1906 г. іюнь) разсказываетъ, какъ арабъ-убійца избѣжалъ кровной мести, пососавъ высохшую грудь арабки, матери убитаго араба. „Проклятый! застонала она: ты убилъ и ты же пришелъ къ намъ!.. Но убійца вдругъ припалъ къ ея высохшей груди, поймалъ бородатымъ ртомъ грязный сосокъ и началъ сосать его, какъ ребенокъ.. Этимъ прикосновеніемъ къ груди старухи убійца ея сына лишилъ ее чувства мести... Онъ пересталъ быть врагомъ, убійцей; онъ сталъ ей роднымъ, какъ и убитый имъ родной сынъ ея“ (На рубежѣ пустыни, стр. 17).

[2]) Абу-Юсуфъ и Имамъ-Мохаммедъ.

мужа этой женщины, такъ и для его отца и сына, потому что мужъ, служившій причиною наполненія груди этой женщины молокомъ, является молочнымъ отцомъ кормимаго ею ребенка. Когда мальчикъ и дѣвочка сосутъ грудь одной и той же женщины, то бракъ между ними запрещается, потому что они имѣютъ одну общую кормящую мать и, слѣдовательно, относительно другъ друга—братъ и сестра.

„Если молоко, извлеченное изъ груди кормилицы, будетъ смѣшано съ водою, то можетъ служить поводомъ къ запрету брака, когда въ этой смѣси количество молока превышаетъ количество воды, а Имамъ Шафій распространяетъ запретность брака и на тотъ случай, когда въ смѣси молока будетъ меньше воды Если же молоко будетъ смѣшано съ другою пищею, то такою смѣсью, по мнѣнію Абу-Ханифы, не обусловливается запретность брака, а по мнѣнію его учениковъ—обусловливается преобладающимъ количествомъ молока. Еще по одному мнѣнію, молоко примѣшанное къ пищѣ, подвергающейся дѣйствію огня, не служитъ препятствіемъ къ браку двухъ лицъ, принимающихъ такую пищу.

„Если молоко одной женщины будетъ смѣшано съ молокомъ другой женщины, то и въ такомъ случаѣ преобладающее количество молока вліяетъ на запретность брака между лицами, питающимися такимъ смѣшаннымъ молокомъ. Даже молоко дѣвственницы обусловливаетъ запретность брака между кормящею и вскормленнымъ ею ребенкомъ. Равно служитъ поводомъ къ запретности брака молоко, извлеченно изъ груди умершей жонщины, съ каковымъ мнѣніемъ не согласенъ Имамъ Шафій.

„Не ведутъ къ запретности брака: а) молоко женщины, введенное въ тѣло ребенка посредствомъ клистира, б) молоко изъ груди мужчины, в) молоко козы или другого животнаго.

„Наконецъ, если мужчина вступаетъ въ бракъ съ малолѣтнею и со взрослою одновременно, и послѣдняя будетъ кормить грудью первую, то обѣ эти женщины будутъ запретными для ихъ мужа, такъ какъ онѣ являются молочными матерью и дочерью, съ которыми нельзя вступать въ бракъ одному мужчинѣ....

Подобно этому, только еще съ большими подробностями, разсматриваются въ Хидаѣ всѣ другіе вопросы, составляющіе содержаніе всеобъемлющаго шаріата, и учащіеся въ мадрасѣ должны усвоить всѣ схоластическія тонкости „законовѣдѣнія", чтобы получить право на званіе ученаго кандидата на должность казія и другія должности.

Изъ другихъ отдѣловъ знанія, изучаемыхъ въ мадрасѣ, какъ о высшемъ предѣлѣ мусульманской образованности, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о „раздѣлѣ наслѣдства", важность котораго (раздѣла) лучше всего выражена въ изреченіи самого Мухаммеда: „*Изучайте*

раздѣлъ наслѣдства: въ этомъ заключается половина знанія всего права". Этотъ отдѣлъ мусульманскаго права изложенъ въ особомъ трактатѣ подъ заглавіемъ „*Ильму-ль-фараизъ*", и только немногіе основательно осиливаютъ его въ концѣ своего образованія, какъ бы въ завершеніе курса мадрасы. Баронъ Торнау [1]) считаетъ особенности мусульманскаго законодательства о наслѣдствѣ не случайными отличіями его отъ законодательства европейскихъ народовъ, а существенно вытекающими изъ духа ислама, которымъ проникнуто все мусульманское право (гражданское, уголовное, каноническое), какъ право по вѣрованію, а въ данномъ случаѣ—на ученіи о наслѣдствѣ очень замѣтно отражаются правила шаріата о торговлѣ. Въ отличіе отъ европейскаго законодательства, мусульманское ученіе о наслѣдствѣ имѣетъ въ виду только одно наслѣдованіе правъ умершаго по его имуществу, оставшемуся свободнымъ и потому въ дѣйствительности переходящему въ собственность наслѣдниковъ, но не долговъ его и другихъ обязательствъ. Права и порядокъ наслѣдованія находятся въ зависимости отъ основъ семейнаго быта мусульманъ, въ которомъ интересы личности ставятся выше интересовъ рода, но въ то же время внутренняя домашняя жизнь обособлена и сокрыта для постороннихъ и всякое вмѣшательство въ нее устранено. При томъ узаконенное Кораномъ многоженство должно было внести въ законы о наслѣдствѣ особыя постановленія. Не давъ женщинѣ политической и общественной самостоятельности [2]), Мохаммедъ, какъ бы въ замѣнъ этого, оградилъ ея имущественные интересы. По смерти мужа, вдовы его получаютъ изъ его наслѣдства опредѣленную часть и пользуются въ этомъ случаѣ преимуществомъ предъ всѣми родственниками, дочери умершаго также участвуютъ въ наслѣдствѣ послѣ отца и право ихъ на наслѣдство, въ случаѣ смерти ихъ самихъ, распространяется не только на ихъ дѣтей (внуковъ), но и на ихъ мужей (зятьевъ); мать умершаго или бабка всегда также получаетъ опредѣленную часть наслѣдства. Между супругами не существуетъ общности имущества, почему ни жена, ни вдова не отвѣтствуютъ за долги мужа [3]), и кредиторы предъявляютъ свои права къ имуществу умершаго, а не къ личности наслѣдника.

---

[1]) О правѣ наслѣдства по закону. С.-Пб. 1866. См также П. В. Антаки. Сборникъ постановленій шаріата по семейному и наслѣдственному праву. Вып. 1. О наслѣдованіи у мусульманъ суннитовъ. С.-Пб. 1912 г.

[2]) Поэтому къ мусульманамъ не примѣнимо соціалистическое ученіе о равноправности женщины съ мужчиной.

[3]) Вообще долговыя обязательства умершаго уплачиваются изъ оставшагося наслѣдства, изъ котораго въ раздѣлъ поступаетъ совершенно свободное имущество.

Изложеніе самыхъ правилъ раздѣла отличается тѣмъ же характеромъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ шаріата. Мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ по этому вопросу оригинальны, напримѣръ: безвѣстное отсутствіе наслѣдника одними законовѣдами ограничивается срокомъ въ 10 лѣтъ, другими срокомъ въ 60, 80, 90 и наконецъ въ 120 лѣтъ, считая со дня рожденія отсутствующаго, такъ что, въ случаѣ исчезновенія даннаго субъекта на 30 году отъ рожденія, нужно ожидать для раздѣла его наслѣдства еще 90 лѣтъ. Но болѣе принятое мнѣніе сокращаетъ этотъ срокъ до 80 лѣтъ, считая въ томъ числѣ и годы отъ рожденія до исчезновенія.

Беременность женщины во время смерти собственника даетъ ей право наслѣдства и на имѣющаго родиться ребенка, долю котораго учитываютъ долею мальчика; если же родившееся дитя окажется дочерью, то половина отчисленной доли дѣлится между прочими наслѣдниками; если ребенокъ родится мертвымъ, то матери его прибавляется третья часть изъ доли, предназначавшейся ожидаемому мальчику. При этомъ странны мнѣнія мусульманскихъ законовѣдовъ относительно продолжительности беременности женщины: Абу-Ханифа допускаетъ двухгодичную продолжительность беременности, Имамъ Шафій признаетъ четырехгодичный періодъ, а Аль-Зухри—даже семилѣтній. Но съ другой стороны всѣ законовѣды, въ интересахъ ребенка, считаютъ законнымъ его рожденіе и черезъ шесть мѣсяцевъ по смерти отца.

Такъ какъ самъ Мухаммедъ не указалъ въ Коранѣ всѣхъ случаевъ правонаслѣдованія, то въ ученіе о раздѣлѣ наслѣдства вошли разныя дополненія и чисто казуистическія соображенія, съ которыми изучающій мусульманское право молодой студентъ долженъ быть ознакомленъ настолько, чтобы умѣть понять, растолковать и примѣнить къ дѣлу извѣстный случай наслѣдія, изложенный въ наукѣ о раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества. Въ этомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе многоженство съ его родственными связями и право разныхъ лицъ на совмѣстное единовременное наслѣдованіе. Достаточно сказать, что сунниты насчитываютъ 12 степеней наслѣдниковъ по назначенію, 4 степени наслѣдниковъ по праву и, кромѣ того, боковыхъ наслѣдниковъ черезъ женщинъ. Затѣмъ трудность составляетъ самое опредѣленіе степеней родства и условій, при которыхъ лицо устраняется отъ наслѣдства или когда уменьшаются его права въ наслѣдствѣ. Сюда же относятся: духовныя завѣщанія, опека и опекуны, способы отчужденія собственности, условія перехода наслѣдства отъ одного лица къ другому и т. п.

На основаніи изложеннаго, должно признать прежде всего тотъ очевидный фактъ, что мусульманская школа въ Средней Азіи, въ отношеніи своей программы и внутренней организаціи, такъ же ориги-

нальна и самобытна съ исторической точки зрѣнія, какъ и древняя русская христіанская школа. Зародившаяся, какъ и русская школа, подъ вліяніемъ религіознаго стимула, среднеазіатская туземная школа развивалась и укрѣплялась постепенно при наличности мѣстныхъ бытовыхъ условій, которыя не утратили своего значенія и въ наши дни, а потому она (школа) сохраняетъ свой, такъ сказать, родовой (общемусульманскій) типъ. Въ ней повсемѣстно удерживается одинаковая учебная программа при одинаковыхъ образовательныхъ источникахъ (учебныя книги), чему способствуютъ также постоянныя живыя сношенія ученыхъ мусульманъ Средней Азіи со всѣмъ мусульманскимъ міромъ: многіе туркестанскіе преподаватели (мударрисы) получаютъ или пополняютъ свое образованіе въ мадрасахъ Бухары, всѣ руководствуются въ своей преподавательской дѣятельности учебными и научными изданіями Стамбула, Булака (въ Каирѣ), Индіи и Казани [1]); по временамъ наши мусульмане видятъ заѣзжихъ бухарцевъ, турокъ и арабовъ и сами предпринимаютъ путешествія, кромѣ Бухары, въ Стамбулъ и Мекку чрезъ Каиръ. Отсюда однообразный характеръ среднеазіатской мусульманской школы—схоластическо-религіозный, какъ наслѣдіе среднихъ вѣковъ, а замкнутость мусульманскаго быта обусловливаетъ замкнутость [2]) и неподвижность внутренняго строя мадрасы, точно опредѣленнаго стародавнимъ обычаемъ. Поэтому мы въ настоящее время наблюдаемъ въ туркестанскихъ мадрасахъ тѣ же обычаи и нравы, какіе завѣщаны имъ древностью. Русское административное вліяніе, и по времени недавнее (съ 1867 г.), почти совсѣмъ не коснулось туземной школы, за исключеніемъ поверхностнаго, чисто внѣшняго подчиненія этой школы русской власти, смѣнившей власть бывшихъ мусульманскихъ правителей и казіевъ; во всемъ остальномъ мадрасы продолжаютъ свою самобытную жизнь, какъ было до завоеванія Туркестана русскими.

Теперь настало время измѣненія прежняго положенія дѣлъ, настала потребность въ фактическомъ, а не въ номинальномъ только надзорѣ за мадрасами и мактабами. Если съ 17 октября 1905 года туркестанскіе мусульмане признаны равноправными съ русскимъ народомъ гражданами Россіи, то ясно, что и туземныя школы въ Туркестанскомъ краѣ имѣютъ право на одинаковое съ русскими школами

---

[1]) Въ Ташкентѣ и другихъ городахъ Туркестанскаго края въ послѣдніе годы печатаются литографскимъ способомъ употребительные учебники на мѣстныхъ языкахъ. Теперь есть уже типографіи, открытыя туземцами.

[2]) Замкнутость мусульманской школы отразилась на самой постройкѣ мадрасы, жилыя части которой обращены внутрь двора, образуемаго стѣнами зданія, какъ это видно на рисункахъ

вниманіе къ нимъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, но внимапіе это должно выразиться не въ одномъ внѣшнемъ надзорѣ и таковой же канцелярской отчетноста, какъ практикуется доселѣ, а въ педагогическомъ руководительствѣ самымъ учебно-воспитательнымъ дѣломъ туземныхъ школъ.

Само собою при этомъ разумѣется, что будущіе инспекторы мусульманскихъ школъ въ Россіи, институтъ которыхъ проектировала спеціальная комиссія, собиравшаяся (1905 г.) подъ предсѣдательствомъ А. С. Будиловича, должны быть сами ознакомлены съ учебнымъ курсомъ подчиненныхъ имъ школъ [1]) и имѣть въ виду прежнія упущенія и неправильные взгляды на свои начальническія обязанности, что тормозило приведеніе въ исполненіе закона 1870 года. До сихъ поръ русскіе правительственные инспекторы народныхъ училищъ не создали себѣ авторитета въ средѣ мусульманъ, а во внутренней Россіи, среди татаръ, вызывали явное сопротивленіе даже и внѣшнему, только формальному, подчиненію себѣ этихъ школъ. И мы увѣрены, что никакія принужденія въ данномъ случаѣ не только не допустимы, какъ не согласныя вообще съ русскимъ закономъ, но и безполезны, потому что противорѣчатъ условіямъ органическаго развитія всего живого на землѣ· школа представляетъ собою также живой, духовный организмъ, а потому всякая внѣшняя форма, предлагаемая начальствомъ. но не вытекающая изъ внутренняго содержанія школы, не привьется къ школьному дѣлу, не сольется съ его содержаніемъ. а будетъ оставаться обманчивою личиной, неизбѣжно задержитъ естественный ростъ туземной школы и приведетъ ее къ упадку. Современное естествованіе учитъ, что никакое совершенствованіе, никакое прогрессивное развитіе невозможно при искусственно принятыхъ внѣшнихъ формахъ, при условіи подавленія самобытности и уклоненія организма отъ основного типа; во всемъ органическомъ мірѣ прогрессивное развитіе и ростъ обусловливаются сохраненіемъ самобытности и цѣлостности природы организма; въ организмѣ, лишенномъ возможности продолжать самобытное существованіе вслѣдствіе внѣшнихъ требованій, неизбѣжно появленіе регрессивныхъ измѣненій. И чѣмъ выше природа организма, тѣмъ болѣе внѣшнія формы должны согласоваться съ его сущностью; въ противномъ случаѣ живой организмъ не будетъ способенъ къ дальнѣйшему совершенствованію. Примѣръ неустойчивости русскихъ школьныхъ формъ и малой успѣшности народнаго образованія Россіи по существу служатъ наглядпымъ тому доказательствомъ; чуждыя, заимствованныя съ Запада, формы не привились къ русской школѣ и довели эту послѣднюю до разложенія;

---

[1]) А это возможно только при знаніи арабскаго и мѣстныхъ языковъ.

такія же внѣшнія требованія, не вытекающія изъ сущности мусульманскаго образованія и воспитанія, будутъ еще менѣе продуктивны, потому что онѣ вдвойнѣ чужды туземному быту, складывавшемуся въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ иной религіи, своеобразнаго быта и особыхъ климатическихъ условій. Не достигнетъ цѣли одно требованіе введенія преподаванія русскаго языка въ мусульманской школѣ [1]), а тѣмъ болѣе ни къ чему не приведутъ настоянія на русско-школьныхъ внѣшнихъ порядкахъ отъ учащихъ и учащихся въ туземныхъ школахъ. Насколько мило видѣть малышей и взрослыхъ туземцевъ въ ихъ естественныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ между собою и къ

Студентъ Бухарской мадрасы.

[1]) Не нужно забывать при этомъ глубокаго по смыслу замѣчанія Гете, что на низшихъ ступеняхъ образованности національная ненависть особенно сильна и горяча; но существуетъ ступень, гдѣ она вполнѣ исчезаетъ и гдѣ чувствуешь счастье или горе сосѣдняго народа такъ же, какъ и своего собственнаго. (См. ст. „Къ вопросу о національности вообще и о національномъ языкѣ въ школѣ, въ частности". Русская Школа, № 5—6, май—іюнь 1906 г.).

старшимъ, съ ихъ сидѣніемъ на полу въ пулукругѣ около учителя, и ихъ обычныя формы привѣтствія и почтительности, настолько неестественны ихъ непривычныя подражанія нашимъ школьнымъ порядкамъ, особенно если не въ мѣру ретивый молодой педагогъ будетъ настаивать на соблюденіи этихъ чисто внѣшнихъ формъ сидѣнія, вставанія и т. п. Наша привязанность къ форменной школьной одеждѣ породила въ русскихъ учащихся отвращеніе къ этой одеждѣ, и она не соблюдается часто даже студентами; между тѣмъ какъ туземные школьники и взрослые юноши мадрасы не производятъ своей одеждой отталкивающаго впечатлѣнія: ихъ простой (не одноцвѣтный) халатъ, лѣтомъ замѣняющій учащимся и рубашку, съ чалмой или одной тюбитейкой на головѣ, и мягкіе сапоги (ичеги), а лѣтомъ одни галоши на босой ногѣ идутъ къ учащимся, потому что отвѣчаютъ мѣстному климату и мѣстнымъ обычаямъ. Въ такомъ нарядѣ не стѣсняются быть не только взрослые учащіеся, но и ихъ учителя [1]). Своеобразная манера учащихъ и учащихся сидѣть въ классной комнатѣ, а лѣтомъ на открытой террасѣ съ поджатыми подъ себя ногами, чтеніе на распѣвъ, почтительное отношеніе учащихся къ своимъ учителямъ и вообще къ старшимъ согласованы съ традиціями, освященными временемъ,—и ломать эти обычаи нѣтъ никакой существенной надобности. Нашъ сложный школьный надзоръ за учащимися не достигъ цѣли, а у мусульманъ и безъ него хорошо [2]).

Тѣмъ болѣе курсъ мусульманской школы не можетъ подлежать насильственной ломкѣ, а лишь—упорядоченію системы обученія и обновленію самыхъ знаній въ такихъ наукахъ, которыя не касаются религіозныхъ вѣрованій, каковы: математика исторія, географія и философія. Въ туземныхъ школахъ все консервативно: даже обученіе арабскому языку производится по учебникамъ, освященнымъ временемъ и авторитетомъ ихъ составителей. Словомъ, русскимъ инспекторамъ, завѣдывающимъ мусульманскими школами, не должно забывать общаго закона органическаго развитія; нужно всегда имѣть въ виду вѣковой укладъ туземной жизни, вліявшій на формированіе и развитіе мадрасы.... Если же мы будемъ навязывать туземной школѣ формы, не отвѣчающія потребностямъ народной жизни и вѣковымъ традиціямъ туземцевъ, то или не добьемся никакихъ успѣховъ, какъ было доселѣ, или поставимъ внутреннюю жизнь мадрасы въ такія условія, при ко-

---

[1]) Учащіе и учащіеся носятъ на лѣвой рукѣ серебряное или мѣдное кольцо; но это дѣлается не ради франтовства, а по религіозному чувству, такъ какъ кольцо привозится изъ Медины и предохраняетъ носящаго отъ головной боли. У русскихъ учениковъ въ подобныхъ случаяхъ мотивы другіе ...

[2]) См. ст. Н. И. Ильминскаго: „Ex oriente lux“, напечат. въ Православ. Собесѣдникѣ за 1901 годъ, въ январьской книгѣ.

торыхъ дальнѣйшее развитіе ея будетъ невозможно. И тогда, по принципу самосохраненія, туземная школа, въ лучшемъ случаѣ, будетъ показывать правительственному инспектору одну наружную личину, а подъ своей скорлупой будетъ жить своимъ духомъ и ростомъ, враждебными стремленіямъ нашего министерства... Съ другой стороны теперь настало такое время, когда сами мусульмане начинаютъ сознавать необходимость обновленія и пополненія своихъ учебныхъ программъ: въ низшихъ школахъ (мактабахъ) замѣчаются уже попытки обученія по звуковому методу и составленія новыхъ учебниковъ. Въ мадрасахъ такія стремленія извѣстны пока среди татаръ въ Крыму и Казани; въ Казани и Уфѣ, подъ вліяніемъ примѣра русскихъ школъ, происходили даже вспышки среди учащихся въ мадрасахъ изъ за помѣхи расширить программу учебнаго курса, на подобіе школъ Турціи и Египта [1]). Въ Сиріи (въ Бейрутѣ, Дамаскѣ и Іерусалимѣ) извѣстны арабскія школы съ европейскимъ курсомъ наукъ; въ Константинополѣ существуютъ новыя спеціальныя школы; въ Каирѣ, рядомъ съ Аль-Азхарской мадрасой, дѣйствуютъ учительскій институтъ, школа правъ и управленія, школа искусствъ и ремеслъ, школа египтологіи и др. [2]). Не говоря объ Алжирѣ, въ Индо-китаѣ также пробудилось у туземцевъ стремленіе къ современному европейскому образованію: посѣтившій въ іюнѣ 1906 года Ташкентъ, профессоръ китайскаго языка во французской школѣ въ Ганои (Hanoi) Paul Pelliot лично сообщалъ мнѣ, что индо-китайскіе туземцы, послѣ китайско-японской войны, начали изучать европейскія науки, а французское правительство установило требованіе отъ туземныхъ кандидатовъ на административныя должности нѣкоторыхъ знаній въ современныхъ наукахъ, каковому требованію охотно подчиняются кандидаты на эти должности. Преподаваніе такихъ знаній допускается даже въ туземныхъ школахъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, и афганскій эмиръ озабоченъ реформой туземныхъ школъ... Все это—примѣры и для насъ, на нашей средне азіатской окраинѣ. Мы недавно управляемъ мусульманскою окраиной, но начинать введеніе прогрессивныхъ началъ въ мадрасу и намъ слѣдуетъ, чтобы не выпустить иниціативу изъ своихъ рукъ. Особенно это нужно имѣть въ виду при представленіи о просвѣтительной и политической агитаціи, какую поставили себѣ задачей нѣкоторыя татарскія газеты, появившіяся въ разныхъ городахъ Россіи въ послѣдніе годы. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи нужно отмѣтить печальный фактъ почти полнаго игнорированія съ нашей стороны татарской прессы, замѣтно распро-

---

[1]) Были подобныя же вспышки и въ другихъ мадрасахъ Россіи.

[2]) Древности восточныя. Томъ второй, вып. 3 (Москва 1903). Ст. А. Е. Крымскаго и Б. В. Миллера „Всемусульманскій университетъ“.

страняющей свои листки среди сартовъ и киргизъ и не сдерживаемой въ своихъ противоправительственныхъ порывахъ, вслѣдствіе отсутствія неопредѣленныхъ законовъ о печати... Злоупотребляя такъ называемою „свободою слова", бывшая татарская газета въ Ташкентѣ „Тараккы" печатала рѣзкія, лживыя и возбуждающія статьи, которыя охотно читались туземцами дома, на базарѣ и за предѣлами Ташкента, а въ русскихъ газетахъ почти не встрѣчалось замѣтокъ о современной татарской періодической печати, очевидно, потому, что не придавали ей должнаго значенія... Но это—большая ошибка со стороны русской печати. Издающіися при Императорскомъ Обществѣ Востоковѣдѣнія, журналъ „Міръ Ислама" восполнилъ этотъ недостатокъ и заслуживаетъ за это вниманія и благодарности.

Всего низшихъ туземныхъ школъ (мактабъ) и высшихъ (мадраса) школъ въ Туркестанскомъ краѣ на 1-е января 1913 года считалось:

Въ областяхъ.	Мадрасы.	Учащіеся.	Мактабы.	Учащіеся.
Сыръ-Дарьинской . .	31	862	1411	13118
Ферганской. . . .	184	6535	2559	31112
Самаркандской . .	93	990	2753	20500
Закаспійской . . .	63	719	492	2903
Семирѣченскои .	5	531	75	3231
Итого .	376	9637	7290	70864

Не смотря на столь значительное число мусульманскихъ школъ въ Туркестанскомъ краѣ, большая часть зданій даже мадрасъ совершенно неудовлетворительны: стѣны съ трещинами, дворы грязны, большинство аудиторій (дарсъ-хана) и студенческихъ комнатъ (худжра) безъ оконъ съ плохими дверями. Вмѣсто стеколъ въ дверяхъ чаще всего налѣплена бумага, вслѣдствіе чего учащіеся занимаются въ полумракѣ.

У многихъ мутаваллієвъ (приходорасходчиковъ) не заведены приходорасходныя книги, и получаемые ими вакуфные доходы совершенно не записываются, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности провѣрить правильность ихъ расходовъ.

Во многихъ мадрасахъ численность мударрисовъ и мутаваллієвъ не пропорціонально числу учащихся Вслѣдствіе этого большая часть вакуфныхъ доходовъ уходитъ на учащихъ, въ томъ числѣ и суммы, предназначенныя на поддержаніе и ремонтъ самыхъ зданій. Кромѣ ого, извѣстны и злоупотребленія со стороны мутаваллієвъ и старшихъ мударрисовъ.

Часто въ мадрасахъ проживаютъ студенты преклоннаго возраста лѣтъ 35 и старше. Эти послѣдніе занимаютъ худжры и лишаютъ возможности молодыхъ людей получать высшее образованіе.

Во многихъ мадрасахъ до сихъ поръ существуютъ продажныя худжры, что служитъ причиной постоянныхъ споровъ и раздоровъ.

Особенно большія затрудненія создаются при выборахъ новыхъ мударрисовъ, такъ какъ, обыкновенно, учащіеся, которымъ предоставлено право выбора мударриса, разбиваются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая стремится провести своего кандидата, при чемъ дѣло не обходится безъ подкупа. Особенно такими дрязгами отличаются ферганскія мадрасы.

Всѣ мударрисы единодушно отстаиваютъ неприкосновенность древняго учебнаго курса мадрасы: въ личныхъ бесѣдахъ инспекторовъ съ мударрисами о необходимости введенія въ курсъ мадрасы преподаванія русскаго языка, мударрисы обычно отвѣчаютъ принципіальнымъ согласіемъ, а въ своихъ донесеніяхъ начальству, постоянно указываютъ на отсутствіе въ вакуфныхъ граматахъ основаній къ изученію русскаго языка... Объясняется это тѣмъ, что мударрисы опасаются потерять свой авторитетъ въ глазахъ темной мусульманской среды [1]).

Во всѣхъ мадрасахъ изучаются только древнія науки и по старому методу, а современныхъ наукъ: исторіи, географіи, ариѳметики и т. п въ нихъ не проходятъ. На этой почвѣ въ настоящее время происходятъ большія разногласія между представителями стараго и новаго направленія—между прогрессистами и сторонниками старины. Въ Мин. Внутр. Дѣлъ собирается матеріалъ для обсужденія этого спора въ особой междувѣдомственной комиссіи въ настоящемъ году.

Пожеланіемъ успѣха этой важной по значенію комиссіи я заканчиваю свое „Введеніе“ въ курсъ исламовѣдѣнія.

Ташкентъ.
20 февраля 1914 года.

---

[1]) Только въ настоящемъ году при одной Ташкентской мадрасѣ открылись курсы русскаго языка для учащихся въ этой мадрасѣ муллъ.

Мадрасы гор. Самарканда [1]).

Названія.	Годъ основанія.	Число мудар.	Число муллъ.	Число худжръ.	Колич вакуф
1. Казы Гафуръ . .	804=1401	1	44	21	150 р
Мирза Улугъ Бекъ .	823=1420	2	50	32	1200
Мадраса и-Сафидъ .	902=1496	1	40	28	2500
Шайбанъ-Ханъ . .	932=1525	2	74	31	4500
5. Ширъ-доръ	1026=1617	2	95	60	3000
Тилля-кори	1037=1627	1	130	54	—
Даулятъ Кумбеи .	1212=1797	1	18	9	750
Сеидъ Ахмедъ Ходжа	1232=1816	1	18	9	300
Арифъ-Джанбай. . .	1260=1844	1	50	30	2000
10. Ходжа Зуль-Мурадъ	1261=1845	1	40	22	-
Кукъ Масджидъ . .	1265=1848	1	25	25	—
Адиль Бай. . . .	1276=1859	1	8	8	75
Юсуфъ-Бай . . .	1267=1850	—	—	—	—
Суфи Разыкъ .	Тоже.	1	24	13	нѣтъ.
15. Халифа Хасанъ .	1275=1858	1	22	11	нѣтъ
Рафикъ-Аксакалъ	Тоже.	—	—	—	—
Турды-Али . .	1284=1867	1	20	13	18(?)
Мадраса и нау (Ташбекъ Бай). .	1323=1905	1	60	32	1050
19 Баги-Шамаль . .	1327=190(	1	12	40	-

[1]) Эта таблица печатается въ пополненіе и для исправленія той, какая помѣщена на стр. 171. Цифровыя данныя настоящей таблицы любезно собраны бывшимъ слушателемъ курса по Исламовѣдѣнію въ Ташкентѣ, штабъ-капитаномъ А. П. Смельяновичемъ, которому приношу искреннюю благодарность.

Н. Остроумовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран

Прошлое и современное положеніе Міра ислама . . 5—64.

Мусульманское образовательное движеніе въ Россіи въ XIX и XX столѣтіяхъ . . . . . 65—86.

Мусульманскія школы въ Туркестанскомъ краѣ.

Мусульманскіе мактабы . . . . . 89—118.

Мусульманскія мадрасы . . . . 119—130.

Мадрасы и наука въ Меккѣ . . . . . 130—141.

Мусульманскія науки въ Каирѣ . . . . 141—149.

Мадрасы въ Фецѣ . . . . . 149—160.

Мадрасы въ Персіи . . . . 161—166.

Мадрасы въ Бухарѣ . . . . . 166—171.

Самаркандскія мадрасы . . . . . 171—180.

Мадрасы гор. Коканда. . . . . 181—185.

Мадрасы въ Наманганѣ . . . . 185—187.

Мадрасы въ Ташкентѣ . . . . . 187—192.

Учебный курсъ мадрасы . . . . . 192—214

Мадрасы гор. Самарканда . . . . . 215.

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Нужно исправить:
На	23	стран. *статьи*	*статью*
—	25	— калькуттѣ	Калькуттѣ
—	26	— съ землѣ	къ землѣ
		миръ	міръ
		Но примѣру	По примѣру
		1809	1909
—	34	— высшихъ заведеній	высшихъ учебныхъ заведеній
—	36	— дервитскіе	дервишскіе
—	38	— европевской	европейской
—	44	— останется за нами	побѣда останется за нами
—	53	— текущаго 1812 года	минувшаго 1912 года
—	56	— твердосью	твердостью
		относилось	относились
—	57	— поддерживаютъ	поддерживаетъ
—	58	— также	такъ же
		Столицу Персію	столицу Персіи
—	63	— мусхафовъ	масхафовъ
—	65	— явленіямъ	явленіемъ
—	97	— похожія начертанія	похожія по начертанію
—	99	— ученикъ приказалъ	учитель приказалъ
—	105	— о мактазѣ	о мактабѣ
—	114	— 1812	1883
—	130	— колыбези	колыбели
—	136	— изучаемато	изучаемаго
		книками	книгами
—	141	— Ахзарской	Азхарской
—	151	— сукъектъ	субъектъ
—	153	— не читается	(лишнее слово)
—	157	— Первый годъ	Первый мѣсяцъ
—	158	— учащійся	учащій
—	159	— голосъ признаетъ	признаетъ голосъ
—	161	— уллабъ	туллабъ
—	165	— признанія	призванія

— 167	—	75000	7500
— 172	—	Тилляяри	Тиллякори
— 175	—	съ саду	въ саду
— 179	—	1910	1510
— 180	—	1920	1912
— 181	—	Барадуръ-ходжа	Бахадуръ ходжа
— 183	—	народнаго училища	народныхъ училищъ
— 185	—	Маугумъ-ишанъ	Магзумъ ишанъ
— 186	—	Даніяровъ	Даніяръ
— 189	—	и содержится не очень	и содержится не очень за ботливо
— 205	—	извлеченно	извлеченное
— 212	—	въ Индо-китаѣ	въ Индо Китаѣ
— 213	—	не пропорціально	не пропорціальна
— 215	—	Шайбанъ-ханъ	Шайбани ханъ
		Даулятъ Кушбег	Даулятъ-Кушбеги

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР